

73(2)7
195

А. АХТАМЗЯН

Рапалльская политика

•международные отношения•

А. АХТАМЗЯН

Рапальская политика

*Советско-германские
дипломатические отношения
в 1922—1932 годах*

Издательство «Международные отношения»
Москва 1974

В монографии исследуются межгосударственные отношения Советского Союза и Веймарской республики в рапалльский период, получивший название по месту (Рапалло) подписания первого равноправного советско-германского договора в апреле 1922 года. Автор по-новому освещает рапалльскую политику на основе новейших советских и зарубежных публикаций, а также изученных в Политическом архиве (ФРГ, Бонн) германских дипломатических документов.

Подготовка и заключение Рапалльского договора, Московского (1925 г.) и Берлинского (1926 г.) договоров, дипломатическая борьба вокруг локарнского сговора западных держав, основные итоги советско-германского экономического сотрудничества составляют главное содержание книги. Поединки советских дипломатов ленинской школы — Г. В. Чичерина, М. М. Литвинова и др. — с опытными германскими дипломатами даны в книге в форме живого рассказа на основе уникальных дипломатических записей и воспоминаний.

А. А. Ахтамзян — специалист по истории международных отношений и внешней политики СССР, автор книг «От Бреста до Килия» (1963 г.), «В. И. Ленин и советская дипломатия» (1966 г.); а также ряда других работ.

А $\frac{11101-044}{003(01)-74}$ 2-74

ВВЕДЕНИЕ

Великая Октябрьская социалистическая революция открыла «новую эпоху всемирной истории»¹, новую эпоху в истории международных отношений. С первых дней Октябрьской революции одной из главных сфер государственной деятельности Коммунистической партии и Советского правительства, важной составной частью борьбы советского народа за социализм и коммунизм стала международная политика. Вопрос о внешней политике и международных отношениях стал перед Советским государством с самого начала как «самый главный вопрос»².

Международное значение Октябрьской революции заключается в том, что российский пролетариат под руководством Коммунистической партии впервые в истории человечества совершил социалистическую революцию и дал тем самым великий интернациональный пример преобразования общества. Оно состоит также в том, что Советское государство впервые в истории провозгласило и стало претворять в жизнь новые — справедливые, демократические — принципы международных отношений. Огромную роль в разработке и осуществлении принципов внешней политики Советского государства, в руководстве советской дипломатией сыграл лично В. И. Ленин³.

Уже первые внешнеполитические акты Советского государства как программные документы внешней политики социализма определили ее основные принципы и цели,

¹ В. И. Ленин, Полное собрание сочинений (далее: ПСС), т. 41, стр. 425.

² Там же, т. 37, стр. 153.

³ См. «В. И. Ленин и советская внешняя политика». Ответств. ред. член-корр. АН СССР В. Г. Трухановский, М., 1969, гл. II; «Дипломатическая деятельность В. И. Ленина», М., 1970.

главные направления деятельности социалистического государства на международном поприще. В Декрете о мире, Декларации прав народов России, Декларации прав трудящегося и эксплуатируемого народа в качестве основы государственной политики были впервые провозглашены интернациональные принципы равноправия народов, право самоопределения наций, политика братской дружбы и сотрудничества народов всех стран. «В первом своем декрете — Декрете о мире наша революция решительно отвергла политику грабежа и насилия на международной арене. Именно после Октября в мировой политике образовалось два противоположных направления, две линии — линия мира и свободы народов, олицетворяемая социализмом, и линия войны и порабощения, проводимая империализмом»¹.

Принятый по предложению В. И. Ленина II съездом Советов 26 октября (8 ноября) 1917 г. Декрет о мире осудил империалистическую войну как «величайшее преступление против человечества». Советская Россия призвала народы и правительства ведущих войну государств заключить демократический мир — «мир без аннексий и контрибуций». Ленинское определение аннексии, которое дано в Декрете о мире², отклоняя всякие территориальные захваты и насильственное удерживание народов и наций без их согласия в границах колониальных империй, нанесло решительный удар по колониальной системе империализма. Провозглашение принципа и права самоопределения наций, свободы волеизъявления и равноправия наций, непосредственно вытекающие из принципа интернационализма — идеологии и программного требования коммунистов, — составляет главное содержание Декрета.

В Декрете о мире Советское правительство предложило также капиталистическим государствам установить мирные отношения. В его тексте термин «мирное сосуществование» не встречается, однако стремление Советского государства установить с другими государствами нормальные отношения, основанные на принципе мирного сосуществования государств с различным социально-экономическим и политическим устройством, выражено в Декрете достаточно четко. В заключительном слове по докладу

¹ «О подготовке к 50-летию Великой Октябрьской социалистической революции», Постановление ЦК КПСС от 4 января 1967 г., Политиздат, 1967, стр. 15—16.

² См. В. И. Ленин, ПСС, т 35, стр. 14.

о мире В. И. Ленин подчеркнул: «Мы отвергаем все пункты о грабежах и насилиях, но все пункты, где заключены условия добрососедские и соглашения экономические, мы радушно примем, мы их не можем отвергать»¹. Первые внешнеполитические документы, в особенности Декрет о мире, свидетельствуют о том, что Советское государство провозгласило в качестве принципов своей внешней политики интернационализм в отношениях с народами, ведущими борьбу против империализма и колониализма, и мирное сосуществование в отношениях с капиталистическими государствами².

Борьба Советского государства за утверждение и широкое международное признание демократических, справедливых принципов межгосударственных отношений представляет собой поистине целую эпоху в истории международных отношений. От ленинского Декрета о мире до принятой XXIV съездом Коммунистической партии Советского Союза Программы мира пройден путь, измеряемый половиной века. В течение всего этого времени советская дипломатия последовательно выступает за упрочение международного мира и безопасности, за соблюдение справедливых, демократических норм отношений между государствами. Именно преемственность целей и принципов советской внешней политики обеспечивает действенность и успех ленинского внешнеполитического курса страны.

Реалистической жизненной основой поддержания нормальных отношений между государствами служит ленинский принцип мирного сосуществования государств разных социально-экономических систем. Генеральный секретарь ЦК КПСС Л. И. Брежнев говорил о знаменательном явлении современности: «Ленинская идея мирного сосуществования государств с различным общественным строем одерживает все новые и новые победы в умах людей и в практике международных отношений»³.

В теории и практике современных международных отношений процесс развития и утверждения принципа мирного сосуществования представляет одну из наиболее ак-

¹ В. И. Ленин, ПСС, т. 35, стр. 20.

² Разработку В. И. Лениным принципов мирного сосуществования в интервью иностранным корреспондентам см. А. Ахтамзян, Знаменательные страницы, «За рубежом», № 16 (513), 17—23 апреля 1970 г., стр. 8—10.

³ Л. И. Брежнев, О внешней политике КПСС и Советского государства. Речи и статьи, М., 1973, стр. 488.

туальных проблем, предмет политических, идеологических и научных дискуссий. В связи с развитием и утверждением в практике международных отношений ленинского принципа мирного сосуществования, на наш взгляд, научное и политическое значение имеет исследование генезиса, зарождения ленинской концепции и формирования принципа мирного сосуществования как основы государственной политики в ходе осуществления его во внешнеполитической практике Советского государства. Конкретно-историческое исследование практического воплощения ленинской концепции мирного сосуществования государств социалистической и капиталистической систем позволяет выявить как проблемы и масштабы, так резервы и перспективы политики мирного сосуществования государств противоположных систем. Обобщение богатого опыта двусторонних отношений Советского Союза с наиболее значительными капиталистическими государствами позволяет особенно наглядно показать возможности и перспективы политики мирного сосуществования.

В ряду событий современной дипломатической истории, связанных с проведением политики мирного сосуществования, на протяжении десятилетий внимание политических деятелей, историков и публицистов привлекает опыт длительного мирного сосуществования и сотрудничества Советского социалистического государства и германского буржуазного государства — Веймарской республики в 1922—1932 годах. Это сотрудничество оказалось возможным на основе Рапалльского договора, заключенного между РСФСР и Германией 16 апреля 1922 г. в сложной международной обстановке послевоенного кризиса мировой системы капитализма.

История заключения Рапалльского договора давно привлекает внимание советских и зарубежных историков. В послевоенное время появился ряд исследований историков СССР и ГДР, в которых подробно освещается весь комплекс взаимоотношений РСФСР и Германии в указанный период. В них, в частности, предприняты плодотворные попытки ввести в оборот новые, ранее не известные материалы из советских и немецких архивов, сделаны важные научные выводы¹. Изучены различные аспекты ис-

¹ См. O. Winzer, *Der Rapallo-Vertrag und seine nationale Bedeutung für Deutschland*, B., 1952; F. Klein, *Die diplomatischen Beziehungen Deutschlands zu Sowjetunion 1917—1932*, B., 1952—1953; J. Dieckmann, *Was ist und bedeutet uns heute Rapallo?*

тории этого времени: борьба прогрессивных сил Германии во главе с КППГ за установление дружественных отношений с Советской Россией, политическая борьба в Германии вокруг определения политики в отношении Советской России в 1918—1922 годах, состояние торговых отношений между двумя странами и дипломатическая история заключения Рапалльского договора. Воссоздана довольно подробная картина становления отношений между РСФСР и Германией. Вместе с тем поворот в политике Германии в сторону нормализации отношений с РСФСР, происшедший в конце 1921 — начале 1922 года, излагается во многом еще схематично, недостаточно полно освещаются обстоятельства заключения Рапалльского договора.

Развитие отношений между Советским государством и Германией после заключения Рапалльского договора, то есть собственно рапалльская политика — становление и расширение политического и экономического сотрудничества между двумя странами, пока получило лишь частичное освещение в советской историографии. Историки ГДР предприняли ряд исследований, охватывающих широкий исторический период с 1922 по 1932 год, например отмеченные выше монографии Ф. Клейна и А. Андерле.

Буржуазные авторы уделяли много внимания рапалльскому периоду советско-германских отношений как в 20—30-х годах, так и после второй мировой войны. В Западной Германии, в частности, выпущен ряд книг, посвященных Рапалльскому договору¹.

В., 1961; G. Rosenfeld, Sowjetrussland und Deutschland 1917—1922, В., 1960; A. Anderle, Die deutsche Rapallo-Politik, В., 1962. См. также И. К. Кобляков, От Бреста до Рапалло. Очерки истории советско-германских отношений с 1918 по 1922 г., М., 1954; «Рапалльский договор и проблема мирного сосуществования», М., 1963; И. А. Росенко, Советско-германские отношения (1921—1922), Л., 1965; В. А. Шишкин, Советское государство и страны Запада в 1917—1923 гг., Л., 1969.

¹ См. W. von Blücher, Deutschlands Weg nach Rapallo, Wiesbaden, 1951; H. Helbig, Die Träger der Rapallo-Politik, Cöttingen, 1955; T. Schieder, Die Probleme des Rapallo-Vertrages, Köln — Opladen, 1956; T. Schieder, Die Entstehungsgeschichte des Rapallo-Vertrags, "Historische Zeitschrift" (München), 1967, Bd. 204; E. Laubach, Die Politik der Kabinette Wirth 1921/22, "Historische Studien", Lübeck und Hamburg, 1968, H. 402; M. Walsdorff, Westorientierung und Ostpolitik. Stresemanns Russlandpolitik in der Locarno-Ära, Bremen, 1971; H. G. Linke, Deutsch-sowjetische Beziehungen bis Rapallo, Köln, 1970; F. A. Krummacker, H. Lange, Krieg und Frieden. Geschichte der deutsch-sowjetischen Beziehungen, München, 1970.

Тенденция большинства буржуазных авторов заключается в том, что они принижают значение рапалльской политики для укрепления международного положения Германии после первой мировой войны, пытаются представить рапалльскую политику как выгодную для одной стороны — для Советского государства. Имеются также попытки ограничить отношения рапалльского периода только экономическим аспектом или, напротив, преувеличенно представить отдельные аспекты советско-германского сотрудничества.

Научно-исторический интерес представляет выяснение реальных результатов рапалльской политики, причин, обусловивших отход германских правящих кругов от рапалльского курса, а также момента полного разрыва отношений сотрудничества в духе Рапалло. Империалистические политики и идеологи не раз пытались предать анафеме «нечестивый союз» Германии и СССР и в этой связи представить Рапалло как роковую ошибку Германии. В то же время объективные исследователи, в том числе и буржуазные, видят в Рапалло воплощение идей «мирного сожительства», пример плодотворного политического, экономического и культурного сотрудничества государств противоположных систем.

Чем же было Рапалло в действительности? Каково его реальное политическое и историческое значение? Какие выводы можно и необходимо сделать из рапалльского опыта для современности?

Рапалльская политика представляет собой прежде всего первый в истории опыт установления и поддержания нормальных взаимовыгодных отношений между социалистическим государством и капиталистической державой на основе взаимного признания равноправия систем, принципов мирного сосуществования и сотрудничества без какого-либо ущерба для третьих стран. В. И. Ленин, оценивая политическое значение Рапалльского договора между Советской Россией и Германией для международных отношений периода становления системы социализма, писал: *«Действительное равноправие двух систем собственности хотя бы как временное состояние, пока весь мир не отошел от частной собственности и порождаемых ею экономического хаоса и войн к высшей системе собственности,— дано лишь в Рапалльском договоре»*¹.

¹ В. И. Ленин, ПСС, т. 45, стр. 193.

Для Советского государства рапалльский путь был окончательным выходом из дипломатической изоляции и налаживанием жизненно необходимого экономического сотрудничества с крупной индустриальной страной. Для германского народа Рапалло также было выходом из дипломатической изоляции, ослаблением версальских тисков, в которые была взята Германия после поражения в первой мировой войне. Сотрудничество в духе Рапалло было выгодным и плодотворным для обеих сторон, для жизненных интересов народов двух крупнейших европейских держав.

Историческое исследование всей совокупности материалов и документов, особенно публикаций дипломатических документов, а также архивные изыскания дают ныне возможность для достаточно полной научной оценки реального значения и плодов рапалльской политики. Рапалльская политика, которую можно кратко определить как политику взаимовыгодного политического и экономического сотрудничества Советского Союза и Веймарской республики, охватывает довольно обширный исторический период, когда отношения между двумя государствами строились на основе Рапалло и в духе Рапалло. Хронологическими рамками этого периода, строго говоря, можно считать (если не включать в него предысторию Рапалло) время с 1922 по 1932 год.

В исторической литературе, как в советской, так и в зарубежной¹, нет пока общепризнанной периодизации рапалльской политики. Одни историки прослеживали развитие от Бреста до Рапалло или ограничивались собственно обстоятельствами заключения Рапалльского договора; другие охватывают более обширный период с 1922 по 1926 год, имея в виду время от заключения Рапалльского договора до подписания нового, Берлинского договора; третьи доводят изложение до 1929 года, считая, что последующее развитие не отвечало букве и духу Рапалло.

Нам представляется, что рапалльский период с его предысторией и последствиями охватывает широкую историческую полосу с 1918 по 1932 год. Однако не весь этот период был одинаково плодотворным и ровным. Если период с 1918 по 1921 год можно считать предысторией Рапалло, когда происходил медленный и противоречивый

¹ См. указанные выше монографии советских и зарубежных авторов.

поворот Германии в сторону нормализации отношений с Советской Россией, то период с 1922 по 1926 год можно обозначить как период эффективного действия Рапалльского договора. В 1926 году отношения в духе Рапалло были подкреплены заключением и введением в действие Берлинского договора. Период с 1929 по 1932 год был периодом постепенного отхода германских правящих кругов от рапалльского курса. Но и в это время дух Рапалло существенно влиял на поддержание нормальных дипломатических отношений и взаимовыгодного экономического сотрудничества между двумя странами. Если с 1922 по 1926 год происходило интенсивное дипломатическое сотрудничество и налаживалось экономическое сотрудничество, то с 1926 по 1932 год преобладало экономическое сотрудничество, но и дипломатическое сотрудничество продолжалось. Уже к началу 30-х годов явственно обозначился спад в советско-германском сотрудничестве. Окончательный разрыв рапалльской линии связан с приходом к власти в Германии нацистской гитлеровской партии.

Опыт рапалльского периода советско-германских отношений продолжает привлекать внимание не только историков, но и политических деятелей.

В. Брандт, будучи министром иностранных дел в правительстве «большой коалиции», в октябре 1967 года в связи с отмечавшимся 100-летием со дня рождения В. Ратенау позитивно оценил исторический опыт сотрудничества государств с различными социально-экономическими системами: «Рапалльский договор, — говорил он, — отвечал тогда как германским, так и советским интересам. Рапалльский договор прекращал состояние войны с Россией, он провозглашал экономическое сотрудничество при взаимном благоприятствовании и обещал взаимный отказ от возмещения военных потерь. Многие из тех, кто говорит о Рапалло, не знают этого»¹. Лидер СДПГ В. Брандт, таким образом, считал, что советско-германское взаимопонимание было «естественным процессом», а заключение Рапалльского договора отвечало интересам германского государства. Конечно, необходим исторический подход к Рапалло, то есть понимание его исторической обусловленности. Но его внутреннее содержание, — говорил

¹ Цит. по «За рубежом», № 16(617), 14—20 апреля 1972 г., стр. 24.

В. Брандт,— то есть нормальные и дружественные отношения между Германией и Советским Союзом, и теперь остается задачей, которую нельзя решать по-гусарски, с налета»¹.

В условиях разрядки международной напряженности и существенного улучшения межгосударственных отношений СССР и других социалистических государств с ФРГ исторический опыт мирного сосуществования и взаимовыгодного сотрудничества государств, принадлежащих к разным социальным системам, представляет не только научный, но и практический интерес. Одним из важных факторов упрочения добрососедских отношений между государствами разных систем служит по-прежнему развитие взаимовыгодных экономических отношений, научно-технического и культурного сотрудничества.

Генеральный секретарь ЦК КПСС Л. И. Брежнев во время визита в ФРГ в мае 1973 года отмечал: «Цель политики Советского Союза — не допустить повторения трагедии прошлого»². Выступая по западногерманскому телевидению, Л. И. Брежнев подчеркнул, что Советский Союз стремится к тому, чтобы развивать мирные, взаимовыгодные отношения с ФРГ. «Та Европа, которая не раз была очагом агрессивных войн, принесших колоссальные разрушения и гибель миллионов людей, должна навсегда уйти в прошлое. Мы хотим, чтобы ее место занял новый континент — континент мира, взаимного доверия и взаимовыгодного сотрудничества между всеми государствами»³.

В данной монографии предпринята попытка с учетом исторических исследований дать систематизированное освещение развития отношений между двумя странами за период с 1922 по 1932 год на основе опубликованных советских⁴ и германских⁵ дипломатических документов,

¹ Цит. по «За рубежом», № 16 (617), 14—20 апреля 1972 г., стр. 24.

² Л. И. Брежнев, О внешней политике КПСС и Советского государства. Речи и статьи, стр. 500.

³ Там же, стр. 506.

⁴ См. «Документы внешней политики СССР», тт. I—XV, М., 1957—1969 (далее: «Документы...»); «Советско-германские отношения. От переговоров в Брест-Литовске до подписания Рапалльского договора». Сборник документов, т. I (1917—1918 гг.), М., 1968; т. II (1919—1922 гг.), М. 1971.

⁵ См. Akten zur deutschen auswärtigen Politik 1918—1945. Serie B. (Dezember 1925—Januar 1933), Bd. I—IV, Göttingen, 1966—1970

прессы и мемуаров, но главным образом на основе архивных изысканий, которые автор провел в 1962—1972 годах в Историко-дипломатическом архиве МИД СССР (Москва) и в Политическом архиве МИД ФРГ (Бонн)¹. Для исследования использованы книги и пресса, систематически и наиболее полно собранные в Фундаментальной библиотеке АН СССР (Москва) и в Библиотеке бундестага ФРГ (Бонн). Автор приносит свою благодарность сотрудникам указанных учреждений за содействие научному поиску, а также сотрудникам Института международных отношений за многолетнюю помощь и поддержку научно-исследовательской работы по данной проблематике.

¹ Politisches Archiv des Auswärtigen Amtes (Bonn, BRD) (далее: Polit. Archiv).

**СОВЕТСКАЯ РОССИЯ И ГЕРМАНИЯ
В 1918—1921 ГОДАХ:
ОТ БРЕСТА ДО РАПАЛЛО**

В первые же дни и недели после победы Октябрьской революции Советское правительство приступило к практическому осуществлению провозглашенных принципов и целей во внешней политике. Одной из первоочередных внешнеполитических задач Советского государства был выход из мировой войны путем заключения демократического мира. Обращение Советского правительства к послам союзных с Россией стран и нейтральных государств начать переговоры о немедленном перемирии и заключении демократического мира не получило положительного отклика правительств этих стран. Более того, бывшие союзники России заняли откровенно враждебную позицию в отношении Советской республики, не желая допустить выхода России из войны. В то же время правительство Германии, находившейся в состоянии войны с Россией, заявило о готовности вступить в мирные переговоры. Германский канцлер Гертлинг заявил в рейхстаге 29 ноября 1917 г., что имперское правительство усматривает в предложениях «нового русского правительства» подходящую основу для переговоров о перемирии и мире. Германское правительство предприняло дипломатический маневр, заявив, что оно уважает право народов на самоопределение и готово на этой основе вести переговоры¹. Советское правительство, не получив от союзников России никакого ответа на свое обращение, вступило без них в переговоры с государствами Четверного союза.

Мирные переговоры в Брест-Литовске — это первый в истории опыт дипломатического столкновения государств различных социально-политических систем. Советская программа демократического мира, разработанная на основе ленинского Декрета о мире, на конференции была

¹ См. «Verhandlungen des Reichstags», Bd. 311, S. 3947.

изложена в шести пунктах. Основное содержание советской программы демократического мира — мира без аннексий и контрибуций — состояло в отстаивании права наций на самоопределение. Именно в Брест-Литовске советская дипломатия начала борьбу за утверждение в международных отношениях этого справедливого принципа.

В Брест-Литовске с декабря 1917 по март 1918 года происходила ожесточенная дипломатическая борьба¹ между Советской Россией и Четверным союзом, в который входили Австро-Венгрия, Болгария и Турция, но главную роль играла кайзеровская Германия. Вопреки ясным указаниям В. И. Ленина затягивать до последней возможности переговоры и подписать мир на предъявленных условиях, глава делегации Троцкий, проводя порочную линию «ни мира, ни войны», порвал переговоры². Германские милитаристы воспользовались сделанным 10 февраля заявлением об отказе от подписания мира и, растоптав соглашение о перемирии, развернули 18 февраля 1918 г. широкое наступление против Советской России. В условиях острых разногласий внутри партии, не обладая достаточной военной силой перед лицом германской военной машины, Советская республика была вынуждена принять ультиматум, предъявленный германскими империалистами 21 февраля 1918 г.

Советская делегация, направленная в Брест-Литовск в новом составе, включая Г. В. Чичерина, 3 марта 1918 г. подписала уничижительный насильнический мирный договор с Четверным союзом. Заключение Брестского мира было суровой необходимостью для молодой Советской республики. Его подписание давало определенный выигрыш для Советского государства: используя противоречия между империалистическими блоками государств, республика получила столь необходимую ей мирную передышку. Историческое значение опыта ленинской внешней политики периода Бреста заключается в том, что в сложной международной ситуации в итоге ожесточенного столкновения с империалистическими группировками держав и в ходе острой политической борьбы внутри большевистской партии, борьбы ленинцев против «левых» и троцкистов, Советскому правительству удалось обеспечить жизненные

¹ См. А. Ахтамзян, О брест-литовских мирных переговорах в 1918 году, «Вопросы истории», 1966 г., № 11, стр. 32—46.

² См. «Мирные переговоры в Брест-Литовске», М., 1920, стр. 207—208.

интересы и отстаивать само существование социалистической республики. Заключение Брестского мира было в известном смысле компромиссом, отступлением временным, необходимым и оправданным. Реализм в оценке соотношения сил и умение гибко использовать политические средства для укрепления положения страны — качества, присущие ленинской советской дипломатии, получили именно в период Бреста свое первое применение и развитие.

После заключения Брестского мира Советскому государству пришлось вести сложную борьбу за упрочение своего международного положения. В условиях гражданской войны Советское государство активно противодействовало иностранной военной интервенции и дипломатическими средствами стремилось урегулировать проблемы взаимоотношений с капиталистическими государствами. Советская дипломатия успешно справилась с задачей сохранения мира с Германией благодаря последовательному проведению в жизнь ленинских принципов мирного сосуществования. Мирная передышка оказалась спасительной для Советского государства в борьбе против контрреволюции и интервенции империалистических держав.

«Брест знаменателен тем, — говорил В. И. Ленин, — что в первый раз в масштабе гигантски-большом, среди трудностей необъятных мы сумели использовать противоречия между империалистами так, что выиграл в конечном счете социализм»¹.

Кайзеровское правительство Германии и после того, как оно навязало грабительский мир Советскому государству, продолжало проводить агрессивную политику в отношении Советской России, хотя и пошло на обмен дипломатическими представителями. Германские империалистические круги, особенно военщина, готовили свержение Советской власти в России, вынашивали планы экономического закабаления страны. Накануне своего полного военного и политического банкротства кайзеровское правительство под угрозой применения военной силы в августе 1918 года навязало Советской России так называемое «добавочное соглашение» в порядке «уточнения» грабительского Брестского мирного договора².

¹ В. И. Ленин, ПСС, т. 42, стр. 56.

² Советско-германские отношения с ноября 1917 по ноябрь 1918 года исследованы автором в монографии «От Бреста до Кия. Провал антисоветской политики германского империализма в 1918 году», М., 1963.

Отношения между Советской Россией и Германией и после подписания «добавочных соглашений» продолжали оставаться весьма напряженными. Основная причина этого заключалась в том, что германские правящие круги не отказались от враждебной политики в отношении Советской России. Германское правительство не прекратило поддержку контрреволюционных элементов, обостряло обстановку на Балтике, Кавказе, Украине. Германия не выполняла условий Брестского мира, непрерывно допуская грубые нарушения его постановлений. Осенью 1918 года германские власти особенно широко стали прибегать к насильственной реквизиции продовольствия, скота и имущества населения оккупированных областей. Советское правительство решительно протестовало против хищнического разграбления (областей) страны¹. В октябре 1918 года в результате провокационных действий германского правительства отношения между Германией и Советской Россией еще более обострились. В ответ на непрекращавшееся разграбление германскими оккупантами национального достояния страны Советское правительство было вынуждено приостановить дальнейшую выплату обусловленных финансовым соглашением сумм. Советское правительство предприняло также шаг с целью положить конец безвозмездному вывозу в Германию нефти и нефтепродуктов из Баку, потребовав соответствующей компенсации и одновременно предлагая вступить в официальные переговоры. Однако германское правительство не было намерено даже в сложной обстановке конца октября 1918 года поддерживать нормальные отношения с Советской Россией. Обанкротившиеся правящие круги Германии пошли в начале ноября 1918 года на провокационный разрыв дипломатических отношений с Советской Россией.

Революция в Германии стала одним из главных факторов, изменивших обстановку и позволивших ликвидировать насильнический договор и начать налаживание отношений между Советской Россией и Германией на новой основе. Развитие событий полностью подтвердило правильность ленинской внешнеполитической линии. Брестский договор просуществовал немногим более полугода, и заключение его оправдало себя с точки зрения как национальных интересов Советской России, так и интернациональных задач социализма.

¹ См. «Документы...», т. I, стр. 510—511, 530—531, 543.

Аннулированием Брест-Литовского мирного договора завершается определенный период в отношениях между Советской Россией и Германией, период, когда мирные отношения поддерживались лишь на условиях, навязанных германскими империалистами Советской России. Советское правительство хотело восстановить разорванные по произволу кайзеровского правительства дипломатические отношения с Германией. К этому же стремились революционные массы Германии. Однако возобновление дипломатических отношений между двумя странами было возможно не на основе грабительского неправомерного Брестского мира, а на основе принципов добрососедских отношений и сотрудничества. В сложившейся обстановке ВЦИК и СНК РСФСР приняли историческое решение об аннулировании Брестского мирного договора. В постановлении от 13 ноября 1918 г. за подписями В. И. Ленина и Я. М. Свердлова договор и добавочные соглашения объявлялись уничтоженными: «Брест-Литовский мир насилия и грабежа пал, таким образом, под соединенными ударами германских и русских пролетариев-революционеров»¹. Одновременно Советское правительство предложило установить отношения между двумя странами на равноправной основе: «В основу истинного мира народов могут лечь только те принципы, которые соответствуют братским отношениям между трудящимися всех стран и наций и которые были провозглашены Октябрьской революцией и отстаивались русской делегацией в Бресте»².

Ноябрьская буржуазно-демократическая революция открыла новую страницу в истории советско-германских отношений, создав возможность для установления дружбы и сотрудничества между двумя странами. Революционный подъем германских трудящихся, широкое распространение идей социализма и равноправия наций, провозглашение «социальной республики», образование Коммунистической партии Германии — все это служило основой для налаживания добрососедских отношений между Германией и Советской Россией³. Однако предстояла еще долгая

¹ «Документы...», т. I, стр. 565.

² Там же, стр. 566.

³ Ход революции и расстановку классовых сил см.: В. Д. Кульбакин, Очерки новейшей истории Германии, М., 1962, стр. 65—112; Я. С. Драбкин, Ноябрьская революция в Германии, М., 1967; «Германская история в новое и новейшее время», т. 2, М., 1970, стр. 10—52 (далее: «Германская история»).

и сложная политическая борьба Советского государства и прогрессивных сил Германии за установление добрососедских отношений, налаживание экономического сотрудничества и нормализацию отношений двух стран, глубокие национальные интересы которых настоятельно требовали установления нормальных межгосударственных отношений.

Собравшееся в Веймаре 6 февраля 1919 г. Национальное собрание конституировало создание буржуазной республики. Возникшие в ходе революции Советы рабочих и солдат были лишены всех своих прав. 11 февраля Ф. Эберт был избран президентом республики. Он поручил Ф. Шейдеману формирование первого коалиционного кабинета. В январе — феврале 1919 года внутренняя реакция в Германии совершила поворот, который определил и внешнеполитическую линию: поиски сговора с Антантой против и за счет Советской России. В этой обстановке надежды на нормализацию отношений с Германией стали совершенно ничтожными, однако Советское правительство продолжало внимательно следить за событиями в Германии, откликаясь на все существенные политические повороты и последовательно проводя линию на выполнение своих интернациональных обязательств, диктуемых интересами классовой солидарности. В своей антисоветской позиции правящие круги исходили из того, что сближение с Советской Россией усилило бы влияние коммунистов в Германии и подозрения Антанты в отношении германской политики. Намерения милитаристских кругов точно раскрыл В. И. Ленин, который говорил: «Германские генералы и капиталисты обращаются к союзникам и говорят им: вы хоть и победили нас, но не очень увлекайтесь в ваших экспериментах над нами, ибо и вам и нам грозит мировой большевизм, в борьбе с которым мы можем вам пригодиться»¹.

Уже с самого начала революции в Германии американская и английская дипломатия дали понять германским правящим кругам, что послабления в мирном договоре, а тем более продовольственные поставки в Германию возможны только в том случае, если будет гарантирован «порядок» в Германии.

В течение 1919 года внешнеполитическое положение Советской республики было чрезвычайно сложным. Наряду

¹ В. И. Ленин, ПСС, т. 37, стр. 133.

с очагами контрреволюционных сил большую опасность представляло продолжавшееся вторжение войск империалистических держав США, Японии, Франции и Англии в Сибири и на Дальнем Востоке, на Кавказе и Украине, в Прибалтике и на Севере ¹.

Перед лицом продолжавшейся враждебной интервенционистской политики со стороны Антанты для Советского правительства было особенно важно установить нормальные отношения с Германией, которая как побежденная страна стояла перед империалистическим миром. Однако германское правительство не делало реалистических выводов из своего положения. Советское правительство констатировало в начале января 1919 года: «Дипломатические представители Германии для России не назначены, а дипломатическое представительство России в Германию не допущено» ². Оно потребовало от германского правительства прямого ответа на вопрос, считает ли оно разорванными отношения с Россией или нет. Германское правительство не дало ясного ответа и не пошло на восстановление отношений с Советской Россией. Германское правительство понимало, что отношения между двумя странами не могут считаться нормальными, и в то же время не желало их нормализовать. Министр иностранных дел Германии граф Брокдорф-Ранцау заявил в феврале 1919 года в Веймаре об отношениях с Советской Россией: «У нас теперь нет с нею ни договора, ни дипломатических отношений. Мы находимся с ней в состоянии фактической войны» ³.

Одновременно с усилением репрессий против революционного рабочего класса и жестокими мерами по подавлению революции в самой Германии в начале 1919 года германская военщина развернула активные действия по «борьбе с большевизмом» на оккупированной территории в Прибалтике. В конце января 1919 года командующим немецкими интервенционистскими войсками в Прибалтике был назначен генерал фон дер Гольц, который еще раньше показал себя как яркий милитарист и душитель революционных масс, в частности в Финляндии. Теперь он высту-

¹ См. подробнее А. Ахтамзян, Внешняя политика Советской России в период иностранной интервенции и гражданской войны, гл. III в книге «История международных отношений и внешней политики СССР. 1917—1967», т. I (1917—1939), М., 1967.

² «Документы...», т. II, стр. 7.

³ Там же, стр. 615.

нал в качестве «союзника» контрреволюционных российских белых банд¹.

Западногерманский исследователь Х. Г. Линке признает, что германское правительство надеялось антисоветской политикой заслужить не только поставки продовольствия, но и смягчение условий мирного договора². Весной 1919 года в дипломатическом ведомстве считали, что безукоризненное поведение в отношении Антанты — вот «спасение» для Германии. Германские правительственные круги отвергали восстановление отношений с Советской Россией, во всяком случае до заключения мирного договора с Антантой³.

Для оправдания продолжавшейся враждебной политики и прямой интервенции германских войск против Советской республики германская пропаганда пустила в ход ложное утверждение, что советские войска якобы готовятся к вторжению в Германию. При этом делались ссылки на речь В. И. Ленина на заседании ВЦИК 3 октября 1918 г. В этой речи В. И. Ленин говорил о возможной помощи со стороны Советской России революционной Германии в борьбе против империалистического вторжения: «Близится время, когда обстоятельства могут потребовать от нас помощи освобождающемуся от своего империализма немецкому народу против англо-французского империализма»⁴. 15 февраля 1919 г. НКИД специальной радиোগраммой выступил против злонамеренного искажения позиции Советской республики. В документе было сказано: «...Советское правительство торжественно заявляет германским народным массам, что оно не имеет ни малейшего намерения вторгаться в Германию и вообще совершать на нее какие бы то ни было нападения...»⁵. Германское правительство пыталось скрыть от общественности это заявление Советского правительства⁶. Все обращения и предложения Советского правительства об установлении нормальных отношений германское правительство оставляло без ответа в течение многих месяцев. В этой связи НКИД сделал 17 апреля 1919 г. заявление, в котором напомнил о предложе-

¹ См. А. Норден, Между Берлином и Москвой, М., 1956, стр. 258—293.

² См. H. G. Linke, *op. cit.*, S. 29.

³ *Ibid.*, S. 50.

⁴ В. И. Ленин, ПСС, т. 37, стр. 99.

⁵ «Документы...», т. II, стр. 72.

⁶ См. А. Норден, указ. соч., стр. 238—239.

ниях Советской России по нормализации отношений¹. Весной 1919 года дипломатическое ведомство Германии продолжало разработку планов экспансии в Россию, делая ставку на скорое падение Советского правительства².

Разрыв дипломатических отношений между Германией и Советской Россией означал полное прекращение торговых отношений. В день высылки советского полпредства из Берлина 6 ноября 1918 г. имперский комиссар по импорту и экспорту ответил на запрос гамбургской торговой фирмы: «С учетом политического положения в настоящее время прямые торговые отношения с Великобританией исключены»³. Все же торговый обмен был настоятельно необходим не только для Советской России, но и для Германии. Объективная необходимость для Германии торговли с Советской Россией была очевидна для германских правящих кругов: в этом были заинтересованы многие фирмы. Однако официальные круги Германии выдвигали искусственные препятствия — нежелание признать советскую монополию внешней торговли, ссылки на неприемлемость «мероприятий Советского правительства» против «свободной торговли» и т. п. Не случайно, что вопрос о возобновлении торговых отношений с Советской Россией был в ведении МИД Германии, а не других официальных органов. Германское правительство не устанавливало отношений с Советской Россией по политическим соображениям. Обсуждение проблемы советско-германской торговли в дипломатическом ведомстве в течение всего 1919 года было направлено не на налаживание, а на недопущение торговли с Советской Россией. На запросы торговых фирм официальные органы германского правительства неизменно давали отрицательные ответы.

В германских правительственных сферах взвешивали целесообразность восстановления экономических отношений и не отвергали с порога контакты, однако после каждого такого колебания верх брала линия на отказ от немедленного установления торговых отношений с Советской Россией. Одним из сторонников возобновления торговых отношений к лету 1919 года стал министр иностранных дел Брокдорф-Ранцау. Однако ему не удалось осуществить

¹ См. «Документы...», т. II, стр. 133.

² См. Историко-дипломатический архив (далее: ИДА), ф. 634, оп. 18, д. 43.

³ Цит. по G. Rosenfeld, op. cit., S. 234.

наметившийся поворот к установлению отношений с Советской Россией. Когда Антанта ультимативно потребовала подписать предложенные условия мира в Версале, он вынужден был подать в отставку еще до подписания мирного договора и отойти от дипломатических дел. Правительство Ф. Шейдемана 20 июня 1919 г. вышло в отставку. Президент Ф. Эберт поручил формирование нового кабинета социал-демократу Густаву Бауэру. Новое правительство, составленное на коалиционной основе, было вынуждено принять тяжелые условия мирного договора.

Версальский мирный договор был подписан 28 июня 1919 г. Известны тяжелые условия, возложенные этим договором на Германию. В речи «О современном положении и ближайших задачах Советской власти» 4 июля 1919 г. В. И. Ленин, характеризуя Версальский договор как «недостойный насильственный мир в интересах грабежа и наживы», сравнивал его с брестским диктатом: «Мы стояли перед Брестским миром одинокими, он распался, и на его место явился Версальский мир, который душит Германию»¹.

Позже В. И. Ленин дал развернутую оценку Версальского мира². На VIII Всероссийском съезде Советов в декабре 1920 года В. И. Ленин подчеркивал, что Германия поставлена Версальским договором в условия «невозможные для существования», и делал вывод: «И при таком положении Германия, естественно, толкается на союз с Россией»³. В. И. Ленин подчеркивал, что немецкая буржуазия, вопреки своим классовым интересам, вынуждена идти на установление отношений с Советской Россией и даже на союз с нею, поскольку ее национальные интересы ущемлены до крайности и она ищет выхода из положения⁴.

После подписания Версальского договора германские правящие круги все больше обращают свои взоры к Советской России. Министерство иностранных дел и министерство хозяйства стали взвешивать возможности возобновления товарообмена между немецкими и российскими кооперативами. Это делалось, правда, весьма медленными темпами, и долгое время до практических мер дело не доходило. После ратификации Версальского договора германским президентом было формально прекращено состояние

¹ В. И. Ленин, ПСС, т. 39, стр. 43.

² См. В. И. Ленин, ПСС, т. 41, стр. 217—218.

³ В. И. Ленин, ПСС, т. 42, стр. 104.

⁴ Там же, стр. 105.

войны между Германией и Антантой. 12 июля 1919 г. была отменена блокада Германии. В этой связи отпал последний формальный повод для интервенции и фактической блокады Советской России, поскольку именно войной против Германии обосновывала Антанта свою интервенцию. Теперь Антанта решила объявить блокаду Советской России. Одновременно с обращением к нейтральным странам о присоединении к блокаде Советской России Антанта предъявила такое же требование к Германии. 9 октября 1919 г. Клемансо как председатель мирной конференции направил Германии ноту, которая под предлогом «опасности большевизма» предлагала присоединиться к торговой блокаде Советской республики.

В связи с объявлением Антантой блокады и ее обращением ко всем странам принять активное участие в блокаде Советской России Советское правительство предупредило нотой от 20 октября 1919 г., что, в случае если германское правительство примет активное участие в блокаде, «Российское Советское правительство и народные массы России усмотрят в этом сознательно враждебные действия со стороны Германского правительства»¹.

Министр иностранных дел Германии Г. Мюллер, выступая 23 октября 1919 г. в Национальном собрании, высказался за отказ от участия в блокаде Советской России. В ходе обсуждения вопроса о присоединении к блокаде в Национальном собрании и в его внешнеполитическом комитете в октябре 1919 года были высказаны мнения почти исключительно против присоединения к блокаде².

Германское правительство ответило на ноту Антанты в конце октября, формально отклонив участие в блокаде Советской России³. Хотя Германия формально не присоединилась к торговой блокаде Советской России, она не расширяла торговли с ней вплоть до снятия блокады и возобновления торговых связей западных стран с российскими кооперативами. Только под давлением обстоятельств и конкурентной борьбы с западными странами за рынки германское правительство пошло весной 1920 года на снятие ограничений на торговлю с Советской Россией. Важным фактором возобновления советско-германской торговли было экономическое положение самой

¹ «Документы...», т. II, стр. 265.

² См. G. Rosenfeld, *op. cit.*, SS. 253—254; H. G. Linke, *op. cit.*, S. 86.

³ См. F. Klein, *op. cit.*, S. 75.

Германии, требования деловых кругов и общественности наладить товарообмен с Советской Россией. Состоявшееся 3 марта под председательством Ф. Шейдемана заседание внешнеполитического комитета Национального собрания одобрило решение имперского правительства вступить в переговоры с представителем Советского правительства по вопросу об обмене военнопленными, а также намерение хозяйственных и промышленных кругов послать комиссию в Россию¹.

К весне 1920 года удалось выработать и 19 апреля подписать «Соглашение между РСФСР и Германией об отправке на родину военнопленных и интернированных гражданских лиц обеих сторон». Если в 1919 году отношения между Германией и Советской Россией не шли дальше контактов для решения вопроса о возвращении военнопленных, то с лета 1920 года появились признаки того, что германское правительство пойдет на установление экономических отношений и на урегулирование политических отношений. Но до конца 1920 года отношения между Советской Россией и Германией не вышли за рамки регулирования вопроса о военнопленных. Торговые отношения между Германией и Советской Россией стали налаживаться в первой половине 1920 года. Однако германское правительство, состоявшее из партий «веймарской коалиции» (католический центр, демократы и социал-демократы) и возглавлявшееся с февраля 1919 по июль 1920 года поочередно социал-демократическими лидерами Ф. Шейдеманом, Г. Бауэром и Г. Мюллером, не сделало реальных шагов для нормализации отношений с Советской республикой в полном объеме. Единственной партией, последовательно выступавшей в это время в защиту и поддержку Советской республики, за установление добрососедских отношений с ней, была Коммунистическая партия Германии.

Советские представители в Германии в середине мая 1920 года начали закупку и отправку товаров. Это были в основном медикаменты и сельскохозяйственные орудия². К августу 1920 года было заключено 15 сделок. Необходимость выхода из дипломатической изоляции, а также конкурентная борьба за рынки заставили германские деловые круги, а затем и официальные органы пойти на установление экономических контактов с Советской Россией.

¹ См. W. Blücher, *op cit.*, SS. 97—98.

² См. «Документы...», т. III, стр. 288—290.

Начавшаяся полоса торговых переговоров и заключения договоров Советской России с рядом государств в конце 1920 — начале 1921 года поставила и перед германским правительством со всей остротой вопрос о налаживании экономических отношений с Советской республикой. Вопрос о нормализации отношений между Германией и Советской Россией ставился на обсуждение в рейхстаге несколько раз в течение 1921 года. Министр иностранных дел Симонс, объясняя отказ правительства от немедленного установления дипломатических отношений, выдвигал два совершенно несостоятельных довода: неискупление убийства Мирбаха и деятельность «советских агентов» в Германии. При обсуждении вопроса об отношениях между Германией и Советской Россией в январе 1921 года депутат от КПП Клара Цеткин подчеркнула, что установление дружественных отношений между двумя странами прежде всего отвечает интересам Германии: «Немецкий народ добьется улучшения своего положения только тогда, когда Германия преодолит последствия экономической разрухи и выйдет из состояния политической изоляции. Это может произойти только на путях установления теснейшего союза с Советской Россией»¹. Фракция КПП 12 марта 1921 г. предложила рейхстагу резолюцию о восстановлении экономических отношений с Советской республикой. КПП указывала на необходимость установления дипломатических отношений, жизненную важность для Германии развития экономических отношений с Советской Россией и получения заказов для промышленности².

✧ Политика Германии в отношении Советской России на протяжении 1919—1921 годов представляла собой выжидание исхода противоборства Советского государства с окружающим капиталистическим миром. Вплоть до конца 1921 года с германской стороны не было проявлено серьезного намерения нормализовать политические отношения. При этом желание не нарушать единства действий с западными державами явно приходило в противоречие с жизненными интересами самой Германии. В 1921 году ощутимо увеличился торговый оборот между двумя странами, хотя политические отношения продолжали оставаться напряженными. В начале 1921 года советский представитель по

¹ «Verhandlungen des Reichstags», Bd. 347, S. 2098; «Ursachen und Folgen. Sechster Band», S. 574.

² См. «Rote Fahne», 18 März 1921.

репатриации военнопленных стал официально именоваться «полномочный торговый представитель РСФСР в Берлине». Германские дипломаты стали активнее заниматься проблемами развития отношений с Советской Россией. Германский представитель Шлезингер «по своей инициативе» совершил в январе 1921 года поездку в Ригу а затем в Москву для поиска путей налаживания торговых отношений и возможности установления дипломатических отношений. Уже 4 февраля 1921 г. он совместно с германским представителем в Москве Г. Хильгером сообщил в Берлин, что имеется надежда на урегулирование нерешенных проблем, что В. И. Ленин и Г. В. Чичерин лично занимаются вопросом взаимных отношений двух стран. В конце января 1921 года в Москве был подготовлен проект соглашения о возобновлении торговых отношений с Германией и об обмене торговыми представительствами. 18 февраля 1921 г. между советскими и германскими представителями были согласованы два документа: дополнение к соглашению от 19 апреля 1920 г. и проект соглашения о правах представительств¹. Имелась полная возможность заключить соглашение в кратчайший срок, однако германская дипломатия выжидала исхода переговоров Л. Б. Красса в Лондоне, не решаясь сделать самостоятельный шаг раньше англичан. Противники советско-германского соглашения воспользовались мятежом в Кронштадте, оживившим надежды на падение Советского правительства, чтобы сорвать или затянуть подписание соглашения.

Советско-германский договор был подписан в Берлине в мае 1921 года. В исторической литературе его иногда не совсем точно называют торговым договором. На самом деле и по содержанию, и по политическому значению этот договор выходил за рамки торгового договора. «Временное соглашение между Российской Социалистической Федеративной Советской Республикой и Германией, заключенное в Берлине 6 мая 1921 г.»², прежде всего расширило круг деятельности существовавших представительств, названных в тексте соглашения делегациями. Фактически представительства получили официально функции консульств.

- Временное соглашение не означало полного юридического признания Советской России, однако расширило круг дея-

¹ См. «Akten der Reichskanzlei. Das Kabinett Fehrenbach», S. 605.

² См. «Документы...», т. IV, стр. 99—105.

тельности представительств по делам военнопленных до защиты прав граждан обеих стран, предусматривало учреждение торговых представительств для налаживания экономических отношений между двумя странами, признавало советское представительство и, наконец, регулировало права граждан и вопросы торговли и судоходства, в частности признавало неприкосновенность имущества Советского государства и на территории Германии. * Большое политическое значение имела статья, которая определяла статус представительств. Германское правительство вынуждено было обстоятельствами пойти на заключение соглашения с Советской Россией. К числу факторов, заставивших германское правительство пойти на подписание Временного советско-германского соглашения 6 мая 1921 г., следует отнести провал прямых интервенционистских планов, экономические потребности страны, обострение противоречий с Антантой после подписания Версальского мира и предъявления репарационных претензий, требование широких трудящихся масс установить дружественные отношения с Советской Россией. На IX Всероссийском съезде Советов в декабре 1921 года В. И. Ленин, отмечая достигнутые с Германией соглашения экономического порядка и перспективы взаимовыгодного сотрудничества, с удовлетворением сказал: «Содружество с передовой европейской страной началось»¹.

Поворот в сторону нормализации отношений Германии с Советской Россией не произошел вдруг: он происходил постепенно и довольно медленно, в результате длительной политической борьбы внутри Германии, в ходе которой сталкивались не только противоречивые социальные интересы, но и различные мнения в среде правящих классов. В течение 1921 года в Германии наметился поворот в сторону реализма, некоторой самостоятельности и независимости от Антанты в решении внешнеполитических проблем страны. Выразителями этой жизненной потребности выступили такие деятели, как Й. Вирт, А. фон Мальцан, в определенной мере В. Ратенау, а в военных кругах — генерал Сект. Путь к договорному урегулированию отношений Германии и Советской России открылся в результате действия многих социально-экономических, политических и международных факторов.

¹ В. И. Ленин, ПСС, т. 44, стр. 321.

Процесс налаживания отношений между Советским государством и Германией после окончания первой мировой войны продолжался более трех лет. Советское правительство последовательно выступало за установление добрососедских отношений с Германией. Оно обращалось к трудящимся массам с призывами солидарности и к правительству с предложением урегулировать межгосударственные отношения. Отражение иностранной интервенции и упрочение международного положения Советского государства были главной предпосылкой нормализации его отношений с рядом капиталистических государств, в частности и с Германией.

Ноябрьская буржуазно-демократическая революция привела к определенным социально-политическим сдвигам внутри германского общества. Хотя господство крупного капитала и юнкерства не было устранено, прогрессивные демократические силы германского народа заняли определенные политические позиции, усилилось влияние коммунистов на широкие трудящиеся массы. Социально-политические сдвиги создали условия для борьбы германского рабочего класса за солидарность с первым в истории государством рабочих и крестьян.

Поражение Германии в первой мировой войне и подписание Версальского мира существенно изменили внешнеполитическое положение страны. Единая линия западных держав-победительниц угрожала дипломатической изоляцией Германии и заставляла ее искать политических контактов помимо Антанты. Нормализация отношений с Советской Россией была для Германии жизненной потребностью, однако германские правящие круги склонны были учитывать интервенционистскую позицию Англии и США и весьма осторожно шли на установление отношений с Советским государством. Политико-дипломатическая необходимость выхода из изоляции в конечном итоге заставила германские правящие круги преодолеть обусловленную классовыми интересами отчужденность и враждебность к социалистическому государству.

Оттеснение германской промышленности с мировых рынков западными державами и репарационное бремя заставили германское правительство всерьез взвесить экономические потребности страны и искать надежных экономических контактов. В этом вопросе Советская Россия была одним из важнейших факторов не только для Германии, но и для других европейских держав.

Таким образом, можно считать, что в период 1918—1921 годов под влиянием ряда объективных факторов и политической борьбы складывались предпосылки установления нормальных отношений между Советским государством и Германией на основе принципа мирного сосуществования. Выход Советской России из дипломатической изоляции и установление отношений экономического сотрудничества с капиталистическими странами создал одну из важнейших предпосылок для нормализации отношений между двумя крупнейшими державами в Европе — Советским государством и Веймарской республикой. Эти предпосылки были реализованы благодаря активности советской дипломатии и повороту к реализму германских правящих кругов.

**РАПАЛЛЬСКИЙ ДОГОВОР
1922 ГОДА
(ПОДГОТОВКА И ЗАКЛЮЧЕНИЕ)**

**Экономические и политические причины
поворота Германии к сотрудничеству
с Советской Россией**

Вскоре после подписания Временного соглашения от 6 мая 1921 г. между Германией и РСФСР в германских деловых кругах и в правительстве была выдвинута идея послать на основе ст. XIV соглашения¹ комиссию экономических экспертов в Советскую Россию, чтобы на месте изучить возможности расширения торговых отношений двух государств. В развитие этой идеи 18 июня 1921 г. министерство хозяйства направило Имперскому союзу германской промышленности строго доверительное письмо, в котором говорилось: «Имперское правительство предполагает направить экономических экспертов в Россию, которые должны познакомиться с существующими там хозяйственными условиями. Результаты наблюдений и выводы этих экспертов должны быть изложены в отчетах имперскому правительству с целью рекомендации путей увеличения торгового оборота между обеими странами»². В письме были указаны отрасли, которые могли представлять интерес для германской экономики, названы кандидатуры экспертов и намечены требования к ним. По замыслу правительства количество экспертов должно быть примерно десять. Предполагалось отправлять их группами по два-три человека через определенные промежутки времени на два-три месяца, с тем чтобы в Москве включать их в состав германского представительства. Средства на поездку намечалось получить от предпринимательских союзов, с которыми должны были быть согласованы кандидатуры экспертов.

В ответ на данное письмо многие фирмы немедленно заявили о готовности выделить соответствующих лиц, а

¹ См. «Документы...», т. IV, стр. 104.

² ИДА, ф. 634, оп. 18, д. 44, л. 1.

также оплатить расходы, связанные с поездкой. Правительство назначало экспертов только по рекомендации предпринимательских союзов. Министерство хозяйства строго придерживалось этого правила, тем более что некоторые крупные союзы заявили о недопустимости предпочтения той или иной фирме. Так, 12 августа 1921 г. Союз германских железо- и сталепромышленников предложил решать вопрос об экспертах централизованно, через Имперский союз германской промышленности. Сотни предложений, поступивших в министерство хозяйства с июня по декабрь 1921 года, свидетельствовали о заинтересованности фирм и целых отраслей в изучении возможностей расширения торговли с Советской Россией.

● Поворот в политике германского правительства в сторону практического налаживания экономических отношений с РСФСР, определившийся в конце 1921 года, был подготовлен длительной и сложной борьбой между различными классовыми и политическими силами, а также между группировками в правительственных кругах. Экономические потребности Германии настоятельно диктовали необходимость решить эту проблему. Многочисленные документы германского министерства хозяйства, датированные концом 1921 года, свидетельствуют, с одной стороны, что правительство стало вплотную заниматься вопросами налаживания экономических отношений с Советской Россией, с другой, — что увеличился поток предложений и пожеланий различных фирм относительно участия в освоении российского рынка.

В начале декабря 1921 года министерство хозяйства запросило мнения предпринимателей относительно возобновления торговли с РСФСР. В министерстве особенно внимательно изучали предложения о расширении торговли такими видами товаров, как кожа, текстиль, резина, лес, асбест, табак, желатин, обувь¹. В большинстве ответов на этот вопрос положительно оценивалась идея посылки экспертов, что говорило о заинтересованности германских промышленников и торговцев в расширении деловых контактов с РСФСР. Были, однако, и ответы, в которых ставились предварительные условия, особенно со стороны фирм и объединений, имевших претензии к Советскому правительству в связи с национализацией частной собственности, отменой кабальных долгов и т. п. Хозяйственный комитет

¹ См. ИДА, ф. 634, оп. 18. д. 44, л. 1.

германских судовладельцев в письме министру хозяйства от 6 октября 1921 г. заявил, что не примет участия в посылке экспертов, ссылаясь на то, что Советское правительство отказывается «от возвращения еще находящихся в России германских судов»¹. Однако таких писем было сравнительно немного. И не всегда в них мотивировка сводилась к отказу вообще иметь дело с Советской Россией или к выдвижению предварительных условий. В ряде случаев делались ссылки на ведущиеся уже переговоры с советским торгпредством или на информацию о неблагоприятном состоянии рынка и т. д. Дирекция «Сименс — Шукерт-верке» в письме от 3 ноября, отклоняя кандидатуру эксперта, служившего прежде в филиале концерна «АЭГ» в России, указывала на необходимость воздержаться от посылки представителей фирм, имевших интересы в России до революции, поскольку они займутся восстановлением выгодных им контактов, и предлагала посылать лишь тех дельцов, которые смогли бы позаботиться об «общем» благе: «Немец, имевший ранее дело в России, будет судить о положении в значительной степени с точки зрения восстановления собственного предприятия в России, тогда как представитель германской хозяйственной жизни будет обращать в первую очередь внимание на то, каким путем быстрее и целесообразнее могут быть развиты экономические отношения между Германией и Россией»².

Но большинство промышленных и торговых объединений совершенно недвусмысленно выразили свою заинтересованность в посылке представителей. Разумеется, решающее слово оставалось за наиболее крупными промышленными союзами и министерством хозяйства. К декабрю 1921 года в министерстве были составлены списки экспертов. Однако под влиянием предпринимательских союзов и правительственных инстанций их несколько раз пересматривали и дополняли.

В министерстве хозяйства 2 декабря 1921 г. состоялось совещание с кандидатами, намеченными в качестве экспертов. В результате ряда обсуждений к 22 декабря была подготовлена анкета, включавшая десятки вопросов по разным отраслям экономики³. Представители германской про

¹ ИДА, ф. 634, оп. 18, д. 44.

² Там же, л. 2.

³ См. ИДА, ф. 634, оп. 18, д. 44.

мышленности в первую очередь интересовались условиями сбыта продукции в Советской России. Владелец деревообрабатывающей и целлюлозно-бумажной промышленности подчеркивали, что они «весьма заинтересованы» в ввозе леса из Советской России. «Насколько известно, однако, Советское правительство оставило за собой исключительное право распоряжаться всем вывозом сырого леса». Предпринимателей текстильных фабрик интересовало производство льна, шерсти, хлопка, пеньки, состояние текстильной промышленности, объем потребностей в полуфабрикатах и готовых изделиях. Они были особенно озабочены конкуренцией на российском рынке: лодзинской, английской текстильной промышленности, а также фирм северных стран. «Асбестовая промышленность, — говорилось в анкете, — сильно заинтересована в получении сырого асбеста с Урала. Она в состоянии поставлять в Россию все виды готовой продукции. Каковы перспективы в этом отношении?» Владельцев металлообрабатывающих предприятий интересовали прежде всего месторождения платины, золота, меди, цинка и свинца, а также позиции возможных конкурентов: «переданы ли существенные права на владение или концессии подданным государств Антанты? Имеется ли намерение привлечь немцев для эксплуатации месторождений металлов или дать им долю?». Исходя из предположения, что металлургическая промышленность в РСФСР тогда почти полностью бездействовала, германские предприниматели ставили вопрос: каковы планы привлечения иностранных промышленников, нет ли с другими странами соглашений, подобных заключенному в Берлине¹. Особо интересовала германских промышленников черная металлургия, в частности добыча руды в Кривом Роге, под Керчью и на Урале, состояние доменных печей, прокатных станов, потребности в металле для железных дорог, возможности получения металлолома и марганцевой руды. Представители машиностроительной промышленности запрашивали о производстве и ремонте паровозов, электротехнической — об организации выставки своих изделий. Надо отметить, что владельцы предприятий металлообрабатывающей отрасли к этому времени уже заключили на

¹ Имелось в виду подписанное 7 октября 1921 г. соглашение об учреждении Русско-Германского общества по использованию металлов — «Деруметалл», которому были переданы сбор и вывоз металлолома из Советской России (см. «Документы...», т. V, стр. 724).

свой риск ряд сделок с советским торгпредством на поставку инструментов. «Потребность России в изделиях мелкой метизной промышленности чрезвычайно велика», — подчеркивалось в документе.

Из документа видно, что германские промышленники были не только крайне заинтересованы в сырье и в сбыте продукции: они стремились добиться монополии на российских рынках.¹ Их планы строились в значительной степени в расчете на скорое падение Советской власти, и с помощью экспертов они надеялись сразу получить если не контроль, то во всяком случае свободный доступ во все отрасли народного хозяйства РСФСР.²

В декабре министерство хозяйства, наконец, завершило подготовку списка экспертов. В его фондах сохранился документ, в котором перечислен персональный состав группы и указаны организации, рекомендовавшие экспертов. Бывший статс-секретарь А. Мюллер, представитель Имперского союза германской промышленности, был предложен экономико-политическим комитетом Имперского экономического совета; депутат рейхстага О. Гуго — Имперским союзом германской экспортно-импортной торговли; представитель концерна «Гуго Стиннес» К. Ферман — Имперским союзом германской промышленности; эксперт по сельскохозяйственным машинам Э. Мельхозе — Союзом сельскохозяйственных машин и оборудования; эксперт по Южной России В. Бернштейн — Внешнеторговым союзом; эксперт по коже К. Рейсиг — Центральным союзом германской кожевенной промышленности и торговыми палатами Лейпцига, Вормса и Эссена; эксперт по транспорту К. Шиллер — экономико-политическим комитетом Имперского экономического совета; эксперты по метизам Г. Кортс и Л. Даум — Промышленным союзом изделий из железа и стали (Эльберфельд)¹. Руководителем группы намечался А. Мюллер, занимавший в то время должность университетского профессора. На него возлагалось также составление обобщающего отчета о результатах поездки. На Мюллера возлагалась задача «представить обобщающий отчет о нынешнем состоянии социальных, хозяйственных и политических условий в России»². Для этого он должен был выехать в Москву одним из первых и оставаться там до завершения дел всеми экспертами. В декабре 1921 года германское ми-

¹ См. ИДА, ф. 634, оп. 18, д. 41.

² Там же.

нистерство хозяйства вело подготовительную работу к отправке группы экспертов в Советскую Россию. Однако ни один из них ни в декабре 1921, ни в январе 1922 года в Советскую Россию не отправился. Тем временем первоначальный состав экспертов претерпевал изменения. В списке, переданном от имени министра хозяйства Съезду германской промышленности и торговли 25 января 1922 г., было указано только девять имен (А. Мюллер, О. Гуго, Ф. Бойстер, К. Рейсиг, Э. Дамм, В. Бернштейн, К. Ферман, Э. Мельхозе, К. Шиллер), затем по рекомендации Имперского союза германской промышленности и других организаций список был дополнен, и число экспертов достигло 12. Судя по переписке, хранящейся в архиве министерства хозяйства, большинство экспертов смогло выехать в РСФСР в июне — августе 1922 года. Причины задержки, как свидетельствуют документы, не были связаны с оформлением въездных виз советской стороной. Напротив, дело тормозилось в германском министерстве иностранных дел. Согласно документам, первыми должны были отправиться в Советскую Россию А. Мюллер, О. Гуго, Ф. Бойстер. 28 января министерство иностранных дел Германии уведомило министерство хозяйства, что советские визы для этих трех лиц получены. Однако оформление их служебных паспортов затянулось на весь февраль. А. Мюллер выехал из Германии, по-видимому, не раньше 25 февраля. Первое письмо из Москвы в Берлин он отправил только 13 марта, подчеркнув, что это еще не отчет в собственном смысле слова, поскольку времени и данных для его составления было недостаточно. «Первые члены комиссии по изучению состояния русской хозяйственной жизни, — писал он, — теперь уже десять дней находятся в Москве»¹. В письме сообщалось, что германские эксперты приехали в советскую столицу 2 марта.

Ознакомление с экономикой РСФСР «комиссия» Мюллера начала с установления контактов с ее «знатоками», не состоявшими в Коммунистической партии, но служившими в тех или иных хозяйственных организациях. «С официальными учреждениями, — писал Мюллер, — мы пока еще не вступали в контакт. Во-первых, потому что мы приехали в такое время, когда русские были сильно заняты партийно-политическими делами, во-вторых, потому что считали необходимым получить некоторое представление и ориен-

¹ ИДА, ф. 634, оп. 18, д. 44, л. 1

тацию, прежде чем искать контактов и возможности вступить в прямые беседы с коммунистическими хозяйственными политиками»¹. Главное, подчеркивал Мюллер, — это «умение ждать», что же касается отчета, то его можно будет прислать только через «продолжительное время». В конце марта О. Гуго и Ф. Бойстер сочли свои задания выполненными и стали готовиться к отъезду. А. Мюллер еще некоторое время оставался в Москве, затем посетил Петроград и вскоре после этого также уехал в Германию.

Германские власти намеревались направить экспертов в РСФСР без какой-либо огласки, однако в печать начали просачиваться некоторые сведения². После этого представители многих фирм стали обращаться в министерство хозяйства, ссылаясь на сообщения в прессе. Видимо, в этой связи министр хозяйства 7 марта 1922 г. писал в министерство иностранных дел: «Имперское министерство хозяйства на состоявшемся недавно совещании с отъезжающими в Россию экспертами высказало настоятельную просьбу, чтобы об этой поездке ничего не было вынесено на публику. Несмотря на это, в германской, как и в иностранной прессе, появились сообщения об отъезде некоторых экспертов. Я имею основания полагать, что эти сообщения попали в печать через самих экспертов. Считаю эти сообщения прессы вредными для дела и прошу немедленно телеграфировать германскому представительству в Москву, чтобы оно предупредило посланных или посылаемых министерством хозяйства экспертов, чтобы они не сообщали общественности о своей деятельности в России и ограничивались только служебными отчетами»³.

Таким образом, как следует из документа, германское правительство не считало группу экспертов официальной делегацией или экономической миссией. Последние рассматривались лишь как специалисты по отдельным отраслям экономики, входившие в состав германского представительства в Советской России. В некоторых документах министерства хозяйства, разъяснявших цели поездки экспертов, наряду со словами «познавательная поездка» («*Studienreise*») проскальзывало выражение «разведывательная работа» («*Aufklärungsarbeit*»). Перед германскими представителями не ставились какие-либо задачи налажи-

¹ ИДА, ф. 634, оп. 18, д. 44, л. 2.

² См. «*Deutsche Tageszeitung*», 24. Febr. 1922.

³ ИДА, ф. 634, оп. 18, д. 44.

вания деловых контактов и ведения переговоров с советскими учреждениями. Их деятельность ограничивалась изучением состояния хозяйства Советской России. »

Первым более или менее обстоятельным отчетом о поездке экспертов в Советскую Россию следует считать тот, который был составлен в апреле — мае 1922 года О. Гуго¹. Его содержание представляет определенный интерес, особенно в той части, где делаются выводы о германской политике в отношении Советского государства. Однако ни письма А. Мюллера, ни отчет О. Гуго не имели решающего значения для установления дипломатических отношений с РСФСР. »

После устных сообщений официальным лицам об итогах своей поездки О. Гуго составил письменный отчет, который затем был отпечатан типографским способом. Поскольку в литературе встречались лишь ссылки на статью О. Гуго об отношениях между Германией и РСФСР², но не самый текст его отчета, целесообразно подробнее его рассмотреть. Документ, снабженный грифом «доверительно», назван «Отчет депутата рейхстага д-ра О. Гуго об экономическом положении в России» и датирован маем 1922 года³. В предварительных замечаниях автор указывает, что его отчет представляет собой изложение впечатлений и выводов от поездки, состоявшейся в феврале — марте 1922 года. «Цель поездки, — пишет он, — состояла в том, чтобы провести хозяйственные наблюдения. Соответственно этому отчет и ограничивается характеристикой хозяйственного положения и вытекающих из этого последствий для будущих отношений». »

Для анализа советско-германских отношений особенно примечателен заключительный раздел отчета, озаглавленный «Возможные выгоды», в котором формулируются выводы для германской хозяйственной политики по отношению к Советскому государству. Здесь указывается: «Не подлежит никакому сомнению, что русский рынок в отношении потребностей обладает почти неограниченной способностью поглощения». Однако автор отчета сомневался в платежеспособности Советской России. Такое заключение делалось вопреки реальным фактам о наличии значительных сырьевых запасов в Советской России (в чем герман-

¹ См. ИДА, ф. 634, оп. 18, д. 43.

² См. В. А. Ш и ш к и н, указ. соч., стр. 267—268.

³ См. ИДА, ф. 634, оп. 18, дд. 41, 43.

ские эксперты могли убедиться даже за время своего непродолжительного пребывания в РСФСР). Во время поездки в Петроград германские представители установили, что там имеются запасы лесоматериалов объемом в 85 тыс. стандартов; ими была отмечена реальная возможность получения льна, пеньки, кож, нефти и руд. О. Гуго полагал, что не следует прекращать усилий для овладения российским рынком: падение Советской власти неизбежно, считал он, и в этом случае перед германским капиталом открылись бы неограниченные возможности в использовании российских сырьевых и прочих ресурсов. Главное препятствие для немедленного и широкого выхода германского капитала на российский рынок германские предприниматели видели в «политических ограничениях», введенных Советским правительством, и прежде всего в монополии внешней торговли.

Единственное «спасение России» О. Гуго видел в признании ее правительством своей хозяйственной несостоятельности и предоставлении «свободы рук» иностранным капиталистам. Он предлагал потребовать гарантий для деятельности иностранных капиталистов в Советской России и даже полной ликвидации «государственного хозяйства, которое лишь парализует и убивает экономику».

Смысл отчета О. Гуго сводился к следующему: в интересах Германии надо налаживать экономические отношения с РСФСР, добиваясь одновременно от Советского правительства предоставления таких условий, при которых в конечном счете в России был бы восстановлен капитализм. Именно такая точка зрения и преобладала в правящих кругах Германии.

Как видно из документов, деятельность экспертов под руководством А. Мюллера не получила положительной оценки германских представителей в Москве. И после возвращения Мюллера в Германию не было отмечено каких-либо позитивных результатов «миссии». Таким образом, можно считать, что в период до заключения договора в Рапалло «миссия» экспертов не увенчалась каким-либо успехом, который бы повлиял на развитие советско-германских отношений¹.

В связи с этим возникает вопрос: какие же мотивы действительно сказались на развитии отношений Германии с

¹ Версия и мнения относительно миссии А. Мюллера см. А. Ахтамзян, Из истории германской внешней политики накануне Рапалло, «Вопросы истории», 1972 г., № 1, стр. 66 и след.

Советской Россией? Представляется, что такими мотивами и соображениями были, несомненно, положение и экономические потребности самой Германии. Принимая принципиальное решение расширить торговые связи и нормализовать политические отношения с Советской Россией, германское правительство исходило из того, что Германия может найти здесь емкий рынок сбыта своей продукции и получить некоторые виды сырья. Однако детализированную картину перспектив развития хозяйственных связей с Советской Россией оно смогло получить лишь после заключения общего договора.

Изучение сотен заявок и предложений, поступивших в министерство хозяйства от отдельных фирм и союзов предпринимателей с лета 1921 до весны 1922 года, показывает, что получение рынков в Советской России (в условиях почти полной потери доступа на западные рынки) рассматривалось большинством предпринимателей как настоятельная потребность и экономическая необходимость, как единственный выход из тупика. Среди предпринимателей это мнение разделяли не только те, кто и до войны имел торговые отношения с Россией, но и те, кто лишь надеялся установить их. В связи с посылкой экспертов в РСФСР многие фирмы и союзы предпринимателей подчеркивали свою заинтересованность в российском рынке и требовали, по существу, только твердых гарантий сделок и возможных кредитов. Это отчетливо прослеживается по конкретным предложениям германских предпринимателей и коммерсантов, поступившим как в связи с поездкой экспертов, так и в процессе подготовки к Генуэзской конференции.

Министерство хозяйства в феврале 1922 года обратилось с новым запросом к фирмам и объединениям. Вопросы министерства хозяйства были обобщены в записке от 15 февраля 1922 г. На их основе были выработаны рекомендации, которые сводились к следующему: выяснить, какие фирмы поддерживали до войны деловые отношения с Россией и какие заинтересованы в них теперь; установить, какие товары и в каком количестве могут поставляться в Россию, учитывая, что торговля с западными странами в прежнем объеме невозможна; составить перечень предприятий в РСФСР, находившихся прежде в собственности германских подданных. В этом документе также указывалось: «По возможности действовать так, чтобы еще до начала переговоров в Генуе ускорить заключение договоров с российским экономическим представительством

в Берлине. Предложения делать по возможности достоверно. Если в Генуе дело дойдет до учреждения международного синдиката для экономического освоения России, то уже существующие договоры должны остаться в неприкосновенности. Поэтому настоятельные германские интересы требуют, чтобы договоры такого рода были заключены. Предположительно Германия будет участвовать в синдикате лишь определенной процентной ставкой, которая не соответствует ее географическому положению и ее прежним экономическим отношениям с Россией»¹.

Из ответов, поступивших в министерство вплоть до конца марта, наиболее ценными с точки зрения характеристики заинтересованности германского капитала в российском рынке и выявления противоречивых тенденций в правящих кругах Германии представляются записки некоторых групп промышленников — лесобумажной, лакокрасочной и асбестовой промышленности, а также торговцев мехами. В ответ на запрос министерства хозяйства уполномоченный внешнеторгового ведомства ответил 20 февраля 1922 г., что ряд фирм целлюлозно-бумажной промышленности («Цельштофф фабрикаен Вальдхоф — Маннгейм», «Хёш-Пирна унд Оффенхаймер» (Окрифель), бумажная фабрика «Закран») имел торговые отношения с Россией до войны: «Названные целлюлозные фабрики имели в России большие лесные владения и лесные концессии, фабрика «Вальдхоф — Маннгейм» владела, кроме того, разрушенной в ходе войны целлюлозной фабрикой Пернау под Ригой и большой фабрикой в Петербурге, которая сохранилась, хотя, по-видимому, бездействует. Надежды на то, что эта фирма вернет свою собственность, чрезвычайно незначительны, попытки, предпринятые в этом направлении до сих пор, были безрезультатны»². Понимание нереальности требований вернуть бывшую германскую собственность было более типичным для большинства германских капиталистов, нежели те настроения, которые отразились в упомянутых выше требованиях судовладельцев. Что же касается возможностей сбыта бумаги в Советской России, то фабриканты учитывали, что до войны главным поставщиком бумаги в Россию была Финляндия, которая сохраняла свою конкурентоспособность. Поэтому они были заинтересованы не столько в сбыте

¹ ИДА, ф. 634, оп. 18, д. 42, лл. 5—6.

² Там же, д. 43.

продукции, сколько в русском лесу. Фабриканты бумаги готовы были пойти даже на встречные поставки машин, если не удастся добиться авансовых поставок леса. В то же время они весьма осторожно шли на поставки товаров в обмен на предоставление им лесных концессий. Риск товарных поставок эти фирмы готовы были взять на себя только совместно с правительством. Заинтересованность германских фабрикантов в русском лесу проявилась в создании 28 марта 1922 г. торгово-промышленного общества «Двина» (Бремен — Архангельск). Его правление сообщило министерству хозяйства 5 апреля 1922 г., что оно заключило с советскими властями соглашение относительно «чрезвычайно ценных лесных концессий на севере»¹.

Комитет лакокрасочной промышленности представил министерству хозяйства 3 марта 1922 г. сводку ответов заинтересованных фирм, подготовленную для германских представителей на конференции в Генуе. Отмечалось, что до войны возможности германской лакокрасочной промышленности сбывать свою продукцию в России были ограничены английской конкуренцией и что после войны лишь единичные фирмы установили деловые контакты с Россией. Представители этой отрасли подчеркивали настоятельную необходимость налаживания отношений с РСФСР: «Германская лакокрасочная промышленность заинтересована в том, чтобы получать из России льняное масло, бензин и асфальт»². На вопрос о том, какие виды товаров и в каких количествах может поставлять германская лакокрасочная промышленность в Россию, промышленники отвечали: «Для восстановления России необходимы все виды продукции, лаки, олифа, лаковые краски и масляные краски. Подобно тому, как потребность России в этом отношении неограниченна, неограниченны возможности поставки этих видов продукции лакокрасочной промышленностью. Германская лакокрасочная промышленность может обеспечить поставки любого желаемого количества по отдельным видам продукции». Примечательно, что, по сведениям комитета лакокрасочной промышленности, до войны только одна фирма «Людвиг Маркс» (Майнц) имела фабрику лаков в Петербурге. Готовность промышленников этой отрасли восстановить деловые отношения с Советской Рос-

¹ ИДА, ф. 634, оп. 18, д. 43.

² Там же, л. 12.

сией была почти безоговорочной: претензии на реституции они не выдвигали.

Сложившееся в литературе представление о том, что все фирмы, имевшие до войны деловые отношения с Россией, были заинтересованы в восстановлении контактов, не вполне точно. Многие из фирм падеались больше на восстановление своей собственности в России. Поэтому они выдвигали разнообразные предварительные условия и готовы были действовать солидарно с капиталистами других стран. В то же время отрасли и предприятия, лишившиеся рынков сбыта на Западе, энергично стремились проникнуть на российский рынок. Все дело для них сводилось к государственным гарантиям операций с Советской Россией, и у них не было оснований для выдвижения каких-либо условий. Это, естественно, облегчало установление торговых связей между германскими фирмами, ранее не имевшими доступа на российские рынки, и советскими торговыми учреждениями.

В письмах отдельных фирм и предпринимателей, направленных в Союз германских фабрикантов лаков, весьма решительно подчеркивалась заинтересованность в российском рынке. Так, в письме руководителя фирмы «Вельферт и Хайнрих» (Штеттин) Э. Вонфеста от 23 марта 1922 г. говорилось: «Я считаю, что отношения с Россией являются для нашего отечества жизненным условием, причем, если будут созданы гарантии оплаты в установленном порядке, следует равно развивать отношения во всех направлениях: как с большевистским государством, так и с кооперативами. Было бы желательно, чтобы не отдельные фирмы снимали сливки, а имело место свободное состязание, если вообще дело дойдет до сбыта в большом масштабе»¹. В письме председателя Союза германских фабрикантов лаков Л. Манна, направленном в начале апреля в германское внешнеторговое ведомство, подчеркивались выгоды от налаживания торговых отношений с советскими организациями: «При совершенно необычайной потребности, которую испытывает Россия в наших товарах, мы надеемся, что могут быть осуществлены весьма крупные сделки, благодаря чему в Германию поступали бы огромные суммы»².

Таким образом, фабриканты лакокрасочной промышленности совершенно определенно выразили свою заинтере-

¹ ИДА, ф. 634, оп. 18, д. 43, л. 12.

² Там же.

ресоавность в налаживании торговых отношений с РСФСР без каких-либо оговорок или предварительных условий, кроме гарантии оплаты поставок.

Несколько иначе ставили вопрос предприниматели асбестовой промышленности. Откликаясь на запросы министерства хозяйства, они выразили сомнения в возможности налаживания деловых отношений с «существующим (в Советской России. — А. А.) правительством». В письме фирмы «Метцлер асбестверке» от 15 февраля 1922 г. в министерство хозяйства сообщалось, что переговоры с советским торгпредством в Берлине не увенчались успехом, потому что русские предлагают сырой асбест, но отказываются приобретать изделия из асбеста. Автор этого письма делал следующий вывод: «У меня сложилось впечатление, что сделки по асбесту с помощью сегодняшнего русского правительства или через него едва ли осуществимы и что взаимные договоры, если бы они были заключены, практически были бы недействительны»¹.

Через неделю, 23 февраля, в министерство хозяйства было направлено доверительное письмо объединения германской асбестовой промышленности, в котором характеризовалось состояние германо-русских отношений в этой области. До войны Германия ввозила значительную часть сырья с Урала и вывозила различные виды продукции. Возникшие незадолго до войны российские асбестовые предприятия, по мнению германских предпринимателей, не были способны удовлетворить внутренний спрос. Действительно, ряд германских фирм — «Асбест-унд гуммиверке Альфред Кальмон» (Гамбург), «Асбестверке Луи Вержайм» (Франкфурт-на-Майне), «Метцлер асбестверке», «Ферайнигте асбестверке Данко—Ветцель унд К°» (Дортмунд) и др. поставляли свою продукцию в Россию. Признавая заинтересованность в российском рынке, объединение асбестопрмышленников ставило вопрос так: «Германская асбестовая промышленность была бы вполне в состоянии заключить договоры с Советским правительством. Ввиду неопределенных условий в России она хотела бы, конечно, получить все необходимые гарантии»².

Особую заинтересованность в торговых отношениях с Советской Россией выразили торговцы мехом. В июне 1921 года между торговым представительством РСФСР и

¹ ИДА, ф. 634, оп. 18, д. 43, л. 12.

² Там же, л. 13

германскими фирмами было заключено соглашение о продаже российских мехов с аукциона в Лейпциге, где в сентябре того же года было продано мехов, по германским сведениям, почти на 83 млн. марок¹. Оставшиеся на складе товары на сумму примерно в 300 млн. марок предполагалось продать на мартовском аукционе. Указывая на заинтересованность почти 100 фирм в торговле российскими мехами, союз торговцев мехом обращался с просьбой «в предстоящих переговорах особо подчеркнуть, что возобновление более года назад деловых отношений германских потребителей меховых товаров из России дало наилучший успех, так что при заключении возможных государственных договоров следовало бы на это, безусловно, обратить внимание»².

При изучении различных доверительных и закрытых официальных документов выясняется, что в ходе подготовки к Генуэзской конференции германская дипломатия и хозяйственные органы наряду с опросом союзов предпринимателей и отдельных фирм об их заинтересованности в торговле с РСФСР разрабатывали мероприятия, направленные на глубокое проникновение в экономику Советской России. К этим мероприятиям относились попытки предъявить претензии по поводу национализации собственности германских капиталистов на территории Советской Республики, попытки если не добиться отмены монополии внешней торговли, то как-то обойти ее, обеспечить единство действий германских фирм в борьбе против иностранных конкурентов, а также использовать концессии для укрепления позиции германского капитала в экономике России. С этой целью уже в начале 1922 года и предприниматели, и дипломаты настойчиво рекомендовали создать представительство германской промышленности в Москве, использовать малые страны Европы в качестве союзников или партнеров в борьбе за овладение российским рынком.

О том, что германские правительственные органы втайне искали путей обхода монополии внешней торговли, свидетельствует обращение министерства иностранных

¹ В годовом отчете НКВТ РСФСР IX съезду Советов в декабре 1921 года отмечалось: «Организованный берлинским Представительством Лейпцигский аукцион мехов прошел с выдающимся успехом... В течение трех дней почти весь товар был продан на сумму 82 млн. германских марок» («Документы...», т. IV, стр. 749).

² ИДА, ф. 634, оп. 18, д. 41.

дел Германии в рейхскапцелярию и в министерство хозяйства в связи с полученным от германского представительства в Москве отчетом от 13 января 1922 г. Со ссылкой на «весьма надежное доверенное лицо» представительство сообщало, что бывшие русские купцы (Карцев, Баранов, Бордигин, Востряков, Корзинкин, Лопатин и др.) поставили перед Госбанком вопрос об учреждении общества экспортно-импортной торговли с Германией, требуя, ни мало ни много, прямого товарообмена с иностранными государствами. В связи с тем что «учредители» испытывали трудности в этом деле, представительство ставило вопрос о необходимости поддержать прогермански настроенных дельцов. Вместе с тем ставился вопрос об учреждении германскими промышленными фирмами своих представительств в Советской России.

Одновременно с проектами создания международного консорциума правящие круги Германии интенсивно разрабатывали планы самостоятельного проникновения на российский рынок, прибегая к всевозможным средствам: от получения концессий до использования российских купцов-партнеров. При этом они никак не могли понять, что Советская власть не пойдет ни на какие компромиссы по принципиальным вопросам: о монополии внешней торговли, об условиях предоставления концессий иностранным капиталистам и, наконец, о полной и окончательной национализации капиталистической собственности.

Одним из самых серьезных соображений в пользу скорейшего и самостоятельного овладения российским рынком было опасение возможной конкуренции со стороны других держав, прежде всего Англии. Насколько остро стоял вопрос о конкурентах, показывает реакция правительственных инстанций Германии на инициативу германского посланника в Стокгольме Р. Надольны, предложившего привлечь к освоению российского рынка Швецию. В письме от 7 февраля 1922 г. Надольны отмечал, что хотя Швеция испытывает «страх» перед восстановлением могущественной России, тем не менее она одной из первых пошла на установление торговых отношений с Советской страной и поэтому имеет шансы преуспеть на российском рынке. У германских промышленников был довольно большой опыт сотрудничества со шведами в поставках локомотивов в Советскую Россию. Перед лицом возможной конкуренции со стороны английских и американских капиталистов Надольны ставил вопрос о широком

привлечении Швеции к сотрудничеству: «Нашим интересам едва ли отвечало бы допустить соединение шведских экономических интересов в России с интересами английскими и американскими... Поэтому я полагаю необходимым рекомендовать рассмотрение принципиального вопроса о сотрудничестве германских и шведских фирм, заинтересованных в России»¹.

Как только министерство хозяйства получило запрос германского министерства иностранных дел относительно инициативы германской миссии в Стокгольме, оно информировало об этом союзы предпринимателей, прежде всего Имперский союз германской промышленности. Съезд германской промышленности и торговли, Центральный союз германской оптовой торговли, Имперский союз германской экспортно-импортной торговли и Внешнеторговый союз, и запросило их мнение по существу вопроса. 3 апреля из министерства хозяйства в министерство иностранных дел была направлена записка, которая показывает, какое значение имели соображения конкурентной борьбы для германских предпринимателей. В записке говорилось: «Имеются сомнения по поводу участия шведской индустрии в возможных товарных поставках в Россию... Может получиться так, что Швеция ввозом своих изделий затруднит наше положение на рынке». Деловые люди не разделяли опасений Надольны о соединении усилий английских, американских и шведских промышленников: «Англия и Америка в своих отношениях с Россией скорее будут иметь в виду собственные интересы, а на маленькую Швецию обратят мало или вообще не обратят никакого внимания»². При этом министерство хозяйства соглашалось на германское участие в операциях шведских промышленников и торговцев в том случае, если бы «шведы располагали преимуществами более легкого проникновения в Россию». Таким образом, речь шла об использовании шведских торгово-промышленных связей с Советской Россией как каналов для германского проникновения на российский рынок. Надольны предлагалось дать более полные сведения о реальных позициях шведов на российском рынке, с тем чтобы облегчить включение германских фирм в их операции. «Установление отношений с Россией,— говорилось в записке,— будет трудной

¹ ИДА, ф. 634, оп. 18, д. 41.

² Там же.

и длительной работой. Преимущества будут на стороне промышленности той страны, которая уже до войны имела отношения с Россией или по крайней мере установила отношения теперь, после войны»¹. Этот документ еще раз подтверждает, что германские хозяйственные руководители рассматривали российский рынок как жизненно важный в условиях послевоенной борьбы за рынки и особенно в обстановке, когда германская индустрия была практически оттеснена со всех западных рынков и лишилась колоний. Руководители министерства хозяйства не только учитывали логику конкурентной борьбы, но реалистически подходили и к оценке Советской России в системе мирового хозяйства.

Стремление германских капиталистов к налаживанию экономических отношений между Германией и Советской Россией отразило ту экономическую необходимость, о необходимости которой В. И. Ленин говорил еще в конце 1921 года². Она-то и толкала Германию на путь нормализации отношений с РСФСР. Тенденция к нормализации экономических и политических отношений и налаживанию торговли с Советской Россией не случайно усилилась в начале 1922 года. В это время ухудшилось экономическое положение Германии. В первые месяцы 1922 года произошло дальнейшее обесценение марки и выявился дефицит германской внешней торговли, достигший в 1921 году 1 млрд. марок³.

Союзы предпринимателей и отдельные фирмы в предложениях, сделанных в процессе подготовки к Генуэзской конференции, подчеркивали необходимость установления регулярных торговых связей с Советской Россией, видя в этом единственное для себя решение проблемы сбыта продукции и получения сырья. Они почти единодушно считали, что для налаживания торговли нужны только правовые гарантии сделок. Съезд германской промышленности и торговли в представленной в министерство хозяйства памятной записке от февраля 1922 года, озаглавленной «Предложения к германской программе на международной экономической и финансовой конференции 1922 года», выступал за заключение торговых договоров с Советской Россией, причем подчеркивал, что германские предприни-

¹ ИДА, ф. 634, оп. 18, д. 41.

² См. В. И. Ленин, ПСС, т. 44, стр. 304—305.

³ G. Rosenfeld, *op. cit.*, S. 374.

матели хотят действовать на российском рынке самостоятельно, а не в качестве субподрядчиков стран Антанты. В том же духе высказалось 13 февраля 1922 г. и Центральное объединение германских банков и банкиров¹.

Поворот в сторону нормализации отношений между Германией и Советской Россией в конце 1921 года был обусловлен прежде всего международным положением и экономическим состоянием самой Германии. Еще за год до этого поворота В. И. Ленин отметил: «Немецкое буржуазное правительство бешено ненавидит большевиков, но интересы международного положения толкают его к миру с Советской Россией против его собственного желания»². В условиях внешнеполитической изоляции, ухудшения экономического состояния страны германское правительство осознало жизненную необходимость установления добрососедских отношений с Советской Россией, вступило на путь переговоров, в ходе которых прежде всего решались проблемы политического урегулирования³.

Охарактеризованные выше документы имеют существенное значение для понимания позиции германского правительства накануне берлинских переговоров (1—4 апреля 1922 г.) и Генуэзской конференции. Они свидетельствуют, с одной стороны, об упущенных Германией в январе — марте 1922 года возможностях в подготовке переговоров по экономическим проблемам, а с другой — показывают, какое большое давление оказывали деловые круги во имя установления отношений и расширения экономического сотрудничества с Советской Россией. Из документов министерства хозяйства Германии видно, что германское правительство, принимая решение нормализовать отношения с РСФСР, опиралось не столько на выводы своих экспертов об экономическом положении Советской России и возможностях расширения торговых отношений с ней, сколько на многочисленные представления германских фирм и предпринимательских союзов о настоятельной необходимости для Германии получить внешние рынки, из которых единственно реальным и благоприятным был российский. Не благоприятная конъюнктура сама по себе и не временное стечение обстоятельств, а глубо-

¹ См. G. Rosenfeld, *op. cit.*, S. 347.

² В. И. Ленин, ПСС, т. 42, стр. 105.

³ См. И. К. Кобляков, Новые материалы о Рапалльском договоре. Сборник «Рапалльский договор и проблема мирного сосуществования», стр. 180 и след.

кие экономические нужды и политическое положение самой Германии толкали ее на немедленное установление нормальных отношений с Республикой Советов. Требование нормализации отношений с Советской Россией к началу 1922 года выдвигалось не только рабочим классом и КППГ, но и большим числом влиятельных фирм и предпринимательских объединений. Правые, реакционные, силы германского капитала были не в состоянии противиться мощной тенденции к улучшению отношений с РСФСР, тенденции, выражавшей общенациональные интересы германского народа. Германия, потерпевшая поражение в мировой войне и оказавшаяся под гнетом империалистических держав-победительниц, искала выхода из международной изоляции и нашла его не на Западе, а на Востоке, установив добрососедские отношения с Советским государством.

Генуэзская конференция и заключение Рапалльского договора

Генуэзская конференция 1922 года и заключенный во время этой конференции между Советской Россией и Германией Рапалльский договор вошли в историю новейшего времени как выдающиеся события, как первый крупный успех провозглашенной Советским правительством политики мирного сосуществования государств различных социальных систем. Генуэзская конференция примечательна как первый опыт Советского социалистического государства в налаживании мирного экономического сотрудничества с капиталистическими государствами Европы. «В 1922 году в Генуе на первой международной конференции, куда получила доступ Советская Россия,— отмечал Генеральный секретарь ЦК КПСС Л. И. Брежнев,— наша страна выдвинула широкую программу мирного сотрудничества и разоружения»¹.

Окончание гражданской войны и отражение иностранной интервенции, разруха и голод 1921 года, явившиеся результатом многолетней войны и блокады, поставили Советскую Россию перед рядом сложных проблем экономического и внешнеполитического порядка. Советское го-

¹ «50 лет Великой Октябрьской социалистической революции». Стенографический отчет, М., 1969, стр. 58.

сударство отвоевало себе условия, для того чтобы «существовать рядом с капиталистическими державами»¹. Это означало не только передышку, но начало нового исторического периода в жизни социалистического государства. Борьба между социализмом и капитализмом с этого момента оказалась перемещенной из военной плоскости в сферу дипломатическую и экономическую. В условиях экономической и политической нестабильности в странах Европы и перед лицом двух тенденций в политике империалистических держав — тенденции к военному сокрушению социализма и тенденции к использованию экономических факторов для укрепления позиций капитализма — советская внешняя политика поставила перед собой реалистичную задачу использовать различия интересов капиталистических государств и экономические факторы для упрочения позиций социалистического государства, для выхода его из дипломатической изоляции и налаживания взаимовыгодных торговых отношений с европейскими государствами.

Созыв международной конференции для обсуждения проблем сотрудничества государств в деле экономического восстановления назрел уже к концу 1921 года. Советское правительство, желая наладить экономическое сотрудничество с капиталистическими странами, готово было пойти на обсуждение вопроса о долгах и даже сделать некоторые уступки в этом вопросе. Оно предложило конструктивную основу для урегулирования взаимных материальных претензий и потребовало признания Советского правительства другими правительствами: «Для этой цели Российское Правительство,— говорилось в ноте от 28 октября 1921 г.,— предлагает скорейший созыв международной конференции, которая бы рассмотрела требования других держав к Российскому Правительству, а также требования Российского Правительства к этим державам и выработала бы между ними окончательный мирный договор. Лишь после созыва этой конференции может быть достигнуто всеобщее умиротворение»².

Державы Антанты после предварительных переговоров между собой приняли на Каннском совещании 6—13 января 1922 г. решение о созыве экономической конференции европейских государств. Они пригласили на эту

¹ В. И. Ленин, ПСС, т. 42, стр. 22.

² «Документы...», т. IV, стр. 447.

конференцию побежденные в первой мировой войне страны (в том числе Германию), а также Советскую Россию. Условия налаживания отношений были сформулированы державами в известной каннской резолюции от 6 января 1922 г. Уже 7 января 1922 г. МИД Италии передал советской экономической делегации памятную записку с приглашением Советского правительства и лично В. И. Ленина принять участие в конференции. На другой же день Советское правительство ответило, что принимает приглашение¹. Премьер Италии И. Бономи направил 13 января 1922 г. Советскому правительству копию каннской резолюции и подтвердил приглашение на конференцию, открытие которой было намечено на начало марта в Генуе.

Советское правительство приступило к подготовке своей делегации сразу же после получения приглашения. 27 января чрезвычайная сессия ВЦИК приняла постановление о составе делегации РСФСР². 22 февраля 1922 г. восемь советских республик (Азербайджан, Армения, Белоруссия, Бухара, Грузия, Украина, Хорезм и ДВР) подписали протокол о представительстве и защите их интересов на конференции делегацией РСФСР. Советские республики поручили ей представлять и отстаивать их общие интересы, уполномочили ее подписать соответствующие акты и заключать договоры с другими государствами. Был создан единый дипломатический фронт социалистических республик, который обеспечивал наиболее действенным образом отстаивание общих внешнеполитических позиций и интересов перед единым фронтом империалистических держав³.

Советская дипломатия использовала три месяца перед созывом конференции для тщательной подготовки: была разработана широкая программа экономического сотрудничества, всесторонне взвешены политические условия налаживания деловых отношений. Наряду с выработкой обоснованных контрпретензий к западным державам Советское правительство разрабатывало приемлемый принцип взаимоотношений с капиталистическим миром. В этой связи по инициативе В. И. Ленина особое внимание было уделено так называемой каннской резолюции.

Каннская резолюция примечательна тем, что в ней западные державы впервые сделали шаг к признанию рав-

¹ См. «Документы...», т. V, стр. 47—48.

² Там же, стр. 66—68.

³ Там же, стр. 110—112.

ноправия государств, принадлежащих к различным социально-экономическим системам. Заявление западных держав об отказе от насильственного навязывания другим народам принципов внутреннего экономического и социального устройства могло послужить основой налаживания мирных отношений между социалистическим государством и капиталистическим миром. Первый пункт резолюции, опубликованный в прессе на английском языке, гласил: «Нации не могут присваивать себе права диктовать другим принципы, на основе которых они должны организовать свою систему собственности, внутренней экономической жизни и образа правления. Каждая нация в этом отношении имеет право избирать для себя ту систему, которую она предпочитает»¹. В официально переданном в связи с приглашением на конференцию тексте на французском языке оказались опущенными слова «систему собственности». Именно на это и обратил внимание В. И. Ленин, видя в отказе империалистических держав от навязывания «системы собственности» ключевой элемент налаживания экономического сотрудничества между государствами с различным социальным строем. Отвергая неприемлемые требования каннской резолюции, В. И. Ленин отмечал принципиальное положительное значение ее первого пункта, который, «признавая *равноправие* двух систем собственности (капиталистической, или частной собственности, и коммунистической, принятой *пока* лишь в РСФСР), вынужден, таким образом, признать, хотя и косвенно, крах, банкротство первой системы собственности, неизбежность *соглашения* ее со второй, как равной с равным»². По существу, этот пункт каннской резолюции был первым официальным признанием империалистическими державами факта мирного сосуществования с социалистической системой³. Однако резолюция содержала и ряд требований, которые противоречили первому пункту и имели целью навязать Советской России предварительные условия экономического сотрудничества, такие как неприкосновенность иностранного капитала и обеспечение за ним прибылей, признание долгов и обязательств или возмещение причиненного «иностранному интересам» ущерба и т. п. Пункт шестой резолюции формулировал общее обязательство государств «воздержив-

¹ «Документы...», т. V, стр. 58.

² В. И. Ленин, ПСС, т. 45, стр. 192—193.

³ См. «История дипломатии» т. III, М., 1965, стр. 252.

ваться от каких бы то ни было враждебных действий против своих соседей»¹.

Хотя США в официальной ноте итальянскому правительству 8 марта 1922 г. и заявили, что не могут «с пользой» принимать участие в конференции, которую государственный департамент считал скорее политической, чем экономической, тем не менее они подчеркнули свою заинтересованность в экономической эксплуатации России².

Державы Антанты выдвигали в качестве условия официального признания Советского правительства принятие им выдвинутых в каннской резолюции требований. Французское правительство пыталось истолковать принятие приглашения на конференцию как согласие с каннскими «принципами», давая им одностороннее «разъяснение»³. Однако каннская резолюция не выдвигалась державами как неременное предварительное условие участия в конференции. В. И. Ленин отмечал, что, «приглашая нас, от нас не требовали точного, ясного, формального заявления, что мы признаем каннские условия»⁴. Советское правительство, принимая приглашение, сохраняло за собой свободу ведения переговоров не только с блоком государств, но и с отдельными участниками конференции на равноправной основе.

Планам создания консорциума империалистических держав советская дипломатия противопоставила предложения компромиссного урегулирования проблем с отдельными участниками конференции на дифференцированной основе: в одних случаях была проявлена готовность учесть интересы мелких держателей займов, в других — предложено прежним владельцам предпочтительное право на концессии и выражено желание получить кредиты, в третьих — противопоставлены взаимные претензии и т. д. Разумеется, желательным вариантом урегулирования отношений был взаимный отказ от претензий и налаживание сотрудничества на равноправной и взаимовыгодной основе. Эта принципиальная линия в конечном итоге дала положительный результат.

В конце февраля 1922 года В. И. Ленин сформулировал задачи советской делегации в Генуе. По его проекту ЦК

¹ «Документы...», т. V, стр. 59.

² См. «Материалы Генуэзской конференции», М., 1922, стр. 35—37.

³ Там же, стр. 26—27.

⁴ «Ленинский сборник» XXXVI, стр. 429.

партии принял 28 февраля 1922 г. постановление, которое стало директивой для советских дипломатов. Перед ними были поставлены задачи: уклониться от признания каннских условий в части, касающейся долгов, а если это не удастся, то выдвинуть требование о признании всеми правительствами их государственных долгов и обязательств по возмещению причиненного ими ущерба; развернуть широкую программу международного торгово-экономического сотрудничества и предложить в качестве уступки предпочтительное право на концессии тем капиталистам, которые потеряли свою собственность в результате национализации; добиваться налаживания торговых отношений с капиталистическими государствами на основе кредита; подготовить полное юридическое признание Советского правительства;⁴ поддержать усилия пацифистского крыла в буржуазном лагере, чтобы сделать возможным и политическое соглашение между государствами с различными социальными системами; добиваться соглашений на равноправной основе¹. Подготовка советской делегации к конференции шла как в направлении разработки широкой программы международного сотрудничества, так и урегулирования отношений на двусторонней основе с отдельными капиталистическими государствами².

* * *

В Германии, которая после поражения в первой мировой войне добивалась выхода из международной изоляции на путях экономического сотрудничества, существовали наибольшие возможности усиления пацифистского крыла буржуазии. Для поведения германских правящих кругов было характерно, что они вынуждены были обстоятельствами искать примирения с Советской Россией. В условиях подготовки европейских стран к конференции в Генуе, когда правительства крупных держав Европы не проявили намерения идти на уступки и облегчение версальского бремени Германии, в ее правящих кругах, естественно, усилилась тенденция к соглашению с Советским

¹ См. В. И. Ленин, ПСС, т. 44, стр. 406—408; т. 45, стр. 70—71.

² Выработка программы и подготовка контрпретензий Советской России к империалистическим державам показаны обстоятельно в ряде работ советских исследователей (см. Н. Н. Любимов, Баланс взаимных требований СССР и держав Согласия, М. — Л., 1924; В. А. Шишкин, указ. соч., стр. 294—337).

правительством. Советская дипломатия умело использовала сложившееся объективное положение, предложив деловую основу для отстаивания жизненных интересов обеих стран: отказ от взаимных претензий и налаживание экономического сотрудничества.

Тотчас после приглашения в Геную В. И. Ленин предложил проведение с некоторыми буржуазными правительствами зондирующих неофициальных секретных переговоров «о *предварительном* намечании *линии* в Генуе». В записке в Политбюро от 16 января он поставил вопрос: «Не открыть ли *тотчас* только личные (без всякой бумажки) переговоры в Берлине и Москве с немцами о *контакте* нашем и ихнем в Генуе?»¹. Наряду с официальными переговорами в Берлине были проведены зондирующие переговоры с представителями германских промышленников. Ленинская директива, посланная в Берлин в конце января и касавшаяся налаживания экономического сотрудничества, гласила: «Необходимо действовать быстро, чтобы до Генуи иметь позитивные результаты»². Предварительные переговоры позволили выяснить позиции сторон и облегчили выработку текста договора и согласование основных пунктов соглашения еще до Генуи. Однако в ходе переговоров выявились проблемы и трудности, для преодоления которых нужна была готовность с обеих сторон к компромиссу и соглашению. Влиятельные представители германского капитала склонны были вести переговоры, но не заключать соглашение до Генуи.

На состоявшемся 25 января 1922 г. совещании представителей Германии и Советской России обсуждались проблемы налаживания сотрудничества двух стран, в частности в деле «восстановления Европы», которое должно было стать предметом обсуждения на международной конференции в Генуе. В обмене мнениями участвовали с германской стороны представители дипломатического ведомства и промышленники. Главным предметом обсуждения была проблема предоставления германского кредита Советской России. Г. Стиннес выдвинул ряд сомнений в возможности предоставить такие кредиты, считая, что германские капиталисты не пойдут на риск без правительственных гарантий. Относительно предоставления кредита в 300 млн. марок он высказался отрицательно: «Мы полу-

¹ В. И. Ленин, ПСС, т. 54, стр. 117.

² Там же, стр. 140.

чили бы счет за это в Генуе. Нам бы сказали: если вы даете России 300 миллионов, не будучи обязанными делать это, что могли бы вы дать нам, будучи письменно связаны обязательствами перед нами?»¹. Исходя из того что германская промышленность не сможет давать кредиты без иностранной помощи, Стиннес предложил начать с малых посильных сделок. Однако советская сторона уже в тот момент ставила вопрос о желательности конкретного соглашения еще до Генуи. Представитель фирмы «Крупп» Видтфельд заявил: «Я стою на позиции Стиннеса. Мы готовы к ряду отдельных сделок. Вопрос о кредите остается открытым. Он зависит от двух предварительных условий: во-первых, от доверия, во-вторых, от дееспособности. Легче заключить отдельные сделки, нежели целый комплекс».

Уже на этой стадии переговоров германская сторона поставила вопрос об отказе Советской России от претензий по ст. 116 Версальского договора. Относительно возможного кредита Стиннес довольно категорически заявил: «Но если, однако, мы вам поможем, то ст. 116 не должна в этом случае остаться в силе. Если вы нам не доверяете, то обращайтесь к Антанте». Статс-секретарь МИД Германии Симсон также подчеркнул намерение отклонить претензии, вытекающие из ст. 116. В. Ратенау, участвовавший в совещании как представитель индустрии, отметил необходимость придерживаться единой линии с другими западными державами, полагая, что у Германии имеется выбор: международный синдикат или консорциум «восстановления» России. Он заявил: «Россия хочет получить гарантии в том, что ей в случае бойкотирования Антантой будут обеспечены некоторые товарные кредиты. Будет весьма трудно перед Антантой отстоять наше намерение взять на себя в той или иной форме обязательства перед Россией»². Таким образом, на предварительной стадии обмена мнениями выявилось намерение германских правящих кругов добиваться отказа Советской России от претензий по ст. 116, не обещая твердо ни договора, ни кредита, ни отказа от участия в консорциуме.

В ходе обсуждения проблемы отношений с Советской Россией внутри германских правящих кругов в начале 1922 года наметились две линии: Й. Вирт и А. Мальцан

¹ Polit. Archiv. Abteilung IV A. Russland. Akten betreffend: den deutsch-russischen Vertrag vom 16. April 1922 (Rapallovertrag), Bd. 1, Bl. 203473/004 (далее: Rapallovertrag).

² Polit. Archiv. Rapallovertrag, Bd. 1, Bl. 203478—203479.

выступали за продолжение переговоров с целью поиска путей урегулирования; Ратенау и Стиннес — за согласование германской политики с Англией и США с целью навязать Советской России жесткие условия. 30 января состоялось совещание под председательством рейхсканцлера с участием представителей дипломатического ведомства и промышленности. Доложив об итогах бесед с советскими представителями, Мальцан поставил перед промышленниками вопрос, в какой мере можно пойти навстречу пожеланиям русских. Советская сторона, согласно немецкой интерпретации, готова была пойти на отказ от ст. 116, на предоставление лесных и нефтяных концессий, на гарантию платежей в течение трех лет. Мальцан подчеркнул: «Важно, чтобы теперь господа промышленники вели переговоры. Нить не должна обрываться. Мы можем оказаться вынужденными поставлять то, что сейчас можем поставлять добровольно»¹. На том же совещании Стиннес и Ратенау говорили о необходимости потребовать от Советской России беспрепятственного вывоза ценностей взамен товаров, а также согласовать политику Германии с Англией и США². Рейхсканцлер Й. Вирт, подводя итог совещания, сказал: «Фирмы должны вести переговоры с русскими совместно, чтобы те не могли использовать расхождения. Однако политические переговоры не должны прерываться»³.

На состоявшихся в тот же день переговорах Стиннес заявил советской стороне: «До Генуи вы не найдете в нашей стране больших капиталов, после Генуи — да»⁴. Уже в ходе переговоров Мальцан отметил: «Речь идет о двух договорах: а) договоре с германской индустрией, б) политическом договоре с германским правительством»⁵. Один из пунктов, сформулированных 31 января в германском дипломатическом ведомстве для включения в проект урегулирования с Советской Россией, гласил: «Германское правительство готово содействовать усилиям, имеющим целью восстановление России. Оно, однако, не будет поддерживать никакой политики, которая преследует цель колонизации России»⁶.

¹ Polit. Archiv. Rapallovertrag, Bd. 1, Bl. 203494/017.

² Ibid., Bl. 203494/018.

³ Ibid., Bl. 203495/019.

⁴ Ibid., Bl. 203501/125.

⁵ Ibid.

⁶ Ibid., Bl. 203513/034—035.

Советское правительство придавало большое значение срыву планов создания международного консорциума и установлению сотрудничества с германскими фирмами. Оно готово было ради этого пойти на определенные уступки. В инструкции советскому полпреду в Берлине Г. В. Чичерин 3 февраля 1922 г. подчеркнул: «Статья 116 есть для нас способ давления, и мы не можем себя связать в этом отношении, пока германское правительство занимает нынешнюю враждебную позицию против нас, тем более если Ратенау поведет свою репарационную политику, убийственную для России»¹. В первой половине февраля 1922 года между советскими и германскими представителями было продолжено обсуждение проектов протокола и проблем, которые должны были получить договорное урегулирование².

28 февраля 1922 года советский торговый представитель в Берлине Б. С. Стомоняков направил В. И. Ленину письмо, в котором охарактеризовал состояние концессионных дел между РСФСР и германскими фирмами. Кроме заключенных ранее договоров о создании смешанных обществ «Дерутра», «Деруметалл», «Дерулюфт», а также договора о сотрудничестве с райфайзеновским кооперативным союзом к этому времени были проведены переговоры и подготовлены соглашения с несколькими десятками германских фирм. В этих условиях особенно остро ощущалась необходимость укреплять монополию внешней торговли, чтобы не оставлять у германских капиталистов надежд на возможное отступление Советского правительства от этой позиции. «Если Стиппнес и Крупп встретили отрицательно предложение, сделанное им в Берлине.., дать товарный кредит в 2 с половиной миллиарда марок смешанному обществу, основываемому для этой цели, то главная причина заключается в их надежде на скорый срыв монополии внешней торговли. Если бы наша политика была тверда в этом направлении, им ничего бы не оставалось, как принять наше предложение, раз они хотят торговать с Россией в большом масштабе», — писал Стомоняков в ЦК партии В. И. Ленину³. Вот почему именно в период подготовки советской делегации к конференции в Генуе, на которую Советское правительство шло с целью

¹ «Советско-германские отношения», т. 2, стр. 426.

² См. Polit. Archiv. Rapallovertrag, Bd. 1, Bl. 203522/205522.

³ «Документы...», т. V, стр. 124.

обсуждения политически подходящих условий торговли с капиталистическими странами¹, ВЦИК принял 13 марта 1922 г. декрет, который закрепил основные направления осуществления монополии внешней торговли².

В середине февраля советская сторона заявила канцлеру Вирту, что до сих пор нет приемлемой основы для экономического урегулирования и что целесообразно прервать переговоры. Однако Вирт заверил, что будут приняты меры для изыскания возможностей соглашения. 16 февраля Мальцан предложил советским представителям для парафирования проект предварительного политического соглашения³, по которому предлагалось урегулирование между Германией и РСФСР на основе отказа от взаимного возмещения военных расходов и военных убытков (включая реквизиции), урегулирования частноправовых отношений на основе взаимности, погашения расходов на военнопленных в соответствии с соглашением от 6 мая 1921 г. и с учетом хозяйственных нужд сторон. Проект предусматривал восстановление дипломатических и консульских отношений «в ближайшее время», но не немедленно. Урегулирование претензий за национализированную в РСФСР германскую собственность рассматривалось также как «предмет дальнейших переговоров». При этом делалась оговорка в духе принципа наибольшего благоприятствования. Особо оговаривалось, что «для общего урегулирования взаимных торговых и экономических отношений должен действовать принцип наибольшего благоприятствования». Подчеркивая готовность ко взаимно доброжелательному учету «хозяйственных потребностей обеих стран», германское правительство изъявляло согласие «оказать возможную поддержку сообщенным ему в последнее время проектируемым частными фирмами соглашениям и облегчить проведение их в жизнь»⁴.

Проект Мальцана не решал главных проблем отношений между двумя странами, так как не предусматривал немедленного восстановления дипломатических отношений, не фиксировал отказа Германии от претензий на национализированную в Советской России германскую соб-

¹ См. В. И. Ленин, ПСС, т. 45, стр. 2.

² См. «Документы...», т. V, стр. 148—150.

³ Текст проекта был опубликован И. К. Кобляковым (см. «Рапалльский договор и проблема мирного сосуществования», стр. 117—179).

⁴ «Советско-германские отношения», т. 2, стр. 459—461.

ственность, не гарантировал предоставление кредитов Советской России для налаживания экономических отношений. По существу, вручением проекта Мальцана завершился первый этап советско-германских переговоров в период подготовки к Генуэзской конференции. Исследовавший документы советских дипломатических архивов И. К. Кобляков отмечает, что после 17 февраля переговоры были фактически прекращены и возобновились только по прибытии в Берлин советской делегации проездом в Геную в начале апреля 1922 года¹. Ход берлинских переговоров советской делегации с представителями германского правительства 1—4 апреля 1922 г. в подробностях известен до сих пор только по советским источникам². Что касается немецких записей бесед или подготовительных материалов, то они еще не введены в научный оборот, и немецкая версия известна преимущественно из мемуарных публикаций.

Советская делегация по пути в Геную остановилась в Берлине 1 апреля и предполагала уже 4 апреля отправиться дальше. Советские дипломаты имели намерение завершить переговоры, начатые в январе — феврале, и заключить с Германией соглашение еще перед Генуэзской конференцией. В день приезда в Берлин руководители советской делегации устроили совещание с сотрудниками представительства и обсудили вопрос о переговорах с германским правительством. Участвовавший в совещании Е. Пашуканис писал: «Было решено разделить эти переговоры на две части; при этом проект соглашения о займе решено было в настоящий момент детальному обсуждению с немцами не подвергать, заявив только, что нас он не удовлетворяет ни в отношении условий, ни в отношении суммы... Что касается политического соглашения, то в него решено было включить возобновление дипломатических отношений и полный взаимный отказ от претензий, в том числе от всяких претензий частных лиц по убыткам, нанесенным национализацией»³. Взаимный отказ от претензий был ключевым моментом советской позиции в деле выработки соглашения с Германией: если для германской стороны было важно зафиксировать от-

¹ См. «Рапалльский договор и проблема мирного сосуществования», стр. 180.

² См. «Документы...», т. V, стр. 188—190, 202—207.

³ Там же, стр. 188—189.

каз Советской России от претензий на репарации по ст. 116 Версальского договора (эти претензии могли получить поддержку Франции и Англии в случае достижения компромисса в Генуе), то для советской стороны было принципиально важно добиться отказа Германии от претензий на возмещение национализированной в Советской России собственности. Германская дипломатия, решив сделать «вопрос об убытках по социализации» главным предметом торга, создала, таким образом, искусственное препятствие для достижения соглашения.

Советская дипломатия не питала иллюзий относительно готовности германского правительства к соглашению еще до Генуэзской конференции. «Общее мнение делегации сводилось к тому, что до Генуи немцы на желательное нам соглашение не пойдут»¹. Тем не менее советские дипломаты активно форсировали переговоры. После прибытия советской делегации в Берлин члены германского правительства не предложили ей немедленно начать переговоры. Советские же представители тотчас по прибытии были согласны вести переговоры с министром иностранных дел и рейхсканцлером, подчеркнув, что они хотели бы сделать им «важные предложения для принципиального германо-русского соглашения перед Генуей»². Относительно желания Чичерина встретиться с Виртом и Ратенау в воскресенье (2 апреля) германские дипломаты, в частности Мальцан, доложили своему правительству. В записке о первых беседах Мальцана с советскими делегатами было отмечено: «Они просят (поэтому.— А. А.), чтобы иметь время для дискуссии, принять их не в понедельник, а уже в воскресенье». Сославшись на занятость рейхсканцлера и министра подготовкой к Генуе, Мальцан заявил, что ему поручено провести предварительное обсуждение вопросов, чтобы облегчить обсуждение их в понедельник.

«Предварительное свидание» Мальцана и Г. В. Чичерина состоялось 2 апреля в гостинице «Эспланад», где остановился глава советской делегации. Как и ожидала советская сторона, германское правительство не хотело идти на полный отказ от претензий. Мальцан заявил, что возмещение «убытков по социализации» является непременным условием любого соглашения между двумя стра-

¹ «Документы...», т. V, стр. 189.

² Polit. Archiv. Rapallovertrag, Bd. 1, Bl. 056.

нами, в частности и соглашения о полном восстановлении дипломатических отношений. Он уверял, что правительство не сможет отстоять в рейхстаге соглашение с Советской Россией, если откажется от прав частных лиц на возмещение убытков от национализации¹. Попытки найти компромиссные формулы не привели к положительным результатам, однако, проявляя дипломатическую гибкость, Мальдан выразил склонность к дальнейшей уступчивости в поисках формулировок и под конец сообщил о готовности министра иностранных дел Ратенау в духе политического сближения сделать торжественное заявление о передаче Советскому правительству здания российского посольства на Унтер ден Линден. Как выяснилось вскоре, и этот ход был обставлен оговорками и условиями, которые отнюдь не свидетельствовали об искреннем желании немедленного урегулирования.

Только на третий день пребывания в Берлине, 3 апреля, советские представители Г. В. Чичерин и М. М. Литвинов были приглашены на встречу с Виртом и Ратенау. Весь этот день был занят переговорами с представителями германского правительства. Утром рейхсканцлер Й. Вирт принял Г. В. Чичерина. В тот же день имели место длительные беседы между главами дипломатических ведомств двух стран, в ходе которых в полной мере проявилась склонность Ратенау продолжать сложную дипломатическую игру, спекулируя на «общности интересов» западных стран и на противоречиях между Советской республикой и империалистическими державами, которые, как предполагалось, предъявят в Генуе счет Советскому правительству.

К этому времени Ратенау осознал, что план консорциума с участием Германии не может служить реалистическим путем налаживания сотрудничества. Однако в переговорах с Г. В. Чичериным он снова отстаивал именно идею консорциума с участием Германии, чтобы требовать взамен отказа Германии от участия в таком консорциуме соответствующей компенсации. Ратенау заверил Чичерина, что Германия якобы уже связана и ни в коем случае не может выйти из консорциума, однако может взять письменное обязательство не заключать никаких сделок и не совершать никаких дел в этом консорциуме без предварительного согласия Советской России. Затем, как бы

¹ См. «Документы...», т. V, стр. 189.

между прочим, он обронил фразу, что компенсацией могло бы послужить обязательство Советской России предоставить Германии право первоочередности на все концессии. Однако условием и такого рода соглашения должно было быть урегулирование вопроса об «убытках по социализации»: Германия не должна быть поставлена в отношении компенсаций в худшее положение, чем другие государства, настаивал Ратенау¹. Формула отказа Германии от претензий была предметом длительного обсуждения, пока, наконец, Ратенау, подсев к Г. В. Чичерину после приема, который он устроил в честь советских представителей, не предложил компромисс: в договоре может быть указано, что Германия отказывается от «убытков по социализации» при условии, что Советская Россия не будет платить вознаграждения и другим государствам, а в секретном приложении будет отмечено, что если все-таки будут удовлетворены претензии какой-либо другой державы, то претензии Германии снова будут предметом рассмотрения. Это было приемлемой основой компромисса.

Устная договоренность между Чичериным и Ратенау, казалось бы, открыла дверь для соглашения. Однако утром 4 апреля Мальцан, пришедший для окончательного обсуждения проекта Ратенау, положил на стол собственный проект, который был шагом назад. Он формулировал «отказ» Германии от претензий таким образом: «Германия оставляет за собой право требовать возмещения, однако готова отказаться, если откажутся другие»². По существу, это было не отказом от претензий, а оговоркой права на претензии. Германский дипломат заявил, что действует по поручению министра иностранных дел, который-де после беседы с некоторыми членами кабинета согласен именно с его (Мальцана) формулой, что даже этот проект может быть лишь парафирован, а само соглашение должно быть предметом обсуждения кабинета, поскольку означает для Германии серьезные финансовые жертвы. «Новая» формула Мальцана была неприемлема для советской делегации как по существу, так и с точки зрения дипломатической тактики на Генуэзской конференции. В ответ на вопрос о возможности созыва заседания германского кабинета с целью подписания еще до Генуи соглашения между Германией и Советской Россией Мальцан

¹ См. «Документы...», т. V, стр. 189—202.

² Там же, стр. 190.

сослался на то, что обсуждение этого вопроса потребует много времени.

Этот разговор происходил утром 4 апреля. В то утро советские представители были приглашены на завтрак к известному финансисту Ф. Дейчу, который был компаньоном Ратенау и одним из инициаторов международного консорциума. «Во время завтрака у Дейча еще раз приехал Мальцан от Ратенау и сказал, что никаких дальнейших уступок сделано быть не может», — отметил Г. В. Чичерин. Было совершенно очевидным, что германская дипломатия не хочет подписывать соглашение до открытия Генуэзской конференции. Что касается парафирования, то оно не удовлетворяло советскую дипломатию, для которой было важно, чтобы «к моменту Генуэзской конференции иметь прецедент в форме образца договора об отказе от компенсации за национализацию собственности иностранцев»¹.

В делах IV отдела дипломатического ведомства Германии сохранилось последнее предложение советской делегации в Берлине, которое она готова была подписать без промедления. На тексте стоит дата «4 апреля» и виза «Ма» (Мальцан), который и выдвинул формулировку, что германское правительство сохраняет за собой право на претензии по собственности германских подданных, национализированной в РСФСР. «Коль скоро РСФСР отклонит претензии других государств на возмещение подобных следствий социализации, Германия также готова отказаться от этих претензий». Согласно записи Мальцана, Чичерин предложил взять составленный накануне вариант и подписать его немедленно, не ограничиваясь парафированием, однако германская дипломатия явно не хотела этого. Мальцан отметил: «Литвинов и Чичерин отклонили это требование, подчеркнув, что оно находится в противоречии с формулировкой, согласованной вчера с г-ном рейхсминистром Ратенау»².

Главными итогами переговоров советской делегации в Берлине 1—4 апреля 1922 г. были согласование текста договора (кроме одного пункта: об отказе от претензий по национализации), подтверждение сторонами готовности искать компромиссную основу для соглашения и до-

¹ «Документы...», т. V, стр. 204.

² Polit. Archiv. Deutsche Delegation in Genua: Rapallo, Akten betreffend: Vertrag mit Russland, Bd. 1, Bl. 096155.

говоренность продолжить двусторонние переговоры в Генуе. Перед отъездом из Берлина Г. В. Чичерин отправил в Москву краткое сообщение об итогах дипломатических контактов. «Немцы вели переговоры с нами, чтобы показать, что якобы они хотят соглашения с нами, но по всему видно, что в действительности они хотели, чтобы ничего не вышло. Для своего требования наибольшего благоприятствования в вопросе возмещения частным лицам за социализацию они предлагали новые формулы, якобы улучшающие, но в действительности ухудшающие текст. Переговоры продолжаются в Генуе»¹.

Почему Германия не пошла на подписание договора с Советской Россией непосредственно в итоге берлинских переговоров, в начале апреля 1922 года? В советской и зарубежной литературе дано вполне обоснованное этому объяснение: правящие круги Германии и германское правительство еще продолжали надеяться на пересмотр версальских условий по милости западных держав, и с этой позиции соглашение с Советской Россией представлялось им нежелательным. Такую линию для утверждения правительству предложил Ратенау на заседании кабинета 5 апреля 1922 г. под председательством президента Ф. Эберта. Эберт поддержал линию Ратенау перед отправкой германской делегации в Геную и высказался против соглашения с советскими представителями в Генуе². Вирту и Ратенау понадобилось поехать в Геную и на собственном опыте убедиться в том, что Германия должна сделать решительный шаг к сближению с Советской Россией, чтобы выйти из дипломатической изоляции и экономически безнадежного состояния. Ратенау пытался дать свою версию того, почему германское правительство не пошло на подписание договора еще в Берлине. Это объяснение, однако, не выдерживает критики, поскольку без каких-либо оснований сводит все к негативной позиции советской дипломатии: «В Берлине русские были сравнительно несговорчивы. Их требования были твердыми, их готовность идти навстречу — незначительной. В Генуе дело обстояло иначе. Там они осознали, что они изолировали себя, и попытались найти с нами контакт»³. Документы,

¹ «Документы...», т. V, стр. 181.

² См. G. Rosenfeld, *op. cit.*, SS. 380—382.

³ ИДА, ф. 3936, оп. 4, д. 6, л. 48, стр. 24; см. «Советско-германские отношения», т. 2, стр. 539.

относящиеся к берлинским переговорам, а также зафиксированные в них формулировки свидетельствуют о том, что в Рапалло были подписаны те самые условия, от которых Ратенау (через Мальцана) отказался в Берлине. Значит, дело не в том, что советские дипломаты изменили свою позицию, а в том, что германские представители осознали свое положение и в Рапалло пошли на те условия, от которых отказались в Берлине.

Хотя положительные итоги берлинских переговоров не были зафиксированы на бумаге в виде окончательного документа, можно считать, что основная работа по урегулированию отношений между двумя странами была фактически завершена. Мальцан отметил, что советскую делегацию провожали в Геную в теплой атмосфере. Он записал в тот день: «Я выразил им, имея в виду сегодняшний дождливый день, нашу надежду, что итальянское солнце, возможно, даст нам новое вдохновение для новой формулировки, которая была бы приемлема для обеих сторон»¹.

* * *

■ Международная экономическая конференция, открывшаяся 10 апреля 1922 г. во дворце Сан-Джорджо в Генуе и продолжавшаяся до середины мая того же года, проходила в атмосфере сложной и напряженной дипломатической борьбы, в которой получили отражение противоречия между империалистическими державами и Советским государством, между победителями и побежденными, наконец, между самими империалистическими «приглашающими державами». Хотя председательствовавший на конференции премьер-министр Италии Л. Факта при открытии пленарных заседаний и провозгласил девиз «ни победителей, ни побежденных», тем не менее острые противоречия между державами Антанты (особенно Францией) и Германией с самого начала наложили свой отпечаток на расстановку сил.

Советская делегация понимала, что предупредительное отношение западных держав к ней — всего лишь дипломатическая тактика, за которой кроется надежда на то, что приезд советских представителей в Геную — это нечто

¹ Polit. Archiv. Deutsche Delegation in Genua: Rapallo, Bd. 1, Bl. 096155.

вроде «возвращения блудного сына в отеческий дом»¹. Дипломатия Запада стремилась поставить Советскую Россию на колени, выдвинув вновь принятие «каннских принципов», то есть сформулированных одной стороной требований, в центр внимания европейской конференции.

В такой напряженной обстановке представители правительств и прессы более чем 30 государств Европы, естественно, с особым вниманием ждали выступления советского делегата. Заявление Г. В. Чичерина на первом пленарном заседании приобрело историческое значение: впервые в истории на широком международном форуме официально было предложено от имени Советского правительства положить в основу отношений государств с различными социальными системами принцип мирного сосуществования, признать неизбежность параллельного существования государств с социалистическим и капиталистическим строем. Равноправие и взаимность как правила международного обихода представляли собой обоснованное и жизненное условие мирного сосуществования. В этой связи Г. В. Чичерин подчеркнул особое значение и первого пункта каннской резолюции². Советская делегация оговорила также возможность внесения ею предложения о всеобщем разоружении.

Впечатление от выступления Г. В. Чичерина было огромным. Не случайно американский посол Чайлд в служебном донесении отметил, что на открытии конференции не было ничего яркого, кроме речи советского представителя³. Последовавший за первыми речами дипломатический поединок Барту и Чичерина вокруг каннских условий и вопроса о разоружении показал накал страстей и неприменимость в отношении социалистического государства тона превосходства и нажима. Вмешательство Ллойд-Джорджа с призывом не перегружать корабль ввиду предстоящей непогоды означало склонность части буржуазных правительств по-деловому, спокойно обсудить проблемы взаимоотношений с большевистским правительством. Советская делегация проявила конструктивный подход к повестке дня международной конференции, не настаивая ультимативно на включении в нее вопроса о разоружении.

¹ Г. В. Чичерин, Статьи и речи по вопросам международной политики, М., 1961, стр. 325—326.

² См. «Документы...», т. V, стр. 191—192.

³ См. «Foreign Relations of the U. S. 1922», vol. II, p. 770.

Вслед за декларациями глав делегаций началась будничная деятельность дипломатов.

Западные державы в первые же дни вручили советской делегации подготовленный ранее Лондонский меморандум экспертов, который требовал от Советской России выплаты долгов прежних правительств, отмены монополии внешней торговли и компенсации национализированной собственности. Правда, доклад экспертов оставлял за ней право потребовать от Германии компенсации военного ущерба по ст. 116 Версальского договора. Это был, несомненно, тактический просчет английской и французской дипломатии, которые таким образом толкали Германию и Советскую Россию на путь поиска двустороннего решения проблемы взаимных претензий.

Вслед за предъявлением необоснованного счета советская делегация была приглашена на неофициальные «приватные» беседы в узком кругу на вилле Альбертс, в резиденции Ллойд-Джорджа. Этим переговорам западные державы придавали решающее значение, полагая, что в ходе их удастся навязать Советской России условия возобновления экономического сотрудничества. Закрытые переговоры 14—15 апреля действительно имели существенное значение и далеко идущие последствия, но не в том направлении, которое намечали западные политики. Переговоры и толки вокруг них оказали решающее влияние на линию поведения германской делегации, которая приехала в Геную со «свободными руками», чтобы сотрудничать с Антантой, однако оказалась вне обсуждения проблем отношений с Советской Россией.

В литературе имеются различные версии относительно ситуации, сложившейся на Генуэзской конференции к 15 апреля вследствие сепаратных переговоров на вилле Альбертс, особенно относительно позиции Германии. Основными источниками, по которым освещались события, непосредственно предшествовавшие заключению договора в Рапалло, долгое время были мемуары д'Абернона (версия, изложенная со слов Мальцана), а также свидетельства участника конференции графа Кесслера, написавшего биографию В. Ратенау¹. Н. Н. Любимов и А. Н. Эрлих дали по памяти свою версию, которая должна была уточ-

¹ См. Д'Абернон, Посол мира. Страницы из дневника, т. I, М., 1931, стр. 212—213; «История дипломатии», т. III, М.—Л., 1945, стр. 179—180; Н. Kessler, Walter Rathenau, B., 1928, S. 396 ff.

нить обстоятельства возобновления переговоров между советскими и германскими представителями в ночь с 15 на 16 апреля. «К сожалению,— отмечали авторы,— дополнительных источников этого большого события еще нет»¹.

Из архивных источников нам стал известен дипломатический документ, проливающий свет на обстоятельства и мотивы согласия германской делегации возобновить не завершенные в Берлине переговоры с советской делегацией и пойти на подписание отдельного договора с Советским правительством в ходе конференции в Генуе. Этим документом является «Подробная запись относительно последних событий перед подписанием германо-русского договора»², сделанная одним из главных участников этих переговоров Мальцаном тогда же в форме дневниковых заметок. Вот как развивались события, если в дополнение к известным фактам использовать свидетельство германского дипломата.

В связи со сделанным на первом заседании политической комиссии 11 апреля предложением Ллойд-Джорджа и Барту рассматривать Лондонский меморандум экспертов в качестве основы для переговоров с советскими представителями германская дипломатия сделала для себя такие выводы: «В Лондонском меморандуме, в ст. 6, категорически оговорено право России на возмещение военного ущерба на основе ст. 116 Версальского договора, в то время как все прочие претензии России к союзникам рассматриваются как погашенные. Далее, ст.ст. 11 и 15 приложения 2 меморандума категорически исключают всякую претензию Германии к России. Статья 16, в частности, признает принятые царским правительством законы о конфискации имущества, которые, конечно, касаются исключительно германской собственности». Германские дипломаты, и до того поддерживавшие контакт с представителями английского Форин оффис, немедленно возобновили с ними обмен мнениями, подчеркнув, что

¹ Н. Н. Любимов, А. Н. Эрлих, Генуэзская конференция. Воспоминания участников, М., 1963, стр. 72.

² См. Polit. Archiv. Deutsche Delegation in Genua: Rapallo, Akten betreffend: Vertrag von Rapallo (vom April 1922 bis Mai 1922), Az. 24/9, Bl. 098—111 (далее: Deutsche Delegation in Genua, Az. 9). Этот документ впервые использован Э. Лаубахом (см. E. Laubach, op. cit., SS. 205—207) и опубликован с сокращениями в книге F. A. Krummacher, H. Lange, Krieg und Frieden. Geschichte der deutsch-sowjetischen Beziehungen, München, 1970, SS. 480—486.

Германия до сих пор корректно придерживалась линии согласования с Англией своей политики в отношении Советской России, однако Англия, похоже, не склонна учитывать это. В продолжительной беседе вечером 11 апреля с заведующим отделом Форин оффис Грегори Мальцан рассказал, что при проезде советской делегации в Берлине велись переговоры, но германское правительство предпочло «ехать в Геную с совершенно свободными руками». Грегори признал, что указанные статьи Лондонского меморандума ущемляют интересы Германии и что трудно ожидать или требовать от нее «самоубийства». 12 апреля Мальцан снова встретился с английскими представителями и вел с ними обстоятельные беседы. Кроме Грегори в беседах с английской стороны приняли участие Клерк, Фонтейн и Уайз. Последнего германские дипломаты рассматривали как доверенное лицо Ллойд-Джорджа и знали, что он участвовал в переговорах с советскими представителями. Мальцан вновь сетовал на касающиеся Германии статьи Лондонского меморандума и сообщил, что в ходе предварительных переговоров русские проявили склонность уступить по вопросу о ст. 116 Версальского договора. Англичане не дали ответа на поставленные германскими дипломатами вопросы.

Между тем стало известно, что союзники намерены вести «полуприватные» переговоры с советскими представителями. «Рейхсминистр Ратенау за это время два раза письменно и один раз по телефону просил Ллойд-Джорджа о встрече; все три просьбы были отклонены», — отметил Мальцан. Относительно же переговоров на вилле Альбертис стали распространяться самые разные слухи. Особенно задевало немцев то, что Франция стремится сделать главным объектом торга с русскими требования на основе ст. 116.

Вечером 14 апреля резиденцию германской делегации посетил сотрудник итальянского МИД А. Джаннини, который подтвердил опасения немцев о возможности сделки Антанты с русскими. Визит Джаннини имел большие последствия для определения линии дальнейшего поведения германской дипломатии. Джаннини явился для того, чтобы информировать рейхсканцлера по поручению министра иностранных дел Шанцера относительно состояния переговоров «приглашающих держав» с советской делегацией. Он отметил, что переговоры приняли «благоприятный ход», что «приглашающие державы» надеются на до-

брожелательную позицию Германии, мнению которой они-де придают значение. Когда Джаннини хотел перейти к подробностям, рейхсканцлер Вирт пригласил гостя на нижний этаж гостиницы, где беседа продолжалась еще целый час (с 11 до 12 часов ночи) в присутствии министра Ратенау, статс-секретаря Симсона и Мальцана. В этом кругу Джаннини вновь рассказал, что неофициальные переговоры в резиденции Ллойд-Джорджа ведутся с целью выяснения отношения русских к Лондонскому меморандуму, что советская делегация согласна на признание довоенных долгов, но выдвигает свои претензии в связи с интервенцией и поддержкой союзниками Деникина, Колчака и Юденича, что обсуждаются варианты взаимного погашения довоенных и военных долгов и требований по возмещению национализированного имущества. Когда Джаннини коснулся возможности возмещения ущерба от национализации предоставлением концессий на 99 лет, но без восстановления собственности, германский министр иностранных дел не удержался от постановки ключевого для германской делегации вопроса: «Министр Ратенау поставил в этот момент вопрос, имеет ли это предложение силу само по себе или в рамках Лондонского меморандума. Джаннини заявил, что, само собой разумеется, в рамках Лондонского меморандума. Ратенау поблагодарил Джаннини в изысканно вежливых словах за визит и сказал, что Германия не в состоянии при сложившихся обстоятельствах проявлять какой-либо интерес к происходящему там»¹. Джаннини высказал по этому поводу изумление, которое Ратенау саркастически парировал, имея в виду выработку соглашения с Советской Россией без участия Германии: «Приготовлен чудесный обед, нас на этот обед не пригласили, однако спрашивают, как нам нравится меню». Германская сторона приложила усилия, чтобы пояснить итальянскому дипломату неприемлемость ряда пунктов Лондонского меморандума для Германии, однако напрасно. Джаннини ответил, что у него нет полномочий давать какие-либо обещания, что цель его визита сводится к тому, чтобы довести до сведения германской делегации то, что он уже изложил. Германская запись беседы с Джаннини констатировала: «Вся беседа должна была внушить германской делегации убеждение, что, во-пер-

¹ Polit. Archiv. Deutsche Delegation in Genua, Az. 24/9, Bl. 105—108.

вых, переговоры западных держав с Россией близки к завершению, что, во-вторых, предстоящее соглашение между западными державами и Россией не устраняет тяжелые последствия, вытекающие для Германии из трех пунктов Лондонского меморандума, что, в-третьих, информация Джаннини представляет собой приглашение Германии к вступлению в соглашение, на составление которого Германия не может больше оказать какого-либо влияния»¹. Германская дипломатия в ходе беседы с Джаннини тщетно пыталась убедить его в неприемлемости трех пунктов Лондонского меморандума для Германии. Однако Джаннини не придавал значения этому и реплике Ратенау, которая имела серьезное основание и смысл: «Мы вынуждены тогда поискать иные гарантии...». Так или иначе, линия, проводником которой оказался Джаннини, видимо, исходила не из альтернативы — возможности соглашения Советской России с Антантой или с Германией, — а из непреложного вывода: Советская Россия вынуждена будет пойти на соглашение с Антантой и только с ней. Германия была приглашена к сотрудничеству с Антантой, но отнюдь не на основе равноправия. Мальцан записал в своем дневнике: «Тотчас после ухода господина Джаннини, в 12 часов ночи министр Ратенау в присутствии господина Симсона дал задание установить теперь контакт с русскими, чтобы возобновить обмен мнениями, прерванный в Берлине. Я установил с господином Иоффе телефонную связь и договорился с ним о встрече на следующее утро, в 10 часов, в Палаццо Реале»².

На встречу с Мальцаном 15 апреля днем в условленном месте пришли два советских представителя — А. Иоффе и Х. Раковский. Они подробно информировали о ходе переговоров на вилле Альбертис, рассказали о трудностях в переговорах (в связи с контрпретензиями советской делегации, вытекающими из интервенции, а также в связи с французскими требованиями), однако в целом оценили эти переговоры как благоприятные. «Я осторожно прозондировал русских относительно возможного возобновления наших берлинских переговоров, — писал Мальцан. — Я сказал им, что в случае сепаратного соглашения на вилле Ллойд-Джорджа мы едва ли будем в состоянии предоставить им экономическую поддержку, о которой шла речь

¹ Polit. Archiv. Deutsche Delegation in Genua, Az. 9, Bl. 112—114.

² Ibid., Bl. 098—111.

до сих пор. Эту помощь на основе начатых с промышленниками переговоров я снова представил им как перспективу, однако потребовал в порядке компенсации, чтобы они дали нам возможность путем наибольшего благоприятствования получить долю в тех особых привилегиях, которые Антанта получила бы в итоге переговоров на вилле Ллойд-Джорджа, и предоставили бы нам гарантии относительно ст. 116»¹.

Советские представители подчеркнули, что Советская Россия независимо от урегулирования с Антантой хотела бы установить отношения сотрудничества с Германией, однако считает, что желательные для Германии гарантии лучше всего могут быть обеспечены путем подписания договора. Они не дали определенных обещаний относительно безоговорочной приемлемости теперь берлинского текста договора, сославшись на необходимость информировать Чичерина, который занят на вилле Альбертис и вернется в Рапалло только поздно вечером. Мальцан подчеркнул, что для германской делегации приемлемо в качестве основы достигнутое в Берлине с одной-единственной оговоркой-перестраховкой: наибольшее благоприятствование на случай удовлетворения претензий относительно национализированной собственности. Дипломаты договорились, что подождут мнения Чичерина.

Сразу после встречи с советскими представителями Мальцан отправился к англичанам, чтобы обо всем рассказать и побудить их пойти на отмену нежелательных для Германии пунктов Лондонского меморандума. В беседе с Уайзом вечером 15 апреля Мальцан откровенно поведал английскому представителю о своем демарше — готовности возобновить переговоры с советской делегацией на основе обсуждения двух моментов: наибольшего благоприятствования и отказа от ст. 116. Мальцан сделал максимальное, чтобы побудить англичан к сделке. Он сетовал, что германская делегация лишена возможности поставить перед державами эти вопросы, поскольку заседания подкомиссии, к которым Германия не допущена, перенесены на виллу Ллойд-Джорджа. На вопросы, поставленные Мальцаном, английский дипломат ответил, по всей видимости, искренне, однако не вполне определенно: «Вопрос поставлен перед премьер-министром, но Вы же знаете...». При этом он сделал соответствующее движение

¹ Polit. Archiv. Deutsche Delegation in Genua, Az. 9, Bl. 098—111.

плечами, которое должно было выразить его недоумение и бесплодность его усилий. На прямой вопрос о состоянии переговоров на вилле Альбертис и английский представитель ответил в том смысле, что они идут благоприятно.

В дополнение к тому, что германские дипломаты слышали от Джаннини, от советских представителей и от английского дипломата, к вечеру того же дня (15 апреля) распространились сенсационные слухи, что соглашение между «приглашающими державами» и Советской Россией уже достигнуто. Сообщения о благоприятном ходе переговоров на вилле Альбертис поступали с разных сторон: от итальянских официальных лиц, от корреспондента немецкой газеты «Фоссише Цайтунг» Раймера, от эксперта Хагена со ссылкой на высказывания Бенеша, от голландца ван Флессинга и т. д. Германская делегация была весьма озабочена сложившейся ситуацией. Эмоционально-психологическая атмосфера, в которой она оказалась вечером 15 апреля, усугублялась тем, что поступающие новые сообщения и мнения не опровергали угрозу полной изоляции для Германии. «В довольно подавленном настроении мы вернулись домой,— записал Мальцан.— Я сидел с министром Ратенау, господином Хагеном и некоторое время с господином рейхсканцлером в холле гостиницы...» Как бы для того, чтобы еще раз поставить точку над *i*, в 11 часов вечера Уайз позвонил по телефону в германскую резиденцию и просил Мальцана уточнить еще раз нежелательные статьи Лондонского меморандума. Когда с германской стороны кроме ст. 116 была названа еще и ст. 260 Версальского договора, Уайз холодно сказал, что об этой статье вообще не идет речь. «Какого-либо заверения, что эта статья не будет применена против нас, Уайз не дал и в этот вечер. Запрос Уайза я сообщил собравшимся господам»¹.

В этой обстановке неопределенности для Германии, когда английская дипломатия проявила максимальную сдержанность, холодность и незаинтересованность, полагая, очевидно, что Германия и Советская Россия едва ли решатся на отдельный двусторонний договор, советская дипломатия проявила реализм и внимание к нуждам и положению Германии. Драматический телефонный звонок и ночной разговор, вошедший в историю дипломатии как пример реалистического подхода к нормам дипломатиче-

¹ Polit. Archiv. Deutsche Delegation in Genua, Az. 9, Bl. 107—108.

ского протокола, выглядит в оригинальной записи Мальцана обыденно просто: «Ночью около 1 час. 15 мин. мне позвонил Иоффе, что русская делегация готова вступить в новые переговоры с германской делегацией и была бы признательна, если бы мы с этой целью прибыли в Рапалло в воскресенье около 11 часов. На мой вопрос он ответил, что окончательного соглашения с союзниками еще не достигнуто, что, однако, перспектива соглашения имеется и что предполагается возобновить переговоры в понедельник или во вторник». В официальной записи Мальцан сухо сообщает, что тотчас доложил Симсону и Ратенау о новом обороте дела, однако опускает подробности ночного бдения германских делегатов, которое получило в литературе название «пижамного совещания»¹.

В итоге оживленного обмена мнениями и обсуждения различных вариантов дипломатического поведения в германской резиденции к утру было решено: а) принять приглашение в Рапалло, б) информировать Уайза по телефону о предстоящей поездке в Рапалло. После ночного телефонного звонка Иоффе и «пижамного совещания» 16 апреля днем в Берлин была отправлена телеграмма: «Здесьняя политическая обстановка в целом требует, по-видимому, подписания отдельного соглашения с Россией с целью обеспечения германских прав, которым угрожают известные лондонские предложения. По содержанию соглашение будет соответствовать хранящемуся у Гаушильда проекту. Все находящиеся здесь представители партий и эксперты настойчиво высказываются за заключение договора, чтобы избежать изоляции»².

Позже М. Шлезингер записал со слов Й. Вирта, что в период пребывания советской делегации во главе с Г. В. Чичериным в Берлине он сам не вел разговоров по проекту договора или времени его заключения, хотя полагал, что далеко идущая договоренность достигнута. Однако канцлер Й. Вирт оказал полную поддержку и доверие Мальцану, который довел дело до завершения. «Даже при отъезде в Рапалло,— писал М. Шлезингер,— д-р Вирт

¹ См. Д'Абернон, указ. соч., стр. 213.

² Polit. Archiv. Deutsche Delegation in Genua, Bd. 1, Bl. 096—144. Э. Лаубах полагает, что телеграмма была составлена Мальцаном накануне, однако отправка была задержана им. Тот же историк установил, что телеграмма отправлена в Берлин в 14 час. 40 мин. 16 апреля, то есть примерно за три часа до подписания договора (см. E. Laubach, op. cit., S 207).

не располагал сформулированным текстом заключенного договора»¹. Тем не менее в период конференции в Генуе Й. Вирт решительно выступал за заключение договора, исходя из того что он нужен в принципе, независимо от того, как его воспримут другие державы. Примечательно также, что военные (Сект) не имели никакого отношения к выработке и заключению Рапалльского договора².

16 апреля 1922 г. рейхсминистр Ратенау вместе со статс-секретарем Симсоном и Мальцаном приехали в Рапалло около 12 часов дня. Ратенау предложил Чичерину снова обсудить текст договора и поставил условие — оговорить гарантию, что Германия будет поставлена в равные условия с другими государствами в случае удовлетворения претензий «по социализации». Советские и германские представители занялись доработкой текста договора и формулы наибольшего благоприятствования. В конце дня, в половине седьмого вечера, нарком иностранных дел РСФСР Г. В. Чичерин и министр иностранных дел Германии В. Ратенау подписали выработанный текст договора и обменялись доверительными письмами, которые рассматривались как дополнение и истолкование договора³.

По советско-германскому договору стороны взаимно отказались от всяких финансовых претензий друг к другу: Советская Россия — от претензий на репарации, а Германия — от претензий на возмещение за национализированную собственность. Это создало важный прецедент для урегулирования отношений Советской России с капиталистическими странами. Договор предусматривал не только восстановление дипломатических и консульских отношений между двумя странами, но и развитие экономического сотрудничества и торговли на основе наибольшего благоприятствования.

В. И. Ленин, внимательно следивший за ходом конференции, приветствовал заключение в первые же дни конференции договора между РСФСР и Германией, усматривая в нем воплощение действительного равноправия стран, имеющих разные социальные системы. Ленинская оценка советско-германского договора приобрела особое значение и потому, что он определил его как образец, в

¹ Цит. по F. A. Krummacker, H. Lange, op. cit., S. 476.

² Ibid., S. 477.

³ См. «Документы...», т. V, стр. 223—226.

соответствии с которым можно и необходимо регулировать отношения с капиталистическими странами. Одобряя подписание такого договора, В. И. Ленин дал высокую оценку его политического значения¹. Заключение этого договора было совершенно определенным успехом ленинской дипломатии, которой удалось сорвать попытки западных держав навязать Советской России кабальные условия восстановления хозяйственных связей. Договор получил широкый резонанс и поддержку в деловых и политических кругах Германии². Компартия Германии в связи с заключением договора опубликовала в конце апреля 1922 года воззвание, в котором говорилось: «Российская делегация протянула Германии руку и заключила с ней справедливый, выгодный для обоих народов договор»³. «Германский восточноевропейский экономический союз» (бывший «Ферейн германских фабрикантов и экспортеров по торговле с Россией») направил 2 мая из Эльберфельда на имя рейхсканцлера письмо и резолюцию, принятую общим собранием членов, на котором присутствовало около 500 собственников и представителей фирм из 32 городов и районов Германии⁴. Участники собрания приветствовали заключение Рапалльского договора. «Они видят в приглашениях, — говорилось в резолюции, — единственный путь восстановления Германии и России и их постепенного движения из нынешнего нетерпимого состояния к лучшему будущему. Участники собрания призывают германское правительство неуклонно идти по этому однажды избранному пути к цели и позаботиться о том, чтобы заключенный в Рапалло договор не остался бумагой, а приобрел для Германии жизненное значение»⁵.

Рапалльский договор, заключенный на равноправной основе, открыл целую историческую полосу в отношениях между двумя странами — между Советским государством и Веймарской республикой. Эта полоса характеризовалась практическим воплощением в жизнь принципов мирного сосуществования государств с различным социально-экономическим строем.

¹ См. В. И. Ленин, ПСС, т. 45, стр. 193.

² Официальную германскую оценку договора см. «Советско-германские отношения», т. 2, стр. 531—546, 548—552.

³ «Советско-германские отношения», т. 2, стр. 518.

⁴ G. Rosenfeld, op. cit., SS. 396—397; И. А. Росенко, указ. соч., стр. 100—101.

⁵ Polit. Archiv. Rapallovertrag, Bd. 2, Bl. 097—098.

Подписание договора между Советской Россией и Германией вызвало бурную реакцию стран Антанты, особенно Франции. Западные дипломаты усмотрели в этом акте нарушение Германией единства бывших собственников и кредиторов России. Дипломатические акции западных держав с целью заставить Германию отказаться от заключенного договора не возымели желаемого действия.¹ Советская и германская делегации заняли твердую позицию, отстаивая согласованно свое право регулировать отношения на двусторонней основе. Германская делегация отклонила демарш, предпринятый группой западных держав, и получила при этом полную поддержку советской стороны. Наиболее резким нападкам германская делегация подвергалась в связи с выбором момента для подписания.

Собственно Рапалльский договор не давал империалистическим державам никакого повода для срыва конференции, однако сам факт его подписания существенно изменил обстановку в Генуе. Тотчас после получения сообщения от делегации из Генуи о подписании договора с Германией, 18 апреля, В. И. Ленин поставил вопрос о необходимости немедленной его публикации¹. На другой день было напечатано официальное сообщение НКВД о подписании договора с кратким изложением его содержания². В последующие дни (21 и 24 апреля) В. И. Ленин специальными записками рекомендовал послать Г. В. Чичерину указание: ни в коем случае не идти на признание частных долгов, а тем более на восстановление собственности капиталистов, используя именно договор с Германией как прецедент и не боясь срыва конференции³.

Натолкнувшись на прочную позицию Советской России в вопросе о финансовых претензиях, особенно на отказ от восстановления собственности иностранных капиталистов, западные державы осознали, что на конференции они не смогут добиться своих целей, и стали склоняться к свертыванию ее работы и перенесению нерешенных проблем на новые переговоры в будущем. До середины мая Генуэзская конференция, хотя, как острили журналисты, и на костылях, продолжала свои заседания; происходил обмен меморандумами, рассматривались возможно-

¹ См. В. И. Ленин, ПСС, т. 45, стр. 161.

² См. «Известия», 19 апреля 1922 г.

³ См. «Ленинский сборник» XXXVI, стр. 474, 475.

сти дальнейшей работы экспертов и т. д. Однако западные державы были лишены теперь всяких надежд на то, чтобы поставить Советскую Россию в положение испытываемого государства. Договоренность продолжить обсуждение проблем (долгов, реституций, кредитов, концессий и др.) в комиссиях экспертов была максимальным результатом Генуэзской конференции в целом.

Однако ее историческое значение не ограничивается тем, что были завершены переговоры и подписан договор между двумя ее участниками — Советской Россией и Германией. Генуэзская конференция подготовила почву для налаживания деловых отношений широкого круга государств с участием Советской республики, которая предложила в качестве основы сотрудничества реалистический и справедливый принцип — мирное сосуществование. Само участие советской делегации в конференции означало признание де-факто Советского государства широким кругом европейских государств и подготовило его дипломатическое признание этими государствами. Историческое значение Генуэзской конференции состоит также в том, что здесь впервые была предпринята смелая инициатива советской дипломатии официально внести в повестку дня межгосударственных переговоров жизненно важный для народов вопрос о всеобщем разоружении. В итоге конференции Советское правительство с сожалением отметило, «что это предложение делегации РСФСР не нашло отклика среди представителей других держав, представленных на Генуэзской конференции, и было снято с обсуждения»¹. На Генуэзской конференции был поставлен вопрос о «воздержании от всяких актов нападения» на основе сохранения *status quo*. В итоге дискуссий к 17 мая 1922 г. в политической комиссии конференции были согласованы основные положения «об отказе от всяких агрессивных актов» и выработан проект договора². В заключительном выступлении на пленарном заседании Генуэзской конференции 19 мая 1922 г. Г. В. Чичерин подчеркнул, что советская делегация видит значение конференции в том, что «уже один факт собрания всех европейских государств, без различия победителей и побежденных и без различия систем собственности, является памятным событием, которому суждено принести реальные результаты в деле

¹ «Документы...», т. V, стр. 383—386.

² См. «Материалы Генуэзской конференции», стр. 293—296.

восстановления всеобщего мира и экономического возрождения Европы»¹. История подтвердила правомерность этой оценки события, в котором ленинская дипломатия сыграла видную, можно сказать, определяющую роль.

Генуэзская конференция открыла новую страницу в истории европейской дипломатии, ибо показала, что социализм становится той силой, без которой невозможно удовлетворительное решение проблем мировой политики и межгосударственных отношений. Заключение договора между Советским государством и Веймарской республикой в местечке Рапалло во время этой конференции положило начало целому историческому периоду взаимовыгодного сотрудничества двух стран. Отношения, основанные на этом двустороннем договоре, получили название рапалльской политики.

¹ «Документы...», т. V, стр. 410.

РАПАЛЛЬСКАЯ ПОЛИТИКА. СОВЕТСКО-ГЕРМАНСКОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО В 1922 — 1924 ГОДАХ

Налаживание дипломатического и экономического сотрудничества

Приглашение советской делегации на Генуэзскую конференцию было признанием де-факто Советской России всеми «приглашающими державами» и другими участниками, однако это еще не означало юридического признания Советского государства и тем более союзных республик. На состоявшейся 10 апреля — 19 мая 1922 г. международной конференции в Генуе единая советская делегация представляла интересы не только собственно РСФСР, но и союзных с ней республик. Она имела полномочия и для переговоров, и для заключения договоров от имени советских республик. Однако империалистические державы, выдвигая требования относительно выплаты долгов Российской империи, не хотели признать единое многонациональное Советское государство и не хотели признать РСФСР. Империалистические правительства, отвергнув реалистические советские предложения, сорвали Генуэзскую конференцию. Тем самым они лишний раз показали, что стремились не к мирному сосуществованию с Советской Россией, а к ее удушению.

Решительным прорывом единого фронта империалистических держав стало подписание во время Генуэзской конференции Рапалльского договора. Однако, пойдя на договор с Советским государством, германское правительство при его подписании ограничило его сферу действия пределами РСФСР. В то же время при выработке договора в Рапалло было условлено, что после дополнительных переговоров договор между РСФСР и Германией будет распространен на другие советские республики.

Одна из особенностей Рапалльского договора заключалась в том, что постановления его вступали в силу немедленно. Лишь ст. 4 о наибольшем благоприятствовании и пункт б) ст. 1 об урегулировании публично-правовых и

частно-правовых отношений вступали в силу с момента ратификации¹. Уже в мае 1922 года началась работа по налаживанию отношений между двумя странами на основе договора. ВЦИК ратифицировал Рапалльский договор 16 мая 1922 г.

Германский представитель в Москве Виденфельд информировал 16 июня 1922 г. свое ведомство о беседе с Литвиновым и Караханом, в ходе которой он заявил о скорой ратификации договора в Германии. Из беседы он сделал заключение: «Очевидно, для Русского правительства весьма важно осуществить как можно скорее передачу русского посольства в Берлине, чтобы иметь возможность уже в Гааге указать на что-то, что означает действительное проведение Рапалльского договора»². В Германии Рапалльский договор был поставлен в повестку дня работы рейхстага в конце июня 1922 года. Подробного обсуждения договора в самом рейхстаге не было: буржуазные партии не сочли нужным публично высказывать свою оценку договора. Депутат рейхстага, член КПП Вальтер Штекер подробно охарактеризовал значение Рапалльского договора и выступил в пользу его выполнения. Хотя некоторые партии рейхстага выражали сомнения в своевременности подписания договора, а некоторые партии выступали и против отдельных его постановлений, Рапалльский договор был одобрен рейхстагом 4 июля 1922 г. единогласно, что было, как отмечают историки Веймарской республики, исключительным случаем.

Значение Рапалльского договора для международного положения Германии было сразу же осознано большинством германских государственных и политических деятелей. Наиболее острым атакам с французской и английской стороны подвергалась тактика германской дипломатии и выбор ею момента для подписания договора с Советской Россией. Поэтому в своих выступлениях германские государственные деятели уделяли много внимания обстоятельствам возобновления переговоров с советской делегацией и подписания договора. Они оправдывали свое поведение тем, что «приглашающие державы» поставили Германию вне обсуждения проблем урегулирования с Советской Россией и тем самым вынудили искать возможности урегули-

¹ См. «Документы...», т. V, стр. 223—224.

² Polit. Archiv. Abt. IV Ru. Akten betreffend: Politische Beziehungen Russlands zu Deutschland, Bd. 6, Bl. 196683/246-2

рования с ней на двусторонней основе. Этому были посвящены выступления В. Ратенау на заседании комиссии по иностранным делам рейхстага 28 мая 1922 г. и заявление канцлера Й. Вирта в рейхстаге 29 мая 1922 г.¹ Рейхсканцлер Й. Вирт прямо сказал в рейхстаге: «...Антанта вынудила нас достичь прямого соглашения с Россией»².

Министр иностранных дел Германии В. Ратенау так оценил значение для Германии участия в Генуэзской конференции: «Для нас несомненно историческим событием было то, что Генуя послужила — правда, не как конференция, но все же как основа для установления мира вообще и настоящего мира с Россией, — что Генуя явилась тем местом, где смогло быть положено начало активной немецкой политике». Особенно большое значение придавалось тому факту, что Германия впервые после мировой войны стала играть самостоятельную роль. В. Ратенау говорил на закрытом совещании в комиссии рейхстага о последствиях подписания договора с Советской Россией: «Целый ряд наций понял, что Германия снова вышла в Европе на политическую арену».

Особое удовлетворение вызывало у германских политических руководителей конкретное материальное достижение — снятие вопроса о применении ст. 116 Версальского договора в отношении Германии и Советской России на основе взаимного отказа от претензий. В июне 1922 года один из членов германской делегации, выступая перед германскими промышленниками, говорил: «Что бы произошло, если бы договор с русскими осуществился без нас и за счет Германии? Тогда стала бы фактом ст. 116 Версальского договора, которая сохраняла за Россией право предъявить нам значительные претензии и потребовать от нас возмещения военных убытков, которые, согласно одной версии, должны быть, составляют 8 млрд., по другой — даже 30 млрд. золотых марок. Эту опасность необходимо было устранить. И это произошло благодаря подготовленному в течение долгого времени договору»³.

Отвечая на высказанные в палате общин английским премьером Ллойд-Джорджем оценки Рапалльского договора как «тяжелой ошибки» и заблуждения и на предупреж-

¹ См. «Советско-германские отношения», т. 2, стр. 531—546, 548—552.

² Там же, стр. 549.

³ Там же, стр. 554.

дение о «непредвиденных последствиях» договора, канцлер Й. Вирт заявил: «Рапалльский договор не преследует никаких подобных целей и реализует лишь желание двух великих соседних держав жить в мире и разумно сотрудничать, а именно: в деле взаимного восстановления, и с этой целью подвести черту под прошлым. Он означает не только мир между двумя народами, у которых дела шли всегда хорошо, пока между ними существовало взаимопонимание, он означает также и примирение, мост между Востоком и Западом в экономическом и социальном отношениях на благо обоих народов». Германский канцлер решительно отверг подозрения стран Антанты, что в связи с Рапалльским договором якобы заключены «секретные военные конвенции». «Еще раз могу здесь торжественно заявить, что Рапалльский договор не содержит никаких политических или военных соглашений...»¹.

Еще находясь в Генуе, Мальцан и Литвинов 8 мая 1922 г. обсудили ближайшие проблемы развития отношений между двумя странами. В конце мая 1922 года в Берлине Мальцан беседовал с советскими представителями Пашуканисом и Бродовским по вопросам, вытекавшим из Рапалльского договора, в частности о влиянии договора на постановления соглашения от 6 мая 1921 г. Состоялся обмен мнениями о переименовании представительств в «дипломатические представительства». Советская сторона отметила, что, хотя советское представительство не называется посольством, оно должно пользоваться всеми правами посольства. Германская сторона выразила желание, чтобы советский представитель в Берлине назывался послом, заявила, что ожидает предложения о консульском договоре и готова на открытие консульств в Гамбурге и Петрограде. В ходе бесед были затронуты вопросы о правах советского представительства и о здании посольства.

В советской исторической литературе вопрос о распространении Рапалльского договора на союзные республики нашел свое отражение², однако сам ход переговоров и возникавшие при этом проблемы освещены еще недостаточно полно. Между тем советско-германские переговоры, которые привели к распространению Рапалльского договора на союзные республики и тем самым к дипломатическому признанию их Германией еще до провозглашения образова-

¹ «Советско-германские отношения», т. 2, стр. 551.

² См. И. А. Росенко, указ. соч., стр. 118 и след.

ния Союза ССР, явились в значительной степени дипломатической подготовкой создания Союза ССР и его широкого дипломатического признания.

Советская дипломатия поставила перед Германией вопрос о полной нормализации отношений тотчас после Генуи. Уже в мае 1922 года начались контакты с целью выработки мер по выполнению Рапалльского договора. Первым шагом, имевшим определенный демонстративный смысл, стала передача здания русского посольства в Берлине Советскому правительству. Протокол о передаче зданий посольства в Берлине и Петрограде был подписан 7 июня 1922 г. Значение этого акта так было оценено в отчете НКВД за 1922 год: «Передача нашему берлинскому полномочному представительству здания бывшего императорского посольства была знаменательна еще потому, что символизировала для белогвардейских кругов эмиграции полный крах их реакционных чаяний»¹. Было достигнуто и соглашение об открытии генеральных консульств в Гамбурге и Петрограде.

Одновременно с подготовкой ратификации Рапалльского договора германская дипломатия готовилась к новым переговорам по широкому кругу проблем взаимоотношений с Советским государством. В записке, составленной в МИД Германии, по всей вероятности в июне 1922 года, говорилось: «Соглашением от 6 мая 1921 г. и Рапалльским договором заложена лишь предварительная основа для нормальных отношений с Россией. Возможно и необходимо имеющиеся еще проблемы дополнить хотя бы частично дальнейшими соглашениями между Германским и Российским правительствами»². Германская дипломатия считала, что для ликвидации последствий прошлого и для дальнейшего расширения двусторонних отношений необходимо обсудить и решить с советской стороной ряд проблем, в первую очередь частно-правовые претензии. Считалось необходимым пойти на выработку ряда соглашений: консульской конвенции, соглашения о почтовых посылках, о воздушном сообщении, наконец, торгового соглашения. По ряду проблем к этому времени уже велись переговоры

¹ «Международная политика РСФСР в 1922 г. Отчет НКВД», М., 1923, стр. 30.

² Polit. Archiv. Abt. IV. A. Po 2, Russland. Akten betreffend: Ausdehnung des Rapallovertrages auf die russischen Föderativstaaten (vom Juni 1922 bis Dezember 1922), Bd. 1, Bl. 204039 (далее: Ausdehnung).

и была достигнута договоренность относительно необходимости выработать соответствующие соглашения. Однако по другим вопросам выработка соглашений осложнялась претензиями, которые выдвигались германскими капиталистами. Например, в связи с подготовкой торгового соглашения германская дипломатия намерена была добиваться устранения «препятствий» для деятельности германских капиталистов: гарантий капитала и прибылей, освобождения от налогов и т. п. Особенно нежелательна была для германского капитала установленная в Советском государстве монополия на внешнюю торговлю. В связи с торговым соглашением намечались урегулирование вопросов судоходства, а также получение более широких прав на рыболовство в Белом море. В частности, германских рыбопромышленников не устраивал режим территориальных вод, установленный Советской властью. «Русская сторона претендует на 12-мильную зону, — говорилось в германской записке, — против которой германская сторона, ссылаясь на общепринятую практику соблюдения 3-мильной зоны, до сих пор безуспешно выражает протест»¹.

Расширение сферы действия Рапалльского договора было одной из настоятельных задач его осуществления. Однако германская сторона встала на путь затягивания переговоров, полагая, что взамен признания советских республик можно получить значительные уступки в экономической области. Еще до ратификации договора был продолжен обмен мнениями, который был предусмотрен устной договоренностью при подписании договора. Но германское правительство отказалось от обсуждения законного требования Советской Украины о возмещении ущерба, нанесенного Украине германской оккупацией 1918 года, в размере 400 млн. марок за вывезенные в Германию продовольствие и ценности. Советская Украина не отказывалась рассмотреть контрпретензии со стороны Германии. Газета германских коммунистов «Роте Фане», выступая за нормализацию отношений Германии не только с РСФСР, но и с Советской Украиной, оценивала отказ от установления дружественных отношений с составными частями Советского государства как «саботаж Рапалльского договора»².

¹ Ронн. Archiv. Ausdehnung, Bd. 1, Bl. 204042.

² Подробнее об этом см. И. А. Росенко, указ. соч., стр. 113—114.

Согласно записке, составленной в германском дипломатическом ведомстве 29 июня 1922 г., начальная стадия переговоров советских и германских представителей завершилась 22 июня 1922 г. Советские представители предложили некоторые поправки, которые, по мнению германской стороны, существенно меняли ее проект. Германские дипломаты сделали вывод, что русская сторона якобы не проявляет большого интереса к заключению соглашения, но обещали изучить предложения и сообщить свое мнение. В заключение служебной записки говорилось: «В итоге представляется целесообразным не проявлять с нашей стороны слишком большую поспешность (зачеркнуты слова: с завершением договора.— А. А.) и... подождать новой инициативы с русской стороны»¹. Иными словами, германская дипломатия стала затягивать полную нормализацию и урегулирование отношений с советскими республиками.

На другой день после ратификации Рапалльского договора в рейхстаге, 5 июля 1922 г., заведующий восточным отделом МИД Германии барон А. Мальцан представил записку относительно необходимости принять советское предложение о распространении договора на советские республики (Белоруссию, Украину, Грузию, Азербайджан, Армению и ДВР). Учитывая то обстоятельство, что по этому вопросу не было единого мнения у парламентских партий, Мальцан, выражая точку зрения части деловых кругов и правительственных сфер, обосновывал скорейшее расширение сферы действия заключенного договора жизненными потребностями самой Германии: «Референтура по России считает настоятельно необходимым скорейшее расширение сферы действия договора, а также последующее выполнение Рапалльского договора в интересах наших хозяйственных кругов»².

В германских правящих кругах затягивали решение вопроса под надуманными предлогами. Мальцан доверительно информировал 8 июля 1922 г. германского представителя в Москве Виденфельда: «Против распространения договора на Украину и Грузию в здешних авторитетных кругах снова выдвигается недостаточная экономическая и политическая стабильность тамошних правительств»³.

¹ Polit. Archiv. Ausdehnung, Bd. 1, Bl. 204100—204101.

² Ibid., Bl. 204032—204035.

³ Ibid., Bl. 204044.

Совершенно необоснованной была попытка германских правительственных инстанций представить Германию как страну, которая в 1918 году ввела свои войска на Украину якобы по просьбе «украинского правительства» и которая может считать перекрытыми украинские имущественные претензии военной «помощью», оказанной тогда германскими войсками. Составленная в германском правительстве летом 1922 года калькуляция скрупулезно суммировала претензии Германии к Украине: экспедиционные расходы (1 млрд. марок), оснащение украинских дивизий (4,9 млн. марок), железнодорожные перевозки (51,7 млн. марок), поставка типографки и т. п.¹

Еще не вступая в обмен мнениями по всему комплексу проблем выполнения Рапалльского договора, советская дипломатия в начале июля снова поставила вопрос о расширении сферы действия договора на союзные республики, что означало бы юридическое признание единства всех составных частей многонационального Советского государства.

13 июля во время беседы в германском МИД советский представитель Н. Крестинский вновь поставил вопрос о распространении договора на советские республики, возложив вину за затягивание на германскую сторону². На этой стадии предметом обсуждения был германский проект договора о расширении сферы действия Рапалльского договора. 14 июля советская сторона представила свой проект договора³. К концу июля германские дипломаты подготовили ответ на советский проект⁴. Словом, в течение лета продолжались переговоры о расширении Рапалльского договора, которые затянулись до поздней осени 1922 года. Германский представитель в Москве Виденфельд из бесед с советскими должностными лицами, в частности с Караханом, 15 июля сделал вывод, что «здесь правительство придает очень большое значение распространению Рапалльского договора на все федеративные государства по возможности скорее»⁵. Исходя из того что Советская власть на Украине и в Грузии укрепилась и каких-либо признаков нестабильности Советов там нет, он высказался решительно в пользу распространения Ра-

¹ Polit. Archiv. Ausdehnung, Bd. 1, Bl. 204038.

² Ibid., Bl. 204064. 204063.

³ Ibid., Bl. 204048.

⁴ Ibid., Bl. 204058—204061.

⁵ Ibid., Bl. 204065.

палльского договора на федеративные республики. Записка Виденфельда от 15 июля обосновывала подход к советским республикам как к единому целому экономическими и политическими интересами самой Германии, которая в противоположность Антанте в сложившихся условиях не была заинтересована в отрыве от Советского государства его составных частей. Для конкретизации подхода к признанию Хивы и Бухары и распространения на них договора германский представитель считал желательным добиться поездки туда германского эксперта. «Расширение договора является и останется совершенно необходимым следствием заключения самого Рапалльского договора», — делал общий вывод германский представитель¹. В дипломатическом ведомстве записке представителя в Москве было придано большое значение. Она была направлена для информации германским представительствам более чем в 20 стран: во все европейские столицы и, кроме того, в Вашингтон, Пекин и Токио. Характерно, что в сопроводительном письме было оговорено, что распространение договора на среднеазиатские республики (Хиву и Бухару) не стоит в повестке дня германской политики².

На распространении Рапалльского договора (с его постановлением о наибольшем благоприятствовании) на советские союзные республики настаивали в Германии предприниматели, заинтересованные в расширении торговли со всеми частями бывшей Российской империи. Высказывались, однако, опасения, что эти союзные республики могут выставить со своей стороны претензии на репарации по ст. 116 Версальского договора.

Советская дипломатия была заинтересована в распространении Рапалльского договора на все советские республики главным образом по политическим соображениям. Было необходимо создать прецедент признания всех советских республик таким крупным европейским государством, как Германия. Возникает вопрос, почему оформление действительности Рапалльского договора для советских республик затянулось на несколько месяцев? Прежде всего в числе причин следует отметить нежелание германской стороны распространить без оговорок Рапалльский договор на все советские республики; оговорки выдвигались в отношении Грузии, среднеазиатских республик Хивы и

¹ Polit. Archiv. Ausdehnung, Bd. 1, Bl. 204065—204066.

² Ibid., Bl. 204070—204071.

Бухары, а также в отношении претензий Украинской республики на возмещение вывезенного германскими оккупационными войсками в 1918 году продовольствия.

На позицию германского правительства определенное давление оказывали США и Англия, всячески стремившиеся тормозить развитие рапалльской линии в германской политике и не допустить признания Германией советских республик. Германское посольство в Вашингтоне направило своему правительству 4 мая 1922 г. за подписью Ланга записку об отношении в США к Рапалльскому договору, в которой говорилось: «...В подходе Соединенных Штатов к русскому вопросу существует различие во мнениях между банковскими и торговыми домами, в частности в Нью-Йорке, и здешним правительством, представленным государственным департаментом и департаментом торговли, причем, вопреки известному соперничеству между этими двумя ведомствами, относительно сдержанного отношения к Советской России существует полное единство»¹.

Деловые круги считали возможным самостоятельно возобновить торговые отношения с Россией, но германский представитель не исключал, что они пойдут на сотрудничество с немцами, у которых есть опыт, но нет капиталов, в то время как у американцев имеются капиталы, но отсутствует необходимый опыт. В политических же кругах США, по мнению германского посольства, преобладало мнение, что заключение договора с Советской Россией — крупнейшая ошибка германской политики после августа 1914 года.

На другой день после одобрения в рейхстаге Рапалльского договора, 5 июля 1922 г., имела место обстоятельная беседа между заведующим восточным отделом А. Мальцаном и английским послом лордом д'Аберноном, целиком посвященная отношениям Германии с Советским государством. Лорд подробно выяснял у Мальцана позиции советских руководителей, стараясь вникнуть во все детали. Затем он затронул Рапалльский договор. Заключение советско-германского договора не было для Англии совершенно неожиданным, однако момент подписания, с английской точки зрения, был выбран неудачно. Против собственно договора английский дипломат не выдвигал каких-либо возражений, однако предостерегал германское

¹ Polit. Archiv. Rapallovertrag, Bd. 2, Bl. 223

правительство от немедленного распространения договора на советские республики. Утверждая, что «Германия находится сейчас в критическом положении», он советовал повременить с распространением договора, так как оно «...могло бы быть легко истолковано Францией и некоторыми кругами Англии как сознательное повторение вызванного Рапалло замешательства и повлечь на международную обстановку, которая благоприятна для решения репарационной проблемы», — записал Мальцан слова английского посла. Репарационный вопрос английский посол использовал как средство давления. В ответ на возражения Мальцана, что промышленники требуют обеспечить им доступ на рынки не только Советской России, но и союзных с ней республик, что отдельные части бывшей Российской империи все еще могут потребовать выполнения ст. 116, лорд д'Абернон подчеркнул, что Германии «возможно предстоит благоприятное решение репарационного вопроса, которому никоим образом не следует мешать»¹. Совершенно очевидно, что отказ германского правительства рассматривать распространение Рапалльского договора на среднеазиатские республики Хиву и Бухару, а также на Грузию определялся всецело учетом позиции Англии, которая в отношении Средней Азии и Кавказа все еще лелеяла планы отторжения или непризнания их в составе единого Советского государства.

В донесении германского посольства в Лондоне от 22 июля 1922 г. сообщалось, что управляющий Английским банком Монтегю Норман приписывает бесплодность переговоров в Генуе и Гааге Рапалльскому договору. Со ссылкой на мнения в кабинете, в Форин оффис и в парламенте М. Норман говорил германскому дипломату: «В этих кругах считают, что если бы не существовало Рапалльского договора, то русские были бы более покладистыми, тогда как теперь они имеют надежду, что даже если они не придут к соглашению с другими державами, то все же смогут строить на действенной помощи Германии»².

Германское посольство докладывало из Лондона в Берлин, что в английских правящих кругах вызывает озабоченность возможная германо-русская комбинация в буду-

¹ Polit. Archiv. Abt. IV. A. Russland. Akten betreffend: Den deutsch-russischen Vertrag vom 16. April 1922 (Rapallovertrag) (vom 1. Juni 1922 bis 30. September 1922), Bd. 3, Bl. 203808—203810/114.

² Polit. Archiv. Rapallovertrag, Bd. 3, Bl. 203843.

щем: «...Отношения между Германией и Россией находят в Англии самое пристальное внимание и обстоятельную критику. Совершенно независимо от возможной в будущем европейской перегруппировки, уже само по себе обретение вновь определенной политической свободы действий Германией неудобно для англичан, а всякий дальнейший шаг из политических пут Версальского договора вызовет у наших противников, в том числе и в Англии, протест или встретит сопротивление»¹.

Находившийся в Берлине нарком иностранных дел Г. В. Чичерин 24 июля 1922 г. вместе с советским представителем Н. Н. Крестинским был принят канцлером Й. Виртом в присутствии статс-секретаря Ханиеля и заведующего отделом Мальцана. По инициативе советских представителей были обсуждены вопросы, связанные с расширением Рапалльского договора и его выполнением, а также отношение Германии к «резолуции Каттье», принятой в Гааге, и приглашение в Лигу наций².

При рассмотрении вопроса о расширении сферы действия Рапалльского договора советские представители сослались на то, что канцлер и погибший Ратенау еще в Генуе обещали распространение Рапалльского договора на советские республики, что германское правительство, после того как были устранены трудности, связанные с возмещением украинского имущества в 400 млн. марок, выдвинуло требование о распространении на советские республики одновременно с Рапалльским договором и соглашения от 6 мая 1921 г. Советские представители просили скорее завершить переговоры.

Одной из причин того, что германское правительство шло на расширение отношений с Советской Россией, было опасение некоторых кругов германской буржуазии, что другие западные державы не останутся в стороне и приступят к освоению российского рынка. Германское представительство в Москве также высказывало опасение, что располагающие большими капиталами Англия и Франция могут опередить Германию. Поэтому оно предлагало использовать преимущества, которые дает уже имеющийся Рапалльский договор: «сам по себе факт действительно выполняемого договора дал бы Германии определенный выигрыш в конкурентной борьбе с Антантой, поскольку

¹ Polit. Archiv. Rapallovertrag, Bd. 3. Bl. 203742.

² См. Polit. Archiv Ausdehnung, Bd. 1, Bl. 204072—204076.

Россия в этом случае поверит в серьезность намерений Германии», — говорилось в донесении германского представительства из Москвы в Берлин от 9 октября 1922 г. Экономическую деятельность представительство предлагало развернуть, отбросив сомнения в стабильности советской правительственной системы, поскольку экономические отношения Германии и Советской России являются жизненной необходимостью. «Усилия германских хозяйственных кругов, содействующие восстановлению России, лишь тогда выйдут из стадии пожеланий, как сейчас считают в России, и превратятся в практические действия, когда политика Германии будет строиться целеустремленно на основе, созданной Рапалльским договором»¹.

Рейхсканцлер Й. Вирт, отстаивая рапалльскую линию на заседании внешнеполитической комиссии рейхсрата 16 октября 1922 г., отметил оправданность заключения договора с Советской Россией, ибо «наблюдается состязание других государств в достижении подобных договоров с Россией»². В октябре 1922 года ряд органов печати буржуазных партий Германии, такие как орган католического Центра «Германия», газеты «Гамбургер корреспондент», «Дер Таг», выступили в пользу расширения сферы действия Рапалльского договора³. Газета германских промышленных кругов «Дойче Бергверксдэйтунг» обосновывала необходимость этого расширения экономическими интересами самой Германии: «Распространение Рапалльского договора на Украину, Грузию и Армению необходимо хотя бы для того, чтобы помешать Франции использовать эти важные в экономическом отношении земли в ущерб экономическим интересам Германии»⁴.

В итоге многомесячных дипломатических переговоров между представителями Советского государства и Германии к середине октября 1922 года были согласованы основные пункты проекта договора о расширении сферы действия Рапалльского договора⁵. 30 октября в связи с завершением работы над проектом договора Мальцан писал: «По содержанию договор не вносит ничего нового, он лишь расширяет Рапалльский договор от 16 апреля 1922 г.

¹ A. Anderle, op. cit., S. 57.

² Ibid., SS. 57—58.

³ См. «Внешняя торговля», 1922 г., № 23, стр. 9.

⁴ Цит. по И. А. Росенко, указ. соч., стр. 114.

⁵ См. Polit. Archiv. Ausdehnung, Bd 1, Bl. 204142—204143, 204154—204156.

на Украину, Грузию, Азербайджан, Армению, Белоруссию и Читу и включает еще некоторые необходимые постановления экономического договора от 6 мая 1921 г., который до сих пор был основой наших отношений с Советской Россией (Москвой)»¹. 2 ноября 1922 г. Мальцан сделал президенту Ф. Эберту доклад по подготовленному проекту. После доклада Эберт заявил: «Против заключения договора у меня нет больше никаких возражений».

Договор о распространении на союзные с РСФСР республики договора, заключенного 16 апреля 1922 г. в Рапалло между РСФСР и Германией, был подписан в Берлине 5 ноября 1922 г. от имени Германии заведующим восточным отделом МИД А. фон Мальцаном и от имени РСФСР и союзных республик полпредом Н. Н. Крестинским. Он распространял постановления Рапалльского договора на отношения Германии с Украинской ССР, Белорусской ССР, Грузинской ССР, Азербайджанской ССР, Армянской ССР и Дальневосточной Республикой. Специальными нотами, которыми обменялись канцлер Германии и советский полпред 5—10 ноября 1922 г., было подтверждено, что подписание договора означает признание германским правительством де-юре правительств указанных союзных республик².

По ст. 2 договора Германия и Украина оговорили свое право взаимно установить размер претензий, возникших в связи с пребыванием германских войск на территории Украины. Договор определял юридические последствия, вытекавшие из распространения Рапалльского договора на союзные республики. Союзные республики получили право открывать торговые бюро в Германии. Статья 5 определяла основные положения для экономических отношений Германии и союзных республик. Статья 7 содержала постановление: «Представительства обеих сторон и работающие в них лица обязаны воздерживаться от всякой агитации или пропаганды против правительства или государственных установлений государства, в коем они пребывают»³. Какого либо упоминания соглашения от 6 мая 1921 г. договор не содержал, но включал некоторые постановления, касавшиеся прав граждан и юридических лиц сторон.

¹ Polit. Archiv. Ausdehnung, Bd. 1, Bl. 204209.

² См. «Документы...», т. V, стр. 662—663.

³ Там же, стр. 661.

В период с ноября 1922 по февраль 1923 года договор был ратифицирован союзными республиками. Рейхстаг ратифицировал договор 31 августа 1923 г. Обмен ратификационными грамотами состоялся 26 октября 1923 г.¹

Отказ германского правительства включить в сферу действия Рапалльского договора среднеазиатские советские республики был уступкой английскому империализму, который все еще надеялся оторвать от Советского государства среднеазиатские районы, во всяком случае подвергал сомнению их принадлежность к содружеству советских наций. Характерным подтверждением этого служит факт, зафиксированный в дипломатических анналах: на другой день после подписания договора, 6 ноября 1922 г., Мальцану позвонил английский посол д'Абернон, чтобы поблагодарить за присланный ранее проект договора и выразить надежду, что рапалльские постановления будут распространяться только на поименованные в тексте договора республики и ни на какие другие. Мальцан записал, что он решительно заверил в этом английского посла².

Заключение договора от 5 ноября 1922 г. с Германией означало для советской стороны значительный внешнеполитический успех, поскольку было вкладом в дипломатическую подготовку образования Союза Советских Социалистических Республик. Уже в ходе советско-германских переговоров советские республики рассматривались как союзные с РСФСР республики. Они получили признание де-юре со стороны Германии одновременно с подписанием собственно договора. В подготовку провозглашения Союза, как видно на примере советско-германских переговоров, внесла свой вклад ленинская дипломатия.

Для роста международного авторитета Советского государства было показательно, что в этот момент не только Германия, но и другие страны проявляли все большее уважение к Советской стране. В дипломатическом ведомстве Германии отметили особенность приема в советском посольстве на Унтер ден Линден в Берлине в связи с пятой годовщиной Октябрьской революции: «Прием, на который впервые официально были приглашены иностранные дипломаты, прошел успешно, шведский посланник барон Эссен, финский посланник г-н Хольма и чехословацкий посланник г-н Туссар лично присутствовали и обсто-

¹ «Документы...», т. V, стр. 662.

² См. Polit. Archiv. Ausdehnung, Bd. 1, Bl. 204256.

ятельно беседовали с Красиным и Стомоняковым»¹. Германские дипломаты отметили присутствие также представителей Турции, Латвии, Литвы, Австрии, Китая, Персии и Афганистана, то есть стран, установивших и еще не установивших дипломатические отношения с Советским государством.

* * *

Экономические отношения между Советской Россией и Германией в 1922 году имели тенденцию к расширению. Заключение Рапалльского договора дало новый стимул германским предпринимателям; теперь многие фирмы смелее шли на переговоры и сделки, искали концессии. К этому побуждало их ухудшавшееся экономическое положение Германии. Одним из показателей надвигающейся хозяйственной и финансовой катастрофы было непрерывное и значительное обесценение германской марки. По официальным данным, осенью 1922 года число безработных в Германии достигало 200 тыс. человек. Характерной особенностью кризиса и инфляции в Германии был процесс дальнейшего обогащения крупных монополий, которые не только спасали свои капиталы путем вывоза за границу золота и твердой валюты, но и скупали за бесценок мелкие и средние предприятия, которые не выдерживали волны банкротств. Особо пажились в это время концерны Стинеса, Тиссена, Кирдорфа, Круппа, Кленкера, Вольфа. В течение 1919—1923 годов капиталисты вывезли из Германии ценностей на сумму свыше 15 млрд. марок².

Тяжелое экономическое положение Германии усугублялось обострением репарационного вопроса. Франция требовала от Германии выплаты репарационных сумм. Крупные монополии Германии не намерены были платить и ради сохранения своих капиталов возлагали всю тяжесть репарационного бремени на широкие слои народа. Германское правительство, провозгласившее политику выполнения репарационных обязательств, не было в состоянии мобилизовать средства и внести репарационные взносы в требуемом объеме. Оно обратилось летом 1922 го-

¹ Polit. Archiv. Ausdehnung, Bd. 1, Bl. 204276.

² В. У л ь б р и х т, Послевоенный кризис в Германии и события 1923 года, «Вопросы истории», 1954 г., № 5, стр. 58—59.

да к державам Антанты с просьбой не взыскивать репараций в 1922 году и предоставить мораторий по крайней мере до конца 1924 года. Конференции союзников по репарационной проблеме в августе — декабре 1922 года рассматривали положение Германии, но не решили проблему. В подходе к германским репарациям выявились разногласия между Францией и Англией, что не упрощало, а усложняло положение Германии. Просьба германского правительства о моратории была отклонена, однако и эффективного способа взимания репараций с Германии не было выработано. К концу 1922 — началу 1923 года назревал конфликт в отношениях между Германией и Францией. В этой обстановке германское правительство пыталось проводить осторожную линию сближения с Англией и в то же время налаживания отношений с Советским государством. Тактика постоянных оглядок на Англию при формировании политики в отношении Советского государства продолжалась и после подписания и ратификации Рапалльского договора. Поэтому медлительность и сдержанность в расширении сферы действия Рапалльского договора и развертывании широких экономических отношений между двумя странами следует рассматривать под углом зрения и англо-германских отношений. Но главная забота Германии — противодействие Франции, сопротивление ее притязаниям и обусловленное политическим и экономическим положением Германии настрояние различных политических и социальных кругов в пользу налаживания отношений с Советской Россией заставляли германское правительство осуществлять рапалльскую линию: пойти на обмен послами, на удовлетворение пожелания советской стороны о сфере действия договора, начать подготовку соглашений экономического и правового характера.

В конце августа 1922 года германское правительство стало искать политические средства выхода из состояния, близкого к банкротству. 26 августа германский поверенный в делах Радовиц обратился к заместителю наркома иностранных дел РСФСР Карахану с сообщением от имени своего правительства, что Германия находится перед катастрофой: она не может продолжать политику выполнения версальских обязательств, не располагает платежными средствами. Радовиц от себя лично добавил, что это означает «конец политики исполнения». В связи с обращением германского правительства НКВД РСФСР 29 августа 1922 г. опубликовал сообщение, в котором было выражено

сочувствие советского народа немецкому народу и уверенность, «что заключенный в Рапалло на началах полного равенства и уважения друг к другу договор создал условия для восстановления и укрепления прочных экономических связей между Германией и Россией. Этот договор заслуживает самого серьезного внимания, так как благодаря ему как Россия со своими естественными богатствами, так и Германия с ее организационными и техническими возможностями найдут силы для взаимного восстановления хозяйства и финансов»¹.

На другой день после визита германского поверенного в делах Карахан направил в Берлин Г. В. Чичерину информацию об этом и запросил уточнения позиции германского правительства: «Чего хотят немцы от нас — только шума или в перспективе серьезное событие, где рассчитывают на реальную поддержку»².

В 1922 году обострение репарационного вопроса не привело к серьезным осложнениям Германии с державами-победительницами, однако кризис не был преодолен. «Серьезное событие», которое предполагали советские дипломаты, очевидно, отказ Германии платить репарации, и возможные ответные действия держав Антанты на сей раз не последовали. Но Советское правительство было готово дипломатически поддержать противодействие германского народа давлению империалистических держав.

Одновременно с переговорами о распространении Рапалльского договора на советские республики происходили переговоры по экономическим вопросам. Здесь главная проблема состояла в том, что германские представители не оставили надежды на устранение государственной монополии на внешнюю торговлю в Советском государстве. В августе 1922 года Л. Б. Красин имел несколько бесед с германскими представителями по проблемам экономического сотрудничества, в частности по вопросу о концессиях. Германские представители интересовались, не отдает ли советская сторона предпочтение английским предпринимателям. Красин не скрывал, что цель его поездки в Англию — наладить деловые отношения с английскими фирмами, но для германской промышленности имеются большие возможности, если она не будет пытаться обойти монополию внешней торговли. Л. Б. Красин твердо и по-

¹ «Советско-германские отношения», т. 2, стр. 560.

² «Документы...», т. V, стр. 564.

следовательно отстаивал сохранение монополии внешней торговли в интересах экономической самостоятельности страны. Он сообщил германским представителям, что компетентные советские органы работают над проектом общего торгового договора с Германией¹. Красин упрекнул германских предпринимателей в том, что им изменяет их хваленая предприимчивость, что они, видимо, оглядываются на Антанту. Он привел примеры все еще нереализованных концессий (земельной концессии Круппа в Южной России, нефтяной концессии, переговоры о транзитном сообщении с Персией и др.). Германские представители делали выгод: «Общее впечатление от беседы с Красным сводится к тому, что он весьма благосклонно относится к экономическому сотрудничеству с Германией, особенно к быстрому его развертыванию, а также к тому, чтобы со своей стороны, пойдя на дальнейшие уступки, возобновить переговоры, которые были прерваны или зашли в тупик»².

В германских торгово-промышленных кругах и после заключения Рапалльского договора оставались весьма сильные надежды на отмену монополии внешней торговли и на реставрацию капиталистических порядков в Советской России. Некоторые промышленные объединения были склонны даже поставить условием налаживания торговых отношений непосредственные контакты с частными торговцами, а не с внешнеторговыми организациями Советской России.

На протяжении всего 1922 года на советско-германские экономические отношения оказывала влияние происходившая в Советской России, внутри партии, дискуссия и внутренняя борьба по вопросу о монополии внешней торговли³. Существование спора было вынесено в печать, что не только привлекло внимание иностранных капиталистов, но и усилило у них надежды на отмену монополии внешней торговли, определяло их сдержанность в переговорах о торговых сделках. Германское представительство в Москве рекомендовало своим фирмам использовать происходящую в Советской России борьбу, устанавливая деловые связи помимо НКВТ, отдавая предпочтение сделкам с другими организациями. В середине мая 1922 года советский пред-

¹ См. Polit. Archiv. Rapallovertrag, Bd. 3, Bl. 203844—203845.

² Ibid., Bl. 203869—203875.

³ См. подробнее В. А. Шишкин, указ. соч., стр. 394—402

ставитель в Берлине Н. Крестинский информировал правительство, что разногласия в партийных и хозяйственных кругах по вопросу о монополии внешней торговли отрицательно сказываются на переговорах с германскими деловыми кругами. В. И. Ленин предложил в этой связи немедленно и решительно прекратить все разговоры о послаблении монополии внешней торговли. По этому предложению 22 мая Политбюро приняло соответствующую резолюцию¹.

Осенью 1922 года, особенно в октябре — ноябре, борьба вокруг монополии внешней торговли снова обострилась. Противникам сохранения монополии (Г. Сокольников и др.) удалось даже провести некоторые решения в ЦК партии. В. И. Ленину пришлось вновь решительно вмешаться в спор и поддержать точку зрения Л. Б. Красина, который последовательно отстаивал сохранение и укрепление монополии внешней торговли. Пленум ЦК РКП(б) 18 декабря 1922 г. единогласно принял решение, которое подтверждало безусловную необходимость сохранения и организационного укрепления монополии внешней торговли. XII съезд РКП(б) в апреле 1923 года в своей резолюции заявил, что «категорически подтверждает незыблемость монополии внешней торговли и недопустимость какого-либо ее обхода или колебаний при ее проведении и поручает новому ЦК принять систематические меры к укреплению и развитию режима монополии внешней торговли»².

Твердость, проявленная Советским правительством в упрочении внешнеторговой монополии, не затормозила, а ускорила налаживание деловых контактов со стороны иностранных предпринимателей. Германские деловые круги усилили поиски путей увеличения торгового оборота с советскими организациями.

Для характеристики собственно торгового оборота между Германией и Советской Россией в период с июля 1921 по июль 1922 года показательны следующие данные: советские организации заказали в Германии промышленных товаров на сумму в 3 млрд. марок и продали там товаров на 700 млн. марок³. В мае 1922 года начались переговоры с консорциумом Круппа, Стиффеса и «АЭГ» в целях

¹ См. В. И. Ленин, ПСС, т. 54, стр. 260, 645; т. 45, стр. 188, 548—549.

² «КПСС в резолюциях и решениях съездов», ч. 2, М., 1970, стр. 404.

³ «Внешняя торговля», 1922 г., № 6, стр. 8.

образования «Германо-Русского торгового общества» для организации обмена промышленными и сельскохозяйственными товарами между двумя странами. Такое соглашение было выработано к весне 1923 года. Предложения по созданию смешанных обществ и заявки на получение концессий заметно увеличились. К началу 1923 года Германия в этом отношении была на первом месте среди западных стран¹. Некоторые из этих предложений были реализованы еще в 1922 году, по другим — начаты переговоры. В апреле 1922 года было образовано «Русско-Германское торгово-транзитное общество» («Рустранзит») для организации совместно с гамбургской фирмой «Роберт-Венкгауз и К°» перевозок через советскую территорию в Персию.

Договор с концерном Отто Вольфа был утвержден 19 октября 1922 г. По этому договору создавалось «Русско-Германское торговое акционерное общество», которое получало возможность под контролем НКВТ продавать металлоизделия и покупать сырье в Советской России². В декабре 1922 года образовано «Германо-Русское химическое акционерное общество». В январе 1923 года был утвержден заключенный в марте 1922 года договор о предоставлении фирме Круппа сельскохозяйственной концессии на Дону. 24 октября заключен договор с семеноводческим обществом «Дейче Заатбау-Акциенгезелльшафт».

* * *

Рапалльский договор предусматривал немедленное возобновление дипломатических и консульских отношений между двумя странами. Поскольку в Берлине и в Москве уже имелись представители правительств на основе соглашения от 6 мая 1921 г., речь шла об установлении полных дипломатических отношений и обмене полномочными представителями — послами. Советское правительство, последовательно проводя курс на установление отношений сотрудничества, назначило находящегося в Берлине Н. Н. Крестинского полпредом и наделило его соответствующими полномочиями.

Вручение верительных грамот полпредом Н. Н. Крестинским президенту Германии Ф. Эберту состоялось 2 августа 1922 г. В речи по случаю вручения верительных гра-

¹ См. «Документы...», т. VI, стр. 183—187.

² См. «Документы...», т. V, стр. 623—624.

мот советский полпред подчеркнул желание Советского правительства строить отношения на основе заключенного договора: «Для хозяйственного строительства обеих стран необходимо полное восстановление оживленных и дружественных торговых отношений. Сознание этой необходимости побудило правительства обеих стран заключить между собой Рапалльский договор, который должен создать прочную основу для экономических и торговых отношений»¹. В ответной речи президент Эберт отметил, что дипломатические отношения между двумя государствами возобновляются отныне в полном объеме. Он заявил: «Германское правительство также преисполнено искренним стремлением в пределах своих сил содействовать экономическому восстановлению наших стран. Обусловленные Рапалльским договором соглашения, преследующие лишь мирные цели, вытекают из сознания необходимости возобновления нормальных экономических отношений между обоими великими народами»².

В Германии вопрос о назначении посла стал предметом длительного и сложного обсуждения. В германских правящих кругах стали подыскивать подходящую кандидатуру на должность посла в Москве вскоре после заключения Рапалльского договора. От выбора зависела реализация нового направления внешней политики. Останется ли Рапалльский договор на бумаге или получит жизненное воплощение — так стоял вопрос. От выбранной кандидатуры в значительной мере зависели степень сближения и сотрудничества между двумя странами и пределы взаимного понимания интересов и потребностей сторон. В мае 1922 года выбор президента Эберта остановился на кандидатуре графа Брокдорфа-Ранцау, который был известен как опытный дипломат старой школы, имевший совершенно определенный подход к отношениям с Советской Россией и Антантой. Он считал допустимым лишь такое сближение с Советской Россией, которое не вызывало бы недовольства Англии. Цель своей миссии в Москве он ограничивал исключительно налаживанием экономического сотрудничества для восстановления и оздоровления обеих стран³. 2 ноября 1922 г. германский посол прибыл в Москву. Первый доверительный отчет из Москвы германский посол

¹ «Известия», 6 августа 1922 г.

² Там же.

³ См. H. Helbig, Die Moskauer Mission des Grafen Brockdorff-Rantzau. B., 1955, S. 333.

Брокдорф-Ранцау отправил в Берлин 3 ноября 1922 г. Он сообщал, что Г. В. Чичерин пригласил его к себе на следующий день после приезда и встретил «весьма сердечно». Чичерин сказал при встрече: «Сегодняшний день означает для России начало новой эпохи». Германский посол, со своей стороны, сказал, что принял назначение с сознанием высокой ответственности, но без всяких иллюзий, что он готов приложить все силы во имя сотрудничества Германии и Советской России и надеется на поддержку со стороны Советского правительства. Г. В. Чичерин напомнил, что еще в беседе в Берлине он обещал содействовать сотрудничеству Советской России и Германии. Брокдорф-Ранцау выразил надежду, что в Советской России «несмотря на серьезное положение, в котором мы находимся в настоящее время, не склонны недооценивать тот фактор силы, который представляет собой для всего мира германский народ благодаря своему интеллекту и культуре». Ранцау заявил, что он приехал в Москву не как проситель, чтобы искать утешения и помощи, но в убеждении, что русский и германский народы, даже если бы судьба обошлась с ними менее сурово, связаны друг с другом самыми тесными узами. Г. В. Чичерин заявил, что он понимает точку зрения Ранцау и считает, что задача заключается в том, чтобы сплотить воедино нации Европы, подавленные «дикими» мирными договорами, а также народы Азии. На это германский посол возразил: «Германия никогда не пойдет на комбинации, которые могли бы в конечном счете привести к военным осложнениям, Германия не имеет права ни при каких обстоятельствах проводить политику, которая имела бы острое, направленное против Англии». Конструктивную программу Брокдорф-Ранцау сформулировал так: «Мы должны быть настроены в первую очередь на экономическое восстановление и готовы для этого протянуть руку России»¹. Г. В. Чичерин согласился с Ранцау в том, что главная задача состоит в налаживании экономического сотрудничества, и добавил, что в этом смысле и в Азии могут надеяться на поддержку. На это германский посол горячо возразил, что «мы при всей готовности к сотрудничеству с Россией никогда не позволим вовлечь себя в противоречие с Англией»².

¹ Polit. Archiv. Abt. IV A, Ru/Po. 2. Akten betreffend: Politische Beziehungen Russlands zu Deutschland, Bd. 7. Bl. 196698—196700.

² Ibid., Bl. 196700.

Таким образом, беседа германского посла и советского наркома в день после приезда первого в Москву представляла собой дипломатическое зондирование, в ходе которого Брокдорф-Ранцау изложил часть своей концепции сотрудничества между двумя странами. Уклоняясь от принятия каких-либо обязательств по противодействию британскому империализму, германский посол не упускал из виду возможные комбинации против Франции и Польши. Однако для начала своей деятельности полагал достаточным ограничиться изложением позитивной программы, которая была уже оглашена и принята Советским правительством: торговое и культурное сотрудничество двух стран для хозяйственного восстановления. В этом духе новый германский посол Брокдорф-Ранцау составил свою речь, которую произнес при вручении верительных грамот, состоявшемся 5 ноября 1922 г.

При вручении верительных грамот Председателю ВЦИК РСФСР М. И. Калинину германский посол Брокдорф-Ранцау заверил Советское правительство: «Все мои силы и всего себя я готов отдать, чтобы доказать, что Рапалльский договор открыл новую эру между германским и русским народами и этим самым открыл ее не только для Европы, но и для всего мира. Рапалльский договор подвел черту под прошлым, но только постольку, поскольку это прошлое было печально»¹. Предлагая сотрудничество на благо народов двух стран, германский посол отметил: «Было время, когда между немецким и русским народами существовало взаимное понимание. К ущербу обоих народов, их пути разошлись. Но в тяжелом испытании, ниспосланном им судьбой, они снова нашли друг друга для совместной работы»².

М. И. Калинин в ответной речи с удовлетворением отметил готовность следовать принципам имеющегося договора: «Заклучив Рапалльский договор, отвечающий духу и требованиям времени и интересам обеих стран, русский и германский народы явили всему миру пример взаимного бескорыстия и доверия, которые могут служить единственным базисом истинно дружественных отношений народов и указать миру единственный и правильный выход из затруднений и хаоса, созданных великой разрушительной и бессмысленной войной. Путь дружественных отношений

¹ «Известия», 7 ноября 1922 г.; «Советско-германские отношения», т. 2, стр. 561.

² Там же, стр. 561—562.

и экономического сближения, на который вступили русский и германский народы, твердо намечен, и его не смогут изменить никакие посторонние случайные обстоятельства или те отношения, какие могут установиться у них с другими странами»¹.

После вручения верительных грамот Брокдорф-Ранцау отправил несколько телеграмм: о самом акте торжественного вручения, о торжественной церемонии в связи с этим событием, наконец, о беседах с М. И. Калининым и Г. В. Чичериным. Без излишней скромности граф сообщил Мальпану: «Мою речь здесь называют мастерским произведением». С удовлетворением и гордостью сообщал он о необычной для того времени в Москве торжественной церемонии по случаю вручения верительных грамот. Дело в том, что граф был несколько разочарован тем, что в день приезда на вокзале ему не было оказано достаточно почестей. Теперь в связи с актом вручения грамот он получил удовлетворение: «После предусмотренных речей — сердечная интимная беседа с Калининым в присутствии Чичерина. Рота почетного караула под полковым знаменем прошла передо мной. Парадный марш — после рапорта коменданта Кремля»². Оркестр исполнил при этом любимый графом марш «Хоэнфридбергер».

В доверительном отчете Ранцау сообщил свои положительные впечатления от беседы с М. И. Калипиным. Посол пришел к выводу, что распространенные на Западе представления о Председателе ВЦИК как «типичном представителе» русского крестьянства не имеют никаких оснований: «Напротив, я могу отметить, что Председатель при этом церемониальном акте исполнял свои функции с естественным достоинством и большим тактом». Что касается налаживания отношений между двумя странами, то в официальной и личной беседах М. И. Калинин высказался в пользу развития мирных экономических отношений. Брокдорф-Ранцау подчеркнул: «Каких-либо намеков, которые давали бы основания для вывода о пожеланиях военного порядка, Председатель не делал, более того, в ходе всей беседы он решительно подчеркивал необходимость мирной работы по экономическому и культурному восстановлению»³.

¹ «Советско-германские отношения», т. 2, стр. 562.

² Polit. Archiv. Abt IVA, Ru/Po 2. Akten betreffend: Politische Beziehungen Russlands zu Deutschland, Bd. 7, Bl. 196696/053.

³ Ibid., Bl. 058.

Исследователь деятельности Брокдорфа-Ранцау в Москве западногерманский историк Герберт Хельбиг писал: «Согласно его планам, привезенным в Москву, послу больше всего было по душе развертывание хозяйственных отношений между двумя народами. Уже в конце 1922 года ему удалось заключить предварительный договор о поставках зерна, который предусматривал импорт на 30 млн. золотых марок в год, которые на одну треть должны были оплачиваться германскими промышленными товарами»¹.

Таким образом, в конце года налицо были первые успехи рапалльской политики Советской России и Германии. В связи с тем что политика выполнения репарационных обязательств зашла в тупик, а экономическое положение страны оставалось сложным, правительство Вирта было вынуждено подать в отставку в ноябре 1922 года. Уходом правительства Вирта завершился определенный период не только западной, но и восточной политики Германии: оформились основные контуры рапалльской политики, предстояло наполнить их конкретным содержанием, ввести рапалльскую политику в действие не только формально но и по существу, испытать на деле, как стороны, имеющие различные социальные системы и различные классовые цели, могут дипломатически согласовывать свои национальные интересы и политические действия. Вскоре для этого представилась первая возможность в связи с репарационным кризисом и рурской авантюрой Франции.

Рурский кризис и позиция Советского Союза. Майский инцидент 1924 года

Образование Союза ССР в декабре 1922 года укрепило международное положение Советского государства и имело следствием расширение его дипломатических отношений. Советский Союз вышел на международную арену как великая держава, способная оказывать существенное влияние на решение проблем мировой политики. Относительно международного положения Советского государства в период образования Союза ССР В. И. Ленин сказал: «Мы завоевали дипломатическую обстановку вполне определенную... Мы сейчас добились признания своих прав нашими

¹ H Helbig, op. cit., S 316.

врагами как в экономической, так и в торговой политике. Это доказывает заключение торговых договоров»¹.

В своем последнем публичном выступлении на пленуме Московского совета 20 ноября 1922 г. В. И. Ленин заявил с гордостью и оптимизмом относительно перспектив роста международного авторитета Советского государства: «Мы стоим на дороге, совершенно ясно и определенно очерченной, и обеспечили себе успех перед государствами всего мира, хотя некоторые из них до сих пор готовы заявлять, что садиться с нами за один стол не желают. Тем не менее экономические отношения, а за ними отношения дипломатические налаживаются, должны наладиться, наладятся непременно. Всякое государство, которое этому противодействует, рискует оказаться опоздавшим и, может быть, кое в чем, довольно существенном, рискует оказаться в невыгодном положении»².

Для германского правительства в конце 1922 — начале 1923 года во внешней политике продолжали оставаться самыми важными проблемы репараций, восточной политики и отношения к Лиге наций, причем как благоприятный итог года правительство могло твердо назвать только заключение Рапалльского договора. Смена правительства в ноябре 1922 года не могла серьезно поколебать рапалльский курс, хотя возглавивший правительство директор крупнейшей судоходной компании В. Куно не был инициатором рапалльской политики. Правительство Куно было составлено из лиц, выполнявших непосредственно волю крупнейших германских монополистов, таких как Стиннес, Тиссен, Рехлинг и др., и опиралось на так называемую «народную партию». Выполнение репарационных обязательств стало для правительства В. Куно одной из главных проблем.

На совещании премьер-министров земель 5 декабря 1922 г. рейхсканцлер Куно подчеркнул, что «отношения с Россией более отрадны», чем с западными державами, в частности с Францией. Как определенное достижение он отметил заключенные в 1921 и 1922 годах соглашения с Советской Россией³. Министр иностранных дел Ф. фон Розенберг признал на заседании внешнеполитического комитета рейхстага 9 декабря 1922 г., что общее положение

¹ В. И. Ленин, ПСС, т. 45, стр. 303.

² Там же, стр. 301.

³ См. Akten der Reichskanzlei. Das Kabinett Cuno (22. November 1922 bis 12. August 1923), Boppard/Rhein, 1968, Nr. 11, S. 32.

страны сумрачно и «только отношения с Россией дают проблеск». Он высказался за выполнение договора от 5 ноября 1922 г., за разработку в ближайшее время экономического договора с Советским государством, а также соглашений о правовой защите, о судоходстве и т. д. Принявший участие в обсуждении проблемы Й. Вирт, возражая противникам рапалльского курса, заявил: «Мы вынуждены проводить восточную политику»¹. Причина заключалась в том, что рапалльская линия оставалась единственным реальным достижением Германии на фоне ухудшавшегося экономического положения и обострявшегося репарационного конфликта, особенно с Францией.

Уже вскоре после приезда в Москву Брокдорф-Ранцау и Г. В. Чичерин установили отношения, основанные на взаимопонимании. В первых же письмах в Берлин Ранцау писал, что восхищен не только глубоким интеллектом советского наркома, но и его блестящим владением немецким языком. Между ними часто происходили откровенные беседы, завязалась личная переписка, в которой они выражали свое отношение к политическим проблемам. Ранцау сообщал Мальцану: «Мы взаимно стремимся превзойти друг друга в интеллекте»; «Чем дольше я здесь нахожусь, тем больше подтверждается мое убеждение, что политика представляет собой не ремесло, а искусство, занятие которым просто требует личностей»².

Одно из первых обстоятельных писем Брокдорф-Ранцау отправил в Берлин на имя рейхсминистра иностранных дел фон Розенберга в конце декабря 1922 года. Документ на 11 машинописных листах с грифом «совершенно секретно», датированный 23 декабря, содержит весьма важные политические высказывания посла в итоге первых двух месяцев его пребывания в Москве³. На основе наблюдений и бесед посол делал вывод, что вожди коммунизма отнюдь не упускают из виду свою конечную цель — мировую революцию, однако в настоящее время не хотят большего ослабления Германии. «Однако, если у нас произойдет катастрофа, под давлением обстоятельств они не смогут избежать вмешательства»⁴. На основании доверительных

¹ Цит. по A. Anderle, op. cit., S. 60.

² Цит. по W. Joost, Botschafter bei den roten Zaren. München, 1967, S. 170.

³ См. Polit. Archiv. Büro Reichsminister. Akten betreffend: Russland, Bd. 5, Bl. 552729—552739.

⁴ Ibid., Bl. 552731.

сведений из Берлина Ранцау предполагал, что в середине января в Германии произойдут важные события, «возможно, решающие для будущего рейха», и правительство сможет, наконец, сказать «нет» вымогательству Антанты. «Если нынешнее правительство действительно полно решимости не терпеть дальше бессовестное злоупотребление так называемым репарационным вопросом, готово констатировать нарушение Версальского договора со стороны Франции и сделать из этого соответствующие выводы, то, по моему мнению, позиция, которую, как мы ожидаем, займет Россия, имеет большое значение»¹.

В беседах с советскими представителями Брокдорф-Ранцау убедился в том, что Германия и Советская Россия не будут брать каких-либо обязательств военного порядка. Позиции Советского правительства посол придавал большое политическое значение и предлагал предпринять дальнейшие зондирующие действия. «Главное, как мне представляется, заключается в том, что теперь наше правительство знает, насколько оно, не беря со своей стороны обязательств, может рассчитывать на Россию, в случае если оно в будущем отклонит вымогательскую репарационную политику Антанты»².

В первой же политической акции, замышлявшейся германскими правящими кругами, Брокдорф-Ранцау проявил себя как расчетливый политик, который, отнюдь не стремясь к союзным отношениям с Советской Россией, держась в рамках экономического сотрудничества, хотел использовать благоприятную позицию Советского правительства для улучшения международного положения Германии.

Попытки германского крупного капитала и правительства Куно уклониться от выполнения репарационных обязательств привели к обострению отношений между Германией и Францией. Используя в качестве предлога отказ германских властей от поставок угля и леса в счет репарационных платежей, Франция совместно с Бельгией ввела 11 января 1923 г. войска в Рурскую область. Оккупационные власти ввели контроль над запасами угля и железнодорожным транспортом, различные пошлины и налоги, установили таможенную границу. Германское правительство призвало немцев оказывать пассивное сопротивление

¹ Polit. Archiv. Büro Reichsminister. Akten betreffend: Russland, Bd. 5, Bl. 552736—552737.

² Ibid., Bl. 552732.

оккупационным властям. Ввод французских и бельгийских войск в Райнланд и в Рур в порядке репрессалий за неплату репараций вызвал международный кризис.

Советское правительство выступило в защиту интересов германского народа, опубликовав 13 января подписанное М. И. Калининым Обращение ВЦИК к народам всего мира в связи с вводом иностранных войск в Рурскую область. В Обращении дана острая политическая характеристика и оценка Версальского договора как империалистического мира и заявлен протест против новой военной акции Франции:

«Насильственно отторгнув от Германии ряд провинций и лишив ее средств самообороны, Версальский договор отнял у нее почти весь торговый флот, одну треть ее угольной промышленности и три четверти ее железной руды. Он взвалил на плечи германского народа колоссальное бремя репараций, т. е. уплаты деньгами, углем и товарами возмещений за разрушения, произведенные войной в Бельгии и Франции»¹.

Советское правительство расценивало вторжение в Рурскую область как разрыв даже этого империалистического договора, а ситуацию — как чреватую военным конфликтом: «Мир снова ввержен в состояние предвоенной лихорадки. Искры сыплются в пороховой погреб, созданный из Европы Версальским миром»². Советский Союз выступил с призывом к народам выразить протест против империалистической политики и попрания права германского народа на самоопределение и взять судьбу мира в свои руки.

Позиция Советского правительства означала наряду с протестом против империалистической политики насилия и дипломатическую поддержку Германии в духе Рапалльского договора, хотя буква договора и не обязывала к такому выступлению, но определяла развитие дружественных отношений. Советский Союз оказал реальную поддержку рабочему классу и всему народу Германии в дни рурского кризиса³.

¹ «Документы...», т. VI, стр. 151.

² Там же.

³ Там же, стр. 158—159; W. Ruge, Die Stellungnahme der Sowjetunion gegen die Besetzung des Ruhrgebietes, В., 1962, SS. 58—60; Д. С. Давидович, Советско-германские отношения в период рурского кризиса. «Рапалльский договор и проблема мирного сосуществования», М., 1963, стр. 140—165; «Германская история», т. 2, стр. 82—85.

В день опубликования Обращения германское посольство в Москве передало Советскому правительству ноту, в которой германское правительство, информируя о действиях Франции и квалифицируя их как нарушение Версальского договора, сообщило о своем протесте против насилия. «Оно, — говорилось в ноте, — не намерено ни противодействовать силе силой, ни отвечать на нарушение договора отказом от договора. Однако, пока будет сохраняться положение, противоречащее договору, Германия не будет в состоянии выполнять свои обязательства перед державами, вызвавшими такое положение»¹. 17 января Советское правительство направило германскому посольству ответ в духе понимания положения Германии и со ссылкой на опубликованное Обращение к народам от 13 января². Рейхсканцлер В. Куно на совещании с представителями профсоюзов 23 января отметил, что против франко-бельгийской акции не последовал протест ни одного государства, кроме Советской России³.

Возникший серьезный международный кризис, вызвавший обострение противоречий между Францией Англией, а также США, затянулся вплоть до Лондонской конференции 1924 года. Только после принятия «плана Дауэса», который предусматривал возвращение Германии захваченных территорий и имущества, французские войска в июле — августе 1925 года полностью очистили Рурскую область.

Конфликт между Германией и Францией имел и непредвиденные экономические последствия для отношений между Германией и Советским Союзом: увеличилась тяга не только торгового, но и промышленного капитала к сотрудничеству с СССР. Торговый представитель РСФСР в Германии Б. С. Стомоняков в письме от 9 февраля 1923 г. в ЦК РКП(б) подчеркнул увеличение концессионных заявок и изменение характера самих переговоров: «В то время как ранее германские капиталисты интересовались концессиями и смешанными обществами более или менее торгового характера, теперь стремление спасти свои капиталы от французов толкает их искать пути длительного вложения капитала в русское производство. Соответственно с этим концессионные предложения производственного характера,

¹ «Документы...», т. VI, стр. 158—159.

² Там же, стр. 157—158.

³ См. Akten der Reichskanzlei. Das Kabinett Cuno, Nr. 52, S. 186

поступающие в берлинское Торгпредство после занятия Рурской области, преобладают над предложениями торгового характера»¹.

Крупные фирмы Германии, такие как «АЭГ», «Крупп», «Стиннес», «Юнкерс», концерн «Отто Вольф», различные верфи начали деловые контакты с советскими организациями.

Германская дипломатия в начале 1923 года занялась особенно активно проблемами налаживания экономических отношений с Советским Союзом. К этому ее побуждали, с одной стороны, настоятельные потребности германского хозяйства, которые были изложены в заявках ряда промышленных объединений, с другой — предложения советских представителей заключить соглашения в развитие Рапалльского договора. Советское правительство реалистически оценивало положение Германии. В. И. Ленин в статье «Лучше меньше, да лучше» (март 1923 г.) отметил: «Система международных отношений сложилась теперь такая, что в Европе одно из государств поработщено государствами-победителями — это Германия... Все капиталистические державы так называемого Запада клюют ее и не дают ей подняться»².

Имперский союз германской промышленности в конце января 1923 года направил памятную записку в дипломатическое ведомство, в которой поставил вопрос о том, что развитию экономических связей между Германией и СССР якобы мешает советская монополия внешней торговли. Как показывает ряд документов, германские правящие круги, особенно крупные монополии, не оставляли надежд на то, что рано или поздно удастся опрокинуть советскую монополию внешней торговли, хотя и были вынуждены обстоятельствами идти на налаживание экономического сотрудничества.

В германском посольстве в Москве обстоятельно изучали возможности экономического сотрудничества между Германией и СССР. В подготовке к переговорам принимали участие под руководством посла Брокдорфа-Ранцау сотрудники посольства М. Шлезингер, Граап, Хильгер и фон Твардовски. Германские дипломаты понимали, что налаживание экономического сотрудничества с Советским Союзом отвечает прежде всего национальным интересам самой

¹ «Документы...», т. VI, стр. 183.

² В. И. Ленин, ПСС, т. 45, стр. 402—403.

Германии. В докладной записке послу 14 февраля 1923 г. Хильгер подчеркнул, что участие в восстановлении русского хозяйства является лишь путем для достижения собственных целей: «Мы находимся под угрозой кризиса сбыта продукции нашей промышленности, а следовательно, и безработицы широких масс со всеми вытекающими из этого последствиями во внутренней политике, которые невозможно предвидеть. Поэтому необходимым является создание долговременных возможностей занятости германской промышленности в России, которые вышли бы за рамки отдельных, хотя и значительных, поставок и должны быть закреплены в естественном обороте производственной продукции»¹.

В германском посольстве в Москве, да и в германском правительстве понимали, что в налаживании экономических отношений Германия заинтересована не меньше, чем Советский Союз. В одном из писем в середине марта 1923 года Брокдорф-Ранцау, возражая на утверждения, что русские больше нуждаются в переговорах, чем немцы, язвительно заметил, что «мы, авгуры между собой, должны отчетливо признать, что перед лицом возможностей, которые открыты перед Россией, и невозможностей, которые окружают нас, целесообразнее не слишком глубоко затрагивать этот вопрос»². Министр иностранных дел Ф. Розенберг в конце марта 1923 года говорил во внешнеполитическом комитете рейхстага: «Несмотря на некоторые противоречия, нас толкает на сближение с Россией сила нужды и потребности хозяйственного восстановления. Спокойно и мирно мы сотрудничаем с Россией в рамках Рапалло. Тайных договоров с Россией не имеется»³. Итоги первого года действия Рапалльского договора оценивались сторонами положительно.

По случаю годовщины заключения Рапалльского договора нарком иностранных дел СССР Г. В. Чичерин написал послу Брокдорфу-Ранцау письмо, оригинал которого на немецком языке находится в фондах Политического архива германского дипломатического ведомства в Бонне. Обращаясь к послу «дружественной Германии», Г. В. Чичерин писал: «Глубокие исторические причины лежат в основе заключения этого договора, которые делают его за-

¹ Цит. по A. Anderle, op. cit., SS. 65—66.

² Ibid., SS. 67—68.

³ Ibid., S. 70.

метной вехой. Открыто, перед целым светом, без всякого злого умысла, без тайных соглашений два народа заявили о необходимости дружественных отношений, сближения, экономического сотрудничества. Отказ от взаимных претензий, как известно, является для нашего государства единственно возможной основой длительных отношений доверия, а благодаря тому, что германское правительство вступило на этот путь, оно сделало возможным этот двусторонний исторический акт». Особое внимание советский нарком обратил на развитие экономического сотрудничества: «Мы придерживаемся мнения, что коренящееся в экономическом и географическом положении взаимное хозяйственное тяготение наших стран никогда не получало прежде настоящего выражения, и теперь в первый раз перед ними открыт свободный путь. Так пусть же наши страны вступят со всей энергией на этот путь — таково мое пожелание к годовщине договора. Последствия будут большими и многообразными. Договор показал уже сейчас, каким значительным фактором он является в политической жизни»¹. Такова была оценка значения Рапалльского договора советской стороной за год его действия, когда наиболее значительными акциями было распространение договора на союзные республики (5 ноября 1922 г.) и выступление СССР в поддержку Германии в рурском кризисе.

Экономические отношения между двумя странами в 1923 году строились на основе конкретных соглашений. 1 марта 1923 г. между У. Брокдорфом-Ранцау и Л. Б. Красиным было достигнуто соглашение, которое предусматривало поставки советского зерна и фуража в обмен на промышленные товары. За поставки 15—20 млн. пудов зерна и фуража германское правительство обеспечивало банковский кредит в твердой валюте². 16 апреля 1923 г. германское правительство в принципе одобрило это соглашение, однако поставило непременным условием закупки 20 млн. пудов зерна оформление заказов на промышленные товары не менее чем на 50% авансовой суммы. Новый текст соглашения был выработан 3 июля 1923 г. с учетом германских пожеланий. На заседании кабинета 9 июля 1923 г. германо-русское соглашение о поставках товаров было одобрено.

¹ Polit. Archiv. Nachlass Brockdorff-Rantzaу. Akten betreffend, Korrespondenz mit Tschitscherin, Bl. H226168/270.

² См. И. К. Кобляков, Начало рапалльского периода в советско-германских отношениях (1922—1923 гг.), «История СССР» 1973 г., № 6, стр. 23—24.

При обсуждении этого соглашения в рейхсканцелярии было высказано такое мнение: «Несмотря на финансовые сомнения, соглашение надо одобрить, исходя из политических соображений. Благодаря ему мы вступаем в более тесные экономические отношения и создаем возможности для сбыта нашей индустрии»¹.

В экспозе от 6 апреля 1923 г. М. Шлезингер, ссылаясь на договоренность между Брокдорфом-Ранцау и Красиным от 1 марта 1923 г., обобщил проблемы налаживания экономических отношений. Некоторый спад в торговом обороте между двумя странами объяснялся главным образом невыполнением условий поставок германской стороной, в связи с чем германские фирмы теряли часть заказов, например на сельскохозяйственные машины. Германские дипломаты считали, что заключением Рапалльского договора дан ответ на вопрос о доверии к Советскому правительству и надо укреплять доверие к надежности Германии как партнера. В письме министра иностранных дел фон Розенберга послу Ранцау от 18 апреля 1923 г. был изложен подход официальных кругов к германо-советским экономическим отношениям: «Категорически не признавая русскую правовую и хозяйственную систему, особенно монополию внешней торговли, мы хотим принять имеющиеся условия за основу и затем стремиться к достижению целей, которые мы поставили перед собой в связи с выполнением Рапалльского договора»². Дипломатическое ведомство рекомендовало и определенную тактику: отложить до заключительной стадии трудные вопросы. Посол Брокдорф-Ранцау дал 7 мая 1923 г. ответ на письмо министра, отметив, что германская сторона и без того упустила многое, что ускорение переговоров было бы в интересах противодействия конкурентам Франции и Англии. Особенно беспокоило германского посла возможное улучшение отношений между СССР и Францией: «Отношения между Россией и Францией отмечены поисками возможностей экономического сближения, для которого в данный момент еще не найдена реальная форма, но которое находится в стадии развития, хотя, правда, и существенно нарушено вторжением в Рур».

В мае 1923 года международная обстановка обострилась в результате враждебных действий английских правящих кругов в отношении Советского Союза. Пресловутый уль-

¹ Akten der Reichskanzlei. Das Kabinett Cuno, Nr. 214, S. 635.

² Цит. по А. А n d e r l e, op. cit., SS. 71—72.

тиматум Керзона, имевший целью сплотить антисоветские силы для крестового похода против СССР, усилил напряженность в Европе и Азии, сопровождался разжиганием военного психоза против СССР. В этой атмосфере произошли убийство советского представителя на конференции в Лозанне В. Воровского и другие враждебные вылазки реакционных сил против Советского Союза. Германский посол, отмечая обострение отношений между СССР и Англией, считал неизбежным нарушение имеющихся экономических связей. Он оценивал ситуацию как благоприятную для расширения экономических контактов Германии и СССР, учитывая состояние отношений и переговоры советских представителей с Швецией, Данией, Польшей и Финляндией. Брокдорф-Ранцау решительно выступал за немедленные переговоры: «По моему мнению, было бы тяжелым упущением не приступить к устным переговорам немедленно, чтобы использовать данную ситуацию в экономических и политических интересах Германии»¹. Однако дипломатическое ведомство, в частности министр фон Розенберг, ссылаясь на мнение влиятельных деловых кругов, рекомендовало посольству в Москве сдержанность, утверждая, что надо сначала наладить экономические отношения, прежде чем выработать и заключить экономический договор.

В то время в германских правящих кругах наметилось стремление вступить в Лигу наций. Не были отброшены в сторону и планы использования в политических целях бывших российских капиталистов, несмотря на заключенные с СССР соглашения. Весьма примечательно, что в процессе налаживания экономического и дипломатического сотрудничества между Германией и СССР с германской стороны наряду с реалистическим подходом были и упорные попытки устранить основное, с точки зрения германских капиталистов, препятствие — монополию внешней торговли в СССР, а также попытки не допустить упрочения братских отношений советского народа и германского рабочего класса. Налаживание нормальных отношений в рапальском духе было сложным и противоречивым процессом, в ходе которого разные круги германской буржуазии имели различную тактику, а подчас и различные политические цели.

К концу 1923 года на территории Советского Союза имелось уже 16 германских концессий, главным образом в торговле, транспорте и легкой промышленности. В сентяб-

¹ A. A n d e r l e op. cit., S. 74.

ре 1923 года был заключен (с участием бывшего канцлера И. Вирта) концессионный договор с немецким обществом «Молога» о лесной концессии площадью в 1 млн. десятин вдоль железнодорожной линии Петроград — Рыбинск. Концессия строила железную дорогу длиной в 230 км, поставляла лесопилки. Осенью 1923 года фирмы Стиннеса, «АЭГ» и «Дойче банк» вели переговоры с советскими представителями Красиным и Стомоныковым о создании гарантийного консорциума для финансирования советских промышленных заказов в Германии. К концу года был согласован вопрос о предоставлении кредита на 1924 год на основе соглашения по зерну¹.

Одновременно с предварительными контактами в Москве в феврале 1923 года начинаются переговоры и в Берлине, в которых по поручению дипломатического ведомства принял участие фон Кёрнер, а с советской стороны — Г. В. Чичерин, Л. Б. Красин и А. В. Сабанин. Предполагалось, что переговоры будут проходить в обеих столицах попеременно. В результате их рапалльские постановления дополняются рядом соглашений: транспортным, таможенным, страховым, консульским договором, частно-правовым и концессионным урегулированием и т. п. Вопрос о том, будет ли выработан общий экономический договор или отдельные соглашения, был оставлен открытым. На первом заседании советских и германских представителей глава германской делегации фон Кёрнер отметил, что переговоры будут способствовать оживлению «прежних хозяйственных отношений между Германией и Россией и тем самым будут служить благу и пользе обеих стран, связанных долголетним общением и вследствие своего географического положения зависящих друг от друга». Советский представитель, признав имеющиеся трудности в налаживании взаимных хозяйственных связей, подчеркнул: «Трехлетняя практика и постоянное развитие взаимных экономических отношений доказали, что эти отношения не только возможны, но и весьма выгодны для обеих стран. Наша задача состоит в том, чтобы придать этим отношениям прочные нормы»². После летних каникул переговоры были возобновлены 13 сентября и велись без перерывов до мая 1924 года. Советская делегация стремилась вести переговоры ускоренным темпом, чтобы обеспечить разви-

¹ См. Akten der Reichskanzlei. Das Kabinett Cuno, Nr. 170, S. 516.

² A. A n d e r l e, op. cit., S. 80.

тие экономических отношений, однако с германской стороны выдвигались условия, имевшие целью обеспечение далеко идущих целей крупного капитала.

Каково было состояние дипломатических отношений к началу 1924 года? Еще летом 1923 года появились сведения, что в германских правительственных кругах взвешивают возможность вступления Германии в Лигу наций. 13 августа 1923 г. Г. В. Чичерин направил поверенному в делах Радовицу письмо, в котором со ссылкой на высказывания министра иностранных дел фон Розенберга в рейхстаге в пользу вступления в Лигу наций высказал свое мнение по этому вопросу: вступление Германии в Лигу наций означало бы нарушение Рапалльского договора, поскольку она взяла бы обязательство участвовать в санкциях против Советского Союза. Находившийся в Шлезвиге Брокдорф-Рапцау послал 14 августа 1923 г. телеграмму на имя статс-секретаря Мальцана для доклада канцлеру, предупреждая против подачи просьбы о приеме в Лигу наций: «Обращение с нашей стороны к Лиге наций было бы, по моему мнению, тяжелой политической ошибкой, способной погубить наши установленные с таким трудом дружественные отношения с Россией, и тем самым поставило бы под вопрос успех всей нашей восточной политики»¹. Уже на следующий день, 15 августа, Мальцан отправил в Москву телеграмму-инструкцию: «Высказывания рейхсминистра фон Розенберга ни в коем случае не означают изменения позиции германского правительства в отношении Лиги наций». Указав, что в свое время канцлер Вирт и министр фон Розенберг дали заверения Чичерину, что будут своевременно информировать Советское правительство относительно сближения с Лигой наций, Мальцан подчеркнул, что это заверение остается в силе. Позиция будет согласовываться через посла. Мальцан дал указание поверенному в делах: «Мы не пошли бы, само собой разумеется, ни на какие обязательства поддерживать какую-либо третью державу в конфликте с Россией. Я уполномочиваю Вас заявить об этом Чичерину»². В отчете в Берлин Радовиц отметил, что Чичерин выразил удовлетворение этим заверением, однако обеспокоен судьбой дружественных отношений между странами.

¹ Polit. Archiv. Büro Reichsminister. Akten betreffend: Russland, Bd. 6, Bl. D553189.

² Ibid., Bl. 553191—553192.

В конце августа находившийся в Москве Вирт телеграфировал в Берлин: «Чичерин наблюдает с растущей озабоченностью за устремлениями в Германии вступить в Лигу наций. Следствием будет сближение с Францией. Настоятельно советую не делать в ближайшее время каких-либо официальных высказываний»¹. В одной из бесед с Чичериным Вирт затронул вопрос о стремлении французов к сближению с Советской Россией, сославшись на свой разговор с сенаторами, в частности с де Монзи. Чичерин ответил: «Русско-французское сближение неизбежно», подкрепив свой тезис уверенностью в приходе во Франции к власти левого кабинета на выборах 1924 года. Этот и другие факты германские дипломаты использовали для вывода, что Советское правительство решило «взять резкий курс против Англии и в то же время как можно скорее прийти к дружественным политическим отношениям с Францией»².

Возможное сближение с Францией особенно ревниво воспринимал посол Брокдорф-Ранцау. Вернувшись в Москву, он нанес 22 сентября визит Чичерину и выразил свое недовольство приемом, который был оказан сенатору де Монзи, подчеркнув, что дружественные отношения между Германией и Советским Союзом и курс на сближение с Францией несовместимы³. В одной из бесед в начале декабря 1923 года Чичерин пояснил германскому послу: «Россия стремится, как и прежде, к хозяйственному сближению с Францией, однако не к политическому или военному сближению, причем менее всего за счет Германии»⁴.

Одновременно с этим германские правящие круги, обеспокоенные классовыми конфликтами в самой Германии, все чаще выступали против революционной пропаганды коммунистов, против выступлений советской печати. Осенью 1923 года было использовано для разжигания антисоветской кампании «дело Петрова», которого обвинили в причастности к созданию «складов оружия» в Германии. Германские правящие круги требовали от Советского правительства отмежевания от деятельности Коминтерна.

В первой половине августа 1923 года под мощным напором массового движения пролетариата в результате всеобщей забастовки пало правительство Куно. 13 августа

¹ Polit. Archiv. Büro Reichsminister. Akten Betreffend: Russland, Bd. 6, Bl. 553199.

² Ibid., Bl. D553212.

³ Ibid., Bl. D553226.

⁴ Ibid., Bl. D553387.

Г. Штреземан сформировал правительство «большой коалиции», в которое вошли наряду с представителями партии крупного капитала — «народной» партии представители «веймарской коалиции»: демократы, социал-демократы и христианские демократы. Осенью 1923 года в Германии развернулись острые классовые бои. Октябрьское восстание пролетариата в Гамбурге под руководством Э. Тельмана потрясло всю Германию. В ноябре путем пресловутого «пивного путча» в Мюнхене нацисты и реакционная военизированная полиция попытались совершить государственный переворот и развернуть наступление на демократические свободы, завоеванные трудящимися в ходе революционных боев. Эта попытка провалилась. Однако германской буржуазии удалось жестоко подавить революционное движение рабочего класса.

Лидер католического Центра В. Маркс сформировал 2 декабря кабинет исключительно из представителей буржуазных партий. Министром иностранных дел был назначен один из лидеров партии крупного капитала Густав Штреземан, который оставался на этом посту вплоть до смерти в октябре 1929 года. С именем Штреземана связана целая полоса германской политики, когда постепенно был осуществлен поворот к примирению с западными державами. Курс Штреземана привел Германию в Локарно. Однако западная ориентация «великого европейца» Штреземана не означала полного и немедленного разрыва с рапальской политикой. Он придал восточной политике Германии тот акцент, который дал возможность германской буржуазии стабилизировать свое положение в Европе.

В связи с начавшимся признанием СССР крупными капиталистическими державами¹ в германских правящих кругах усилилось опасение, что это может изменить условия конкуренции не в пользу Германии: до сих пор Германия была единственной крупной европейской державой, имевшей налаженные экономические отношения с СССР. Признание Союза ССР другими державами означало возможность для Советской страны налаживания более широких экономических отношений, что было чревато для Германии обострением экономической конкуренции. Германские правящие круги восприняли ревниво, но внешне

¹ См. подробнее А. Ахтамзян, В. Г. Трухановский, Образование СССР и советская внешняя политика, «История СССР», 1972 г., № 6, стр. 55—60.

спокойно установление нормальных отношений, скажем, между СССР и Англией, однако рассматривали как крайне нежелательное установление отношений СССР с Францией де-юре. В начале февраля 1924 года Ранцау сообщал в Берлин о своих беседах с Г. В. Чичериным об отношениях СССР с Францией и Польшей. Г. В. Чичерин откровенно высказывал мысль, что ключ проблемы — в Париже. На высказанные германским послом опасения относительно сближения СССР и Франции советский нарком отвечал, что если в Азии и на Дальнем Востоке нет острых противоречий между ними, то в Европе СССР и Франция не преодолели трудностей в вопросах о долгах, об отношении к Польше, Чехословакии, Югославии, а также Румынии. Брокдорф-Ранцау исходил из того, что главная цель Франции — окончательное сокрушение Германии, что ради этой цели она пойдет на сближение с СССР. Г. В. Чичерин заверил его, что СССР не намерен отходить от рапальской политики, будучи связан с Германией экономически и политически. В отчете Ранцау об этой беседе слова Г. В. Чичерина переданы так: «Германия представляет собой прочный фактор политики России, которая не пожертвует им в угоду неопределенным комбинациям; Польша постоянно является препятствием для русско-французского сближения»¹. Но это не развеяло опасения германского посла относительно последствий советско-французского сближения: «Впрочем, я, со своей стороны, придерживаюсь, как и прежде, той точки зрения, что соглашение России с Францией таит в себе для нас опасности, которые невозможно устранить или преодолеть при помощи фразы о радужных перспективах общего умиротворения или возможности достойного благодарности посредничества России в отношениях между Германией и Францией»². Через месяц Ранцау снова докладывал в Берлин о своей беседе с Г. В. Чичериным, которому он выразил сожаление, что был мало информирован о переговорах СССР с Англией, что якобы «в широких кругах Германии существует мнение, что Рапалло принесло нам политический ущерб и не дало никакой экономической выгоды»³. Главное опасение вызывало то, что «Россия сделает из-за займов столь далеко идущие экономиче-

¹ Polit. Archiv. Büro Reichsminister. Akten betreffend: Russland, Bd. 7, Bl. 553594.

² Ibid., Bl. D553595.

³ Ibid., Bl. 553704.

ские уступки Англии, что Германия будет экономически вытеснена из России»¹. Диалог Чичерина и Ранцау примечателен как пример тонко сбалансированного дипломатического торга: Чичерин подчеркивал, что Ранцау сам считал сближение СССР с Англией отвечающим интересам Германии; Ранцау подтвердил это, однако с одной оговоркой, что Германия при этом могла бы сыграть посредническую роль, но на деле она не была даже информирована; Чичерин откровенно сказал, что Советское правительство хотело бы получить кредиты и от германских концернов, однако выжидание германской стороны затянулось настолько, что в СССР возобладало стремление собственными силами восстановить экономику. Германскому послу ничего не оставалось делать, как снова подтвердить приверженность рапалльскому курсу и подчеркнуть мысль о предпочтительности экономического сотрудничества СССР именно с Германией.

Другим вопросом, который был предметом обсуждения в беседах Чичерина и Ранцау весной 1924 года, было отношение к Лиге наций. Советское правительство считало, что Лига наций должна обеспечить действительное равноправие всех членов, отказаться от репрессивных мер. Оно исходило из того, что Лига служит единственной цели: сохранению господства победителей. Ранцау делал вывод: «У меня сложилось впечатление, что здешнее правительство действительно полно решимости не отходить от этой позиции»².

По случаю второй годовщины заключения Рапалльского договора нарком Чичерин и посол Ранцау обменялись письмами, которые отражают атмосферу отношений между двумя странами и их дипломатическими деятелями. В письме от 16 апреля 1924 г. Г. В. Чичерин решительно заявил: «Рапалло не будет побеждено и в будущем, на это я определенно надеюсь. Рапалло — это больше будущее, чем прошлое. Итак, полный вперед! Курс остается прежним»³. Посол ответил: «Вместе с вами, высокоуважаемый господин народный комиссар, я с удовлетворением отмечаю, что Рапалло не побеждено, и разделяю оптимистическую надеж-

¹ Polit. Archiv. Büro Reichsminister. Akten betreffend: Russland. Bd. 7. Bl. 553704.

² Ibid., Bd. 8, Bl. 553726.

³ Polit. Archiv. Nachlass Brockdorff-Rantzau. Az. 43. Akten betreffend: Korrespondenz mit Tschitscherin vom 1923 bis 1928, Bl. A226153.

ду, что и в будущем оно не будет побеждено. Как выражение жизненной общности интересов двух народов договор, вопреки всем нападкам, выстоит и принесет обильные плоды, если он будет выполняться в том духе, в котором он был заключен». Брокдорф-Ранцау выразил убеждение, что «Рапалло не относится только к «прошлому» или только к «будущему», оно должно стать «живой действительностью». Оптимистический призыв советского наркома держать прежний курс германский посол приветствовал: «Курс остается прежним! И тот, кто осмелится его нарушить, должен будет раскаяться»¹.

Советско-германские отношения, казалось, развиваются нормально. В начале апреля 1924 года фон Кёрнер информировал посла Брокдорфа-Ранцау о ходе экономических переговоров. Газета «Известия» 11 апреля 1924 г. сообщила, что Совнарком одобрил разработанный советской стороной проект консульской конвенции. Однако экономические переговоры были внезапно прерваны инцидентом, который был вызван провокационным налетом германской полиции на советское торгпредство в Берлине.

В субботу, 3 мая 1924 г., утром, примерно в 10 часов, в здании советского торгпредства на Линденштрассе, 20/25 появились два вооруженных человека, которые были задержаны и после установления, что они являются служащими штуттгартской полиции, были выпровождены из здания. Однако вскоре здание торгпредства было окружено нарядом берлинской полиции. Полицейские проникли в здание торгпредства и учинили обыск и погром в его комнатах: взламывали ружейными прикладами ящики с бумагами и шкафы, удаляли сотрудников из служебных помещений, нескольких сотрудников арестовали и т. д. Советские представители заявили протест против нарушения экстерриториальности торгпредства, которое рассматривалось по соглашению от 6 мая 1921 г. как неотъемлемая часть представительства СССР².

Заместитель наркома М. Литвинов 13 мая пригласил германского посла и познакомил с нотой и требованиями Советского правительства: 1) немедленно принести извинения по нормам международного права за действия гер-

¹ Polit. Archiv. Nachlass Brockdorff-Rantzau. Az. 43. Akten betreffend: Korrespondenz mit Tschitscherin vom 1923 bis 1928, Bl. H226151—226152.

² См. «Документы...», т. VII, стр. 232—239.

мапских властей; 2) наказать тех, кто допустил незаконные действия, и возместить ущерб; 3) признать экстерриториальность торгпредства как составной части полпредства на основе соглашения от 6 мая 1921 г. и дать гарантии против налетов полиции.

В течение всего мая продолжалось острое обсуждение инцидента в прессе и по дипломатическим каналам. В германской прессе появились статьи, направленные на обострение конфликта: «Беззастенчивое требование России» («Крейц-Цайтунг»), статья Э. Бернштейна «Требования Москвы» («Форвертс») и т. д. «Известия» ответили на нападки в буржуазной прессе и дали оценку инциденту¹. В конце мая наметились возможности переговоров по урегулированию инцидента. 27 мая Штреземан направил посольству в Москву указание предложить урегулирование путем выработки протокола². Переговоры об урегулировании берлинского инцидента велись послом в Москве Брокдорфом-Ранцау с Чичериным и Литвиновым. Кризис в отношениях в связи с майским инцидентом 1924 года затянулся на три месяца, в течение которых происходила не только дипломатическая, но и внутренняя борьба различных кругов в Германии. На закрытом заседании внешнеполитического комитета рейхстага 17 июня рейхсминистр иностранных дел Г. Штреземан признал, что с германской стороны имело место нарушение норм, поскольку были приняты меры против лиц, пользующихся экстерриториальностью. Однако германское правительство не было склонно признать экстерриториальность здания торгпредства. Министр заверил, что переговоры ведутся Германней так, чтобы избежать разрыва.

Протокол об улаживании инцидента был подписан в Берлине 29 июля 1924 г. Оба правительства согласились, что обмен нотами закончен. Германское правительство заявило, что действия полицейских властей в отношении торгпредства были самовольными, что оно «порицает это выступление и сожалеет, что из-за него инцидент получил такое обострение»³. Оно сообщило, что виновные будут наказаны, а руководитель операции отстранен от должности, и согласилось возместить материальный ущерб торгпред-

¹ См. «Известия», 25 мая 1924 г.

² См. Polit. Archiv. Büro Reichsminister. Akten betreffend: Russland, Bd. 8, Bl. D554043.

³ Ibid., Bl. D554268.

ству. Советское правительство подтвердило, что воспрещает своим должностным лицам принимать участие во внутриполитической жизни Германии. Оба правительства согласились, что три пятых здания торгпредства будут рассматриваться как неприкосновенная часть торгпредства. Была подтверждена экстерриториальность определенной категории сотрудников¹.

В связи с подписанием протокола 31 июля — 1 августа 1924 г. состоялся обмен телеграммами между Г. В. Чичеринным и Г. Штреземаном². Кризис в советско-германских отношениях, продолжавшийся с 3 мая до 29 июля, был таким образом преодолен. Летом 1924 года, когда готовилось принятие репарационного плана западных держав («плана Дауэса»), германское правительство пошло на урегулирование инцидента, вызванного провокационной выходкой полицейских властей.

В связи с подписанием протокола накануне его опубликования дипломатическое ведомство Германии информировало своих представителей. Статс-секретарь Мальцан направил циркулярные телеграммы, в которых излагались обстоятельства, смысл и мотивы урегулирования инцидента. «Переговоры об улаживании инцидента были трудными. Имевшееся постоянно с обеих сторон сознание важных совместных интересов и решительная воля обеих сторон избежать нежелательного длительного ухудшения отношений привели к тому, что трудно согласуемые вначале точки зрения сблизилась настолько, что было достигнуто согласие»³. Первоначальные требования Советского правительства сводились к следующему: 1) извинения германского правительства, 2) немедленное наказание виновных и 3) признание экстерриториальности торгпредства. «Третий пункт находился в центре внимания переговоров. Германское правительство считало, что об экстерриториальности торгпредства, как таковой, не может быть речи, однако признало, что предусмотренная майским договором (1921 г. — А. А.) экстерриториальность некоторых сотрудников имеет силу для служебных помещений. Германская сторона исходила из того, что число сотрудников и личные привилегии не увеличиваются». Относительно мотивов уре-

¹ См. «Документы...», т. VII, стр. 409—411.

² См. Polit. Archiv. Büro Reichsminister. Akten betreffen: Russland Bd. 8, Bl. D554289.

³ Ibid., Bl. D554273.

гулирования Мальцан писал в другом документе: «Определяющим для широких уступок германского правительства в отношении русских требований было внешнеполитическое соображение, интерес к сохранению экономических и прежде всего важных общих политических отношений с Россией, внутривполитические и полицейские соображения должны были, напротив, отступить на задний план»¹.

В связи с подписанием протокола посол Брокдорф-Ранцау получил инструкцию из Берлина посетить Г. В. Чичерина и выразить ему удовлетворение. 30 июля посол телеграфировал о выполнении инструкции, однако отметил, что счел неуместным упоминать о духе Рапалло...

Майский инцидент был урегулирован дипломатическими средствами, однако полицейская провокация несомненно нанесла ущерб сложившимся отношениям. Этот инцидент был первой трещиной в рапальской политике. Восстановление отношений доверия потребовало новых усилий и переговоров по широкому кругу проблем. Советский Союз последовательно стремился к продолжению рапальской политики, однако в германских правящих кругах наметилась тенденция вести в противовес Рапалло линию на сближение с отдельными западными державами.

¹ Polit. Archiv. Büro Reichsminister. Akten betreffend: Russland, Bd. 6, Bl. D554273; A. A n d e r l e, op. cit., S. 100.

ЛОКАРНСКИЙ СГОВОР И ПОЗИЦИЯ СССР

Экономические и политические переговоры 1924.—1925 годов

Прерванные майским инцидентом экономические переговоры должны были возобновиться осенью 1924 года. Предполагалось подготовить торговый договор, соглашение о мореплавании, а также урегулировать правовые проблемы. Германское правительство готовило свои предложения по проектам договоров в тесном контакте с представителями монополий, которые продолжали настаивать на требованиях, направленных на подрыв советской монополии внешней торговли. В германском дипломатическом ведомстве 15 октября 1924 г. состоялось совещание с участием ряда представителей экономики. Германская дипломатия исходила из того, что возможные уступки Советского Союза третьим странам германская сторона также получит на основе наибольшего благоприятствования, предусмотренного Рапалльским договором. Однако Советское правительство настаивало на официальном признании монополии внешней торговли. В докладе Кёрнера говорилось: «В торговых договорах, которые заключили советские республики с Швецией, Персией и Италией, выражено признание русской государственной монополии внешней торговли. Не подлежит сомнению, что Германия вынуждена будет ее признать»¹. Не имея возможности подорвать монополию внешней торговли в целом, германская дипломатия ставила задачу пробить в ней хотя бы небольшие бреши. Имперское ведомство хозяйства разделяло мнение дипломатов, что если не удастся опрокинуть советскую монополию внешней торговли, то нужно стремиться ее ослабить.

Осенью 1924 года в германской политике наметились и начали укрепляться антирапалльские тенденции. Это получило отражение в деятельности двух отделов германского

¹ A. Anderle, op. cit., SS. 103—104.

дипломатического ведомства: рапалльскую линию продолжали проводить восточный отдел и посол в Москве Брокдорф-Ранцау, в то время как в экономическом отделе и в практике германской экономической делегации в Москве под руководством фон Кёрнера обозначилась так называемая «балтийская линия» — ориентация на Англию. Эти линии стали все более сталкиваться и в большой политике Германии. В сентябре статс-секретарь фон Мальцан обменялся рядом писем и телеграмм с временным поверенным фон Радовицем, оставшимся в Москве на время отдыха посла. Советских дипломатов особенно интересовала германская политика в связи с принятием «лондонского пакта», то есть «плана Дауэса». 6 сентября Радовиц писал Мальцану, что «Советское правительство серьезно озабочено тем, что германская политика в восточных вопросах может попасть в зависимость от Англии»¹. В письме от 13 сентября он указывает, что М. Литвинов вновь поставил перед ним вопрос, не повлияют ли лондонские переговоры на политический курс Германии. Мальцан разъяснил, что «наша политика в отношении России никоим образом не изменилась с утверждением лондонских соглашений»².

После принятия «плана Дауэса» германское правительство приняло решение о вступлении в Лигу наций как можно скорее. В меморандуме к премьер-министрам иностранных государств — членам Совета Лиги наций ставился ряд условий вступления Германии в Лигу наций³.

Советская дипломатия немедленно поставила перед германским правительством вопрос об отношениях между двумя странами в связи с намерением Германии вступить в Лигу наций. Г. Штреземан пояснил своему посольству в Москве, что решение кабинета не означает немедленного вступления в Лигу наций, что предстоят длительные переговоры, поскольку Германия выдвинула следующие условия: предоставление места постоянного члена в Совете Лиги, участие в деятельности секретариата, разрешение колониальной деятельности, неучастие в санкциях и скорейшее очищение Рура⁴.

¹ Polit. Archiv. Abt. IV A. Ru/Po. 2. Akten betreffend: Politische Beziehungen Russlands zu Deutschland, Bd. 9, Bl. 196876.

² Polit. Archiv. Büro Reichsminister. Akten betreffend: Russland, Bd. 8, Bl. 554353.

³ См. «Локарнская конференция 1925 г. Документы», М., 1959, стр. 508.

⁴ См. Polit. Archiv. Büro Reichsminister. Akten betreffend: Russland, Bd. 8, Bl. 554354.

Советские представители заявили министру, что усматривают в обращении Германии в Лигу наций поворот к новой политике и с озабоченностью следят за ее развитием. В ответ Г. Штреземан передал для сведения германский меморандум членам Совета Лиги наций и выразил недовольство тем, что Г. В. Чичерин в письме немецкому профессору Людвигу Штейну охарактеризовал политику Германии в отношении Лиги наций как противоречащую рапалльской политике¹. 21 октября Штреземан дал указания информировать Чичерина и Литвинова об отношении к Лиге наций: меморандум предусматривает условия вступления Германии в Лигу наций, во всяком случае Германия не намерена нарушать установившиеся дружественные связи с СССР. Он выразил готовность вступить в доверительный обмен мнениями по поводу присоединения к Лиге наций. Этот обмен мнениями должен был начать возвращавшийся в Москву посол Брокдорф-Ранцау².

В беседе со Штреземаном 29 октября полпред Н. Крестинский поставил вопрос о позиции Германии в отношении Лиги наций. Штреземан ответил, что Германия остается на почве меморандума, однако в ответах правительств (хотя ответили еще не все) не дается обещание признать оговорку по ст. 16. Словом, вопрос о вступлении в Лигу наций стал предметом дипломатического обсуждения между Германией и Советским Союзом. В четвертом отделе германского дипломатического ведомства в ноябре была составлена записка относительно восточной политики, в которой был изложен подход Германии к Советскому Союзу: «В отношениях с восточными соседями наряду с Польшей главное место занимают наши отношения с Советским Союзом. Начатая со времени Рапалльского договора политика и сегодня все еще отвечает нашим жизненным политическим и хозяйственным интересам»³. Германская дипломатия понимала, что рапалльская политика может и должна быть продолжена, что экономические переговоры, а вместе с ними и политические контакты с СССР представляют жизненно важное условие успешной политики Германии и на Западе.

¹ См. G. Stresemann, *Vermächtnis*, Bd. I, B., 1932, SS. 580—581, 586; *Polit. Archiv. Büro Reichsminister. Akten betreffend: Russland*, Bd. 8, Bl. D554370, D554440.

² *Ibid.*, Bl. D554425.

³ *Polit. Archiv. Abt. IV Ru/Po 2. Akten betreffend: Politische Beziehungen Russlands zu Deutschland*, Bd. 9, Bl. D196918 (206—207).

Советско-германские экономические переговоры возобновились 15 ноября 1924 г. в Москве. Германскую делегацию возглавлял фон Кёрнер, советскую делегацию — Я. Ганецкий. На открытии конференции присутствовали нарком Л. Б. Красин и посол Брокдорф-Ранцау, выступившие с изложением основных задач переговоров и проблем налаживания экономических отношений между двумя странами. Л. Б. Красин отметил, что между Советской Россией и Германией «в течение почти четырех лет идет нормальная торговля», Германия занимает в советском торговом обороте первое место¹. Советский нарком подчеркнул общность жизненных интересов двух стран: «Обе страны — Советский Союз и Германия — как бы созданы друг для друга, созданы для постоянного экономического сотрудничества»². Взаимная заинтересованность в налаживании экономического сотрудничества двух стран определялась реальным положением и конкретными историческими условиями в Европе после первой мировой войны. «Эта общность интересов объясняется прежде всего, — говорил Л. Б. Красин, — географическим положением обоих государств, их хозяйственной структурой и до известной степени также исторически сложившимися отношениями обеих стран»³. Промышленный потенциал Германии и сырьевые ресурсы СССР представляли собой реальные предпосылки для оживленного развития экономических отношений. Главным условием развития экономического сотрудничества между двумя странами было предоставление Советскому Союзу долгосрочных кредитов. Л. Б. Красин отметил заинтересованность Советского Союза в экономическом сотрудничестве с Германией. В то же время он подчеркнул неизбежность советской системы внешней торговли, безусловную необходимость соблюдения монополии внешней торговли.

Германская сторона представляла себе трудности, которые предстояло преодолеть на пути к всестороннему сотрудничеству, однако шла на переговоры, исходя из собственных интересов. Брокдорф-Ранцау заявил на открытии переговоров: «Немецкий народ очень высоко ценит свободный, подкрепленный дружбой доступ на Восток. Он исполнен решимости идти по этому пути не как проситель

¹ См. Л. Б. Красин. Вопросы внешней торговли, М., 1970, стр. 303.

² Там же, стр. 295.

³ Там же.

или взломщик, но как искренний друг с целью восстановить то, что разрушено войной. Если Россия и Германия оказывают друг другу взаимную поддержку, то это тем самым помощь каждой из них»¹.

Стороны, хорошо представляя сложности сотрудничества государств различных систем, реалистически оценивали необходимость и выгоду экономического сотрудничества для обеих стран. Советские представители выдвигали в качестве неперемennых условий экономического сотрудничества признание монополии внешней торговли и предоставление кредитов, германская сторона надеялась получить определенные преимущества в соперничестве держав на российском рынке и оговорить их в ряде соглашений. Рапалльский договор создал в принципе благоприятные возможности для сотрудничества. Теперь предстояло конкретизировать и практически претворить в жизнь эти возможности.

Советско-германские переговоры в Москве, продолжавшиеся до середины декабря 1924 года, были прерваны по желанию германской делегации на «рождественские каникулы». В официальном протоколе обе делегации отметили достигнутый уровень переговоров².

В отчете об итогах этого этапа переговоров, сделанном главой германской делегации фон Кёрнером 12 января 1925 г. в дипломатическом ведомстве, было прежде всего отмечено, что ей пришлось пойти на признание советской монополии внешней торговли: «Следует считаться с нынешней экономической системой в России и настраиваться на это. С германской стороны это и было сделано в самом начале переговоров. Мы признали русскую монополию внешней торговли, которая является основной опорой русской экономической политики и даже конституции, так как в противном случае было бы вообще невозможно начать переговоры»³. Германская делегация считала своей задачей «согласование различий экономических систем Германии и России, чтобы было создано сносное состояние взаимных отношений. Высказывания германских коммерсантов, находящихся в России, в последнее время сводятся к

¹ Цит. по A. Anderle, op. cit., S. 108.

² См. А. И. Степанов, Из истории советско-германского экономического сотрудничества (1924—1926 гг.). Ученые записки Института международных отношений, вып. III, М., 1960, стр. 24.

³ Цит. по A. Anderle, op. cit., S. 109.

тому, что в условиях русской экономической системы вполне можно работать»¹.

Исходя из признания советской монополии внешней торговли, германские эксперты занялись разработкой проектов соглашения, прежде всего торгового договора и соглашения о поселении. Они требовали уравнивания в правах германских фирм и советских обществ, предоставления германским коммерсантам права представления образцов непосредственно заказчикам через выставки и т. п. Советская сторона выдвигала на первый план урегулирование статуса торгпредства в Берлине, беспоплиный ввоз зерна и сельскохозяйственных продуктов, заключение ветеринарной конвенции, предоставление кредитов, исключение для азиатских пограничных государств в правилах наибольшего благоприятствования (т. е. не считать обязательным распространение предоставленных этим странам преимуществ на европейские государства). Германские промышленно-финансовые круги обсуждали и вопрос о предоставлении кредитов. 6 января 1925 г. была образована германская комиссия по этому вопросу. Однако предоставление кредитов затянулось.

Переговоры предполагалось продолжить в январе 1925 года, однако германская делегация снова приехала в Москву только в конце февраля. Возобновлению переговоров препятствовали те круги внутри Германии, которые надеялись на быстрое и успешное развертывание западной ориентации, на заключение «пакта безопасности» и вступление в Лигу наций. Однако на деле западную линию пришлось развивать параллельно с восточной политикой. Прервать переговоры с СССР оказалось невозможным, поскольку они отвечали интересам самой Германии.

К середине декабря 1924 года германское дипломатическое ведомство выработало основные предпосылки для обмена мнениями с Советским правительством и по политическим проблемам. Статс-секретарь Мальцап 13 декабря направил инструкцию посольству в Москве о согласии вступить в переговоры, указав, что германская сторона хотела бы сделать предметом переговоров не отношение к Лиге наций, как это предлагала советская дипломатия, а отношение к Польше — к одному отнюдь не главному ее участнику. Вступление в Лигу обязывало Германию признать территориальную целостность Польши, однако германские

¹ Цит. по А. А n d e r l e, op. cit., S. 110.

правительственные круги надеялись использовать спорность границ Польши и с другими ее соседями. В комбинациях германской дипломатии возникла формула «оттеснения Польши в ее этнографические границы»¹.

Западногерманский историк М. Вальсдорф представляет завязавшийся в декабре 1924 года обмен мнениями по расширению рапалльского сотрудничества как результат якобы советской инициативы, в частности высказываний относительно необходимости соблюдать «этнографический принцип». Однако и он вынужден признать, что попытка придать «этнографическому принципу» антипольскую направленность была предпринята германской дипломатией, которая отдавала приоритет урегулированию отношений с западными державами. В начале декабря 1924 года Мальцан с ведома Г. Штреземана направил посольству в Москву инструкции искать решение «польского вопроса» путем «оттеснения» ее в «этнографические границы»².

Именно в этой формуле Брокдорф-Ранцау поставил перед Г. В. Чичериным «польский вопрос». 22 декабря 1924 г. посол доложил в Берлин, что имел обстоятельную беседу с советским наркомом. Чичерин указал послу на то, что Германия пытается поставить СССР в невыгодное положение, что Советский Союз заинтересован прежде всего в неучастии Германии в санкциях по ст. ст. 16 и 17 Устава Лиги. Г. В. Чичерин отнюдь не согласился с германским предложением. Через несколько дней он выдвинул контрпредложение о заключении политического договора на основе неучастия во враждебных группировках. Свидетельством того, что именно германская сторона была инициатором антипольской формулы, в то время как советская сторона — поборницей соглашения против империалистического блока, является ответ Шуберта (с 16 декабря 1924 г. статс-секретарь вместо Мальцана, назначенного послом в США) на телеграмму Ранцау. 23 декабря Шуберт писал послу: «Ваш намек относительно нашего (подчеркнуто мной.— А. А.) намерения совместно с Россией оттеснить Польшу в ее этнографические границы отвечает имеющейся здесь точке зрения. Вы намечаете в общем виде цель, которая в частностях должна быть, однако, обсуждена подробнее»³.

¹ Polit. Archiv. Büro Reichsminister. Akten betreffend: Russland, Bd. 9, Bl. D554366, D554638.

² См. М. В а л с д о р ф ф, *op. cit.*, SS. 63—65.

³ Polit. Archiv. Büro Reichsminister. Akten betreffend: Russland, Bd. 9, Bl. D554677.

25 декабря народный комиссар Г. В. Чичерин во время встречи с послом Брокдорфом-Ранцау от имени Советского правительства предложил заключить политическое соглашение на основе следующих взаимных обязательств: «СССР и Германия берут на себя обязательство не вступать ни в политические, ни в экономические блоки, договоры, соглашения или комбинации с третьими державами против другой договаривающейся стороны.

СССР и Германия обязуются в дальнейшем координировать свои действия по вопросу о вступлении в Лигу наций или о посылке в Лигу наций наблюдателя»¹.

Германский посол истолковал это предложение как нечто вроде повторения бисмарковского договора перестраховки, однако Г. В. Чичерин возразил: «Это — нечто совсем другое, ибо там было тыловое страхование при наличии союза с другим государством, Германии с Австрией, а в данном случае идет речь просто о фронтовом страховании или, другими словами, просто о гарантии или обязательстве о невступлении во враждебные комбинации». Такого рода комбинацией советская дипломатия считала, к примеру, следующий случай: «...Если Англия будет составлять единый фронт против СССР, Германия не вступит в такую коалицию, а, с другой стороны, мы не вступим в коалицию с Францией, Бельгией и т. д. против Германии». Относительно реакции германского посла Г. В. Чичерин записал: «Подумав немного, Ранцау сказал, что он хотел бы перед словами «не вступать в блоки» внести слова: «не нападать и не вступать в блоки». Я сказал, что не сомневаюсь, что это не встретит с нашей стороны возражений, ибо, по-моему, это покрывается нашей более общей формулой». Г. В. Чичерин пояснил, что советская формула имеет в виду отказ от участия в экономических и финансовых комбинациях, направленных против другой стороны. «Ранцау сказал, что вполне это понимает и что будет всячески поддерживать это предложение перед германским правительством...» Относительно формулы «не нападать» Г. В. Чичерин заявил, что «мы всегда готовы заключить пакты о ненападении со всеми государствами и что логически представляется вполне возможным иметь пакт о ненападении одновременно и с Германией, и с Польшей, и со всеми другими государствами. Наша же формула

¹«Документы...», т. VIII, стр. 786.

идет гораздо дальше»¹. По просьбе Брокдорфа-Ранцау советский нарком пояснил, что предполагается координация действий в отношении Лиги наций: «Наше толкование заключается в том, что мы вместе принимаем решение о посылке в Лигу наций наблюдателя и вместе вступаем или же не вступаем в Лигу наций. Если германское правительство будет иметь в виду какие-нибудь другие формы координации наших действий по этому вопросу, пусть германское правительство нам это предложение сделает, мы его вместе обсудим»². Таким образом, предложение Чичерина предполагало расширение политического сотрудничества на основе взаимного отказа от участия в экономических и политических блоках третьих держав. В отношении Лиги наций предполагались согласованные действия.

Посол Ранцау в своем отчете лично министру 29 декабря истолковывал предложение Г. В. Чичерина так: Советский Союз берет обязательство не вступать в соглашения с Францией, направленные против Германии, если Германия, со своей стороны, обязуется занять такую же позицию в отношении Англии. Он так записал слова Г. В. Чичерина: «Мы не предпримем ничего с Эрбеттом, если вы не предпримете ничего с Чемберленом»³. Посол Ранцау предложил взвесить, имеется ли возможность в общей политике подходить к СССР как к позитивному фактору. Советские дипломаты заявили германским представителям, что своим предложением они пытаются поставить Советский Союз в невыгодное и неравное положение, противопоставить его Польше. По существу, германская дипломатия хотела заручиться поддержкой СССР на случай конфликта с Польшей, а сама обещала Советскому Союзу только нейтралитет.

Прошло более трех месяцев, прежде чем вопрос о политической ориентации снова стал предметом обмена мнениями. Причина оттяжки с ответом на советское предложение заключалась в том, что германское правительство не хотело давать никакого ответа на советские предложения, поскольку завязывалось обсуждение между германской дипломатией и западными державами вопроса о гарантийном пакте (т. н. «пакте безопасности») и об условиях вступления Германии в Лигу наций. Идея заключения

¹ «Документы...», т. VIII, стр. 785—786.

² Там же.

³ Цит. по М. W a l s d o r f f, op. cit., S. 220.

Рейнского гарантийного пакта при участии заинтересованных в этом держав — Германии, Франции, Англии и Италии и при поручительстве США была впервые высказана рейхсканцлером Куно еще 31 декабря 1922 г., однако тогда она не получила отклика на Западе. В новой ситуации, после вторжения в Рурскую область франко-бельгийских войск и принятия Германией «плана Дауэса», инициативу в постановке вопроса о гарантийном пакте взял на себя английский посол в Берлине лорд д'Абернон¹. Германская дипломатия весьма чутко отреагировала на зондаж английского посла. Статс-секретарь Шуберт 19 января 1925 г. дал задание германскому послу в Лондоне Штамеру осторожно выяснить серьезность намерений английского правительства исходя из того, что все-таки не от одной Англии зависит заключение такого пакта: «Наш действительный контрагент не Англия, а Франция»².

В начале января 1925 года державы — участницы Парижской конференции направили Германии ноту по поводу нарушения военных постановлений мирного договора³. Однако из-за того, что еще не было сформировано новое правительство, ответ последовал во второй половине января. Новый кабинет был создан 15 января 1925 г. во главе с лидером Центра Лютером.

В ответе германского правительства, обращенном 20 января 1925 г. к Великобритании, ставился вопрос о заключении договора, гарантирующего статус-кво на Рейне и мирные способы решения споров, а также выполнение обязательств по демилитаризации Рейнской области⁴.

Завязавшиеся переговоры Германии с Англией и Францией были причиной молчания германской дипломатии относительно советского предложения в течение более трех месяцев и сдержанного ведения экономических переговоров. Штреземан затевал сложную дипломатическую комбинацию, в которой довольно ясно обозначалась тенденция британской дипломатии, но не очень ясной была позиция Франции. Скоро обнаружилось, что Англия и Франция считают предварительным условием заключения гарантийного пакта вступление Германии в Лигу наций.

¹ См. D'Abernon, Ein Botschafter der Zeitwende. Memoiren, Bd. III, Leipzig, 1930, S. 144.

² «Локарнская конференция», стр. 28.

³ См. «Международная политика новейшего времени в договорах, нотах и декларациях», ч. III, вып. II, НКВД, 1929, стр. 274—275.

⁴ См. «Локарнская конференция», стр. 32—34.

Начало 1925 года ознаменовалось усилением борьбы двух тенденций во внешнеполитической ориентации германских правящих кругов. Характерно, что среди руководителей германской внешней политики увеличилось число поборников постепенной переориентации на Запад (Штретземан, Шуберт). Среди ведущих германских дипломатов наиболее активным поборником и проводником рапалльской линии к 1925 году оставался граф Брокдорф-Ранцау.

В течение первой половины января 1925 года в дипломатических беседах Ранцау продолжал заверять Чичерина в готовности вступить в обмен мнениями, однако ничего конкретного не предлагал. Со своей стороны, Г. В. Чичерин, не проявляя особой настойчивости, выразил сожаление, что до приезда французского посла Эрбетта в Москву не удалось создать «базис» для соглашения СССР и Германии¹.

Советский нарком высказал мнение, что Англия и поддерживающая ее Франция стремятся изолировать СССР, «оторвать» от него Германию. Заклиная министра не упустить возможности переговоров, Брокдорф-Ранцау писал: «В этих условиях я считаю безусловно необходимым продолжение начатых между Берлином и Москвой переговоров»².

В середине января 1925 года в Москве вручил свои верительные грамоты французский посол Эрбетт. Брокдорф-Ранцау весьма ревниво воспринял появление в Москве представителя Франции. Более двух лет он работал против сближения СССР и Франции, теперь же открывалась новая полоса: в дипломатическую игру включалась столь ненавистная Брокдорфу-Ранцау «версальская насилищница». Вскоре после вручения верительных грамот Эрбетт нанес визит германскому послу. Беседа двух послов, несмотря на протокольный характер встречи, имела довольно напряженный характер и была началом дипломатического соревнования за их позиции в Москве.

Германский посол внимательно подмечал все, что было связано с деятельностью «слишком усердного французского коллеги»: кого посол посетил в Москве, какого объема интервью дал и напечатал в газетах, наконец, какие достопримечательности в Москве намерен осмотреть. Главное же — Брокдорф-Ранцау сделал вывод: «Опасность русско-

¹ См. Polit. Archiv. Büro Reichsminister. Akten betreffend: Russland, Bd. 9, Bl. D554702.

² Ibid., Bl. D554703—D554704.

французского согласия существует, как и прежде»¹. Германская дипломатия во главе со Штреземаном шла на переориентацию внешнеполитического курса и в то же время не желала до поры до времени открыто это признать. Продолжение переговоров с СССР без обязывающих решений (даже по экономическим вопросам) должно было дать германской дипломатии лишний козырь в дипломатической игре на Западе.

Советская дипломатия настойчиво добивалась скорейшего достижения экономического соглашения и ясности в политических отношениях. Основной аргумент советской дипломатии сводился к тому, что вступление Германии в Лигу наций может означать решительный поворот в отношении Германии к СССР. Поэтому советские дипломаты вновь ставили вопрос перед германскими представителями о закреплении отношений на основе Рапалльского договора. Надо отдать должное германскому послу в Москве графу Брокдорфу-Ранцау, который был весьма обеспокоен возможным поворотом в политике германского правительства, искренне не хотел двойной игры и откровенно ставил эти вопросы и перед своим правительством, и перед советскими представителями. Он шел даже на то, чтобы отделить свою позицию от намечавшегося курса Штреземана.

В январе 1925 года деловые круги Германии продолжали обсуждать проблемы налаживания экономических отношений с СССР. 19 января состоялось совещание Имперского союза германской промышленности совместно с другими предпринимательскими и торговыми объединениями, которое обсуждало проблемы советско-германского экономического соглашения. Против экономического соглашения, против ввоза зерна и скота из СССР решительно выступали крупные помещики и юнкеры, которые руководствовались соображениями конкуренции. В то же время промышленные круги признавали, что такое соглашение отвечает потребностям германской экономики, хотя и выражали недовольство советской монополией внешней торговли².

Советская сторона предлагала германскому правительству направить в Москву несколько представителей для деловых экономических переговоров. 9 февраля Г. В. Чиче-

¹ Polit. Archiv. Büro Reichsminister. Akten betreffend: Russland, Bd. 9, Bl. D554735

² См. A. A n d e r l e, op. cit., S. 123.

рин в разговоре с Ранцау подтвердил желание продолжить переговоры по торговому соглашению в узком кругу. Германское посольство в Москве считало необходимым продолжать переговоры, однако для получения уступок избрало весьма своеобразную тактику: поставить Советский Союз перед альтернативой — или он идет на уступки германским предпринимателям, или предстает перед всем миром как государство, с которым невозможно заключить торговый договор¹.

14 февраля статс-секретарь Шуберт сообщил, что на совещании министров достигнуто согласие возобновить переговоры в Москве; для этого намечается делегация в составе восьми человек, в том числе трех экспертов, которая предполагает выехать 24 февраля². Министр иностранных дел Г. Штреземан 16 февраля беседовал с экспертами, направляемыми в Москву. В этой беседе Штреземан высказал мнение, что обстановка заставляет Германию продолжать переговоры. Возможное сближение СССР и Франции делало это необходимым. Сложные вопросы — о таможенном тарифе и о статусе торгпредства — он рекомендовал отложить до заключительной стадии переговоров. «Если невозможно из-за недостаточной уступчивости русских прийти сейчас к заключению договора, то во всяком случае надо обязательно избежать разрыва с Россией», — наставлял министр, исходя из того что в дальнейшем удастся добиться новых уступок, но в данный момент важно использовать сложившееся впечатление, что между Германией и СССР возможно не только экономическое сотрудничество, но и дальнейшее политическое сближение. Словом, идея политической необходимости торговых переговоров была высказана совершенно определенно перед возобновлением экономических переговоров³.

Тактика затягивания ответа на предложение Г. В. Чичерина была одобрена 17 февраля 1925 г. президентом Ф. Эбертом, который отдавал предпочтение западным переговорам и предупреждал об опасности оказаться «между двумя стульями»⁴.

В конце февраля германская торговая делегация вновь приехала в Москву. Во время беседы 27 февраля глав деле-

¹ См. Polit. Archiv. Büro Reichsminister. Akten betreffend: Russland, Bd. 9, Bl. 554812.

² Ibid., Bl. 554832.

³ Ibid., Bl. D554842—D554845.

⁴ См. M. W a l s d o r f f, op. cit., S. 73.

гаций Ганецкого и фон Кёрпера были обсуждены проблемы дальнейшего ведения переговоров. Особое внимание было уделено оставшимся открытыми вопросам. Кёрпер заверил, что в Германии не предполагается введение хлебных пошлин, что правительственные кредиты Советскому Союзу не предполагаются, но изучаются планы предоставления кредитов объединением промышленников. В итоге беседы у Ганецкого сложилось впечатление, что германские представители не торопятся быстро завершить переговоры. Хотя германские правящие круги были вынуждены считаться с монополией внешней торговли, они все еще ставили под сомнение положение советского торгпредства. Ганецкий записал: «Я возразил Кёрнеру, что положение наших торгпредств является логическим последствием монополии внешней торговли, и, как мы неоднократно разъясняли, мы от наших позиций ни в коем случае не можем отказаться»¹. Во время этой встречи были затронуты вопросы ветеринарной конвенции, устройства выставок, применения принципа наибольшего благоприятствования, транзита и др. Советский представитель, сославшись на интерес общественности к советско-германским переговорам, предложил дать в печать коммюнике и выразил надежду, что «немецкая делегация, вернувшись после такого длительного перерыва, сможет возобновить переговоры на более конкретной почве, и наши переговоры дадут сравнительно быстро положительные результаты»². В ответ на вопрос о состоянии переговоров между СССР и Англией советский представитель подчеркнул, что не только Англия, но и ряд других держав, в частности Франция, стремятся к соглашению, причем соображения конкуренции с Германией весьма влияют на характер их предложений.

В течение марта переговоры по экономическим проблемам шли довольно интенсивно, в результате были согласованы многие тексты соглашений. Но германские представители, желая выторговать уступки, затягивали переговоры. В конце марта статс-секретарь Шуберт, аргументируя тем, что завершение переговоров к пасхе не предвидится, дал указание в подходящей форме прервать переговоры, но не допустить при этом ни в коем случае неблагоприятного впечатления. 31 марта делегация получила инструкцию о возвращении в Берлин, за исключением двух представи-

¹ «Документы...», т. VIII, стр. 170.

² Там же, стр. 172—173.

телей, оставшихся в Москве для поддержания контактов; было предписано также сохранить возможность перенесения переговоров в Берлин¹. В связи с отъездом части делегации из Москвы фон Кёрнер сообщил 5 апреля своему правительству: «Хотя пока и не удалось добиться осуществления наших планов о широком поле деятельности в Союзе для нашей экономики, все-таки проведенные переговоры позволяют надеяться, что в конечном итоге будет найдена подходящая основа для развития широких экономических отношений с Советской Россией»². В ходе переговоров возник ряд проблем и трудностей, вытекающих из различия экономических систем. Ведь речь шла о первом крупном комплексе соглашений между государствами противоположных систем. Задача дипломатов заключалась в том, чтобы изыскать пути преодоления трудностей на основе принципов мирного сосуществования. Советское правительство придавало серьезное значение переговорам по торговому соглашению и дальнейшему развитию отношений с Германией. Нарком Г. В. Чичерин подчеркнул это на сессии ЦИК СССР в марте 1925 года. Он отметил, что версальский диктат вынуждает Германию к политике дружественных отношений с СССР³.

В ходе дипломатических контактов германского посла Брокдорфа-Ранцау и советских представителей Г. В. Чичерина и М. Литвинова в марте — апреле 1925 года затрагивался весь комплекс вопросов, интересовавших оба государства. Ключевым вопросом было отношение к Лиге наций, в частности к обязательствам Германии по ст. ст. 16 и 17 Устава в случае вступления в Лигу наций. Советские представители откровенно говорили, что принятие военных обязательств Германией поставит под угрозу дружественные отношения двух стран. Германская дипломатия, вступая в переговоры с западными державами, стремилась создать впечатление, что эти переговоры не означают изменения отношений с СССР. Попытки германских дипломатов словесными заверениями в том, что отношение Германии к СССР остается неизменно дружественным, убаюкать советских дипломатов были тщетными. «Самые торжественные заверения, повторенные всеми компетентными министрами и высшими чинами, — писал в воспоми-

¹ См. Polit. Archiv. Büro Reichsminister. Akten betreffend: Russland, Bd. 10, Bl. D555000.

² Ibid., Bl. D555055.

³ См. «Правда», 6 марта 1925 г.

паниях Герберт фон Дирксен, — и содержавшие утверждение, что германское правительство не имеет ни малейшего намерения действовать вопреки духу Рапалло, совершенно не достигали цели успокоения Советов»¹. Из переписки германского посла с дипломатическим ведомством, а также из записей бесед в Москве становится ясным, что именно в этот момент обозначились тактические и политические расхождения между послом Ранцау и министром Штреземаном². Архивные документы дают основание для вывода, что Г. Штреземан настойчиво вел дело к соглашению с западными странами и требовал от посла поддерживать впечатление, что германское правительство стремится к сохранению прежних отношений с СССР. В то же время посол Ранцау был серьезно озабочен возможным ухудшением отношений с Советским Союзом, высказывался против безоговорочного вступления Германии в Лигу наций. Свой подход посол изложил в записке от 13 апреля 1925 г. так: «Во-первых, я сомневаюсь, что цена, которую мы, может быть, заплатим за вступление в Лигу наций без оговорок, когда-либо окупится полностью, и, во-вторых, я убежден, что в результате этого германо-русским отношениям, сложившимся к настоящему времени, будет нанесен непоправимый удар»³. Он был склонен считать, что СССР не добивается изоляции Германии, а скорее стремится избежать изоляции сам.

В конце апреля 1925 года состоялись встречи и беседы советского полпреда в Берлине Н. Крестинского с рейхсканцлером Лютером. 22 апреля советский полпред поставил перед рейхсканцлером вопрос о перспективе взаимоотношений двух стран в связи с возможным вступлением Германии в Лигу наций и с заключением гарантийного пакта. «Лютер ответил мне, — писал полпред в своем отчете, — что сближение Германии и России, экономическое и политическое, диктуется объективным положением вещей. Соглашение с Антантой он рассматривает как способ получить известную передышку. Он считает, что влияние Германии в Лиге наций будет больше, чем мы думаем, и что Германии во всяком случае удастся на время необхо-

¹ H. v. Dirksen, Moskau — Tokio — London, Stuttgart, 1949, S. 66.

² См. «Локарнская конференция», стр. 53—65; «Документы...», т. VIII, стр. 240, 781.

³ Polit. Archiv. Büro Reichsminister. Akten betreffend: Russland, Bd. 10, Bl. D555109—D555110.

димой передышки сохранить самостоятельность во внешней, в частности в восточной, политике»¹.

На следующий день рейхсканцлер Лютер продолжил разговор с полпредом на затронутую накануне тему и просил передать Советскому правительству, что Германия «ни в каком случае не войдет в Лигу наций без оговорок». Лютер исходил из того, что ни одно германское правительство не сможет безоговорочно вступить в Лигу наций и пойти на ухудшение отношений с СССР. Советский полпред сообщал сказанное рейхсканцлером: «Развитие Германии может идти только при опоре на Восток, и поэтому мы можем не бояться какого-либо предательства со стороны Германии»².

Советский полпред должен был уехать в Москву на Съезд Советов. Германская дипломатия подготовила к этому времени для передачи Советскому правительству меморандум и записку «Значение статьи 16 Устава Лиги наций для Германии». Тогда же состоялись беседы советского полпреда со статссекретарем Шубертом, министром иностранных дел Штреземаном и находившимся в Берлине послом Брокдорфом-Ранцау.

Германский меморандум назывался «Резюме сообщений, сделанных Народному Комиссару Литвинову Германским Послом в Москве 7 апреля 1925 г. от имени Имперского Правительства» и имел гриф «Строго доверительно»³. Хотя Брокдорф-Ранцау и заверил, что после его замечаний текст стал лучше, советские дипломаты считали, что существо подхода осталось тем же. Каковы же были соображения германского правительства относительно перспектив отношений с СССР в связи с вступлением Германии в Лигу наций? Германское правительство признавало, что решающее значение имеет вопрос: не приведет ли принадлежность Германии к Лиге наций к неизбежному затруднению или даже срыву германо-русских отношений. Подробно разбирая возможные последствия вступления Германии в Лигу наций, авторы меморандума делали вывод, что этот шаг не приведет к ухудшению отношений с СССР и не лишит Германию возможности сохранять нейтралитет по отношению к СССР. Особенно большое значение придавалось получению Германией места в Совете Лиги, где ответственные решения должны приниматься

¹ «Документы...», т. VIII, стр. 788.

² Там же, стр. 243—244.

³ Там же, стр. 249—254.

единогласно, то есть с непременным участием Германии. «Принимая во внимание все эти обстоятельства, было бы правильным рассматривать вопрос о будущем развитии германо-русских отношений не вообще и не абстрактно, а в конкретной форме, для того чтобы откровенно и чисто-сердечно обсудить с Правительством СССР охарактеризованную здесь в общих чертах ситуацию, которая возникла бы в случае вступления (Германии) в Лигу наций»¹, — резюмировал германский меморандум. Наряду с заверением Советского правительства в том, что вступление в Лигу наций не означает принципиального изменения германской политики, в меморандуме подчеркивалась готовность обсудить в доверительной форме общую ситуацию и эвентуальности, которые могут возникнуть.

Из сообщения советского полпреда от 26 апреля вытекает, что германские представители сделали пояснения и комментарии к позиции Германии; особенно большой интерес представляли в этой связи высказывания министра иностранных дел Г. Штреземана. Он принял советских представителей у себя на квартире 25 апреля и беседовал с ними более часа. В связи с полученным в тот же день германским меморандумом советский полпред поставил перед министром вопрос: означает ли позиция Германии, что она войдет в конце концов в Лигу наций без всяких условий. «Штреземан ответил, — записал полпред, — что и он, и канцлер, и совет министров, и дейснационале (немецкая национальная народная партия), и его собственная партия ни в коем случае не согласны вступить в Лигу наций без оговорок»².

Второй вопрос советской стороны прямо касался декабрьского предложения о заключении пакта об отказе от участия во враждебных комбинациях. Считая, что в условиях, когда Германия все более идет на сближение с Лигой наций, заключение такого пакта особенно настоятельно необходимо, советский представитель поставил вопрос так: «Как относится г. Штреземан к этому предложению и когда он думает начать переговоры?». Штреземан ответил: «Прежде мне казалось, что заключение такого соглашения противоречило бы статуту Лиги наций и что нас могли бы упрекнуть в нелояльности по отношению к ней»³. Однако, продолжал министр, торговый договор 1922 года между

¹ «Документы...», т. VIII, стр. 253.

² Там же, стр. 247.

³ Там же.

СССР и Чехословакией, в котором говорится о взаимном нейтралитете на случай войны одного из государств с третьим¹, создает прецедент. «Если г. Бенеш, активный участник Лиги наций, разрешил себе заключение такого рода договора, то, очевидно, это не противоречит уставу Лиги наций». Штреземан заверил, что германская дипломатия работает над тем, чтобы, признавая Устав Лиги наций в целом, добиться фактически освобождения от подчинения ст. ст. 16 и 17, но пока не удалось придумать ничего удовлетворительного. «Вот я и хотел бы, — продолжал Штреземан, — чтобы (мы) с вами пашли такую формулу, которая, по нашему общему признанию, гарантировала бы Германию от участия в санкциях и, стало быть, гарантировала бы России нейтралитет Германии во всяком случае»².

Таким образом, к концу апреля проблематика дипломатических переговоров Германии и СССР обозначилась довольно четко. Германия желала вступить в Лигу наций но хотела обговорить с СССР приемлемые при этом формы поддержания нормальных отношений; Советский Союз хотел удержать Германию от вступления в Лигу наций, но шел и на обсуждение возможных новых соглашений с целью сохранения отношений в рапалльском духе.

Находившийся в Берлине посол Брокдорф-Ранцау активно включился в выяснение намерений своего правительства, усматривая в решении вступить в Лигу наций определенный поворот в германской политике или даже перероIENTATION. В день третьей годовщины Рапалльского договора Брокдорф-Ранцау добился приема у рейхсканцлера и изложил свои соображения о складывающейся ситуации. Сотрудник рейхсканцелярии фон Штокхаузен записал в дневник: «Доклад посла в Москве, графа Брокдорфа-Ранцау, у рейхсканцлера. В Кремле выражают некоторый скепсис относительно нашего стремления к западному пакту»³.

В ходе зондирующих бесед⁴ советских и германских дипломатов к середине июня 1925 года выявилось нежела-

¹ См. «Документы...», т. V, стр. 441—442.

² «Документы...», т. VIII, стр. 247—248. Копию немецкой записи беседы см. Polit. Archiv. Büro Reichsminister. Akten betreffend: Russland, Bd. 10, Bl. D555132—D555133.

³ M. Stockhausen, Sechs Jahre Reichskanzlei. Von Rapallo bis Locarno. Erinnerungen und Tagebuchnotizen 1922—1927, Bonn, 1954, S. 156.

⁴ См. «Документы...», т. VIII, стр. 367.

ние германской стороны идти немедленно на выработку комплекса политических и экономических соглашений. Поэтому советская сторона решила форсировать выработку экономических соглашений.

Экономические переговоры в Москве продвигались медленно. 12 июня 1925 г. германская делегация была приглашена в НКВТ СССР на совещание, на котором было заявлено (согласно немецкой записи), что, по мнению Советского правительства, нынешний этап переговоров должен увенчаться подписанием договоров или констатацией невозможности выработать договор. Новые встречи для бесплодных переговоров советская сторона считала нежелательными.

В письме в Политбюро ЦК РКП(б) 14 июня 1925 г. Г. В. Чичерин информировал о состоянии переговоров с германской делегацией. По существу, в этот момент все сводилось к вопросу, идти ли на частичное парафирование соглашений или на отсрочку переговоров до осени. Сообщив Г. В. Чичерину, что он отправляется за новыми указаниями в Берлин, глава германской делегации Кёрнер предложил формулу: «Мы сейчас продолжаем переговоры и стремимся их довести до конца, но если это не удастся, отложим их до осени». Г. В. Чичерин предложил остановиться на первой части формулы, не желая затягивать их до осени. Однако германская сторона не хотела немедленного завершения переговоров¹, рассматривая их продолжение как определенный тактический противовес переговорам с западными державами по гарантийному пакту и условиям вступления в Лигу наций.

15 июня 1925 г. Кёрнер сообщил в Берлин, что Г. В. Чичерин постоянно предлагает завершить переговоры, парафировать согласованные тексты и подписать их после одобрения правительствами. Однако возможность отложить завершение переговоров до осени не исключалась. На следующий день он послал в Берлин перечень требований, на которых настаивают советские представители Ганецкий и Стомопяков: 1) экстерриториальность торгпредства на Линденштрассе; 2) неприкосновенность «гамбургского архива», то есть бумаг отделения торгпредства; 3) предоставление кредита в 200 млн. марок; 4) исключение для Германии из правил наибольшего благоприятствования льгот, предоставляемых Финляндии, Польше, Китаю, Турции;

¹ «Документы...», т. VIII, стр. 365—366.

5) увеличение контингента на ввоз свиней в Германию¹. Германская делегация считала, что на основе советской позиции заключение договора невозможно. «Скорое безоговорочное отклонение этой позиции целесообразно тактически. Главным делом представляется прежде всего, чтобы русские увидели, что мы можем не заключать договора», — телеграфировал Кёрпер 16 июня. Он просил полномочий на то, чтобы прервать переговоры, поскольку нет основы для соглашения. Уже на следующий день министр Штреземан ответил согласием на отклонение советских условий, однако рекомендовал Кёрнеру оставаться в Москве до приезда посла, поскольку отъезд осложнил бы отношения. Уже 20 июня Кёрнеру было направлено новое указание: не допускать разрыва переговоров, согласиться на парафирование и перенесение подписания на осень².

На основе этих положений были составлены «Директивы для продолжения политических переговоров с Россией», которые Штреземан подписал 21 июня 1925 г. В директивах отмечено, что германское правительство не приняло декабрьские предложения в целом, выделив лишь проблеме вступления Германии в Лигу наций и ведя одновременно переговоры с западными державами о региональном пакте и условиях вступления в Лигу наций. Германское правительство на заседаниях 24 и 25 июня 1925 г. рассматривало вопрос возможной политической преамбулы к экономическому соглашению, однако исходило из того, что она не может иметь особого значения и ее выработка не будет завершена в ближайшее время³. Германское правительство признавало, что главная мысль декабрьских предложений — «взаимное обеспечение общего нейтралитета в войне и мире»⁴. Перед отъездом Брокдорфа-Ранцау в Москву, 25 июня, статс-секретарь Шуберт обратил внимание посла на то, что разрабатываемая преамбула не может быть включена в экономическое соглашение и должна быть отложена до разработки в будущем политического договора.

Посол Ранцау вместе с заведующим восточноевропейским отделом графом Дирксеном направились в Москву, судя по всему, не имея каких-либо полномочий для скорого

¹ Polit. Archiv. Büro Reichsminister. Akten betreffend: Russland, Bd. 10, Bl. D555286.

² Ibid., Bl. D555286.

³ См. M. Walsdorff, op. cit., S. 115.

⁴ A. Anderle, op. cit., S. 143.

завершения переговоров по торговому договору. В день отъезда германских представителей из Берлина советское полпредство сообщило Чичерину о минорном настроении германского посла и едущих с ним: «Аусамт (МИД Германии. — А. А.) требует от них добиться нашего согласия на подписание пока только отдельных соглашений. Он предвидит большие трудности, так как переговоры уперлись в мертвую точку. По мнению графа, их можно сдвинуть только в том случае, если Вы при первом личном свидании сделаете позитивные предложения. Аналогичные мысли высказывал едущий вместе с графом Дирксен»¹.

После обсуждения правительством вопроса о преамбуле Штреземан 26 июня направил послу шифровку о том, чтобы посол устно предложил текст преамбулы, оставив открытым вопрос о сроке подписания договора². Обосновывая эту тактику, Штреземан сказал членам кабинета: «Дать русским меньше, чем преамбулу, теперь более невозможно»³.

В конце июня 1925 года в «Известиях» была опубликована без подписи написанная Г. В. Чичериным статья «Остров и материк», в которой подчеркивалось, что начатая английской дипломатией кампания по выработке западного гарантийного пакта имеет целью изоляцию Советского Союза. «Стремление английского правительства оторвать Германию от СССР и направить ее против последнего является одним из основных факторов международной политики настоящего момента. Это есть ключ к очень многим сложным и запутанным явлениям нынешних дипломатических отношений». Советская дипломатия предостерегала германских политиков против участия в опасной игре и в то же время подтвердила желание сохранять хорошие отношения между двумя странами. «Упорный отказ германского правительства от вступления в Лигу наций без оговорок, освобождающих Германию от участия в репрессивных актах против СССР, достаточно ярко показывает, что германское правительство ясно понимает серьезную опасность, таящуюся для нее в нынешней английской линии»⁴.

¹ «Документы...», т. VIII, стр. 389.

² См. Polit. Archiv. Büro Reichsminister. Akten betreffend: Russland, Bd. 10, Bl. 555339.

³ Ibid., Bl. 555337.

⁴ «Известия», 30 июня 1925 г.; Г. В. Чичерин, Статьи и речи, стр. 392—395.

Возвратившийся в Москву посол Ранцау был тотчас же принят наркомом Г. В. Чичериным. «Краткое резюме беседы с германским послом», сделанное наркомом 28 июня 1925 г., передает основной итог пребывания германского посла в Берлине: «Ранцау начал с того, что борьба за проведение нашей линии в Берлине была крайне трудная. Однако мы можем быть довольны результатами. Можно считать установленным, что Германия не вступит в Лигу наций без оговорок о ст. ст. 16 и 17»¹. Брокдорф-Ранцау с присущим ему чувством уверенности в себе представил Г. В. Чичерину итоги своего более чем двухмесячного пребывания в Берлине. Он подчеркивал, что имел три продолжительные беседы с новым президентом Гинденбургом, который «был мало в курсе русской политики». «Ранцау сделал ему подробный доклад о русской политике Германии в связи с мировой политикой, и Гинденбург его вполне одобрил, — записал Г. В. Чичерин слова посла. — Мы знаем, что в свое время Брокдорф-Ранцау оговорил у президента Эберта непосредственное общение и доклады президенту и канцлеру, независимо от линии ведомства. Теперь эта оговорка как бы узаконивалась докладом новому президенту».

Свою линию в советско-германских отношениях Брокдорф-Ранцау отстаивал довольно последовательно. Он сообщил Чичерину, что в Берлине резко ставил вопрос о том, что германское правительство ведет переговоры с западными странами, но не отвечало на декабрьские предложения Советского правительства более трех месяцев, а теперь отвечает неопределенно. Ранцау считал, что он добился в Берлине большего, чем надеялся добиться: он приехал с предложением открыть переговоры о письменном закреплении основной линии взаимоотношений. «Теперь настал момент, — записал Чичерин суждения Ранцау, — немедленно обсудить тезисы о наших отношениях к Лиге наций, и более того — письменно закрепить общую линию политики обоих государств в их взаимоотношениях на основании советских декабрьских предложений». Г. В. Чичерин и Брокдорф-Ранцау вновь подробно обсуждали возможные последствия вступления Германии в Лигу наций для отношений двух стран. При этом Ранцау пытался доказать, что если Германия вступит в Лигу наций с оговорками, то она «может быть очень полезна» СССР.

¹ «Документы...», т. VIII, стр. 396.

По существу, это было проведением линии Штресемана, которая была, по мнению самого Ранцау, выбором ориентации на Запад. Германский посол прочитал ответ своего правительства на меморандум Советского правительства от 2 июня. Смысл ответа сводился к желанию поддерживать без изменений отношения на основе Рапалльского договора.

Относительно торговых переговоров посол высказал ряд суждений, которые свидетельствовали о трудностях на пути к их завершению. Он подчеркнул германское требование об исключении Польши и Финляндии из числа государств, для которых СССР и Германия сделают исключение при применении правил наибольшего благоприятствования. Г. В. Чичерин «без обиняков объяснил Ранцау, что мы настаиваем на немедленном завершении торговых переговоров без новой отсрочки, что до осени далеко и мы не знаем, какие могут произойти осложнения»¹.

О состоявшейся 28 июня беседе с Г. В. Чичериным Брокдорф-Ранцау подробно доложил в Берлин. Брокдорф-Ранцау подтвердил в отчете, что в этой первой после возвращения в Москву беседе заявил от имени своего правительства, что оно готово «уже теперь, причем в письменной форме, согласовать с Советским правительством закрепление основных мыслей, как они были выражены в русских декабрьских предложениях»².

Следующая встреча советских и германских представителей состоялась 1 июля в НКВД. Брокдорф-Ранцау в совершенно секретной шифровке изложил ход обсуждения «русских декабрьских предложений» с участием его и Дирксена с германской стороны и Г. В. Чичерина и Н. Н. Крестинского — с советской.

Посол отметил: «В ходе двухчасового обсуждения выяснилось совершенно, что Чичерин в первую очередь опасается участия Германии в экономических принудительных мерах против СССР (блокирование кредитов, банковских вкладов и т. д.)»³. Возражения Г. В. Чичерина на новые германские предложения были предварительным мнением и касались обязательств Германии при вступлении в Лигу наций. Он прежде всего отметил, что германские предложе-

¹ «Документы...», т. VIII, стр. 397—399.

² Polit. Archiv. Büro Reichsminister. Akten betreffend: Russland, Bd. 11, Bl. D555359.

³ Ibid., Bl. D555395.

ния упоминают только ст. 16, но не упоминают ст. 17. Если бы Германия вступила в Лигу наций при отклонении оговорок относительно ст. 16, то это означало бы полное принятие обязательств. Г. Дирксен вручил Г. В. Чичерину текст предложений германского правительства об оформлении в виде письменного соглашения принципов развития отношений между двумя странами. Формулировку преамбулы Г. В. Чичерин считал «слабее и неяснее», чем декабрьские предложения, которые предусматривали нейтралитет и обязательство не участвовать во враждебных экономических и политических комбинациях. Германский же проект включал лишь такие формулы, как «длительный дружественный контакт», стремление к «взаимному согласию». «Пожелания мира и спокойствия достойны признательности, но это все же — не предложение договора», — заключил советский нарком. При этом он указал на наличие договора о нейтралитете между СССР и Чехословакией, которая входит в Лигу наций. В отличие от советского предложения, план германских дипломатов предусматривал не заключение политического соглашения в форме договора, а лишь включение в торговый договор преамбулы, излагающей общие принципы отношений между двумя государствами¹. Первый абзац проекта был составлен с учетом позиции СССР и приемлем для Советского Союза, поэтому в ответных предложениях, сообщенных 13 июля Г. В. Чичериным послу Ранцау, этот абзац был изложен в совпадающих выражениях почти дословно². Сравнение текста этого пункта с формулой, предложенной Брокдорфом-Ранцау в записке от 14 июня 1925 г., показывает, что в германский проект была включена почти дословно именно эта формула. Однако второй абзац относительно Лиги наций германское правительство предлагало сформулировать в том смысле, что Германия на известных условиях вступит в Лигу наций, а СССР, если решит вступить в эту организацию, известит об этом Германию. Это было неприемлемо для СССР, поскольку не содержало обязательства согласовывать позиции на основе равенства и взаимности. Поэтому в ответе Советского правительства были предложены иные формулы относительно непадения, отказа от участия во враждебных блоках, а также координации действий в отношении Лиги наций: «Германское и Совет-

¹ См. «Документы...», т. VIII, стр. 784.

² Там же, стр. 430.

ское Правительства, исходя из этих соображений, взаимно обязуются не совершать прямых нападенний или какого бы то ни было рода других недружелюбных действий друг против друга и не вступать ни в какие политические или экономические блоки, договоры, соглашения или комбинации с третьими державами против другой договаривающейся стороны»¹. Советский проект предусматривал также согласование политики обеих стран в отношении Лиги наций.

Таким образом, советская дипломатия настойчиво проводила линию на то, чтобы притупить возможную антисоветскую направленность сговора Германии с западными державами. Германская дипломатия не была намерена тотчас порвать с рапальским курсом (это не отвечало ее интересам), однако в дипломатическом торге с западными державами хотела показать не упрочение, а ослабление политических связей с СССР. Готовность войти в Лигу наций, оговорив необязательность ст. 16, сочеталась в политике Штресемана с минимумом обязательств перед Советским Союзом. Германская дипломатия стремилась внести в рапальскую линию такие изменения, которые были благоприятны для сближения с западными державами. Дальнейший ход событий показал, что Штресеману в определенной степени это удалось. Однако советская дипломатия умело использовала реальное соотношение сил для сохранения рапальского курса и закрепления новых обязательств в торговом соглашении и особом политическом договоре.

* * *

Анализ дипломатических документов обеих сторон показывает, что ко времени (осень 1924 г.), когда германская дипломатия во главе с министром Г. Штресеманом начала политику сближения с западными державами, Советское правительство приняло энергичные меры для сохранения нормальных договорных отношений с Германией в рапальском духе. Этой цели служили прежде всего советско-германские торгово-экономические переговоры, начавшиеся в ноябре 1924 года и проходившие с перерывами в несколько этапов:

¹ «Документы...», т. VIII, стр. 430—431.

ноябрь — декабрь 1924 года: обсуждены основные принципы сотрудничества государств разных систем, в особенности важным было признание германской стороной советской монополии внешней торговли;

февраль — апрель 1925 года: выработаны основные положения соглашений, которые должны войти в комплекс экономических договоров;

май — июль 1925 года: обсуждены наиболее сложные вопросы — применение принципа наибольшего благоприятствования и др.;

сентябрь — октябрь 1925 года: проведены заключительные переговоры, увенчавшиеся выработкой соглашения.

Одновременно по инициативе советской дипломатии происходил обмен мнениями по стабилизации политических отношений в рапалльском духе. Советская дипломатия конкретизировала свой подход, предложив новый договор на основе отказа обеих стран от участия во враждебных экономических и военных группировках. Особенность тактики германской дипломатии заключалась в том, что, не порывая с рапалльским курсом и даже опираясь на него, она добивалась уступок со стороны западных держав.

Советская дипломатия настойчиво добивалась подтверждения договорных политических отношений, чтобы поворот Германии к сотрудничеству с западными державами не привел к вовлечению ее в подготавливавшийся антисоветский фронт империалистических держав во главе с Англией. Она проявила конструктивную инициативу в декабре 1924, в апреле и июне 1925 года, наконец, идя на заключение экономического соглашения, оговорила выработку политического соглашения. Уже к лету 1925 года удалось провести обмен мнениями по основным проблемам политических и экономических отношений, однако до заключения западного гарантийного пакта и решения вопроса о вступлении в Лигу наций германская дипломатия не шла на оформление новых политических обязательств в отношении СССР. Но советская дипломатия настойчиво добивалась подтверждения и закрепления рапалльского курса.

Заключение Московского экономического договора

Переговоры между Советским Союзом и Германией о заключении экономического договора протекали летом 1925 года в довольно сложной обстановке. Германское пра-

вительство вело политические переговоры с Англией и Францией относительно западного гарантийного пакта. Ход западных переговоров вплоть до осени 1925 года оказывал влияние на советско-германские отношения. Тактику затягивания переговоров германскими дипломатами определяло желание использовать выработку соглашения с СССР для воздействия на Францию и Англию, а возможный сговор с последними — для давления на СССР. Между переговорами германской дипломатии на Западе и на Востоке формально не было связи, но фактически они находились в прямой зависимости. Английское и французское правительства продолжали обмен мнениями и выработку подхода к отношениям с Германией, взвешивали политические и юридические моменты соглашения с нею. Эта пауза в переговорах по гарантийному пакту наложила отпечаток и на поведение германской дипломатии в отношениях с СССР. Если советская дипломатия настойчиво добивалась скорой выработки экономического договора и политического соглашения, то германская дипломатия придерживалась тактики затягивания. От ответа западных держав зависели дальнейшие шаги германской дипломатии.

16 июня 1925 г. правительство Франции передало Штресеману ноту, в которой дало обстоятельный ответ на германский меморандум. Одним из основных условий гарантийного пакта французское правительство считало вступление Германии в Лигу наций, отказ от пересмотра существующих договоров, сохранение статус-кво и т. д. «Ничто в договорах, рассматриваемых в настоящей ноте, не должно затрагивать права и обязательства, возлагаемые на членов Лиги наций согласно ее Уставу», — говорилось во французской ноте¹. 18 июня между Штресеманом и французским послом де Маржери состоялась беседа, на которой основными были обязательства Германии при вступлении в Лигу наций.

В ответе от 20 июля германское правительство отмечало: «По мнению германского правительства, вступление Германии в Лигу наций не является необходимой предпосылкой для осуществления основной идеи германского меморандума»². Подчеркивая значительное сближение взглядов обеих сторон, германское правительство выражало сомнения и опасения для Германии как «разоруженного

¹ «Локарнская конференция», стр. 119.

² Там же, стр. 127.

государства» по некоторым положениям, в частности по обязательствам, вытекавшим из ст. 16 Устава. Со своей стороны, в ноте от 24 августа Франция констатировала общность взглядов, особенно намерение сторон не ставить заключение пакта в зависимость от изменения положений мирного договора¹.

В итоге переписки в конце августа правительства Германии, Франции, Великобритании и Бельгии решили поручить дальнейшую разработку пакта безопасности экспертам. В середине сентября Франция предложила созвать конференцию министров иностранных дел на нейтральной территории, предпочтительно в Швейцарии, в конце сентября — начале октября². В итоге работ юристов-экспертов в Лондоне был выработан проект гарантийного пакта.

Как протекали советско-германские экономические переговоры летом 1925 года? После отъезда из Москвы фон Кёрнера руководство экономической делегацией взял на себя Ранцау. 4 июля в письме в дипломатическое ведомство он категорически потребовал обращаться к нему, а не к Дирксену, по всем вопросам экономических переговоров, поскольку он по указанию министра и канцлера взял на себя руководство переговорами³.

Вскоре Ранцау выдвинул предложение о заключении предварительного экономического соглашения на 18 месяцев. «С моей стороны, — пояснил посол, — нет намерения соглашаться или претендовать в предварительном соглашении на исключения из наибольшего благоприятствования, выходящие за рамки Рапалльского договора»⁴. Брокдорф-Ранцау признавал, что политические соображения не должны наносить ущерб экономике, предварительное соглашение рассматривалось им как выход из положения. По согласованию с послом Дирксен направил заведующему отделом Вальроту телеграмму-резюме о состоянии экономических переговоров: «Заключение договора на достигнутой основе не исключено, однако маловероятно вследствие возможного настаивания русских на исключении из наибольшего благоприятствования для Китая и Турции, а также на полной экстерриториальности»⁵.

¹ См. «Локарнская конференция», стр. 128—133.

² Там же, стр. 134—135.

³ См. Polit. Archiv. Büro Reichsminister. Akten betreffend: Russland, Bd. 11, Bl. D555400.

⁴ Ibid., Bl. D555387—D555389.

⁵ Ibid., Bl. D555392.

Миссия Дирксена в Москву летом 1925 года не дала ощутимых результатов, которых, впрочем, и не ждали в Берлине. Советское предложение о заключении широкого договора не получило поддержки со стороны германского правительства, однако оно не отказывалось продолжать как политические, так и экономические переговоры в примирительном духе. Причина сдержанности германской стороны была объяснена самим Дирксеном так: «Разочарование в Берлине в связи с безрезультатностью моей миссии было не слишком большим. Общее внимание было отдано ускоренному темпу переговоров с западными державами»¹.

Два фактора вынуждали германскую сторону к продолжению переговоров: торгово-политическое положение и понимание того, что отсрочка была бы воспринята советской стороной как отход от рапалльского курса. Заведующий восточным отделом германского дипломатического ведомства Вальрот сообщил 10 июля послу Брокдорфу-Рапцау о состоявшемся совещании торгово-политического комитета, который выразил опасения, как бы прекращение экономических переговоров не вызвало негативного политического резонанса, особенно в условиях задержки переговоров с Францией и фактической таможенной войны с Польшей. В резолюции торгово-политического комитета от 8 июля 1925 г. так был определен подход к экономическим переговорам: «Даже мнимая договоренность с Советской Россией привела бы к существенной разрядке и создала бы значительно более благоприятные позиции Германии в предстоящих переговорах»².

Однако для Советского Союза нужна была не «мнимая договоренность», а реальный договор. Линия поведения германской делегации привела к тому, что в конце июля переговоры зашли в тупик и делегация собиралась уехать из Москвы. 24 июля на совещании в МИД совместно с представителями других ведомств заведующий восточным отделом Вальрот доверительно сообщил, что переговоры по торговому договору можно рассматривать как неудавшиеся. Дело заключалось в том, что торговая делегация в течение четырех недель находилась в Москве без инструкций и готовилась прекратить переговоры, но в начале августа дипломатическое ведомство предписало делегации

¹ Н. v. Dirksen, op. cit., S. 69.

² A. Anderle, op. cit., S. 146.

непременно оставаться в Москве, чтобы по политическим соображениям добиться какого-либо договора. Делегация не знала, как выполнить эту инструкцию, поэтому советник Зеберг поехал на несколько дней в Берлин, чтобы получить разъяснения. Дипломатическое ведомство указало, что по политическим причинам (из-за переговоров о гарантийном пакте) надо добиваться какого-нибудь предварительного экономического соглашения. Тактически предлагалось пойти на некоторые уступки по принципу — обе стороны снимают свои требования и готовы выработать проект и представить его на рассмотрение своих правительств.

Летом 1925 года советско-германские отношения оказались в кризисном состоянии, что вызвало заметную приостановку экономических переговоров. Короткий, но острый кризис в отношениях СССР и Германии возник в связи с вынесением приговора по делу «немецких студентов». Под так пазываемым делом «немецких студентов» имелся в виду арест 26 октября 1924 г. на территории СССР двух германских граждан — К. Киндермана и Т. Вольшта, а также эстонского гражданина М. Дитмара, обвиненных и осужденных за нарушение советских законов. Следствием было установлено, что по пути из Риги в Москву 13 октября 1924 г. эти лица встречались с сотрудником германского посольства Г. Хильгером. Летом 1925 года состоялся суд. Брокдорф-Ранцау 6 июля в резкой форме потребовал от советских органов отказаться от приведения приговора в исполнение, угрожая прекращением политических и экономических переговоров¹. Ранцау был уверен в своей незаменимости, поэтому в своей дипломатической тактике он довольно часто прибегал к угрозе отъезда и отставки как перед правительством страны пребывания, так и перед своим правительством. Особенно настойчив был Брокдорф-Ранцау в требовании полной реабилитации Хильгера по «делу студентов». Он вновь пустил в ход угрозу ухода с поста посла. По разным каналам Ранцау распространял слух о своем предстоящем отъезде и даже называл дату — 12 августа. Г. В. Чичерин обещал продумать форму урегулирования.

Штреземан 13 июля поставил перед кабинетом вопрос: продолжать ли экономические переговоры, если советская

¹ См. Polit. Archiv. Büro Reichsminister. Akten betreffend: Russland, Bd. 11, Bl. D555416.

сторона настаивает на полной экстерриториальности торгпредства. В беседе с Крестинским 17 июля он выдвинул как препятствия в экономических переговорах советское требование полной экстерриториальности торгпредства, против которого возражал кабинет, исключение из принципа наибольшего благоприятствования для Китая и Турции, а также квоты по ввозу скота и тарифы по ржи¹. Только 25 июля Штреземан сообщил послу, что кабинет и внешнеполитический комитет, исходя из общеполитических соображений, согласны на предварительное соглашение по торговле и на оставление открытым вопроса об экстерриториальности торгпредства. В тот же день по поручению канцлера Штреземан рекомендовал послу оставаться в Москве из-за «серьезного кризиса» в отношениях и найти форму улаживания.

28 июля 1925 г., через месяц после возвращения в Москву и под впечатлением от кризиса в отношениях, Брокдорф-Ранцау написал совершенно секретное письмо на имя Г. Штреземана, которое передал через уезжавшего в Берлин Г. Дирксена. В фондах Политического архива германского дипломатического ведомства нами обнаружен рукописный (написанный каллиграфически готическим шрифтом) текст, подписанный Брокдорфом-Ранцау, и, по всей вероятности, единственный экземпляр документа. На первой странице документа имеются рукописные заметки на полях, из которых явствует, что документ был передан Дирксеном 31 июля рейхсминистру, затем 4 августа — рейхсканцлеру, а также некоторым чинам МИД. Этот документ представляет несомненный интерес для понимания состояния советско-германских отношений летом 1925 года.

Посол считал, что трудности в советско-германских отношениях появились уже через несколько месяцев после начала его миссии, а именно после вторжения французских войск в Рур, когда выявилась экономическая и политическая слабость германского правительства. По мнению посла, теперь сложилось «критическое положение» в отношениях двух стран в силу следующих обстоятельств: ревнивого отношения Советского правительства к переговорам по западному пакту, шестимесячного ожидания им ответа на декабрьское предложение, антисоветской кампании в германской прессе, безрезультатности экономических пере-

¹ См. Polit. Archiv. Büro Reichsminister. Akten betreffend: Russland, Bd. 11, Bl. D555430.

говоров. «Самым важным вопросом, который папрашивает-ся, остается: может ли вообще и в какой форме может быть преодолен этот кризис», — писал Ранцау, проявляя отнюдь не дружелюбные настроения в отношении Советского правительства. Особенно раздражал его тот факт, что к судебному делу оказался причастным ответственный сотрудник германского посольства. Г. В. Чичерин, настойчиво требуя завершения экономических переговоров, не дал определенных гарантий заявления Советского правительства о непричастности к делу германского дипломата. Он обещал в лучшем случае напечатать в «Известиях» германское заявление. Посол подчеркивал, что экономические и политические вопросы переплетались с вопросом реабилитации сотрудника посольства¹.

Какую же возможность видел Брокдорф-Ранцау для преодоления кризиса? «Если бы мы были в состоянии сделать действительно далеко идущие уступки в вопросе о предварительном экономическом соглашении, тогда могло бы быть найдено решение и в вопросе о реабилитации, правда, в форме, которую я не хотел бы предопределять», — рассуждал посол. Его особенно беспокоила бесперспективность экономических переговоров. «Переданные торговой делегации инструкции совершенно не годятся для того, чтобы способствовать продолжению переговоров; мы скорее всего столкнулись бы с немедленным резким отклонением с русской стороны и дали бы новую пищу и без того, к сожалению, усиливающейся точке зрения, что мы, решившись связать себя с западными державами, хотим вести здесь дело к разрыву. При таком положении вещей я нахожу себя не в состоянии довести до сведения Русского правительства предложения, которые неизбежно еще усилили бы недоверие к честности наших намерений и представляли бы тяжелое политическое испытание»².

Советское правительство придавало большое значение завершению экономических переговоров. «В моих прежних донесениях, — писал Брокдорф-Ранцау, — я уже подчеркивал, что здесь придают весьма большое значение позитивному результату экономических переговоров, в настоящий момент даже большее значение, чем политическим переговорам. Германское предложение преамбулы отступает в

¹ См. Polit. Archiv. Büro Reichsminister. Akten betreffend: Russland, Bd. 11, Bl. D555566—D555567.

² Ibid., Bl. D555567.

сравнении с этим на задний план, независимо от того, что оно (как показывают высказывания Чичерина и русские контрпредложения) и по форме, и по содержанию не может расцениваться как преамбула; оно рассматривается русской стороной как недостаточное»¹.

Брокдорф-Ранцау реалистически оценивал возможный резонанс в других странах, которые давно видят фактическую ситуацию, особенно в силу гласности политических действий Советского правительства. Посол предлагал в этой связи тактический ход: уполномочить его в подходящий момент уехать в отпуск, дав недвусмысленно понять, что до возвращения посла от Советского правительства ожидают удовлетворительного решения вопроса о реабилитации Хильгера².

В течение июля 1925 года отношения между СССР и Германией оставались весьма напряженными из-за упоминания в связи с процессом «немецких студентов» имени сотрудника германского посольства Г. Хильгера. В конце концов кризис был преодолен путем компромисса. Германское посольство передало для опубликования в печати заявление, в котором отмечался случайный характер встречи Г. Хильгера с указанными лицами. В «Известиях» 8 августа 1925 г. было опубликовано сообщение НКВД, в котором отмечено, что приговор суда не упоминает имени Хильгера и что оба правительства считают инцидент исчерпанным. В тот же день сообщение НКВД было опубликовано германским информационным агентством ВТБ. Одновременно сотрудник НКВД посетил Брокдорфа-Ранцау и сообщил о публикации. В отчете об этом посол не преминул подчеркнуть, что только его угроза навсегда покинуть пост в Москве склонила Советское правительство к сговорчивости³.

Несколько позже, 31 октября 1925 г., осужденные Киндерман и Вольшт были помилованы, а затем высланы за пределы СССР.

После преодоления «июльского кризиса» и урегулирования в начале августа 1925 года «казуса Хильгера»⁴ в центре внимания советско-германских отношений снова оказался торговый договор. Состояние экономических перегово-

¹ Polit. Archiv. Büro Reichsminister. Akten betreffend: Russland, Bd. 11, Bl. D555567/2.

² Ibid., Bl. D555567/3.

³ Ibid., Bl. D555525.

⁴ См. G. Hilger, op. cit., SS. 140—147.

ров беспокоило советских дипломатов. Они настаивали перед германскими представителями на том, чтобы решить спорные проблемы немедленно: или заключить окончательное соглашение, или констатировать перерыв (или даже разрыв) переговоров. В инструкции советскому полпреду в Берлине от 10 августа 1925 г. Г. В. Чичерин предписывал настойчиво требовать завершения переговоров и, не щадя покоя Штресемана, подчеркивать, что Советское правительство рассматривает гарантийный пакт и вступление Германии в Лигу наций как переориентацию германской политики¹. Через несколько дней, 14 августа, нарком вновь просил полпреда выразить германскому правительству желательность быстрого подписания торгового договора, тем более что единственным нерешенным вопросом к этому времени оставался вопрос о «гамбургском архиве»², то есть об ограждении деловых бумаг отделения советского торгпредства в Гамбурге от возможных вторжений полицейских властей.

Советский Союз предостерегал Германию от вовлечения в антисоветский фронт, который стремилась создать британская дипломатия. После того как прояснились позиции держав в переговорах по гарантийному пакту и германское правительство официально ответило на ноту Франции от 16 июня 1925 г., Г. В. Чичерин выступил 4 августа в «Известиях» под псевдонимом «Осведомленный» с анализом дипломатических позиций держав. Относительно желания германской дипломатии сделать оговорку при вступлении в Лигу наций Г. В. Чичерин писал, что Штресеман пытается избежать разрыва с СССР и проводить политику равновесия между Западом и Востоком. «В глазах последнего (Штресемана. — А. А.) эта оговорка означает сохранение рапалльской линии при одновременном развитии английской ориентации». В то же время отмечались опасные признаки того, что британская дипломатия может вовлечь Германию в опасную ловушку и оторвать ее от СССР. «Приходится признать, — писал в заключение статьи Г. В. Чичерин, — что те германские политические деятели, которые готовят ликвидацию рапалльской политики, ведут Германию по пути серьезнейших опасностей и берут на себя самую тяжелую ответственность»³.

¹ См. «Документы...», т. VIII, стр. 484—485.

² Там же, стр. 491—492.

³ «Известия», 4 августа 1925; Г. В. Чичерин, Статьи и речи, стр. 431—438.

21 августа в беседе с германским послом в Москве М. Литвинов настойчиво предлагал в ближайшее время подписать торговый договор. Как он сказал Брокдорфу-Ранцау, Штреземан заверил его, что германская делегация в Москве имеет для этого достаточные полномочия. «Граф пожал плечами; я, — записал М. Литвинов, — поставил ему вопрос в упор, уполномочен ли он подписать договор в случае окончательного согласования спорных вопросов. Граф ответил, что он должен будет предварительно запросить Берлин»¹. Посол фактически признал, что из Берлина не получены полномочия на подписание договора. Он высказал предположение, что «старик Кёрпер» пожелает приехать в Москву для подписания договора.

Определенные круги промышленности и торговли выразили свое неудовлетворение достигнутым уровнем переговоров, особенно признанием советской монополии внешней торговли. Однако это отнюдь не означало, что подготовленные соглашения не отвечали экономическим интересам Германии. Как всякое соглашение, они должны были быть взаимовыгодным компромиссом.

В конце августа германское правительство согласилось, что не в интересах Германии дальнейшее затягивание переговоров по торговому соглашению. Штреземан дал 22 августа указание посольству в Москве не ставить подписание соглашения с СССР в зависимость от переговоров с западными державами, даже с переговорами по преамбуле, которая может быть выработана позже: «Если вообще говорить о последствиях деловых переговоров в Москве для переговоров с Западом, то эти последствия могли бы быть для нас лишь желательными, поскольку позитивный результат деловых переговоров показал бы, что германо-русские отношения развиваются дальше независимо от западных переговоров»². Однако в политических переговорах германское правительство не желало принимать советские предложения. Оно оставляло за собой свободу решения о вступлении в Лигу наций без согласования с Советским правительством. Не возражая якобы против пейтралитета в отношении СССР, Германия исходила из того, что вступление в Лигу наций формально несовместимо с нейтралитетом. «Преамбула — самое крайнее, что Германия может нам предложить, но она готова принять нашу редакцию

¹ «Документы...», т. VIII, стр. 495.

² Polit. Archiv. Büro Reichsminister. Akten betreffend: Russland, Bd. 11, Bl. D555699.

преамбулы»¹, — сообщил 26 августа 1925 г. М. Литвинов полпреду в Берлин результат встречи с послом в Москве.

В конце августа выяснилось, что советская и германская дипломатия согласны в том, что экономические переговоры не должны затягиваться из-за выработки преамбулы, а экономические и политические переговоры могут происходить параллельно. Тем не менее и в самих экономических переговорах еще оставались многие нерешенные проблемы². В первой половине сентября на переговорах в Москве был достигнут значительный прогресс: делегации договорились по спорным вопросам — по наибольшему благоприятствованию и по транзиту.

Важным условием советско-германского экономического сотрудничества было предоставление Советскому Союзу кредитов. Первоначально советские представители просили обеспечить кредит в 600 млн. марок сроком на три года, затем снизили сумму до 200 млн. марок на два года³.

В это время советское торгпредство обратилось к банковскому консорциуму во главе с «Дойче Банк» с просьбой предоставить кредит в 100 млн. марок для «мобилизации» урожая. Кредит должен был использоваться для закупки и оплаты германских товаров в течение четырех-пяти месяцев. Банкиры хотели привлечь для гарантии государственные средства, хотя признавали, что риск равен нулю. Кабинет считал дело важным и выгодным, но не хотел выделять средств. Предполагалось посоветоваться об этом с лидерами партий. Однако для того, чтобы оказать нажим на советскую сторону, германские дипломаты отказались от такого совещания и, затягивая предоставление кредита, выторговывали уступки в экономических переговорах. На совещании у рейхсминистра 25 августа было отмечено, что такая сделка выгодна для Германии, в частности с точки зрения и сельскохозяйственных кругов. В протоколе заседания зафиксировано: «Следует предпринять все, чтобы сделка состоялась... Выгоды сделки не должны выпасть только на долю „Дойче Банк“»⁴. В конце августа — начале сентября экономические переговоры вновь оказались под угрозой срыва германской стороной.

¹ «Документы...», т. VIII, стр. 508.

² См. Polit. Archiv. Büro Reichsminister. Akten betreffend: Russland, Bd. 14, Bl. D555765.

³ «Документы...», т. VIII, стр. 794.

⁴ Polit. Archiv. Büro Reichsminister. Akten betreffend: Russland, Bd. 14, Bl. D555770.

В этот момент германская дипломатия предприняла тактический маневр, надеясь на новые уступки советской стороны. Газета «Теглихе Рундшау» 1 сентября 1925 г. выступила со статьей «Перенесение гермапо-русских переговоров о торговом договоре». Советский поверенный в делах тотчас запросил МИД Германии. Дирксен ответил, что, по его сведениям, переговоры находятся на грани разрыва. Сам же тем временем принял меры через «Дойче Банк» для затягивания предоставления кредита по крайней мере на неделю ¹.

Отъезд германской экономической делегации из Москвы был представлен Берлином как признак разрыва переговоров, что вызвало удивление советских дипломатов. В беседе с Литвиновым 1 сентября Ранцау сослался на расхождения по применению принципа наибольшего благоприятствования как на причину прекращения переговоров. Он сообщил также об отсрочке с решением вопроса о кредите в 100 млн. марок. Советские дипломаты предлагали рассматривать отъезд делегации как поездку для доклада, однако германская сторона не соглашалась даже на это. Германская дипломатия настаивала на уступках, используя для этого вопрос о кредите. Однако слишком долгое увязывание торгового договора с кредитом было также невыгодно, ведь уже было решено предоставить кредит. Германская дипломатия ожидала уступок «под кредит» в соглашении по консульским делам, по наследованию, по правовой защите, предоставления рыболовной концессии. «Дойче Банк» действительно попытался задержать решение о кредите, ссылаясь на необходимость уступок в торговом соглашении, однако советские представители твердо предложили не увязывать финансовую сделку с политическими переговорами ².

В начале сентября 1925 года обозначились ступени советско-германских переговоров: 1) конкретные торгово-финансовые сделки (кредит под урожай); 2) комплекс экономических соглашений; 3) политические переговоры по преамбуле.

Германское посольство сообщило в Берлин 7 сентября, что советская сторона проявила уступчивость в таких вопросах, как рыболовство и патентное соглашение, в поисках

¹ См. Polit. Archiv. Büro Reichsminister. Akten betreffend: Russland, Bd. 11, Bl. D555771.

² Ibid., Bl. D555779.

компромисса в применении наибольшего благоприствования. При этом советские дипломаты подчеркнули, что согласованные вопросы не подлежат пересмотру. Литвинов и Ганецкий согласились с Ранцау в том, что открытые вопросы должны быть решены в короткий срок.

В первой декаде сентября наметился заключительный этап экономических переговоров. Для поддержания в общественном мнении позитивного настроения определенное значение имела речь посла Ранцау на юбилее Академии наук СССР в Ленинграде 9 сентября 1925 г.

Дирксен информировал 10 сентября посольство в Москве, что лидеры партий рейхстага не выдвинули возражений против кредита в 100 млн. марок под новый урожай. Министерство финансов и представители банковского консорциума продолжали переговоры с торгпредством. Однако послу было рекомендовано пока не сообщать об этом советским представителям. Штреземан сообщил 14 сентября послу Ранцау, что поездку Кёрнера в Москву считает нецелесообразной. В тот же день посол направил Кёрнеру телеграмму, в которой весьма мрачно описал состояние переговоров: кризисное-де состояние, возможен разрыв. А 18 сентября Штреземан без обиняков сказал Кёрнеру, что состояние переговоров в Москве таково, что его присутствие там не нужно. Таким образом, окончательно выяснились роли Кёрнера и Ранцау в выработке торгового договора: если первый заводил их в тупик, то второй их выводил из тупиков. Когда переговоры вступили в заключительную стадию, Кёрнер хотел поехать в Москву, но в Берлине благоразумно решили, что старик может снова развалить проект. Посол Ранцау доложил в Берлин 19 сентября, что в ближайшее время можно завершить переговоры выработкой текста. Главное: «В вопросе о наибольшем благоприствовании достигнуто полное единство»¹.

19 сентября Штреземан направил послу указания ускорить завершение переговоров, мотивируя тем, что в связи с конференцией западных держав германское правительство не сможет заниматься торговым договором. Желательным сроком завершения переговоров было названо 26 сентября 1925 г. «Для меня, — писал министр, — по деловым и внешнеполитическим причинам было бы крайне желательно как можно более скорое подписание»².

¹ Polit. Archiv. Büro Reichsminister. Akten betreffend; Russland, Bd. 12, Bl. D555807.

² Ibid., Bl. D555847.

Посол решительно подчеркивал, что подготовленный договор — это прежде всего экономическая, а не политическая сделка. 22 сентября 1925 г. Ранцау отправил лапидарный отчет: «Следует ожидать позитивного исхода переговоров по договору. Обе делегации всеми усилиями взялись за изготовление текста договора. Текст экономического соглашения уже сегодня близок к завершению»¹. К этому времени оставались незавершенными соглашения по правовым вопросам и вопрос о налогообложении торгпредства.

В последней декаде сентября 1925 года банковский консорциум решил открыть кредит советскому торгпредству, однако оговорив, что заказы должны делаться не по выбору, а по рекомендациям. Дипломатическое ведомство дало понять, что отклонение этого кредита усложнит предоставление новых. По соглашению (в форме обмена письмами от 3 октября 1925 г. между «Дойче Банк» и Государственным банком СССР и советским торгпредством) германский банковский консорциум открыл краткосрочный кредит на сумму 75 млн. марок, в том числе 56,5 млн. марок от «Дойче Банк» и 18,6 млн. марок от «Рейхскредит-Гезельшафт АГ». Кредит для закупки германских товаров был предоставлен из 8,5% годовых и со сроками выплаты 29 января и 28 февраля 1926 г. К концу 1925 года советское торгпредство разместило в счет кредита заказы германским фирмам на сумму примерно в 60 млн. марок главным образом на металлоизделия, медицинские инструменты, краски и химические продукты².

В письме министру финансов фон Шлибену посол Брокдорф-Ранцау 27 сентября 1925 г. сообщил, что советско-германские переговоры подошли непосредственно к завершению. Посол просил министра финансов употребить свое влияние, чтобы преодолеть одну из последних трудностей в переговорах — определить порядок начисления налогов на торгпредство. «Учитывая хозяйственное и политическое значение договора, — писал Брокдорф-Ранцау, — вопрос о том, точно ли начислена сумма, по моему мнению, не может играть решающей роли, и мне кажется, что целесообразнее отказаться от нескольких сот тысяч марок, чем пускаться в долгий спор о порядке установления нало-

¹ Polit. Archiv. Büro Reichsminister. Akten betreffend: Russland, Bd. 12, Bl. D555923.

² Ibid., Bl. D555865—D555923; «Документы...», т. VIII, стр. 804—805.

гов...»¹. Таким образом, в конце сентября экономические переговоры были завершены, и предстояло подписание договора.

Если вопрос о торговом договоре можно было считать в основном подготовленным, то политические отношения были предметом нового тура дипломатических переговоров. Уже в сентябре готовилась поездка Г. В. Чичерина в Германию, причем предполагалось, что он поедет через Варшаву, поскольку польская дипломатия проявляла инициативу по организации встречи министра иностранных дел Польши Сквинынского с Чичериным².

За несколько дней до Локарнской конференции, 25 сентября 1925 г., германское правительство провело совещание премьеров германских земель под председательством канцлера Лютера. На совещании Штресеман изложил отношение к гарантийному пакту. Он отметил неприемлемость для Германии ст. 16; признал, что Советское правительство с озабоченностью смотрит на вступление Германии в Лигу наций. Однако Штресеман заверил, что Германия не намерена стать «континентальной шпагой» Англии. В ходе дискуссии бургомистр Гамбурга Петерсен высказал мнение, что принятие ст. 16 означало бы, «что мы теряем Россию». Рейхсканцлер Лютер признал также, что в вопросе вступления в Лигу наций отношение к СССР представляет собой самую важную и трудную проблему. «Безусловно необходимо избежать того, чтобы вступление в Лигу наций привело к разрыву наших отношений с Россией»³.

26 сентября внешнеполитический комитет рейхстага рассматривал приглашение на конференцию по гарантийному пакту. После сообщения Штресемана представители партий высказали свои суждения. Социал-демократ Мюллер-Франкен поддержал скорейшее вступление в Лигу наций, отметив, что надо поискать пути соглашения по ст. 16, однако это не существенно. Представитель «дойчнационалов» Вестарп считал, что Германия должна сохранить свободу рук, попытаться избавиться от военных ограничений: «Мы не можем позволить впрямь нас в колесницу западных держав на все времена»⁴.

В конце сентября 1925 года Г. В. Чичерин проездом в

¹ Цит. по A. Anderle, op. cit., S. 150.

² См. «Документы...», т. VIII, стр. 534—535.

³ Цит. по A. Anderle, op. cit., S. 153.

⁴ Ibid., SS. 152—153.

Германию остановился на три дня в Варшаве. 28 сентября он дал интервью польским журналистам и в весьма дружественных тонах говорил о приеме, оказанном ему польским правительством и общественностью. В Берлине не могли остаться незамеченными высказывания советского наркома о перспективах сближения СССР и Польши¹. Германские дипломаты толковали этот визит как «нажим на Вильгельмштрассе»². Польское правительство по тактическим соображениям всячески старалось подчеркнуть значение визита Г. В. Чичерина³.

Посол Брокдорф-Ранцау ставил перед своим правительством вопрос о необходимости использовать пребывание советского наркома в Германии, для того чтобы развеять сложившееся в течение последних семи месяцев недоверие Советского правительства к германской политике. Отмечая сильную тенденцию среди советских руководящих кругов к пересмотру отношений с Германией в пользу отношений с Францией, германский посол рекомендовал убедительно доказать, что Германия по-прежнему хочет сохранять дружественные отношения с СССР. В письме от 28 сентября 1925 г. Брокдорф-Ранцау рекомендовал пойти навстречу пожеланию Г. В. Чичерина встретиться с президентом и другими деятелями. «От приема, который ему будет оказан в Берлине, и результата его бесед с нашими ведущими государственными деятелями существенно будет зависеть, сможет ли утвердиться в будущем та политика комиссарната иностранных дел, которая со времени Рапалльского договора была направлена на сотрудничество с Германией...»⁴.

Г. В. Чичерин приехал в Берлин 30 сентября 1925 г. и в тот же вечер был прият Штреземаном⁵. Германский министр поспешил заверить советского наркома, что утверждения о стремлении германской дипломатии затянуть подписание торгового договора совершенно беспочвенны, напротив, скорое его подписание положит конец разговорам о западной ориентации. Произошел драматический экскурс в историю происходивших переговоров. Г. В. Чиче-

¹ См. «Документы...», т. VIII, стр. 537—539; «Известия», 28 сентября 1925; «Berliner Tageblatt», 29. Sept. 1925.

² См. H. v. Dirksen, op. cit., S. 69.

³ См. «Документы...», т. VIII, стр. 555—557.

⁴ Polit. Archiv. Büro Reichsminister. Akten betreffend: Russland, Bd. 12, Bl. D555885.

⁵ См. K. D. Erdmann, Das Problem der Ost- oder Westorientierung, SS. 153—158.

рин напомнил, что в декабре 1924 года он предложил обязательства о ненападении и нейтралитете между Германией и СССР в ответ на инициативу германского посла, который выдвинул идею военного союза между двумя странами, чтобы «потеснить» Польшу в ее «этнографические границы». Однако вместо ответа на советское предложение нейтралитета Германия сделала в феврале 1925 года предложение западным державам о гарантийном пакте. Ответ германской дипломатии Советскому Союзу Г. В. Чичерин уподобил тосту или благочестивому пожеланию. Штреземан разыграл полное удивление по поводу такого предложения Брокдорфа-Ранцау, тут же позвонил (хотя было уже за полночь!) Шуберту и спросил, не известно ли ему что-либо о предложении «союза с Россией для раздела Польши». Шуберт, конечно, отрицал такую постановку вопроса. Он припомнил, что якобы кто-то из советских представителей в беседе с Брокдорфом-Ранцау в свое время просил сообщить, как Германия относится к Польше и не желает ли она обменяться мнениями. Однако, как показано выше на основе германских дипломатических документов, далеко идущее предложение об оттеснении Польши в ее этнографические границы исходило от германской дипломатии. Сцена, разыгранная Штреземаном, была, таким образом, не проявлением забывчивости, а дипломатическим фарсом. Штреземан заверил Чичерина, что Германия не хочет и не может стать «континентальной шпайгой» Англии против России, поскольку разоружена, а Франция никогда не допустит ее вооружения. Он заявил: «Ни один человек в Германии не думает вести войны за других, после того как мы оказались не в состоянии вести войну за себя самих, за наши самые жизненные интересы»¹. Беседа была довольно продолжительной (четыре часа!) и завершилась в половине второго ночи заверениями Штреземана, что сохранение дружественных отношений при вступлении Германии в Лигу наций может быть полезным для Советского Союза, поскольку-де Германия может предотвратить создание коалиции против него.

Вторая встреча Чичерина и Штреземана накануне Локкарно состоялась 2 октября 1925 г. В этой беседе подробно обсуждались возможности согласования позиций в отношении Лиги наций. Штреземан был вынужден признать, что в декабре 1924 года Мальцан и Ранцау выдвинули фор-

¹ Цит. по М. Walsdorff, op. cit., S. 69.

мулу, но это не было предложением союза, что проект устного соглашения, который Дирксен возил в Москву, составлен был крайне неудачно, что предстоит ожесточенная борьба в Локарно по вопросу об обязательности ст. 16 для Германии. Однако Штреземан заверил, что «Германия не пойдет ни в коем случае безоговорочно в Лигу наций». «В заключение он обещал после возвращения из Локарно дать нам более точный и определенный текст соглашения для подписания обоими правительствами»¹, — отметил Г. В. Чичерин в письме из Берлина.

Находясь в Берлине, Г. В. Чичерин подчеркивал перед германскими политиками, что английская дипломатия перехитрит германскую и втянет Германию в свою орбиту. После беседы с канцлером Лютером Г. В. Чичерин 2 октября 1925 г. писал из Берлина: «Лютер клялся и божился, что будет тверд и что, в частности, не пойдет в Лигу наций без устранения для Германии ст. 16»². 6 октября Г. В. Чичерин был принят президентом Гинденбургом.

После бесед с германскими деятелями по поручению Г. В. Чичерина полпред сообщил в Москву о готовности германских правительственных кругов найти удовлетворительную формулировку о взаимном нейтралитете. В итоге переговоров в Берлине Г. В. Чичерин получил, в частности, от Г. Штреземана заверения в том, что Германия вступит в Лигу, но не будет проводить линию против СССР, что германское правительство готово выработать и заключить новые политические соглашения с СССР. Это было важным достижением советской дипломатии в преддверии Локарнской конференции.

В конце сентября в дипломатическом ведомстве сложилось законченное мнение относительно подготовленного торгового договора. Подписанная Штреземаном «Записка о германо-русских экономических отношениях», датированная 28 сентября 1925 г., давала анализ состояния дел. В записке отмечалось, что первоначальный замысел, получивший отражение в майских директивах, предусматривал подготовку всеобъемлющего договора. Из анализа хода переговоров авторы записки делали вывод: «Выявлялось со все большей ясностью, что германские пожелания относительно свободы действий в Советской России и привязывания русского рынка к Германии натолкнулись на непре-

¹ «Документы...», т. VIII, стр. 571—572.

² Там же, стр. 558.

одолимые препятствия, коренящиеся в русской системе государственного хозяйства и монополии внешней торговли, и что осуществление этих пожеланий достижимо только путем прорыва русской экономической системы»¹. Итоги московских переговоров оценивались как максимальное достижение, возможное в сложившихся условиях. «Правда, не удалось восстановить старые довоенные основы российского гешефта и для этого пробить брешь во внутреннем российском законодательстве или преобразовать его, или отказаться от уже предоставленных прав известной личной и служебной экстерриториальности»². Политическое значение заключения договора оценивалось дипломатами так: «Нельзя, наконец, забывать, что представленный договор и решение об этом договоре должны иметь и в политическом отношении решающее значение для развития германо-русских отношений именно в настоящий момент, когда западные переговоры висят в воздухе и существует глубокое подозрение Советской России, что Германия начинает отворачиваться от России и от Рапалло»³.

Договор между СССР и Германией от 12 октября 1925 г. подписали в Москве по поручению Советского правительства М. Литвинов и Я. Ганецкий, а по поручению германского правительства — У. Брокдорф-Ранцау и П. фон Кёрнер. Он представлял собой обширный комплекс соглашений, выходящих за пределы собственно торговых отношений и охватывавших различные сферы взаимоотношений двух государств: соглашение о поселении (т. е. о правовом положении граждан на территории другой стороны) и общеправовой защите; экономическое и железнодорожное соглашения; соглашения о мореплавании, налогах, торговых третейских судах, об охране промышленной собственности⁴.

Договор подтверждал установленный Рапалльским договором принцип наибольшего благоприятствования в торговых, экономических отношениях двух стран и вместе с тем предусматривал изъятия в применении этого принципа в случаях, когда а) льготы предоставлялись третьему государству на основе таможенного союза; б) льготы предоставлялись на торговлю в пограничных районах; в) льготы

¹ Polit. Archiv. Büro Reichsminister. Akten betreffend: Russland, Bd. 12, Bl. D555889.

² Ibid., Bl. D555895.

³ Ibid., Bl. D555897.

⁴ См. «Документы...», т. VIII, стр. 582—617.

предоставлялись Советским Союзом соседним государствам: Ирану, Афганистану, Монголии, а также на пограничную торговлю Турции и Китаю.

Экономическое соглашение предусматривало содействие взаимной торговле и поднятие товарообмена до «довоепного уровня». Важное политическое значение имело признание советского торгпредства в Берлине органом осуществления монополии внешней торговли. Соглашение определяло задачи торгпредства и объявляло помещения торгпредства экстерриториальными (ст. ст. 3—5). Вопрос о неприкосновенности бумаг отделения торгпредства в Гамбурге был урегулирован письмом сената Гамбурга от 10 марта 1926 г. в адрес консульства: сенат заверил консульство, что полицейские власти получили указание не предпринимать никаких служебных действий по отношению к отделению торгпредства¹.

Одновременно между СССР и Германией были заключены соглашение о правовой помощи в гражданских делах и консульский договор².

В дополнение и истолкование договора и составлявших его соглашений состоялся обмен нотами между М. Литвиновым и У. Брокдорфом-Ранцау, датированными 12 октября 1925 г. Германское правительство выразило свою готовность оказать «переговорам хозяйственных органов СССР о предоставлении промышленного кредита германскими экономическими кругами возможную поддержку и облегчить их проведение»³. Нота № 7 конкретизировала понятие льгот, предоставляемых Турции и Китаю Советским Союзом, и содержала пункт: «Принцип наибольшего благоприятствования не распространяется на те льготы, которые Германское государство предоставляет или предоставит Австрийской Республике»⁴.

В связи с подписанием договора Литвинов и Брокдорф-Ранцау обменялись речами, в которых подчеркнули значение этого акта и его соответствие духу Рапалло⁵. В тот же день германский посол дал интервью представителю ТАСС.

1 декабря 1925 г. в рейхстаге состоялось обсуждение Московского договора от 12 октября. Все фракции выска-

¹ См. «Документы...», т. VIII, стр. 796.

² Там же, стр. 624—627.

³ Там же, стр. 620.

⁴ Там же, стр. 621.

⁵ См. «Правда», 13 октября 1925 г.

зались за договор, хотя мотивы и аргументы их были неодинаковыми. Буржуазные партии пытались, с одной стороны, запугивать обывателя возможными последствиями индустриализации Советского Союза, с другой стороны, ссылались на экономические трудности в СССР и т. д. Против таких утверждений решительно выступила фракция КПП, поддерживая договор как отвечающий прежде всего интересам германской экономики (металлопромышленности, химии, электротехники и т. д.). Имелись в Германии и политические круги, которые, как например фон Фрайтаг-Лорингофен (депутат «немецкой национальной народной партии»), подчеркивали, что их позиция отнюдь не означает одобрения рапалльской политики.

Договор от 12 октября 1925 г. имел большое экономическое и политическое значение. Он укрепил международные позиции обоих государств. Для развития экономического сотрудничества была создана правовая основа. Это отвечало интересам обеих стран. Германская дипломатия в целом с удовлетворением подводила итоги заключения торгового договора с СССР. При анализе первого чтения договора в рейхстаге было отмечено: «Первое чтение припело как четко выраженный признак редкое единодушие всех партий в подтверждении необходимости хороших и дружественных отношений с Советской Россией»¹. Представители всех партий рейхстага высказались в пользу договора. Социал-демократы, демократы и «немецкая народная партия» высказались за договор, исходя из формулы «Локарно плюс Россия», коммунисты и правая «народная партия» — против Локарно, но за договор с СССР. В дипломатическом ведомстве подчеркивали: «Значительным было, далее, единодушие в том, что всякое вмешательство во внутренние дела Советской России исключается. Русская экономическая система, а также монополия внешней торговли должны быть поэтому приняты как факты»². Из положительных сторон договора особо отмечались обобщение опыта сотрудничества на основе монополии внешней торговли, облегчение въезда германских деловых людей в СССР, принятие норм правовой защиты и т. д.

Торговый договор от 12 октября 1925 г. рассматривался обеими сторонами как благоприятный фактор развития отношений. В оценке значения договора официальные гер-

¹ Polit. Archiv. Büro Reichsminister. Akten betreffend: Russland, Bd. 12, Bl. D556088.

² Ibid.

манские органы обоснованно видели прежде всего экономический и правовой аспекты. «Договор дает германской экономике возможность использовать в сильнейшей мере несомненно начавшееся экономическое оздоровление и экономическое развитие России, использовать их лучше, чем те государства, которые еще не создали твердой правовой основы для своих экономических отношений с Советской Россией»¹.

Для Советского Союза, приступавшего к широкой индустриализации, важно было налаживание регулярных экономических отношений с одной из крупнейших европейских промышленных стран. Экономическое соглашение создавало прочную правовую основу для сотрудничества государств с различными экономическими и социальными системами. В условиях политического сближения Германии с западными державами сам факт заключения договора СССР и Германии имел политическое значение.

Локарнская конференция и позиция СССР

В итоге длительных дипломатических переговоров в сентябре 1925 года было достигнуто соглашение о созыве конференции западных держав для выработки «пакта безопасности» в швейцарском городке Локарно. Министры иностранных дел Англии, Франции, Бельгии, Польши и Чехословакии, а также представитель Италии прибыли в Локарно, чтобы декларировать и оформить примирение в Европе на основе признания статус-кво. Германия рассматривала переговоры с западными державами как начало новых отношений — на основе равноправия после Версаля.

Однако урегулирование на Западе не могло не отразиться на отношениях Германии с соседями на Востоке, прежде всего на отношениях с Советским Союзом. «Берлинер Берзенцайтунг» признала в связи с подготовкой локарнского гарантийного пакта: «Решение о гарантийном пакте является решением о германо-советских отношениях. Если гарантийный пакт будет заключен, то Россия будет считать фазу Рапалльского договора оконченной»².

Германская делегация во главе с рейхсканцлером Лю-

¹ Polit. Archiv. Büro Reichsminister. Akten betreffend: Russland, Bd. 12, Bl. D556093.

² Цит. по Э. Тельман, Избранные статьи и речи, т. 1, М., 1957, стр. 213—214.

тером и министром иностранных дел Штреземаном отправилась в Локарпо, имея четко выраженное намерение добиваться включения в текст соглашения таких формулировок, которые бы исключали отказ «от германской территории и немецкого народа». Инструкция обязывала дипломатов не соглашаться на включение в арбитражные договоры с восточноевропейскими государствами вопросов, касающихся границ, а также на гарантию этих договоров со стороны Франции.

Первое заседание Локарнской конференций состоялось 5 октября 1925 г. с участием делегаций Германии, Франции, Бельгии, Италии и Великобритании. В начале работы конференции английский министр О. Чемберлен декларировал полное равноправие ее участников и предложил заседать без формально назначенного председателя. В основу обсуждения был положен доклад лондонского совещания экспертов и выработанный проект «гарантийного пакта». Развернулось постатейное обсуждение проекта, а также несогласованных частей — преамбулы и восточных арбитражных договоров. В ходе обсуждения Г. Штреземан заявил, что германское правительство не одобрило часть ст. 6, касающуюся восточных арбитражных договоров и предполагаемой гарантии. На это Бриан заметил: «Это — уязвимое место». Когда же Штреземан предложил передать юристам и ст. 11, которая касалась вступления Германии в Лигу наций, Бриан отметил: «Это — второе уязвимое место»¹.

По предложению Чемберлена на четвертом заседании началось обсуждение вопроса о вступлении Германии в Лигу наций. Английский представитель подчеркнул значение вопроса: «Не может быть и речи о заключении пакта без одновременного вступления Германии в Лигу наций»². Г. Штреземан изложил позицию Германии: требование представительства в Совете и секретариате Лиги наций, претензии на колониальные мандаты и оговорки относительно применения ст. 16, которая предполагала прямое военное участие, пропуск войск и участие в экономических санкциях. Он заверял, что Германия не в состоянии принимать участие даже в оборонительной войне, так как разоружена, однако он не исключал возможности участия в мерах экономического бойкота. Переходя от «теоретиче-

¹ «Локарнская конференция», стр. 165—168.

² Там же, стр. 182—183, 307—308.

ской» постановки вопроса к политической, Г. Штреземан брал в качестве возможного случая войну... против Советского Союза, заверяя, что Германия не имеет с ним каких-либо тайных соглашений, что она заключила «только» Рапалльский договор. «Но какие последствия будет иметь участие Германии в припудительных экономических мерах против России?», — вопрошал Г. Штреземан представителей западных держав и запугивал опасностью большевизма: «В случае германо-русской войны русские войска могли бы наводнить всю Германию, и большевизм мог бы распространиться вплоть до Эльбы. У Германии в такой момент не будет никого, кто бы ей помог. Ее крепости на Востоке скрыты, и она оставлена беззащитной перед (возможностью) нападения с Востока». Германская дипломатия призывала учесть военное и географическое положение страны и отнюдь не отказывалась от антисоветских действий. Штреземан говорил: «Если бы Германия была уверена, что Лига наций в процессе дальнейшего обмена нотами с германским правительством присоединится к германскому толкованию ст. 16, а именно, что определение размера участия будет зависеть от самой Германии — причем Германия заявила бы о своей готовности по возможности обещать свое участие, — то наступило бы существенное ослабление напряженности»¹. Германский министр явно имел в виду ослабление напряженности не в Европе в целом, а лишь в отношениях Германии с Западом.

Французский министр Бриан с удовлетворением отметил, что дискуссия подошла к центральному пункту всей проблемы: участию Германии в санкциях против СССР как условию ее приема в Лигу наций. Принимая заверения Штреземана, что Германия не связана с СССР никаким иным договором, кроме Рапалльского, Бриан подчеркнул, что все же Германия должна принять участие в бойкоте Советского Союза в случае объявления его агрессором. Со своей стороны, он заверял германских представителей: «Если Россия будет миролюбивой и дружественной, то эта проблема не будет острой, но если Россия прибегнет к агрессии, то Германия будет окружена друзьями, которые окажут ей помощь. Он (Бриан. — А. А.) не может допустить мысли, что Германия окажет экономическую помощь России, которая нападет на цивилизованный мир». Ради сговора с Германией против СССР французский министр

¹ «Локарнская конференция», стр. 186—187.

готов был признать германское требование относительно колониальных мандатов «в принципе вполне обоснованным»¹.

Об антисоветской направленности всего локарнского проекта свидетельствовал ряд высказываний участников конференции.

Германский рейхсканцлер Лютер поспешил заявить, что речь идет лишь об учете географического положения Германии и ее статуса разоруженного государства, но отнюдь не об отказе от всякой помощи. Штреземан пояснил, что Германия стала бы на сторону Лиги наций, если бы та объявила какую-либо страну агрессором. Отказ от военного участия не означает возражения против экономических мер: «Если бы, например, началась война против России, то Германия не смогла бы посылать в Россию товары, т. е. не смогла бы оказать России никакой экономической помощи. Германия не граничит с Россией, а подвозу (товаров) морским путем воспрепятствовала бы английская блокада. Бойкот, в котором Германия, по мнению предыдущих ораторов, должна принять участие, объявляется в момент возникновения войны. Германия не могла бы помогать России даже косвенно»². Локарнская конференция, протекавшая за закрытыми дверями, закончила работу 16 октября 1925 г. парафированием текстов и подписанием заключительного протокола³. Договор о взаимной гарантии между Германией, Бельгией, Францией, Великобританией и Италией, арбитражные соглашения Германии с Францией, Польшей и Чехословакией и другие документы составили комплекс соглашений, призванных, по замыслу инициаторов, открыть эру примирения Германии с государствами Запада. В проекте коллективного письма, подписанного инициалами Э. Вандервельде, А. Бриана, О. Чемберлена, Б. Муссолини, Э. Бенеша, А. Скиншинского и адресованного Германии, относительно ст. 16 было подтверждено толкование обязательств членов Лиги наций «лояльно и действительно сотрудничать для того, чтобы добиваться соблюдения Устава и противодействовать любому акту агрессии в той мере, в какой это совместимо с его военным положением и с учетом его географического положения»⁴.

¹ «Локарнская конференция», стр. 188.

² Там же, стр. 194—195.

³ Там же, стр. 482—484, 485—498.

⁴ Там же, стр. 484.

Через неделю после парафирования документов и закрытия Локарнской конференции, 23 октября 1925 г., статс-секретарь фон Шуберт отправил срочную совершенно секретную шифровку в Москву исключительно для посла лично. Статс-секретарь дал послу указание, чтобы тот до своего отъезда из Москвы сделал пояснения Советскому правительству, исходя из германского толкования пакта. «Восточные» арбитражные договоры истолковывались германским правительством как обычные договоры без каких-либо гарантий границ. В телеграмме Шуберта говорилось: «В них не содержится какое-либо открытое или скрытое признание наших восточных границ. Одна из целей всей политики пактов, а именно различение между западными и восточными границами, таким образом, достигнута»¹. Именно так это было воспринято партнерами по Локарнской конференции. Более того, германская дипломатия сделала для себя вывод: «Арбитражные договоры оставляют нам полную свободу действий для крупных политических конфликтов (столкновений интересов) с Польшей. Кроме того, всем комплексом соглашений существенно обесценивается свободный и ничем не ограниченный франко-польский союз. Франция взяла обязательство, правда, при гарантии Англии, вмешаться в германо-польский конфликт только тогда, когда Германия совершит нападение». Относительно толкования ст. 16 в дипломатическом ведомстве испытывали удовлетворение, особенно в связи с возможностью для Германии самой определить меру участия в соответствии со своим военным и географическим положением: «Само собой разумеется, что эта мера может быть равна и нулю».

Далее Шуберт писал Брокдорфу-Ранцау: «Для Вас будет представлять особый интерес, что вся дискуссия по этому вопросу с нашей стороны велась совершенно открыто со ссылкой на Россию. Мы заявили, что не можем подвергать опасности наши отношения с Россией. Противная сторона придавала особое значение пониманию того, что совершенно неверно приписывать ей намерение изолировать Россию»². Ведомство рекомендовало послу придерживаться той интерпретации локарнских соглашений, которую дает оно, и не идти на поводу общественного мне-

¹ Polit. Archiv. Büro Reichsminister. Akten betreffend: Russland, Bd. 12, Bl. D556102.

² Ibid., Bl. D556103—D556104.

ния, которое по-своему истолковывает смысл «восточных договоров» и оговорки по ст. 16.

В советской печати, в «Правде» и «Известиях», в период Локарнской конференции и по ее завершении появился ряд статей¹, в которых вскрывалась суть локарнского сговора: сближение Германии с Англией на антисоветской основе, ослабление связей Франции с восточно-европейскими государствами, усиление изоляции Польши и, наконец, трудности для продолжения сотрудничества Германии и СССР в рапалльском духе. Отрицательные отзвуки в советской прессе имело выступление Г. Штреземана 24 ноября 1925 г. в рейхстаге, где он заявил, что, в случае «явной агрессии», нейтралитет Германии будет невозможен².

Период от парафирования локарнских соглашений (16 октября 1925 г.) до их подписания в Лондоне (1 декабря 1925 г.) советская дипломатия использовала для того, чтобы получить от германского правительства новые реальные обязательства продолжать выработку политического соглашения в рапалльском духе.

В конце октября Н. Крестинский поставил перед германским дипломатическим ведомством вопросы о выработке политического соглашения. Полпред отметил, что подготовка политического обмена мнениями целесообразна и в связи с тем, что Г. В. Чичерин к 7 ноября прибудет в Берлин. Штреземан записал свой уклончивый ответ так: «Я возразил, что политическое положение в настоящее время неясно и вообще я придаю значение тому, чтобы эти вопросы обсуждать в контакте с графом Ранцау, который в ближайшие дни прибудет сюда»³. В этот момент усиленно распространялись и опровергались слухи о предстоящей замене посла в Москве. Посол Брокдорф-Ранцау приехал в Берлин (в который раз в течение 1925 г.!) и 7 ноября составил по совету президента совершенно секретную записку, в которой изложил свое особое мнение об итогах Локарнской конференции. Он не был склонен оптимистически оценивать возможные последствия локарнского пакта: «Западный пакт сам по себе с точки зрения внешней политики с учетом наших отношений

¹ См. «Правда», 11 и 18 октября 1925 г.; «Известия», 18 октября 1925 г.

² См. «Известия», 27 ноября 1925 г.

³ Polit. Archiv. Büro Reichsminister. Akten betreffend: Russland, Bd. 12, Bl. D556116.

с Россией не вызывает опасений; однако тот факт, что он тесно связан с Лигой наций, является для нас тяжелым бременем и может иметь такое значение для германо-русских отношений, которое мы сейчас еще не можем полностью оценить»¹. Решающее значение Ранцау придавал тому, что Локарнские соглашения — это ориентация Германии на Запад. Он считал невыгодными эти соглашения и с точки зрения свободы маневра на Западе. «Однако наибольшие опасения, — писал он, — вызывает то, что, если Локарнские соглашения будут заключены, мы потеряем тот козырь, который мы имели со времени Рапалльского договора в отношении союзников, когда мы могли указать на возможность более тесной связи с Россией, не исключая даже возможности военного сотрудничества»². Западные державы могли теперь не опасаться тесного сближения Германии и СССР, тем более что Германия, вступая в Лигу наций, брала определенные обязательства, направленные против СССР. Ранцау считал, что Советское правительство не будет отныне включать Германию в свои политические расчеты как положительный фактор.

Заключение договора от 12 октября 1925 г. явилось важным этапом в развитии советско-германских отношений в духе Рапалло, однако оно не затрагивало главной проблемы — отношения двух государств к Лиге наций. В заявлении германскому журналисту Штейну в середине октября Г. В. Чичерин вновь подтвердил отрицательное отношение СССР к Лиге наций³. В публичных выступлениях Штресман и Лютер всячески подчеркивали, что Локарнские соглашения не направлены против СССР, однако в узком кругу они сообщали, что западные державы на конференции проявляли тенденцию к вовлечению Германии в антисоветские мероприятия Лиги наций. Дирксен писал в частном письме 1 ноября 1925 г., что Англия отнюдь не считает восточные границы стабильными и что в первую очередь Локарнские соглашения призваны решить проблему Рейнской области: «Все зависит от Локарнского договора, который я считаю большим политическим успехом; его последствия станут нам совсем ясны лишь позже. Однако его непосредственные следствия должен нынче видеть каждый осел...»⁴.

¹ «Локарнская конференция», стр. 499.

² Там же, стр. 500 и 501.

³ См. «Документы...», т. VIII, стр. 632—634.

⁴ Цит. по A. Anderle, op. cit., S. 183.

В германских правительственных и дипломатических кругах, как, впрочем, позже и в буржуазной историографии, явно переоценивались последствия Локарно для Германии. Геперальный консул в Москве Шлезингер в записке на имя президента писал 12 января 1926 г. об исключительной позиции, якобы обеспеченной теперь для страны: «Германия — ключ к насильственному воздействию со стороны третьих (держав) на Советскую Россию. Весомость этого и упрочение фактического положения Германия должна недвусмысленно выразить Советской России, чтобы заставить Советское правительство следовать ее советам». Шлезингер питал иллюзии, что «ключевое положение» Германии (и не только географическое) дает ей возможность оказывать давление на Советский Союз путем угрозы отбросить его к Генуе 1922 года! Имелось в виду «дорнаппальское состояние».

Находясь в Берлине, Г. В. Чичерин на приеме в советском полпредстве беседовал с рейхсканцлером Лютером об обязательствах Германии по Уставу Лиги наций. В германских правительственных кругах и после Локарнской конференции еще не было ясности, как можно ограничить обязательность для Германии статьи о санкциях. Г. В. Чичерин настойчиво просил разъяснений по этому вопросу, особенно подчеркивая, что Германия окажется в распоряжении Лиги наций. На это Лютер возразил: «Если Германия откажется выполнить свои обязанности члена Лиги наций и пропустить войска, направленные для экзекуции, то с Германией ничего нельзя сделать, кроме ее исключения из Лиги наций»¹. Так записал Г. В. Чичерин высказывание Лютера.

В Советском Союзе внимательно наблюдали за маневрами германской дипломатии и хорошо представляли намерение правительств Англии, Франции и США вовлечь Германию в антисоветские комбинации. В западных странах оценили Локарно как начало эры примирения «цивилизованных» наций, как удар по коммунизму и т. д. и выражали полное удовлетворение государственной мудростью Чемберлена, Брнана, Штреземана.

На XIV съезде партии сложившееся к концу 1925 года международное положение было оценено весьма четко: «Относительная стабилизация и так называемое «замирение» Европы под гегемонией англо-американского капи-

¹ «Документы...», т. VIII, стр. 658.

тала привели к целой системе экономических и политических блоков, последним из которых является конференция в Локарно и так называемые «гарантийные договоры», острием своим направленные против СССР. Эти блоки и договоры, прикрываемые якобы пацифистской Лигой наций и фальшивой шумихой II Интернационала о разоружении, означают по сути дела не что иное, как расстановку сил для новой войны»¹.

Чтобы притупить антисоветское острепе локарнских соглашений, советская дипломатия активизировала свою деятельность для выработки нового советско-германского политического соглашения. 21 ноября 1925 г. министру иностранных дел Г. Штреземану был передан проект политического соглашения между двумя странами. Первые два абзаца, имевшие характер преамбулы, почти дословно совпадали с советским предложением, сделанным в июле². Важным дополнением проекта было положение о взаимном нейтралитете: «В случае войны одной из договаривающихся сторон с третьими государствами или группами государств Правительства обязуются соблюдать дружественный нейтралитет»³. В этом кратком абзаце была заключена основная идея политического договора — пакт о нейтралитете.

В отличие от июльских предложений или «чичеринского контрпроекта»⁴, новый советский проект считался с возможным вступлением Германии в Лигу наций. «Если предусмотренное в Локарно вступление Германии в Лигу наций состоится, то Германское правительство в качестве члена Лиги наций и Совета Лиги наций обязуется принимать все зависящие от него меры против возможного применения против СССР военных и экономических санкций»⁵, — говорилось в советском предложении, которое фактически учитывало часто выдвигавшийся тезис германской дипломатии о том, что вступление Германии в Лигу будет полезным и для СССР.

Рейхсканцлер Лютер, выступая 26 октября 1925 г. на массовом собрании жителей Эссепа, говорил: «На этих неделях мы заключили с Россией торговый договор и тем

¹ «КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК», т. 3, М., 1970, стр. 245.

² См. «Документы...», т. VIII, стр. 430—431.

³ Там же, стр. 675.

⁴ Там же, стр. 679.

⁵ Там же, стр. 675.

самым доказали перед всем миром, что мы совсем не собираемся как-либо ухудшать наше отношение к России. Как обстоит, однако, дело со ст. 16? Статья 16 не отличается особой четкостью... Речь идет о трех видах мероприятий: бойкотировании, военных мерах и, наконец, разрешении на проход войск других стран, которые хотят выступить против нарушителя мира»¹. Далее канцлер подчеркнул, что Германия обязана принимать в этом участие лишь в той мере, в какой это сообразуется с ее военным состоянием и с географическим положением.

Германские правительственные круги придавали исключительно большое значение Локарнскому договору, считая, что отныне наступит дальнейшее изменение соотношения сил и утверждение Германии как великой державы.

Советский полпред при вручении новых предложений 21 ноября пояснил, что их отличия от чичеринского контрпроекта сводятся к двум пунктам: взаимному нейтралитету и обязательствам Германии перед СССР при вступлении в Лигу наций². Штресман интересовался, предлагает ли советская сторона секретный или открытый договор. Советский полпред высказал мнение, что теперь, после заключения Локарнского соглашения, целесообразен открытый договор. Что касается обязательства Германии перед СССР при вступлении в Лигу наций, то этот пункт можно было выделить в доверительное соглашение.

Германская дипломатия одновременно с получением новых советских предложений поставила перед советскими представителями вопросы относительно преамбулы договора СССР с Чехословакией и порядка его ратификации. Советская дипломатия констатировала вновь, что Штресман явно оттягивает переговоры и заключение соглашения до получения в Лондоне благословения Бриана и Чемберлена³.

В понедельник, 23 ноября 1925 г., в рейхстаге открылись «локарнские дебаты». В своей речи канцлер Лютер толковал определенно степень обязательности для Германии мероприятий по ст. 16. Он заявил: «Вопрос о нашем участии в совместной экзекуции возникает лишь тогда, когда мы сами считаем ясным вопрос, кто совершил напа-

¹ Цит. по A. A n d e r l e, op. cit., S. 183.

² См. «Документы...», т. VIII, стр. 678—684.

³ Там же, стр. 683.

дение при возникновении вооруженного конфликта между государствами»¹. Германское правительство твердо заявило, что нет такой инстанции, которая могла бы предписать Германии те или иные мероприятия в отношении третьего государства, участие в тех или иных мероприятиях или согласие на проход войск. Германская дипломатия рассматривала такое заявление как пробный шар, который должен был выявить позиции западных держав. В докладе полпреда выступление канцлера Лютера было оценено положительно: «Вообще и тем, что он говорил о будущих отношениях Германии с Россией, и заявлением по поводу ст. 16 мы можем быть довольны»².

Единственным принципиальным противником Локарнского договора в Германии была Коммунистическая партия. Вождь германских коммунистов Э. Тельман, выступая в рейхстаге 24 ноября 1925 г., вскрыл политический и классовый смысл Локарнского договора. Э. Тельман проанализировал происхождение западной ориентации германской дипломатии и язвительно отметил: «Гарантийный пакт возник не в том органе, который называют головой господина Штреземана. Всем ведь известно, что по поручению своего правительства английский посол лорд д'Абернон предложил господину Штреземану взять инициативу в свои руки. Всем также известно, что господин Штреземан, представитель германской буржуазии, проводил гарантийную политику по поручению английского правительства»³.

Политический смысл локарнской политики Э. Тельман вскрыл следующим образом: «За оказанные услуги против Советского Союза германская буржуазия надеется получить поддержку английского империализма в вопросе возврата потерянных ею территорий, а затем и в вопросе ремилитаризации и предоставления английских и американских кредитов»⁴.

Заключение Локарнского пакта было воспринято в Советском Союзе как попытка создания единого фронта западных держав, попытка преодолеть межимпериалистические противоречия путем разжигания антисоветских настроений. Серьезную обеспокоенность вызывало даль-

¹ «Документы...», т. VIII, стр. 809.

² Там же, стр. 684.

³ Э. Тельман, указ. соч., т. 1, стр. 198.

⁴ Там же, стр. 200.

нейшее развитие советско-германских отношений, особенно сохранение рапалльского курса. Советская дипломатия в течение всего 1925 года активно действовала с целью предотвратить вовлечение Германии в антисоветские комбинации, в частности комбинации британской дипломатии в рамках Лиги наций.

Находившийся во Франции Г. В. Чичерин 15 декабря 1925 г. на пресс-конференции подтвердил неизменность отрицательного отношения СССР к Лиге наций¹. Он высказал свои опасения, вызванные Локарнским договором, оценив его как мнимо пацифистский и антисоветский. Г. В. Чичерину был задан вопрос: «Предусматривают ли Локарнские соглашения изменение позиции Германии по отношению к России?». Он ответил: «Мы опасаемся, как бы Локарно не привело к изменению позиции Германии. Германское правительство отрицает такую возможность»².

Заключение локарнских соглашений и поворот Германии к сотрудничеству и блокированию с западными державами, несомненно, нанесли определенный ущерб рапалльской политике. Однако отвечавшая жизненным интересам обеих стран рапалльская линия не была сломлена. Возможность и необходимость строить отношения между двумя государствами в духе Рапалло, то есть на основе принципов мирного сосуществования, равноправного и взаимовыгодного сотрудничества, сохранялась. Советская дипломатия продолжила свои усилия с целью как сохранения прежних соглашений, так и развития политических отношений с учетом происшедших изменений.

Чтобы предотвратить дальнейший отход Германии от рапалльской политики, советская дипломатия настойчиво добивалась реализации достигнутой ранее договоренности относительно закрепления добрососедских отношений между СССР и Германией в новом договоре.

¹ См. «Известия», 17 декабря 1925 г.; «Документы...», т. VIII, стр. 720—728.

² Там же, стр. 727; Г. В. Чичерин, Статьи и речи, стр. 477—478.

**ПРОБЛЕМЫ ОТНОШЕНИЙ СССР
И ГЕРМАНИИ
В 1926 — 1928 ГОДАХ**

**Подготовка и заключение
Берлинского договора 1926 года**

Международное положение Советского Союза к началу 1926 года было оценено XIV съездом ВКП(б), наметившим историческую перспективу индустриализации страны, как благоприятное для мирного хозяйственного строительства. «В области международных отношений, — говорилось в резолюции съезда, — налицо закрепление и расширение «передышки», превратившейся в целый период так называемого мирного сожительства СССР с капиталистическими государствами, несмотря на то, что противоречия между этими двумя лагерями не ослабевают, а возрастают. Это обеспечивает как возможность внутреннего строительства, так и — благодаря в первую очередь экономическим сношениям с заграницей — известные выгоды для ускорения этого строительства в СССР»¹.

Советская дипломатия продолжала активные действия по углублению и расширению отношений с Германией. Сделанные после Локарно предложения Советского правительства открывали новые возможности достижения соглашения, однако германская дипломатия весьма медленно шла им навстречу.

11 декабря 1925 г. Н. Крестинский и Г. Штреземан подробно обсуждали вопрос об обязательствах сторон в связи с заключением Локарнских соглашений и с вступлением Германии в Лигу наций. Штреземан заявил, что предложения советской стороны, переданные 21 ноября, как возможный текст преамбулы арбитражного соглашения выходят за рамки «чичеринского контрпроекта», который в свое время был отклонен германским правительством. В новых советских предложениях предусматривались раз-

¹ «КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК», т. 3, стр. 244.

витие отношений в духе Рапалльского договора, отказ от прямого нападения и любых недружественных актов, в том числе от участия в блоках и комбинациях третьих держав, имеющих целью затруднить торговлю, кредиты, финансовые операции договаривающихся сторон. Пункт 4 проекта гласил, что, в случае войны одной из сторон против третьих держав, стороны обязуются соблюдать дружественный нейтралитет. На случай предусмотренного в Локкарно вступления Германии в Лигу наций советская дипломатия предлагала закрепить отдельным пунктом, чтобы германское правительство обязалось как член Лиги и Совета Лиги принять все зависящие от него меры против возможного применения военных и экономических санкций в отношении СССР.

Это были лишь закрепленные советской дипломатией в проекте договора заверения, дававшиеся германской дипломатией на протяжении года. Однако Штреземан решительно возразил, что такой пункт не может быть включен в договор. Он ссылаясь на выступление канцлера 23 ноября как на программное и не хотел упоминания в п. 4 возможности войны, поскольку Германия вообще не в состоянии вести войну. Согласно немецкой записи, Н. Крестинский заявил, что нейтралитет сторон имеет смысл именно в случае войны, причем если ранее имелаась опасность военного конфликта Германии с третьими странами и Советская Россия обеспечивала нейтралитет, то теперь отношения Германии с западными державами меняются и Советскому Союзу необходим гарантийный договор с Германией. Штреземан ссылаясь на то, что конкретные формулировки еще надо выработать, а это требует времени¹.

В связи с тем что Лига наций будет стремиться вовлечь Германию в «лояльное исполнение» взятых ею обязательств, советский полпред поставил перед Штреземаном вопрос, как бы поступила Германия, если в случае конфликта западных держав с СССР западные державы дали бы разрешение на призыв под ружье в Германии 500 тыс. солдат и предоставили ей вооружение и военные материалы. В этом случае выходом был бы только договор

¹ См. Akten zur deutschen auswärtigen Politik. 1918—1945. Aus dem Archiv des Auswärtigen Amtes. Serie B. 1925—1933. Bd. II/1 (Dezember 1925 bis Juni 1926). Deutschlands Beziehungen zur Sowjet-Union, zu Polen, Danzig und den baltischen Staaten, Göttingen, 1967 (далее: Akten. Serie B), SS. 10—24.

о нейтралитете, предлагаемый Советским правительством. Штреземан утверждал, что и без договора о нейтралитете Германия останется в стороне от войны против СССР, так как прошли времена, когда Германия играла роль ландскнехта. Однако, подчеркнул Н. Крестинский, для СССР важно внести ясность в отношения между двумя странами независимо от уровня отношений с другими странами. Поэтому в связи со своим отъездом в Москву советский полпред поставил вопрос так: «Может ли он передать, что германское правительство в принципе готово одобрить формулу нейтралитета, хотя бы в иной форме?»¹. Штреземан не дал прямого ответа, сославшись вновь на необходимость длительных переговоров.

На обратном пути из Парижа Г. В. Чичерин остановился в Берлине и провел там 19—22 декабря 1925 г. ряд бесед, в частности с Шубертом, Штреземаном и Лютером. Берлинские беседы советского наркома были продолжением переговоров о заключении политического договора. Германская дипломатия не спешила с принятием советских предложений. Выдвигались возражения, что Локарно не направлено против СССР, что Советскому Союзу следует вступить в Лигу наций и т. д. Что касается подготовки договора, то выдвигался такой мотив отсрочки, как отставка правительства и возможность формирования нового кабинета в середине января 1926 года после созыва рейхстага. Германская дипломатия пыталась уклониться от обязательств нейтралитета, соглашалась лишь на «позитивный договор» неопределенного содержания. Однако, когда Г. В. Чичерин в беседе с Шубертом упомянул о предстоящих переговорах СССР с Францией, статс-секретарь горячо выразил пожелание, чтобы советско-французские переговоры начались после заключения советско-германского договора².

Штреземан убеждал Г. В. Чичерина в желании Германии сохранять прежние отношения с СССР и заключить политический договор, однако считал несовместимым объявление нейтралитета в отношении СССР со вступлением в Лигу наций, поскольку нет прецедента заключения членами Лиги наций договора о нейтралитете, а договор Чехословакии и СССР не зарегистрирован в Лиге наций. Как бы между прочим, Штреземан поставил вопрос о воз-

¹ Akten. Serie B, Bd. II/1, S. 22.

² См. «Документы...», т. VIII, стр. 746—747; Akten. Serie B, Bl. II/1, SS. 42—43, Nr. 12

возможности включить формулу «дружественного согласия» в договор, а неучастие во враждебных комбинациях — в протокол. Эту мысль Г. В. Чичерин не отклонил¹.

Для «частной» беседы к. Г. В. Чичерину пришел и Брокдорф-Ранцау, находившийся в это время в Берлине. За время пребывания в столице послу, по его словам, пришлось выдержать острую борьбу, и он несколько раз подавал в отставку. Однако президент Гинденбург не принял его отставки; кроме того, было формально подтверждено подчинение посла непосредственно рейхсканцлеру, минуя главу дипломатического ведомства. Обеспокоенный слухами о намерении СССР вступить в Лигу наций, Брокдорф-Ранцау просил подтвердить неизменность позиции СССР, поскольку в противном случае он был бы поставлен в нелепое положение, так как все время заявлял об отказе Советского правительства вступить в Лигу.

В краткой беседе с канцлером Лютером 22 декабря 1925 г. Г. В. Чичерин, напомнив решимость Лютера оставить за Германией свободу толкования ст. 16, прямо сказал, что настало время доказать это на деле: «Здесь Родос — здесь прыгай». Советский нарком сказал Лютеру о предложении Штреземана разделить договор и протокол, на что канцлер ответил, что он одобряет такой подход².

30 декабря 1925 г. статс-секретарь Шуберт вручил советскому представителю в «частном порядке» проект протокола, который предлагался вместо договора. В неофициальном сопроводительном письме Г. Штреземана на имя Г. В. Чичерина говорилось, что в развитие мысли о протоколе он предлагает проект неофициально, поскольку правительство вышло в отставку. (Правительство, возглавлявшееся Лютером, вышло в отставку 5 декабря 1925 г., однако продолжало выполнять свои функции. Новый кабинет был сформирован Лютером 19 января 1926 г.) «Форма протокола, — писал Штреземан, — имеет главным образом то преимущество, что, не ослабляя связующей силы обоюдных соглашений, в нем можно изложить политическое существо и содержание гораздо подробнее, чем это возможно в строго юридических и договорных формулировках»³. Проект протокола предусматривал изложе-

¹ См. «Документы...», т. VIII, стр. 750; Akten. Serie B, Bd. II/1, SS. 51—56, Nr. 15.

² См. «Документы...», т. VIII, стр. 814.

³ Там же; Akten. Serie B, Bd. II/1, S. 65, Nr. 20.

нение общих принципов взаимных отношений в восьми пунктах. В проекте не был употреблен термин нейтралитет, но предусматривалось неприсоединение к враждебным коалициям. Ход Штреземана был попыткой подменить идею договора общим протоколом. Поэтому в ответном письме 12 января 1926 г. Г. В. Чичерин подчеркнул, что он отнюдь не выражал желания ограничиться исключительно формой протокола, который был бы приемлем лишь как дополнение к договору. Г. В. Чичерин высказал совершенно определенные возражения против предложенных в проекте протокола пунктов, поскольку они не содержали конкретных договорных обязательств сторон¹.

Таким образом, хотя к концу 1925 — началу 1926 года и состоялся обмен мнениями и несколькими проектами совместного документа — политического соглашения, в переговорах между СССР и Германией не было выработано достаточно четкого подхода не только по форме, но и по объему взаимных обязательств сторон в связи с Локарнскими соглашениями и намечавшимся вступлением Германии в Лигу наций. Предстояла еще сложная дипломатическая работа по подготовке договора и четкому определению взаимных обязательств с целью поддержания отношений в рапалльском духе. 19 января Штреземан сообщил Н. Крестинскому, что он не возражает против заключения договора со специальным протоколом, который разъяснял бы договор. Германские дипломаты, в частности заведующий правовым отделом МИД Гаус, заверили, что проект договора, если даже он не будет содержать слова «нейтралитет», по существу, будет включать советские пожелания. 21 января германская сторона представила второй вариант протокола.

Для понимания позиции германского дипломатического ведомства имеет значение информация, направленная 20 января 1926 г. послу в Париже: «Мы хотели бы избежать формального договора с русскими и придать нашим возможным соглашениям вообще не столько конструктивный, сколько декларативный характер. Речь должна идти не о противовесе Локарно, а скорее об изложении тех споров, которые мы вынуждены были, совершенно естественно, вести с нашими старыми друзьями, русскими, в связи с новой ситуацией, созданной Локарнскими догово-

¹ См. «Документы...», т. IX, стр. 21—22; Akten. Serie B, Bd. II/1, SS. 102—103, Nr. 34.

рами и вступлением в Лигу наций»¹. Германские дипломаты исходили из того, что советская дипломатия стремится помешать сближению Германии и Англии. В то же время они видели «реальное политическое зерно» в суждениях Советского правительства: «Русские питают в отношении Лиги наций глубокое и действительно серьезное недоверие; они рассматривают ее как орган управления в руках держав-победителей, в особенности Англии. Поэтому следует считать фактом, что своим вступлением в Лигу наций мы наносим русским тяжелый удар»². Германской дипломатией взвешивался ряд факторов, которые заставляли не порывать нитей, связывающих Германию и СССР: необходимость в силу положения Германии балансировать между Востоком и Западом, опасение сближения СССР с Францией и Польшей, внутривластный резонанс — недовольство противников Локарно. «Наконец,— писал Шуберт послу в Париже,— нельзя оставлять без внимания торгово-политические последствия, которые для нас в условиях хозяйственного кризиса, когда вся наша индустрия, как загипнотизированная, обратилась на Восток, имеют особое значение»³.

Между тем в переговорах советского торгпредства с деловыми кругами об условиях предоставления кредита к концу января 1926 года возникли осложнения из-за того, что германские банкиры выдвинули неблагоприятные условия, изменив первоначальные предложения (сократили сроки кредита до четырех лет вместо шести, требовали повышенный процент за кредит и т. п.)⁴. Германская промышленность была заинтересована в заказах на основе кредита, однако заключение сделки могло быть сорвано из-за непомерных претензий банкиров, которые внезапно увеличили процентную ставку на 2,25%. Штреземан обещал советским представителям выяснить у своего коллеги, министра хозяйства Курциуса возможности предоставления кредита⁵. В феврале 1926 года переговоры об условиях кредита были продолжены, причем советская дипломатия добивалась от германского правительства более солидной поддержки сделок, на которые готовы были ид-

¹ Akten. Serie B, Bd. II/1, S. 123, Nr. 41.

² Ibid., SS. 123—124, Nr. 41.

³ Ibid., S. 125, Nr. 41.

⁴ См. «Документы...», т. IX, стр. 53—56; Akten. Serie B, Bd. II/1, S. 169, Nr. 59.

⁵ См. «Документы...», т. IX, стр. 61—62.

ти промышленные и банковские круги при правительственных гарантиях¹.

Переговоры по кредиту к концу января были настолько продвинуты, что в дипломатическом ведомстве Германии полагали возможным обсуждение вопроса на заседании кабинета в течение недели. В правительственных кругах понимали, что в интересах самой Германии предоставить кредит Советскому Союзу. Правительственная гарантия кредитов рассматривалась как основа развития кредитных отношений с СССР².

В феврале 1926 года германская дипломатия отказалась от тактики дальнейшего затягивания переговоров по кредиту и по проекту политического соглашения. Одна из причин понимания германскими правящими кругами необходимости экономического и политического сотрудничества с СССР заключалась в том, что кризисные явления в экономике не были преодолены. Показателем кризиса в Германии была постоянная армия безработных. В июле 1925 года в стране было примерно 200 тыс. получавших пособие по безработице, а к 1 марта 1926 г. число их возросло до 2056 тыс. человек. Выступая на расширенном Пленуме Исполкома Коминтерна, состоявшемся в Москве в феврале — марте 1926 года, Э. Тельман так охарактеризовал положение страны: «Нынешний экономический кризис в Германии носит перманентный характер и проявляется в различных явлениях. Социал-демократия стремится помочь буржуазии выйти из этого кризиса рационализации. Американский капитализм пытается проникнуть в германскую крупную промышленность. В то же время он стремится несколько оттеснить английскую буржуазию, несмотря на политический курс германской буржуазии, определяющийся Локарнским договором»³. Германские экономисты в конце января 1926 года представили своему правительству доклад, в котором говорилось, что германская промышленность стоит перед кризисом сбыта в связи с сужением внутреннего рынка, особенно для сбыта средств производства. В этой связи остро ощущалась необходимость расширения торговли с СССР⁴.

Германские деловые круги придавали большое значение не только торговле с Советским Союзом, но и транзит-

¹ См. «Документы...», т. IX, стр. 133—136.

² Akten. Serie B, Bd. II/1, SS. 149, 155.

³ Э. Т е л ь м а н, указ, соч., т. 1, стр. 233.

⁴ См. Akten. Serie B, Bd. II/1, SS. 146—149, Nr. 50.

ной торговле с соседями СССР в Азии. Министр иностранных дел Штресеман и министр хозяйства Курциус представили своему правительству 12 февраля 1926 г. совместный план налаживания транзитной торговли. Министры рекомендовали использовать обстановку для усиления влияния Германии на такие страны, как Иран, Афганистан и даже Монголия, не оставляя их на попечение «конкурентов» — Англии и Советского Союза. Они считали, что экономический договор от 12 октября 1925 г. учитывает эту задачу Германии. Германские предприниматели исходили из того, что с юга и с моря эти страны недоступны: «Путь внутрь и в северные части этих стран — это транзитный путь через Россию»¹. Министры признали, что не удалось добиться «свободного транзита», однако предлагали использовать концессии и транзит товарных посылок. Они сознавали, что экономическое проникновение в эти страны не по силам отдельным фирмам, и предлагали использовать государственные средства. В качестве первого шага было предложено из суммы государственной гарантии германского экспорта в Советский Союз (105 млн. марок) выделить 5 млн. марок на гарантию экспорта германских промышленных товаров транзитом через СССР в пограничные азиатские страны².

На заседании кабинета 24 февраля 1926 г. обсуждался проект политического договора Германии и СССР. Рейхсминистр иностранных дел сообщил, что в течение года велись переговоры и теперь советские представители настаивают на заключении договора. Содержание договора он выразил кратко в двух пунктах: «1. Обе страны обязуются сохранять взаимный нейтралитет в случае нападения на их территорию третьей страны. 2. Обе страны заявляют, что не желают принимать участия ни в какой коалиции, которая может иметь целью экономический или финансовый бойкот одной из двух стран». Он пояснил также, что во вступительной части договор будет содержать общие положения о дружественном сотрудничестве и готовности к соглашению по всем вопросам, касающимся обеих стран. Заключительный протокол должен был определить позицию Германии в ситуации, которая сложится в результате ее вступления в Лигу наций. Министр ознакомил кабинет с текстом проекта. Затем он пояснил, что за-

¹ Akten. Serie B, Bd. II/1, S. 173, Nr. 61.

² Ibid., SS. 172—173, Nr. 61.

ключение договора будет иметь внутривластическое значение: «Правые не смогут упрекать правительство в односторонней ориентации внешней политики»¹. Г. Штреземан считал, что окончательное оформление договора потребует времени, что предполагается опубликование договора после заключения. Он просил полномочий на вступление в переговоры на основе предложенного проекта.

Рейхсканцлер отметил на заседании кабинета 24 февраля, что настала третья стадия переговоров: «Сначала Германия попыталась уладить дело коротким заявлением. Россия не одобрила этого. Затем дело дошло до большего по размерам протокола; однако и этого показалось недостаточным для России; Россия желает договора»². Предполагалось, что переговоры будут вести Гаус и Крестинский в Берлине, как и прежде, в доверительной форме, что другие державы не будут информированы. Кабинет дал дипломатическому ведомству полномочия на ведение переговоров.

На следующий день германская сторона передала советским представителям свои предложения. Во время беседы с Н. Крестинским статс-секретарь фон Шуберт пояснил, что ранее германские дипломаты исходили из того, что форма протокола удобнее, поскольку она более растяжима, чем формулы договора. (Однако после письма Г. В. Чичерина рейхсминистру германское правительство пошло на выработку договора и протокола, подлежащего ратификации.) Оценивая содержание проекта договора, Шуберт утверждал, что он включает все, на что может пойти германское правительство: «Представляемый проект поэтому является самым крайним из того, что может предложить имперское правительство»³.

Советский полпред писал в Москву, что германская дипломатия рассматривает проект как последнее слово и пойдет лишь на несущественные поправки, но не на усиление обязательств о нейтралитете. Он высказался в пользу принятия этого предложения, поскольку договор подтверждает и усиливает Рапалльский договор, подчеркивая его силу после Локарнского пакта, предусматривает неучастие во враждебных экономических блоках, содержит положения, демонстрирующие дружественные отношения,

¹ Akten. Serie B, Bd. II/1, SS. 179—180.

² Ibid.

³ Ibid.

и обязательства Германии противодействовать использованию Лиги наций против СССР¹.

После того как имперский кабинет рассмотрел и одобрил выработанный проект договора между Германией и Советским Союзом, Штресеман немедленно отправил проект в Москву с сопроводительным письмом на имя Брокдорфа-Ранцау². Министр пояснил, что Германия не может пойти на объявление неограниченного, или безусловного нейтралитета, что надлежит найти способ полного устранения сомнений СССР в отношении ст. 16. Советские дипломаты предполагали, что подписание договора возможно еще до сессии Лиги наций в Женеве³. Однако Штресеман писал представителям в Москву, что подписание советско-германского договора может иметь место только после сессии Лиги наций в Женеве, которая должна решить вопрос о приеме Германии.

На чрезвычайной сессии Лиги наций в Женеве в марте 1926 года решался вопрос о приеме Германии и предоставлении ей места постоянного члена Совета. Однако ряд членов Лиги (Польша, Испания, Бразилия) выдвинули претензию на постоянное место в Совете для себя. Прием Германии в Лигу наций был отложен.

Под впечатлением от первых провалов локальной политики германского правительства Э. Тельман в марте 1926 года говорил: «Расчеты правительства Лютера на проведение сознательной западной ориентации с целью присоединения к империалистическому фронту оказались перечеркнутыми в связи с открытым проявлением империалистических конфликтов. Это должно лишний раз побудить нас способствовать усилению в Германии противоположного течения, которое находит свое выражение в **восточной ориентации германского рабочего класса**» (подчеркнуто мной. — А. А.)⁴.

В начале марта Советское правительство направило своему представителю в Германии директивы относительно продолжения переговоров в Берлине о разработке проекта договора. Было рекомендовано внести в проект поправки: особое значение придавалось оговорке сохранять нейтралитет и снятию слов «без провокации с его стороны» как несовместимых с оценкой политики сторон как политики

¹ См. «Документы...», т. IX, стр. 131—132.

² См. Akten. Serie B, Bd. II/1, SS. 186—187, Nr. 69.

³ См. «Документы...», т. IX, стр. 132—133.

⁴ Э. Т е л ь м а н, указ. соч., т. 1, стр. 247.

мира, достаточно было слов «в случае нападения третьих держав»¹.

После женевского фiasco германской дипломатии советскую дипломатию, естественно, интересовали намерения германского правительства в отношении подготовленного договора. На обеде в германском посольстве 18 марта М. Литвинов спросил Брокдорфа-Ранцау, как скажется «женевский провал» на судьбе договора. Посол предложил поговорить об этом особо. После ухода гостей Брокдорф-Ранцау «трагическим тоном» спросил Литвинова о том, что следует теперь предпринять. Заключение и опубликование договора, полагал он, будет воспринято как вызов Англии и Франции. Советские дипломаты готовы были обсудить момент опубликования, но считали целесообразным немедленное подписание².

Полпред Н. Крестинский посетил 25 марта министра Г. Штреземана и заявил ему, что Советское правительство в принципе готово принять германские предложения по договору, однако намерено предложить некоторые изменения, не имеющие решающего значения³. В письме в НКВД 26 марта Н. Крестинский сообщил: «Я изложил Штреземану наши поправки, передал тексты»⁴. Поправки касались ст. 2: предлагалось опустить слово «неспровоцированно» в связи с возможным нападением на одну из сторон, поскольку оно допускает мысль, что стороны могут спровоцировать нападение. В ст. 3 советская сторона считала недостаточным записать отказ от коалиции с целью бойкота только в мирное время, ибо в случае военных осложнений договор потерял бы всякий смысл. Советское правительство предложило превратить предполагавшийся протокол в обмен нотами: Германия могла бы заявить о своих оговорках по обязательствам перед Лигой наций, а Советский Союз принял бы это к сведению. Советский полпред предложил подписать договор как можно скорее, чтобы можно было его представить на ратификацию сессии ЦИК СССР до 10 апреля. Запись Штреземана гласит: «Относительно времени продолжения переговоров я воздержался от какого-либо ответа»⁵.

¹ См. «Документы...», т. IX, стр. 148—149.

² Там же, стр. 165—166.

³ См. «Документы...», т. IX, стр. 173—177; Akten. Serie B, Bd. II/1, SS. 229—232, Nr. 91.

⁴ «Документы...», т. IX, стр. 173.

⁵ Akten. Serie B, Bd. II/1, S. 232, Nr. 91.

Очередная беседа советских и германских представителей состоялась 30 марта. Согласно записи Дирксена, датированной 31 марта, советский полпред предложил подписать договор до 10 апреля, однако настаивал на неограниченном нейтралитете. Гаус сообщил, что германская сторона идет навстречу советскому предложению облечь постановление заключительного протокола в форму обмена нотами, однако настаивает на формуле в ст. 2 «без провокации с его стороны», которая, по его мнению, обычна для договоров такого рода. В качестве варианта ст. 2 был предложен текст со словом «неспровоцировано»¹. Словом, между дипломатами в конце марта 1926 года продолжались переговоры о формулировках статей договора, но стали проясняться возможные сроки подписания. Шуберт сообщил на этой встрече, что до 10 апреля подписать договор едва ли возможно, поскольку надо подождать ответа из Москвы, затем Г. Штреземан будет на пасхальных каникулах до 20 апреля; кроме того, текст договора должен рассмотреть кабинет².

Протокол заседания кабинета министров от 31 марта 1926 г. зафиксировал: «Рейхсминистр иностранных дел сообщил, что русские настаивают на том, чтобы прийти к заключению подготовленных договоров. Они в общем приняли наши предложения. Он намерен после пасхи (4—5 апреля) представить кабинету вопрос на решение»³.

Западные державы — участницы локарнского сговора попытались оказать давление на германское правительство, чтобы предотвратить заключение нового договора между Германией и Советским Союзом. Германская дипломатия надеялась смягчить их «гнев», заблаговременно сообщив им, что Советское правительство предлагает переговоры и что Германия должна в «той или иной форме» известить его о локарнской оговорке. Еще в декабре 1925 г. Штреземан говорил об этом с английским послом⁴. Вскоре в западной печати появились явно инспирированные сообщения относительно советско-германских переговоров с целью заключения договора о нейтралитете. В январе 1926 года германский посол в Англии Штамер представил свои соображения против договора с СССР, исходя из того что процесс сближения европейских держав «при

¹ См. «Документы...», т. IX, стр. 192—195.

² См. Akten. Serie B, Bd. II/4, SS. 246—248, Nr. 98.

³ Ibid., S. 248.

⁴ M. Walsdorff, op. cit., S. 176.

исключении России» начался, что Германия должна избавляться от версальских пут и получить свободу рук ценой отказа от нормальных отношений с СССР: «Заключение действительно обязательного договора о нейтралитете с Россией я считаю исключенным»¹. Теперь, когда проект договора был подготовлен и германская дипломатия стала проявлять активность, английская дипломатия тотчас заинтересовалась предстоящим подписанием. В конце марта Шуберт информировал английского посла о предстоящем заключении договора с СССР. Д'Абернон ответил, что это ставит Германию в «опасное положение». Он подчеркнул, что именно Германия призвана «обуздать» Советский Союз: «Путь в Россию с Запада пролегает через Бранденбургские ворота»².

В последующие дни германские дипломаты весьма подробно обсудили с английским, французским, а затем и с американским послами проект договора с СССР³. Лорд д'Абернон в присутствии Шуберта написал и зачитал текст телеграммы О. Чемберлену о проекте договора. Он выразил опасение, как бы этот договор не был воспринят как «второе Рапалло»⁴. Германская дипломатия заверила англичан, что для нее особенно важно после жевевского фиаско подчеркнуть продолжение локанской линии. Германскому правительству именно в это время была передана памятная записка Чемберлена, в которой оговаривались обязательства Германии по ст. ст. 16 и 17 Устава Лиги наций и по «нейтралитету»⁵.

Советское правительство считало, что в интересах не только СССР, но и Германии как можно скорее довести переговоры до заключения договора, тем более что отсрочка приема Германии в Лигу наций показала непрочность ее позиций на Западе. Г. В. Чичерин в интервью для советской печати 5 апреля 1926 г. отметил: «Для Германии имевший место в Женеве провал всей политики германского правительства последнего периода может послужить яркой иллюстрацией того, к чему ведет для нее преобладание так называемой западной ориентации, т. е. ориентации на версальских победителей, над дальнейшим развитием дружественных отношений с СССР»⁶.

¹ Akten. Serie B, Bd. II/1, S. 137, Nr. 48.

² Ibid., S. 253.

³ Ibid., SS. 270—273, 280—283, Nr. 108, 112.

⁴ Ibid., S. 274, Nr. 108.

⁵ Ibid., SS. 299—300, Nr. 117.

⁶ «Известия», 6 апреля 1926 г.

На пути к подписанию договора, однако, оставалось преодолеть еще два момента: уклонение германского правительства от обязательств безусловного нейтралитета и нерешенность вопроса о германских кредитах Советскому Союзу. В беседе с Брокдорфом-Ранцау 13 апреля 1926 г. М. Литвинов подчеркнул, что провал переговоров о кредите означал бы сильный удар по отношениям двух стран¹. Советские дипломаты, выполняя инструкцию из Москвы, продолжали настаивать на снятии слова «провокация» из текста. Аргумент формулировался так: «Если в нашем договоре с Германией будет оговорка о провокации, то наши враги смогут сказать, что даже дружественная нам Германия вынуждена считаться с возможностью военной провокации с нашей стороны»². Германские же дипломаты, в частности Шуберт, уверяли, что упоминание о провокации имеет исключительно тактический смысл и что это ключевой момент для оправдания договора перед западными державами. Они ссылались также на другие договоры такого рода.

Советский полпред Н. Крестинский заявил 12 апреля 1926 г. Шуберту, Гаусу и Дирксену, что Советское правительство настаивает на исключении из текста слова «неспровоцировано» или «без провокаций»: дружественный договор не должен допускать возможности, что одна из договаривающихся сторон способна на провокацию, нечеткость выражения может дать Лиге наций повод для злоупотребления. Германские дипломаты ссылались лишь на обычную практику включения этого выражения во многие договоры послевоенного времени. На вопрос Шуберта о согласии Советского правительства с прочими положениями договора и возможных сроках подписания советский полпред подчеркнул, что Советский Союз желает по возможности скорейшего заключения договора и что он как полпред давно уже имеет полномочия на это. Шуберт поставил подписание договора только в зависимость от возвращения Штреземана из отпуска³. В этом же духе происходили переговоры представителей сторон и на следующий день, 13 апреля⁴. Советская сторона считала остальные статьи согласованными и приемлемыми и при снятии слова «провокация» готова была немедленно подписать договор.

¹ См. «Документы...», т. IX, стр. 215—216.

² Там же, стр. 224.

³ См. Akten. Serie B, Bd. II/1, SS. 322—323, Nr. 127.

⁴ Ibid., SS. 324—325. Nr. 128.

Между тем в английской печати появились сведения о предстоящем заключении советско-германского договора. В связи с тем что английская пресса, в частности «Таймс», обсуждала предстоящее заключение советско-германского договора, германское правительство информировало об этом свою прессу. Оно сообщило прессе: договор может быть скоро подписан, по еще имеются несогласованные вопросы; целью договора является консолидация отношений с СССР на основе Рапалло, которому не противоречит Локарно; новый договор не направлен против Локарнского пакта.

Еще до завершения выработки договора с СССР германская дипломатия информировала правительства Англии, Франции и Италии о предстоящем заключении договора. Штресеман объяснял это членам внешнеполитического комитета рейхстага желанием избежать подозрений. Английская дипломатия не выдвигала возражений против договорного регулирования отношений, однако Чемберлен выразил сомнения относительно времени подписания. Штресеман подчеркнул, что заключение договора не должно рассматриваться как ответ на события в Женеве. Франция к этому моменту не провела Локарнский пакт через сенат, и Бриан не дал ответа на сообщение германской дипломатии. В Брюсселе и Риме также смолчали. Польское правительство было возбуждено этим сообщением, ибо, как истолковал Штресеман, Локарнский пакт лишил ее французского покровительства, а теперь она теряла и возможную поддержку со стороны Советского Союза. Против советско-германского договора высказалось чехословацкое правительство Бенеша.

Дипломатическая ситуация в апреле 1926 года была такова, что германское правительство оказалось крайне заинтересованным в скорейшем заключении договора: западные державы «элегантно» дали пощечину, отложив прием в Лигу наций, сами же германские дипломаты уже оповестили державы о выработке нового договора с СССР. В этой ситуации необходимо было показать, что Германия имеет свою внешнюю политику и может принимать решения. В середине апреля Шуберт взволнованно писал Штресеману: «Самое ужасное, что могло бы с нами случиться, — это срыв заключения договора с русскими!»¹. Положение германского правительства еще более ослож-

¹ Цит. по M. W a l s d o r f f, op. cit., S. 178.

пилось, когда социал-демократическая фракция потребовала немедленного созыва внешнеполитического комитета рейхстага и опубликования проекта договора. Больше всего германские дипломаты боялись того, что договор будет воспринят как сенсация, как новое Рапалло.

Советская дипломатия реально оценивала ситуацию и вплоть до апреля продолжала настаивать на безусловном нейтралитете Германии и СССР в случае конфликта, резонно отмечая, что ограничительная формула неспровоцированного нападения в других договорах имеет смысл, поскольку в них речь идет о союзных обязательствах, а не о нейтралитете. Советская сторона пошла на уступку, согласившись на взаимный нейтралитет в случае нападения. Подчеркивание при этом «неспровоцированного нападения», по сути, бросало тень на одну из договаривающихся сторон. Спор и переговоры относительно «неспровоцированного нападения» продолжались еще 19 апреля в беседе Н. Крестинского и Шуберта, а также 20 апреля во время встречи полпреда с министром Г. Штреземаном¹. Наконец, в течение трех дней была найдена приемлемая формула: вместо «неспровоцированное нападение» дипломаты подобрали выражение «несмотря на миролюбивый образ действий».

Английские правящие круги пытались представить новый договор как шахматный ход германской дипломатии против Локарно, как ответ на унижение Германии в Женеве. Германский посол в Лондоне делал вывод: «В общем и целом складывается впечатление, что Англия, преисполненная недоверия к России, считает, что ее собственные позиции в игре против России ослаблены»². Накануне подписания договора из Лондона в Берлин была направлена телеграмма относительно ответа Чемберлена на запрос депутата Понсонби об отношении держав, подписавших Локарнский пакт, к советско-германским переговорам. Чемберлен сослался на заверения германского правительства в том, что договор не противоречит обязательствам по Локарнским соглашениям. Таким образом, несмотря на попытки английской дипломатии воспрепятствовать или оттянуть заключение нового договора между Германией и СССР, жизненные интересы Германии за-

¹ См. «Документы...», т. IX, стр. 237—245.

² Polit. Archiv. Abt. IV. Ru/Po. 2. Akten betreffend: den deutsch-russischen Vertrag vom 24. April 1926, Bd. 1, Bl. 204470—204471.

ставляли ее правительство подтвердить рапалльский политический курс.

Договор о ненападении и нейтралитете между СССР и Германией был подписан 24 апреля 1926 г. в Берлине Н. Крестинским и Г. Штреземаном. Преамбула договора отмечала стремление обеих стран содействовать сохранению всеобщего мира и выражала убеждение, что интересы народов обеих стран «требуют постоянного, основанного на полном доверии сотрудничества», что именно этой цели должен служить заключаемый «особый договор». Спустя четыре года после заключения первого равноправного договора между собой правительства СССР и Германии подтвердили: «Основой взаимоотношений между Союзом Советских Социалистических Республик и Германией остается Рапалльский договор»¹.

Беря обязательство поддерживать дружественный контакт и согласовывать проблемы политического и экономического сотрудничества, стороны закрепили обязательства взаимного нейтралитета: «В случае, если одна из договаривающихся сторон, несмотря на миролюбивый образ действий, подвергнется нападению третьей державы или группы третьих держав, другая договаривающаяся сторона будет соблюдать нейтралитет в продолжение всего конфликта». Стороны обязались также не участвовать в коалициях третьих держав, имеющих целью экономический или финансовый бойкот одной из сторон. Договор был заключен на пять лет, однако не предусматривал конкретной формы продления. В тексте говорилось: «Заблаговременно до истечения этого срока обе договаривающиеся стороны согласуют между собой дальнейшие формы своих политических взаимоотношений»².

Обмен нотами между Г. Штреземаном и Н. Крестинским в день подписания договора пояснял обязательства сторон. Подтверждая сотрудничество в интересах всеобщего мира, оба правительства в ходе переговоров обсуждали свое отношение к Лиге наций, особенно возможное вступление Германии в эту организацию. В ноте Штреземана говорилось, что принадлежность Германии к Лиге наций не может быть препятствием к развитию дружественных отношений между Германией и СССР. В случае возникновения в среде членов Лиги наций стремлений, которые были бы направлены против СССР, Германия обязалась

¹ «Документы...», т. IX, стр. 251.

² Там же, стр. 251—252.

«со всей энергией противодействовать таким стремлениям»¹.

Германское правительство исходило из того, что лояльное соблюдение своих обязательств как члена Лиги, особенно по ст. ст. 16 и 17 Устава о применении санкций, не может нанести ущерб основному направлению германской политики в отношении СССР. Оно подчеркивало, что обязательство участия в санкциях не может быть возложено на Германию без ее согласия и что определение нападающей стороны в конфликте также зависит от самой Германии. Возможности участия Германии в санкциях Лиги наций германское правительство ограничивало ссылкой на свою ноту от 1 декабря 1925 г. по толкованию ст. 16 при подписании Локарнского пакта. В этой ноте была сделана оговорка о необходимости учитывать военное и географическое положение Германии. Для разрешения возникающих вопросов взаимоотношений выражалось пожелание заключить общий договор по мирному урегулированию конфликтов, в частности высказана целесообразность третейского разбирательства и метода согласительного характера. Ответная нота Н. Крестинского в основном подтвердила получение германской ноты и содержала заявление СССР по обязательствам сторон. Однако она не повторяла оценок характера деятельности и целей Лиги наций, на которые ссылался Г. Штреземан².

В день подписания Берлинского договора Г. Штреземан направил Г. В. Чичерину телеграмму, в которой выразил убеждение, что договор будет «содействовать укреплению мира во всем мире на созданной Рапалльским договором основе дружественного и мирного сотрудничества обоих наших народов»³. В ответной телеграмме Г. В. Чичерин, оценивая договор как инструмент мира, заявил: «Дух Рапалло продолжает жить в этом договоре и оказывает благотворное влияние на общую обстановку»⁴.

Отношение политических партий Германии к Берлинскому договору 1926 года было в целом положительным, однако в прессе развернулось обсуждение проблемы отношения к СССР. В исторической литературе выделяют три партийно-политических течения в Германии в оценке договора: 1) трудящиеся массы во главе с КППГ видели в

¹ «Документы...», т. IX, стр. 252.

² Там же, стр. 253—254.

³ Там же, стр. 255.

⁴ Там же, стр. 254—255.

договоре путь укрепления сотрудничества с СССР и средство предотвращения антисоветской интервенции¹; 2) правительственные партии и СДПГ выступали за договор, мотивируя это тем, что договор не противоречит Локарнскому пакту и в то же время повышает вес Германии в глазах Лиги наций, особенно западных держав; 3) буржуазно-помещичьи круги националистического направления, особенно «немецкая национальная народная партия», не выступали против договора и выражали сожаление, что не покончено с локарнским курсом.

Правительственные партии видели успех в совмещении Берлинского договора и Локарнского пакта, а левая и правая оппозиции считали, что Локарно противоречит национальным интересам немецкого народа, причем левые во главе с КПП — с позиций трудящихся масс, правые — с националистически-реваншистских буржуазных позиций. По признанию западных историков, Берлинский договор был в Германии более популярен, чем Локарнский пакт².

Через день после подписания Берлинского договора, 26 апреля, Штресеман сделал во внешнеполитическом комитете рейхстага, а затем и в рейхстаге сообщение о подготовке и заключении договора. Он отметил, что договор обеспечивает Советскому Союзу неучастие Германии в каких-либо экономических и финансовых мерах бойкота. Предоставлением кредита германские власти, включая правительства земель, доказали желание стабильного сотрудничества. Министр отметил, что было бы нереалистичным полагать, что неизбежен развал «русской экономики». Содержащееся в договоре положение о поддержании дружественного контакта по всем вопросам Штресеман толковал как обычное в международной практике. Примечательно, что при обсуждении договора во внешнеполитическом комитете рейхстага 26 и 27 апреля все фракции высказались в пользу договора, более того, многие доказывали свою сопричастность к этой акции имперского правительства. Правда, некоторые, в частности фракция Центра, выражали еще сомнения в совместимости «западного пакта» и «восточного пакта». Представитель КПП

¹ См. Э. Тельман, указ. соч., т. 1, стр. 247.

² См. H. W. Gatzke, Von Rapallo nach Berlin. Stresemann und die deutsche Russlandpolitik. In: «Vierteljahreshefte für Zeitgeschichte», 1958, H. 6, S. 24.

В. Штёккер подчеркнул последовательность Советского Союза в отношении Германии, протянувшего руку дружбы в момент, когда она была повержена. «СССР никогда не признавал империалистические версальские мирные договоры, насильственная политика которых, как и прежде, составляет железный хребет английской политики в отношении Германии»¹. Одобряя новый договор с СССР, фракция КПП подвергла критике склонность правительства Лютера — Штресемана к сделке с западными державами за спиной Советского Союза. Дебаты во внешнеполитическом комитете показали единодушие фракций рейхстага в позитивном отношении к договору с СССР. Рейхстаг 10 июня 1926 г. утвердил Берлинский договор абсолютным большинством голосов².

В речи «Европа и Берлинский договор» Штресеман заявил по радио 1 мая 1926 г., что мировая общественность восприняла заключение договора как сенсацию: «Собственно, для этого не было никакого повода. Договор заключен между двумя великими соседними державами и народами на основе намерения сохранять мир и дружбу и воздерживаться от поддержки третьих великих держав, которые предприняли бы агрессивные действия против одной из сторон. Договор — это скорее само собой разумеющийся акт, нежели сенсация»³. Министр иностранных дел ссылаясь на «традиционную дружбу» Германии с Россией, особенно во времена Бисмарка, на экономическую взаимозависимость двух стран.

Один из важнейших тезисов, который германская дипломатия выдвинула как перед Советским правительством, так и перед западными державами, состоял в том, что Берлинский договор и Локарнский пакт не противоречат один другому. При этом делался акцент в беседах с представителями западных держав на то, что договор с СССР не мешает Германии идти на сближение с Западом, а в беседах с советскими дипломатами — на то, что Локарнские соглашения не имеют антисоветской направленности. Дипломатическое ведомство Германии считало, что у англичан нет оснований для недовольства, поскольку советско-германский договор ничего не меняет в локарнской политике Германии, хотя она принесла большие

¹ «Rote Fahne», 27. Apr. 1926.

² См. Verhandlungen des Reichstags, Bd. 390, SS. 7434—7445.

³ G. Stresemann, Vermächtnis, Bd. II, S. 539.

жертвы и потерпела фиаско в Женеве. В отправленной Дирксеном в начале мая 1926 года в Лондон инструкции для беседы в Форин оффис обосновывалась политика германского правительства в отношении СССР. Дирксен писал, что отклики в Англии на советско-германский договор подтверждают, что «цель английской политики, в том числе и в Локарно, заключалась в том, чтобы политически отделить Германию от России», что она предполагала вовлечение Германии в «антисоветский экономический фронт, который должен путем экономического истощения сделать Россию послушной воле западных держав»¹. Германская дипломатия уверяла, что эти цели ей чужды, что Германия экономически заинтересована в советском рынке и вынуждена выдерживать там борьбу с английской и американской конкуренцией. «Германия не может позволить себе роскошь ведения экономической войны с Россией», — признавал Дирксен. Германия также не могла отказаться от политических отношений с СССР, тем более что от этого зависело расширение экономических отношений: «Германия не желает ни союза, ни напряженности с Советской Россией. Она постоянно выдерживала среднюю линию, этой цели служит и Берлинский договор». Дипломатическое ведомство объясняло заключение нового договора необходимостью оживить отношения, которые были совершенно охлаждены в результате переговоров о гарантийном пакте с западными державами. Значение Берлинского договора истолковывалось так: «Договор даст России уверенность, что локарнская политика и вступление в Лигу наций совместимы с поддержанием дружественных отношений с Россией; Германия получает уверенность, что Россия не пустится ни на какие антигерманские комбинации»².

Спустя два месяца после заключения Берлинского договора (договор ратифицирован ЦИК СССР 22 июня 1926 г., президентом Германии — 26 июня 1926 г.), когда состоялся обмен ратификационными грамотами, посол Ранцау в письме от 8 июля 1926 г. на имя рейхспрезидента Гинденбурга изложил свою оценку значения договора с СССР: «Что касается возникновения собственно договора, то в главных чертах он готовился с ноября 1924 года, был тогда широко задуман и предусматривал

¹ Akten. Serie B, Bd. II/1, S. 443.

² Ibid.

также согласованные действия Германии и России в отношении Лиги наций. Между тем начатые в феврале 1925 года переговоры с западными державами помешали этому проекту». Ранцау подчеркивал, что советская дипломатия всерьез опасалась поворота в германской политике¹.

Вновь возвращаясь к своей концепции отношений с Советской Россией, Ранцау откровенно говорил, что он всегда, с самого начала своей деятельности в Москве рассматривал Советскую Россию как противовес Западу. Отнюдь не питая политических симпатий к СССР, Ранцау называл сложившиеся отношения «вынужденным браком», отнюдь не «браком по симпатии». Он решительно отвергал даже мысль о возможности союзных отношений. Германский посол не имел иллюзий относительно возможности изменения социального строя Советского Союза: «Вопреки всему ни о какой «эволюции» вместо революции не может быть речи даже отдаленно». Замысел своей политической линии Ранцау пояснял довольно цинично: «Наши отношения к Советской России, как я это понимал со времени вступления на свой пост, постоянно в известной мере и в известном смысле основываются на блефе, то есть вовне, в глазах наших так называемых бывших врагов, будет полезно создавать впечатление большей близости с Россией, чем это есть на самом деле»². Посол понимал, что в советском подходе к отношениям с Германией политика и экономика неразрывно связаны, поэтому политический договор от 24 апреля 1926 г. и экономический договор от 12 октября 1925 г. рассматривал как единый комплекс. Ранцау предлагал рассматривать Берлинский договор, исходя не только из собственных оценок, но и из недовольства противников: «Если измерять этим масштабом, то апрельский договор бесспорно означает большой успех для Германии. Не впадая в преувеличения, которые временами случаются и в здешних правительственных кругах, я вижу в нем действительную поправку в противовес Локарнскому договору, который здесь был встречен с большой озабоченностью».

Женевские разочарования сыграли свою роль в согласии германских правящих кругов на договор с СССР, который должен был сгладить факт вступления Германии

¹ См. Akten. Serie B, Bd. II/2, S. 98, Nr. 41.

² Ibid., S. 99, Nr. 41.

в Лигу наций. Ранцау пришел к выводу, что связь между Берлином и Москвой невозможна в духе связи между Берлином и Санкт-Петербургом бисмарковских времен. «И все же,— писал он,— добрые отношения с Россией, по моему глубокому убеждению, остаются единственным средством восстановить заслуженное мировое значение германского народа и постепенно сделать возможной самостоятельную внешнюю политику»¹.

Весьма характерны и интересны наблюдения германского посла² того, как восприняли и выразили свое отношение к советско-германскому договору представители разных государств в Москве: «Англичанин (поверенный в делах сэр Роберт Маклеод Ходжсон. — А. А.) остался столь же непроницаемым, как и прежде, и стал по крайней мере еще более деревянным, хотя лично с ним я постоянно поддерживал добрые отношения». «Французский посол Эрбетт внезапно заболел и с этого времени, как пронычески отметили коллеги по дипломатическому корпусу в беседах со мной, действительно похудел». По сведениям Ранцау, французский посол пытался уверить советских дипломатов, что договор выгоден только Германии, и якобы просил как-либо компенсировать падение его личных акций в Париже. «Итальянский посол, граф Манцони, с самого начала до сего дня ведет себя сдержанно». Ранцау полагал, что вообще говорить с итальянским послом о политике — бесполезное занятие... Перебирая далее остальных членов дипкорпуса, германский посол отмечал «сердечное приветствие» турецкого посла, подозрительную любознательность японского, якобы заносчивое поведение чехословацкого и т. д. «Польский посланник, сломя голову, выехал в Варшаву. Со времени заключения договора я его больше не видел»³. Посол в Москве четко определил свое отношение к договору как позитивному итогу, сохранение которого в интересах самой Германии: «Задача нашей внешней политики будет поэтому состоять в том, чтобы по возможности использовать международное положение так, чтобы именно советская сторона сохранила реальный интерес к тому, чтобы лояльно уважать договор»⁴.

¹ Akten: Serie B, Bd. II/2, SS. 100—101, Nr. 41.

² Ibid., S. 101, Nr. 41.

³ Ibid.

⁴ Ibid.

Удовлетворение заключенным договором и достигнутым уровнем отношений выразили советские представители. Г. В. Чичерин в одной из бесед с германским послом, согласно германской записи, сказал кратко: «Собственно, за последние четыре года мы решили главные вопросы».

Заключение Берлинского договора, подтвердив рапалльский курс СССР и Германии и определив обязательства сторон воздерживаться от участия в блоках, направленных против другой стороны, открыло благоприятные перспективы продолжения двустороннего сотрудничества. Западная ориентация Г. Штресемана и локарнское отклонение от жизненно важного направления создали на некоторое время состояние неуверенности и нестабильности. Однако благодаря последовательному проведению рапалльской политики Советским Союзом удалось в значительной мере преодолеть возникшие трудности дипломатическими средствами. Берлинский договор, в отличие от Рапалльского договора, несколько ограничивал обязательства сторон, но определял их конкретно. В отличие от бессрочного Рапалльского договора, новый «особый договор» наметил сравнительно небольшой первоначальный срок — пять лет. Главное достижение советской дипломатии состояло в том, что после локарнской сделки был подтвержден «дух Рапалло» и новый политический договор был увязан фактически с дальнейшим развитием экономического взаимовыгодного сотрудничества. Берлинский договор 1926 года, закрепив отношения доверия между двумя странами, создал предпосылки для расширения сотрудничества между двумя государствами не только в экономической, но и в политической сфере. Поддержание добрососедских отношений в духе Рапалльского договора и соблюдение Берлинского договора могли обеспечить хорошую основу для долговременного торгового, научно-технического и культурного сотрудничества. Взаимная зависимость политических и экономических отношений между государствами противоположных систем требовала от советской дипломатии особого внимания к проблемам развития сотрудничества с крупнейшим экономическим партнером страны.

Проблемы экономического сотрудничества

Восстановление экономической и военной силы германского империализма в послевоенное десятилетие, в 1919—1929 годах, проходило при непосредственном участии аме-

риканского капитала. В то время как основная тяжесть репарационных платежей легла на трудящиеся слои немецкого народа, германские монополии получили крупные займы от финансовых кругов США¹. Сумма полученных германскими монополиями займов была в два раза выше суммы выплаченных страной репараций. Индекс промышленного производства Германии в 1927 году достиг уровня 1913 года. Одновременно был достигнут довоенный уровень экспорта германских товаров. Восстановление и усиление экономического потенциала проходило путем капиталистической рационализации и беспощадной эксплуатации германских трудящихся, что не могло не вызывать обострения классовых антагонизмов.

Экономическое положение Германии в начале 1926 года характеризовалось дальнейшим ростом безработицы и сужением внутреннего рынка промышленной продукции. Министр хозяйства Курциус оценивал положение как «тяжелый кризис»². В этих условиях экспорт промышленных товаров в СССР был для Германии жизненно необходим. Увеличение германского экспорта в СССР было возможно только на основе предоставления кредитов. Советский Союз хотел получить кредиты для покупки промышленного оборудования, но на приемлемых условиях. Переговоры о кредитах велись с 1924 года. В октябре 1925 года «Дойче Банк» предоставил, как отмечалось выше, советским организациям краткосрочный кредит, но тогда речь шла о закупках промтоваров в сравнительно небольших масштабах. Теперь, в условиях начавшейся широкой индустриализации страны, Советское правительство поставило вопрос о крупном долгосрочном кредите для покупки промышленного оборудования. При этом советские организации учитывали интерес германских промышленников к российскому рынку. Уже в 1924—1925 и 1925—1926 годах германская экономика обеспечила себе активное сальдо в торговле с СССР и продажу в СССР главным образом готовых изделий и полуфабрикатов, тогда как СССР экспортировал в Германию сырье и продовольствие. Советский Союз мог, таким образом, приобретать машины и оборудование для индустриализации страны, для Германии это было выгодным освоением советского рынка.

¹ См. J. Kuczyński, *Deutsche Anleihen im Ausland 1924—1928*, В., 1929, S. 46.

² См. A. Anderle, *op. cit.*, S. 166.

Советская программа индустриализации, принятая на XIV съезде ВКП(б), открывала новые возможности для экономического сотрудничества двух стран. В дипломатическом ведомстве Германии в начале 1926 года обстоятельно анализировали состояние торговли с Советским Союзом и отметили некоторый спад экспорта. Германское правительство было обеспокоено не столько уменьшением абсолютных размеров германского экспорта в СССР, сколько долей Германии в сравнении с другими странами.

Письма германских промышленников, в частности дирекции фирмы «Фридрих Крупп» от 15 января 1926 г. и Имперского союза германской промышленности от 13 марта 1926 г.¹, свидетельствуют, что заинтересованность германских предприятий в советских заказах была весьма значительной. В обосновании необходимости получения советских заказов и их кредитования главное место занимали опасения роста безработицы в стране и соображения конкурентной борьбы с иностранными, в частности с английскими, промышленниками. Дирекция фирмы «Фридрих Крупп», подчеркивая, что верфь «Германна» «в высшей степени заинтересована» в получении советских заказов на постройку судов, отмечала, что, в случае неполучения солидного заказа, верфь будет вынуждена закрыть все свои судостроительные и, возможно, машиностроительные цехи, что безработица в Киле еще более возрастет. Фирма предлагала удовлетворить требование Советского Союза получить кредит, поскольку английские верфи могут опередить германских промышленников. В письме подчеркивалась общая заинтересованность в советских заказах. «В этих заказах заинтересована вся германская промышленность и тем самым занятые в этой промышленности служащие и рабочие»².

Союз фабрикантов Ремшейда считал советские заказы жизненно необходимыми для района расположения его предприятий. Сожалея, что сделки с СССР еще не достигли объема довоенных операций, предпринимательский союз отмечал: «Все же они в последнее время помогли некоторым фирмам и их рабочим пережить трудные времена»³. Предоставление кредитов Советскому Союзу про-

¹ См. Из истории советско-германских экономических отношений (Документы из германских архивов), «Международная жизнь», 1957 г., № 1, стр. 188—190.

² Там же.

³ Там же, стр. 189.

мышленники рассматривали прежде всего как средство увеличения заказов и предотвращения роста безработицы: «Если у нас станут налаживаться сделки с Россией, то число безработных сразу же существенно уменьшится, так как до сих пор в первую очередь страдают те фирмы, которые в соответствии с характером своего производства особенно ориентировались на русские заказы»¹.

Имперский союз германской промышленности высказывался также за обеспечение экспорта товаров в СССР, исходя из потребностей разных отраслей промышленности в рынках. Он поддержал постановку вопроса Объединением хлопчатобумажных фабрик об увеличении экспорта товаров широкого потребления. Текстильные фабриканты ставили вопрос так: «Не подлежит никакому сомнению, что наша торговая политика в отношении России должна быть направлена на то, чтобы в лице России Германия обеспечила себе постоянного потребителя своих изделий»². Деловые круги совершенно определенно высказывали мнение, что кредиты, в которых пуждается СССР, соответствуют интересам самой Германии: «Во всяком случае наша промышленность крайне заинтересована в финансировании экспорта в Россию»³.

Как отмечено выше, в январе — апреле 1926 года одновременно с переговорами по политическому договору готовилось и предоставление Советскому Союзу долгосрочного кредита. Германское правительство исходило из того, что предоставление такого кредита отвечает интересам германской промышленности, однако условия его предоставления стали предметом длительного торга. Германские банки хотели заручиться государственными гарантиями и, кроме того, выдвигали условием выплату процентов по высокой ставке. Советские представители подходили к получению кредита и экономически, и политически: не отрицая своей заинтересованности в кредите, они по-деловому настаивали на приемлемых условиях. К моменту заключения Берлинского договора вопрос о кредите в принципе был решен, однако предстояло оформить соглашение.

В беседе с министром хозяйства Ю. Курципусом 16 апреля 1926 г. Н. Крестинский подчеркнул, что дело креди-

¹ «Международная жизнь», 1957 г., № 1, стр. 190.

² Там же.

³ Там же.

тования советских заказов в Германии продвигается весьма медленно, это вызывает разочарование в Москве. Потребность в ближайшее время разместить заказы столь настоятельна, что может оказаться целесообразной передача этих заказов другим странам. В ходе переговоров Н. Крестинского и Ю. Курциуса были подробно обсуждены проблемы кредита. Германская сторона заверила, что предоставление кредита будет ускорено. Советская сторона ставила вопрос о выделении средств из государственных фондов для гарантии кредита. Курциус возражал, что имперские средства не могут быть предоставлены, что земельные банки не могут идти на учетную ставку ниже, чем назначают частные банки, при этом они едва ли могут предоставить более 50 млн. марок. Министр хозяйства все же обещал оказать возможное содействие предоставлению кредита.

Английские правящие круги и дипломаты прилагали большие усилия, чтобы помешать соглашению о кредите, хотя делали это в традиционном английском стиле — довольно гибко. Германская дипломатия считалась с возможностью давления со стороны Англии. В апреле 1926 года с предостережениями к немцам обратились представитель английских деловых кругов — управляющий Английского банка Монтегю Норман¹ и английский посол в Берлине д'Абернон². Последний заклинал не давать в кредит 300 млн. марок государству, где вот-вот разразится «финансовая катастрофа».

Переговоры о кредите были не только продолжительными, но и сложными из-за того, что ряд германских ведомств включился в переговоры, желая «содействовать» сделке советских организаций с германскими банками, однако в итоге дело затягивалось. На совещании министров 28 мая 1926 г. министр иностранных дел Штреземан сказал, что вопрос о кредите может обернуться конфузом для Германии, поскольку разногласия по процентной ставке не удастся преодолеть. Министр хозяйства Курциус согласился взять на себя роль «честного маклера» для выработки соглашения. В беседах с советским полпредом в начале июня 1926 года Курциус заверил, что германское правительство желает содействовать предоставлению

¹ См. Akten. Serie B, Bd. II/1, SS. 293—294, Nr. 116; S. 386, Nr. 158.

² Ibid., S. 386, Nr. 158.

кредита и даже согласно на финансирование гарантий, однако не может пойти на компенсацию разницы в предлагаемых сторонами процентных ставках.

В ходе переговоров по кредиту советская дипломатия умело сочетала деловые, экономические мотивы с политическими, чтобы успешно решить проблему значительного расширения экономических связей. Германские дипломаты также понимали, что финансовая сделка имеет политическое значение¹. В итоге довольно длительных переговоров и торга по условиям кредита, особенно по учетной ставке, было достигнуто компромиссное решение.

В конце июня 1926 года были опубликованы сообщения ТАСС и ВТБ о кредитном соглашении между СССР и Германией. В сообщении германского агентства «Вольф» (ВТБ) от 26 июня 1926 г. отмечалось, что в итоге многомесячных переговоров достигнуто соглашение при посредничестве официальных германских органов. Германское правительство дало банковскому консорциуму во главе с «Дойче Банк» гарантии предоставляемого кредита.

В связи с достижением договоренности ТАСС опубликовало 27 июня 1926 г. сообщение, в котором было отмечено: «Принятое вчера благодаря содействию германского правительства компромиссное решение, сводящееся к уплате 9,4% годовых, представляет существенное приближение к советской позиции в этом вопросе и открывает путь к широкому использованию гарантированных германским правительством кредитов в целях переоборудования нашей промышленности и индустриализации страны»².

Собственно соглашение о кредите было заключено 10 июля 1926 г. в форме обмена письмами между дирекцией «Дойче Банк» и торгпредством. В письме «Дойче Банк» подробно оговорены сроки и условия предоставления кредита до 300 млн. марок. Советское торгпредство подтвердило свое согласие с содержанием письма. Бюджетный комитет рейхстага в июне 1926 года одобрил это соглашение, по которому имперское правительство брало на себя гарантию 35% предоставленного кредита, земельные правительства — 25, а поставщики — остальные 40%³.

Нарком внешней и внутренней торговли СССР А. И. Микоян в беседе с германской рабочей делегацией

¹ См. «Международная жизнь», 1957 г., № 1, стр. 191.

² «Документы...», т. IX, стр. 341—343.

³ См. «Год работы правительства. Материалы к отчету за 1925—1926 бюджетный год», М., 1927, стр. 7.

в сентябре 1926 года, характеризуя состояние торгового оборота между СССР и Германией, отметил, что торговый оборот облегчается предоставлением гарантированного правительством кредита. Он сказал: «Из кредитов в 300 млн. марок мы приступили к размещению первой половины заказов на 150 млн. марок, и на 70 млн. марок заказы уже размещены»¹.

Дипломатическое ведомство представило 1 сентября 1926 г. в рейхсканцелярию записку «Экономическое положение СССР», которая начиналась многозначительным признанием роста экономического значения СССР: «Чем больше Советский Союз втягивается в круговорот мирового хозяйства, чем теснее переплетаются экономические судьбы огромного, возникшего на развалинах бывшей царской империи нового государства с экономическими судьбами остального мира, тем живее становится растущий интерес, с которым следят за развитием экономики СССР вне пределов его границ»².

Непосредственно после заключения кредитного соглашения было заключено примерно 700 сделок на общую сумму 85 млн. марок, в том числе на 74 млн. марок СССР закупил тяжелого оборудования. В общем объеме закупаемого оборудования 15 млн. марок составляли закупки металло- и деревообрабатывающих станков, 8,5 млн. — металлургическое и прокатное оборудование, 19 млн. марок — шахтное оборудование. Из 300 млн. кредита абсолютно большая часть была использована Советским Союзом для закупок в первую очередь станков и оборудования для промышленности. Из суммы 144 млн. рублей 126,5 млн. рублей (т. е. 87,8%) пошло на закупки электротехнических установок³ для промышленности. Среди фирм, получивших крупные заказы в 1926—1927 годах, были такие электротехнические фирмы, как «АЭГ» и «Сименс».

Министр хозяйства Германии Ю. Курциус считал, что предоставление кредита в 300 млн. марок отвечало интересам германской экономики и в то же время содействовало утверждению рапалльской традиции в отношениях двух стран. Он отмечал добросовестность и чрезвычайную

¹ «Известия», 17 сентября 1926 г.; «Документы...», т. IX, стр. 422

² Akten. Serie B, Bd. II/2, S. 247, Nr. 102.

³ I. Kuczyński, G. Wittkowski, Die deutsch-russischen Handelsbeziehungen, B., 1947, S. 59.

пунктуальность советских учреждений в оплате поставок по кредиту¹.

Заключение кредитного соглашения означало переход к сотрудничеству крупного масштаба и долговременного значения. Оно оказало непосредственное влияние на расширение экономических связей и упрочение политического положения СССР и Германии.

Анализ поставок германских товаров по отдельным статьям в 1926 — 1928 годах показывает, что увеличение закупок промышленного оборудования было преобладающей тенденцией в советско-германских экономических отношениях после 1926 года.

Германский вывоз в СССР с 1924 по 1928 год увеличился в четыре раза, а ввоз из СССР — примерно в три раза. По оценке германских экономистов, с учетом уменьшения территорий обоих государств в сравнении с 1913 годом германский вывоз достиг половины довоенного объема, но доля торговли с СССР в общем объеме германской внешней торговли оставалась сравнительно небольшой².

В расчетах германской дипломатии экономические и политические соображения приобретали после заключения Локарнского и Берлинского договоров все большую взаимозависимость. Если ранее германские правящие круги полагали, что беспрепятственное экономическое проникновение на советский рынок будет обеспечено германскому капиталу естественным образом, то теперь приходилось задумываться о единстве экономики и политики. В дипломатических кругах Германии рассматривали экономическое соглашение и договор о нейтралитете с СССР как «ограниченное выравнивание политических интересов» после Локарно. «Действительный экономический фундамент, — рассуждал статс-секретарь Шуберт, — все же не был создан, а от него невозможно отказаться в отношениях с государством, где экономика и политика представляют единое целое, как это имеет место в Советском Союзе»³.

Вывод, к которому пришла германская дипломатия летом 1926 года, был таким: развитие экономических от-

¹ См. J. Gurtius, *Sechs Jahre Minister der Deutschen Republik*, Heidelberg, 1948, SS. 28—29.

² См. I. Kuczynski, G. Wittkowski, *op cit.*, SS. 58—59

³ Akten. Serie B, Bd. II/2, S. 175, Nr. 77.

ношений с Советским Союзом не может идти независимо от политических отношений, при этом должны были учитываться позиции «конкурирующих промышленных государств»¹.

Во время пребывания в Берлине в декабре 1926 года Г. В. Чичерин в беседе с Г. Штреземаном выразил удовлетворение последствиями Берлинского договора и соглашения о кредите. Г. Штреземан сетовал на то, что экономическое положение Германии несколько переоценивается: он отметил, что американские кредиты позволили встать на ноги, а их надо выплачивать. К этому времени из кредита в 300 млн. марок, предоставленного германскими банками Советскому Союзу, уже были использованы для заказов 150 млн. марок, и в течение полугода предполагалось использовать другую половину. Г. В. Чичерин поставил вопрос о продлении сроков заказов². Перед Штреземаном, в частности, был поставлен вопрос о долгосрочном займе для дальнейшего развития экономических отношений после исчерпания 300 млн. марок кредита. Г. Штреземан сослался на то, что Германия не может предоставлять другим государствам займы, пока не выяснится урегулирование выплат по «плану Дауэса».

После переговоров в Берлине Г. В. Чичерин направил наркому внешней и внутренней торговли А. И. Микояну письмо об итогах бесед с германскими представителями. «Выражаясь вульгарным языком, можно сказать, что мысль Штреземана такова: у Германии деньги есть, но она не хочет их показывать в данный момент, поэтому надо подождать и молчать. Он при этом упомянул, что уже в 1927 г. может наступить момент, когда можно будет говорить о долгосрочном займе. Мне кажется, что с его предложением о полной секретности этого вопроса мы должны считаться»³.

Уже в конце 1926 года правящие круги западных стран стремились пожать плоды локарного посева, используя при этом всякий повод для разжигания вражды к Советскому Союзу.

В начале декабря 1926 года английская «Манчестер гардиан» решила «взорвать бомбу», напечатав сенсационные «сведения» относительно сотрудничества рейхсвера

¹ Akten. Serie B, Bd. II/2, S. 371, Nr. 148.

² См. «Документы...», т. IX, стр. 562.

³ Там же, стр. 562.

с советскими военными организациями, основываясь на том, что германские фирмы оказывают техническое содействие в создании на территории СССР предприятий оборонного значения. Имелось в виду создание авиационного предприятия при содействии фирмы «Юнкерс», а также химического предприятия¹. Антисоветские круги различных стран, в том числе социал-демократическая пресса в Германии, подхватили «сенсационные» откровения и под видом осуждения нарушений Германией военных ограничений развернули злобную кампанию клеветы против Советского Союза. Орган СДПГ «Форвертс» не только изложил материалы из «Манчестер гардиан», но и придал им еще большую антисоветскую направленность. Находившийся в Женеве Г. Штреземан так определил позицию германской дипломатии в связи с возможными запросами иностранных представителей по этому поводу: «Прежде всего я со всей определенностью констатирую, что, вопреки частым утверждениям в иностранной прессе, между имперским правительством и Советским правительством не существует военно-политических секретных соглашений, что такого рода секретные соглашения не заключались ни при подписании Рапалльского договора, ни позже»².

Выступая в прусском ландтаге в декабре 1926 года, В. Пик, решительно отвергая клевету в адрес Советского Союза, пояснял мотивы, которые оправдывают использование технических и военных знаний зарубежных специалистов для защиты социалистической страны: западные державы, как известно, отнюдь не намерены были содействовать укреплению положения СССР, они создавали антисоветский фронт и готовили военные авантюры против СССР. Вильгельм Пик четко выразил подход германских рабочих к этому вопросу: создание боевых средств для самообороны — это необходимость для Советского Союза. «Если к тому же приходят иностранные государства и оказывают помощь Советской России в усовершенствовании этой самообороны, так что же, рабочие должны плакать по этому поводу?»³.

В отчете Советского правительства за 1926/27 год говорилось: «Декабрь 1926 г. отмечен антисоветской кампа-

¹ См. Akten. Serie B. Bd. II/2, SS. 390—392, Nr. 150.

² Ibid., S. 401, Nr. 156.

³ Цит. по А. A n d e r l e, op. cit., S. 204.

пней части германской печати, в первую очередь социал-демократической, по поводу опубликованных в «Манчестер гардиан» статей о существующем якобы сотрудничестве между военными кругами Германии и СССР»¹.

Внешняя политика германского империализма определялась в этих условиях исключительно классовыми интересами крупных монополий, которые антирабочую политику внутри страны стремились продолжать вовне как антисоветскую политику блокирования с империалистическими державами².

Развитие отношений между СССР и Германией после заключения Берлинского договора 1926 года, хотя и соответствовало в основном рапалльскому курсу, все же свидетельствовало о противоречивости политики германских правящих кругов. Внутренние социальные процессы проходили в Германии под знаком острой классовой борьбы, нарастания революционной решимости рабочего класса отстаивать свои права в противоборстве с капиталистами и юнкерством. Это получило выражение в забастовочном движении, в выступлениях против усиления милитаризма в стране, наконец, в движении против возвращения собственности крупным землевладельцам. Выражение симпатий, солидарности советских трудящихся и немецких рабочих правящие круги Германии воспринимали как опасную тенденцию. Стремление к подавлению коммунистического движения наложило отпечаток на политику германского правительства в отношении СССР.

Несмотря на существование договоров и даже употребление формулы «сердечные отношения» между Берлином и Москвой, уже к концу 1926 года появились симптомы разногласий по политическим и дипломатическим проблемам: Германия ревниво воспринимала контакты СССР с Францией, Польшей, Литвой, Турцией, СССР имел основания не вполне доверять направленности отношений Германии с США, Англией, Турцией, Италией. Особые планы связывали реакционные круги империалистических держав с вступлением Германии в Лигу наций. 8 сентября 1926 г. Германия была принята в Лигу наций, а 14 сентября ратификационные грамоты Локарнского договора были сданы в секретариат Лиги. «Германская буржуазия вступила в Лигу наций, с тем чтобы вновь принять участие в империалистической политике, но при

¹ «Документы...», т. X, стр. 566.

² См. Э. Тельман, указ. соч., т. 1, стр. 405.

этом ее раздирают большие внутренние и внешние противоречия»¹, — отметил Э. Тельман на расширенном пленуме ИККИ, состоявшемся в Москве в ноябре — декабре 1926 года.

Хотя в западной ориентации германской дипломатии уже вскоре обнаружились узкие места, надежды на решение противоречий, особенно с Францией, были характерны для послелокарнской политики Германии. В то же время реальной альтернативой оставалась восточная политика в духе Рапалло. Газета «Эксельспор» 8 марта 1927 г. напечатала интервью со статс-секретарем германского внешнеполитического ведомства Шубертом, который дал понять, что в случае «конфликта на Востоке» Германия обязана пропустить французские войска для поддержки Польши и Чехословакии². Советская дипломатия тотчас поставила вопрос перед германским послом Ранцау по существу германских обязательств, однако германское правительство склонно было увести разговор к вопросу о характере самого интервью. Полпред Н. Крестинский получил 16 марта разъяснение, что Германия никогда не признавала и не признает права прохода французских войск через Германию, Польшу, Чехословакию. Однако НКВД СССР требовал официального публичного опровержения. В конце марта Штреземан заявил в рейхстаге, что интервью Шуберта следует считать «мнимым», что он «ничего подобного не говорил и не мог говорить». Относительно германских обязательств он сослался на оговорку Германии по ст. 16 Устава Лиги наций³. В связи с пятой годовщиной Рапалльского договора заместитель наркома М. Литвинов направил Г. Штреземану телеграмму, в которой говорилось, что рапалльские принципы подтвердили свое значение для советско-германских отношений: «Правительство Союза глубоко убеждено, что укрепление и развитие дружественного сотрудничества между Германией и Союзом всецело соответствует интересам народов обеих стран»⁴. В ответной телеграмме Штреземан выразил пожелание, чтобы принципы, установленные в договорах, «сохранили свою силу и в будущем и содействовали сохранению всеобщего мира»⁵.

¹ Э. Т е л ь м а н, указ. соч., т. 1, стр. 283.

² См. «Документы...», т. X, стр. 629.

³ Там же, стр. 102—104, 108—109, 116, 118—120.

⁴ Там же, стр. 164.

⁵ Там же, стр. 165.

В мае 1927 года, когда английские реакционные круги спровоцировали конфликт и разрыв отношений с СССР, германская дипломатия оказалась перед необходимостью в рапальском духе взять на себя защиту советских интересов в Лондоне.

Несмотря на попытки английской дипломатии толкнуть и Германию на путь обострения отношений с СССР ссылаясь на локарнские соглашения, германское правительство не вступило на такой путь. В конце мая дипломатическое ведомство Германии разослало циркуляр своим представительствам об англо-советском конфликте и определило позицию: «Позицию имперского правительства может составлять только строгий нейтралитет, как это само собой вытекает из краеугольных основ германской внешней политики — Локарно и Берлинского договора. Поэтому по всем направлениям целесообразна величайшая сдержанность»¹. По просьбе советских представителей Германия 27 мая 1927 г. взяла на себя защиту интересов СССР в Лондоне. Германское правительство пошло на разрешение приезда более чем 100 сотрудников «Аркоса» в Германию, имея в виду, что часть промышленных заказов будет передана германским фирмам. Отчет Советского правительства за 1926/27 год особо отмечал как политически значимый факт принятие Германией на себя защиты интересов СССР в Англии после разрыва англо-советских отношений².

На объединенном Пленуме ЦК и ЦКК ВКП(б) в июле — августе 1927 года было обстоятельно охарактеризовано международное положение СССР и дана оценка отношений с крупнейшими государствами. После разрыва дипломатических отношений Англии с СССР усилилась опасность создания антисоветского фронта: «Яростная пропаганда разрыва отношений с СССР во Франции; поворот значительной части германской прессы в сторону враждебности против СССР; японская политика на Дальнем Востоке и т. д. и т. п. сигнализируют реальную возможность этой опасности»³, — говорилось в резолюции Пленума. Оценивая как реальную угрозу подготовку войны империалистических держав против СССР, Пленум от-

¹ Polit. Archiv. Büro Reichsminister. Akten betreffend: Russland, Bd 18, Bl. D558717.

² См. «Документы...», т. X, стр. 566—567.

³ «КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК», т. 3, стр. 466.

метил, что сдерживающим фактором являются страх буржуазии перед возможностью революции и наличие противоречий между самими империалистами. Давление держав на Германию с целью склонить ее к антисоветскому фронту и ее склонность к «оттяжке событий» в Советском Союзе расценивали как проявление противоречий между капиталистическими державами: «В центре Европы Германия прямо заинтересована в оттяжке событий, ибо динамика развития ведет к несомненному абсолютному и относительному росту экономического и политического веса Германии. В то же время Германия больше других стран заинтересована в развитии экономических связей с СССР. Однако это вовсе не значит, что капиталистическая Германия, в случае решающих событий, обязательно останется нейтральной. Выторговывая возможно выгодную позицию, она во время развязки событий может стать в единый фронт с врагом»¹.

Для дипломатических отношений СССР и Германии после разрыва отношений Англии с СССР показательно, что уже в июне 1927 года состоялась встреча Г. В. Чичерина и Г. Штреземана в Баден-Бадене. Основным итогом этой встречи можно считать констатацию, что отношения между двумя странами остаются неизменными. Для СССР было важно, чтобы Германия не присоединилась к английской политике бойкота. Советской дипломатии удалось обеспечить такую линию поведения Германии.

Состояние советско-германских экономических отношений к осени 1927 года оценивалось советским торгпредством в Берлине как удовлетворительное, особенно в связи с реализацией заказов на оборудование на основе 300-миллионного кредита. Отчет Советского правительства за 1926/27 бюджетный год отметил: «Германский долгосрочный кредит был полностью использован»².

Беспокойство германской дипломатии продолжали вызывать дипломатические контакты СССР с Францией. Осенью 1927 года, когда в печати обсуждался вопрос о заключении, по предложению советской дипломатии, пакта о ненападении между СССР и Францией, германская дипломатия выражала опасения, как бы такого рода пакт не вылился в «традиционный союз» двух стран. Г. В. Чичерин информировал 20 сентября советских представите-

¹ «КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК», т. 3, стр. 467.

² «Документы..», т. X, стр. 616

лей: «У меня был Ранцау в большом волнении, ибо телеграмма дипломатического сотрудника «Гавас» говорит о проекте франко-советского пакта в таких выражениях, будто возрождается франко-русский союз с явным заострением против Германии. Нам эти комментарии абсолютно чужды, и о них я даже узнал только от Ранцау»¹. В этом духе НКВД СССР дал инструкцию полпредству в Берлине заявить германским представителям, что советское предложение о заключении пакта имеет целью «служить укреплению франко-советских отношений, не затрагивая нашей политики в отношении третьих стран, в особенности Германии». В инструкции говорилось: «При переговорах мы будем тщательно избегать всего, что могло бы нарушить интересы советско-германской дружбы»².

Советский Союз шел навстречу деловым пожеланиям, чтобы максимально использовать взаимовыгодный товарообмен, но не допустить экспансии. Документы IV отдела МИД Германии свидетельствуют, что еще в конце 1926 года там началась подготовка материалов к переговорам по таможенному соглашению между двумя странами, особенно с учетом различия их социально-экономических систем. Германские экономисты и дипломаты изыскивали способы обхода советской монополии внешней торговли и системы таможенных тарифов³.

Советское посольство вербальной нотой от 29 декабря 1926 г. предложило вступить в переговоры о таможенном соглашении. Однако германская сторона не решалась на этот шаг и ждала «конкретных» предложений. Германские экономисты высказывали разного рода сомнения в целесообразности таможенного соглашения, выражали недовольство целеустремленной внешнеторговой политикой СССР. В одном из германских документов конца 1926 года содержалось такое утверждение: «Индустриализация России, как она проводится нынешними властями, абсурдна, ибо Россия — это аграрное государство»⁴.

В течение 1927 года германская сторона уклонялась от переговоров по экономическим проблемам, и к концу года сложилось довольно напряженное положение⁵. Ряд

¹ «Документы...», т. X, стр. 384.

² Там же, стр. 391.

³ См. Polit. Archiv. Abt. IV Russland. Akten betreffend: Handelsvertragsverhältnis zu Deutschland. Handel 13, Bd. 1 (далее: Handel 13).

⁴ Ibid., Bl. 2.

⁵ Ibid., Bl. K428491.

записок и документов свидетельствует, что в германских деловых кругах в 1927 году прошла первая волна разочарования возможностями развернуть свою активность в СССР, особенно последствиями 300-миллионного кредита¹.

Имперский союз германской промышленности направил 27 августа 1927 г. на имя министра иностранных дел и министра хозяйства записку относительно экономических связей с Советским Союзом. Имперский союз представил вскоре в аусамт целый список претензий к советским внешнеторговым органам². В германском дипломатическом ведомстве сочли целесообразным пойти на молчаливое продление экономического договора от 12 октября 1925 г. Однако 21 сентября 1927 г. аусамт вербальной нотой предложил советскому посольству обменяться мнениями о выполнении договора в связи с истечением первого срока³.

На совещании в МИД 18 октября 1927 г. состоялся широкий обмен мнениями между дипломатами, экономистами и деловыми кругами по экономическим претензиям к СССР. Именно здесь вновь обсуждалось письмо предпринимательского союза от 27 августа 1927 г. Цель совещания определялась как выработка программы для переговоров с СССР по экономическим делам. Основным пунктом претензий состоял в недовольстве итогами товарооборота между двумя странами. «Причина этого неудовлетворительного итога,— говорилось в протоколе,— политическое использование монополии внешней торговли Советским правительством»⁴. После совещания дипломатов с хозяйственниками, продолженного еще и 20 октября 1927 г., в дипломатическом ведомстве была составлена инструкция рейхсминистра послу в Москве, и было предложено начать переговоры⁵. Инициатива Имперского союза германской промышленности была оценена как воля всех промышленников: «Вся организованная германская экономика тем самым стоит за этими пожеланиями». От имени рейхсминистра послу было сообщено, что на пожелание германских промышленников ведомство ответило готовностью провести «дружественный обмен мнениями с Советским правительством».

¹ См. Polit. Archiv. Handel 13, Bl. K234462—K234463.

² Ibid., Bl. K428323—K428326.

³ Ibid., Bl. K428321.

⁴ Ibid., Bl. K428328.

⁵ Ibid., Bl. K428347—K428360.

Предпринимательские объединения представили затем на основе совещаний 18 и 20 октября отдельную памятную записку, в которой обстоятельно изложили свои пожелания¹. Как видно на примере подхода аусамта к инициативе Имперского союза, воля и желание монополий довольно быстро воплощались в дипломатическую акцию. Промышленники были весьма настойчивы в обеспечении своих интересов и в выставлении претензий к СССР, правда, они еще не вполне осознавали, что нормальные равноправные экономические отношения нужны им не менее, чем Советскому Союзу². По указанию из Берлина посол Ранцау начал новые контакты. В отчете от 23 ноября 1927 г. о беседе с наркомом А. И. Микояном посол Ранцау сообщал, что изложил причины недовольства германских деловых кругов. С советской стороны было отмечено, что предоставление лицензии на заказы в 160 млн. рублей затруднено позицией самих германских фирм. Ранцау предложил незамедлительно вступить в переговоры, на это было резонно сказано, что торгпредство в Берлине вполне может вести такие переговоры. «Я возразил на это энергично и заявил, что Германское правительство придает решающее значение направлению авторитетных представителей из Москвы и усмотрело бы в этом доказательство доброй воли Советского правительства». А. И. Микоян обещал взвесить это приглашение³.

К началу 1928 года в дипломатическом ведомстве составили на основе представленных промышленниками претензий программу экономических переговоров с Советским Союзом. Общая цель переговоров определялась как показ советским представителям, что для германской стороны имеется предел в «уступках», что необходимы ответные уступки от СССР. Из конкретных требований выделялись требования паритета в применении наибольшего благоприятствования, большей свободы деятельности германских фирм на советской территории, создание условий для вложения германского капитала, увеличение германского ввоза в СССР и т. п.

В начале 1928 года германская дипломатия поставила вопрос о необходимости обмена мнениями по экономическим проблемам, мотивируя это тем, что в германских деловых кругах обнаруживается «напряженность и разо-

¹ См. Polit. Archiv. Handel 13. Bd. 1, Bl. K428396—K428427.

² Ibid., Bl. K428392—K428395.

³ Ibid., Bl. K234464.

чарование» опытом сотрудничества на основе договора от 12 октября 1925 г. Статс-секретарь Шуберт передал полпреду Крестинскому датированное 20 января 1928 г. экспозе об экономических отношениях Германии и СССР. Германское правительство предложило провести переговоры по толкованию и применению отдельных частей договора 1925 года¹.

Такой обмен мнениями начался в Берлине 11 февраля 1928 г. с участием министров Г. Штреземана и Ю. Курциуса с германской стороны, Я. Э. Рудзутака и Н. Н. Крестинского — с советской. Советские представители поставили вопрос о предоставлении нового кредита, подчеркив возможность размещения в Германии в течение двух лет заказов на сумму в 600 млн. марок. Штреземан ответил, что предоставление 300-миллионного кредита было не так просто для Германии с политической точки зрения, а теперь прибавилось разочарование германских промышленников и в торговом договоре, и в кредите. Заведующий отделом Вальрот подчеркнул, что советский импорт из Германии в 1926 — 1927 годах якобы понизился, несмотря на 300 млн. кредита. На втором заседании Вальрот изложил претензии и причины недовольства германских деловых кругов, которые сводились к следующему: «Во-первых, это политика размещения заказов Советским Союзом и, во-вторых, принципиальная непаритетность взаимных экономических отношений, которая стала нетерпимой»². Одно из основных положений Рапалльского договора — принцип наибольшего благоприятствования — подверглось сомнению с германской стороны, которая с огорчением уяснила для себя: «Свободная торговля кончается на русской границе». Сетования германской стороны шли довольно далеко: советские торговые органы создали свои представительства, транспортные агентства в Германии, «вытеснили» частные германские фирмы из морских перевозок в СССР и т. д. Государственная монополия во внешней торговле СССР не устраивала германских промышленников, и они жаловались именно на это. Советские представители рассматривали 300-миллионный кредит как первый шаг на пути длительного экономического сотрудничества. Новые заказы и одновременные выплаты по

¹ См. «Документы...», т. XI, стр. 59—66, 83—88, 686.

² Polit. Archiv. Abt. IV/Ru. Handel 13, Bd. 2, Bl. K428513, K428514.

кредиту, естественно, могли быть обеспечены при условии налаживания долговременного сотрудничества. Советское правительство готовилось платить по векселям, но новые заказы оно могло делать по новым кредитам. Между советскими и германскими представителями произошла острая полемика о том, является ли 300-миллионный кредит «эпизодом» в советско-германских отношениях, означает ли он перманентное продление кредитов и т. д.

Штресман не отрицал, что 300-миллионный кредит отвечал в свое время и германским интересам, поскольку в стране была сильная безработица, теперь же положение иное... Советская сторона твердо заявила, что в кредитном вопросе настал «поворотный пункт»: новые заказы будут размещены в той стране, которая дает кредиты. Хотя германские дипломаты недоуменно пожимали плечами, фактом оставалась альтернативная постановка вопроса о новых заказах и новых кредитах. Над этим в новой обстановке должны были задуматься германские политики и финансисты. Это было в начале 1928 года, и призраки кризиса еще не пугали буржуазных экономистов, однако соображения конкуренции доминировали в экономических концепциях, и советские дипломаты умело использовали обстановку.

После первых бесед в Берлине по экономическим вопросам советские представители выяснили, что всерьез можно будет говорить о кредите после выборов в рейхстаг. Социал-демократы исходили из неизбежности предоставления Советскому Союзу новых кредитов. Разочарование итогами экономического сотрудничества с СССР было особенно распространено среди промышленников, близко стоявших к «немецкой народной партии», в которую входили Штресман и Курциус. Начавшийся обмен мнениями по экономическим проблемам был прерван германской стороной в связи с арестом германских граждан, причастных к антисоветской деятельности на территории СССР. Советское правительство располагало достоверными сведениями, что еще до ареста немецких специалистов германское правительство было намерено прервать экономические переговоры¹. В середине марта 1928 года переговоры были прерваны германской стороной.

Отношения между СССР и Германией резко обострились. В германской печати развернулась шумная кампа-

¹ См. «Документы...», т. XI, стр. 231.

ния. 14 марта 1928 г. Штреземан пригласил к себе полпреда Н. Крестинского и заявил: «Плохо у нас». Полпред ответил, что поведение германской прессы совершенно нетерпимо. Министр ответил: «Важно не выступление прессы, а настроение промышленников». Германские промышленники, в частности Ф. Дейч и Бюхер (член президиума Имперского союза германской промышленности) заявили, что «АЭГ» намерена отозвать весь персонал из СССР, если вопрос о реабилитации германских специалистов не разрешится быстро.

В обстановке широкой антисоветской кампании в прессе германские дипломаты пытались воздействовать на позицию СССР. Ставший заведующим IV отделом МИД Г. Дирксен, хотя и уверял советских представителей, что «никакая партия и никто в Германии не думает о перемене политической ориентации по отношению к СССР», выразил недовольство деловых кругов: «Вся идея применения иностранного капитала в СССР не оправдала возлагаемых на нее надежд; усиленная индустриализация потерпела полное крушение; предоставляемые кредиты идут на снабжение СССР машинами, никому не нужными и с которыми не умеют обращаться; идея индустриализации оказалась утопичной»¹. Эти настроения германских представителей означали, что классовое озлобление их было так велико, что они желаемое выдавали за действительное и лишали себя возможности реалистически подходить к отношениям с СССР. В этой связи Советское правительство резонно подчеркивало, что отношения между двумя крупными государствами не могут определяться и измеряться проступками и поведением нескольких граждан. М. И. Калинин в июне 1928 года заявил: «Нет, наши отношения не могут базироваться на таких случайных фактах. Поэтому я считаю, что германская пресса взяла неверный тон»². Советское правительство подчеркивало, что, несмотря на виновность привлеченных к суду германских специалистов, оно не намерено как-либо порочить всю германскую промышленность и все германские фирмы, что оно не связывает с этим процессом всю совокупность экономического сотрудничества между двумя странами³.

Политическое положение в Германии в начале 1928 года было довольно напряженным. Советский полпред пи-

¹ «Документы...», т. XI, стр. 282.

² «Известия», 8 июня 1928 г.; «Документы...», т. XI, стр. 360

³ См. «Документы...», т. XI, стр. 360—361.

сал по этому поводу: «Германия живет сейчас интересами внутренней политики. Конфликт между правительственными партиями достиг чрезвычайного напряжения». Прогноз советского посольства был совершенно определенным: «После выборов физиономия германского правительства резко изменится. Нет почти никаких сомнений, что к власти придет большая коалиция»¹.

Выборы в рейхстаг 1928 года проходили в атмосфере антисоветских настроений, которые разжигали буржуазные партии и газеты. Э. Тельман объяснял рабочим в связи с выборами в рейхстаг, что политика германского правительства имеет ясно выраженный враждебный характер по отношению к СССР: «Разве вы не видите, как при помощи новой бесстыдной кампании клеветы против Советской власти в связи с процессом инженеров в Москве предпринимаются дальнейшие шаги по усилению империалистических мероприятий, направленных против Советского Союза»².

В итоге выборов 1928 года к власти в Германии пришло социал-демократическое правительство Г. Мюллера. На выборах в рейхстаг 20 мая 1928 г. КППГ получила 3263 тыс. голосов, на 550 тыс. больше, чем на выборах 7 декабря 1924 г. СДПГ получила примерно 9 млн. голосов, из которых, по оценке Э. Тельмана, 3 млн. были голосами мелкой буржуазии³. Советская печать сдержанно оценивала в этой связи перспективы отношений между двумя странами. «Известия» в передовой статье от 17 июня 1928 г. «Перед новым кабинетом в Германии» отметили, что социал-демократическое правительство представляет себя как сторонника мирного сотрудничества, расширения экономических контактов: «Мы не имеем оснований питать какие-либо иллюзии на этот счет. Однако само собой разумеется, что правительство СССР пошло бы навстречу всякому действительному шагу, который мог бы способствовать укреплению мира и развитию экономических отношений между Германией и СССР»⁴. За три дня до появления этой статьи Г. В. Чичерин отправил инструкцию полпреду выяснить возможность заключения дополнительного пакта или какого-либо политического соглашения, или же экономического соглашения для расширения со-

¹ «Документы...», т. XI, стр. 87—88.

² Э. Тельман, указ. соч., т. 1, стр. 418.

³ Там же, стр. 464.

⁴ «Известия», 17 июня 1928 г.; «Документы...», т. XI, стр. 730.

трудничества. Н. Крестинский ответил, что скептически оценивает выступление с таким предложением¹. Появление статьи в «Известиях» было, таким образом, зондированием почвы для предложений по расширению сотрудничества. В связи с развернувшейся антисоветской кампанией в германской прессе Г. В. Чичерин рекомендовал советскому посольству противодействовать этой кампании лжи, оценивая поведение буржуазных корреспондентов как политическую линию: «Они необычайно последовательно, систематически и самым гнусным образом вводят в заблуждение Германию путем непрерывной лжи и тенденциозной информации». Нарком высказывал опасение, что начинается «большая печатная война между нами и немцами»².

В течение всей первой половины 1928 года отношения между СССР и Германией оставались напряженными, что определялось инспирированной кампанией в германской прессе, а также неблагоприятной позицией германского правительства в отношении польско-литовского конфликта: Советское правительство поддерживало самостоятельность Литвы, тогда как Германия действовала вместе с западными державами в ущерб интересам Литвы³. Не дала положительных результатов и попытка германской дипломатии взять на себя роль посредника в деле приглашения Советского Союза принять участие в пакте Бриана — Келлога⁴. Советское правительство присоединилось к пакту 6 сентября 1928 г. по приглашению французского правительства после подписания и открытия этого договора⁵.

Только к осени 1928 года обстановка позволила возобновить советско-германские экономические переговоры в Москве⁶.

К моменту возобновления экономических переговоров германская статистика отметила тенденцию увеличения товарооборота с СССР и активного сальдо для Германии. В 1926 году германский вывоз в СССР составлял 265,6 млн. марок, ввоз из СССР — 323,3 млн. марок, то есть общий оборот 588,9 млн. марок; в 1927 году он составил соответственно 329,6 млн. и 433,2 млн. марок, то есть

¹ См. «Документы...», т. XI, стр. 386, 730.

² Там же, стр. 390.

³ Там же, стр. 432, 433—434.

⁴ Там же, стр. 436.

⁵ Там же, стр. 487, 503—506.

⁶ Там же, стр. 483.

в сумме 762,8 млн. марок. За 9 месяцев 1928 года вывоз в СССР достиг 311,4 млн., а ввоз из СССР — 273,8 млн. марок. Доля СССР в общем объеме германского экспорта также возрастала (с 2,5% в 1926 до 3,3% в 1928 г.)¹.

В ноябре 1928 года Советское правительство подтвердило готовность вести переговоры по экономическим проблемам и назначило делегацию во главе с Б. Стомоняковым². Германскую делегацию возглавил Поссе. Переговоры были довольно напряженными: германская делегация выдвинула претензии относительно мнимого падения взаимной торговли, однако советская делегация показала, что нет оснований для жалоб. Остро стоял вопрос и о возможности нового кредита³.

Острым вопросом советско-германских отношений в конце 1928 года было присоединение банковской группы Мендельсона к Международному комитету защиты кредиторов России, состоявшееся в Лондоне 23 октября 1928 г. Германские дипломаты заявили, что это частный шаг германских банкиров, предпринятый вопреки воле имперского правительства. В коммюнике агентства «Вольф» в этой связи было отмечено, что этот шаг не повлияет на позицию правительства, которая определяется Рапалльским договором. 31 октября Н. Крестинский был приглашен в аусамт, где ему было заявлено, что шаг группы Мендельсона не означает изменения позиции правительства⁴.

В ходе переговоров в Москве по настоянию советских представителей германская делегация вынуждена была признать, что подобное выступление несовместимо с существующими между обоими государствами отношениями, основанными на договорах. Однако в Берлине воспротивились признанию фактического нарушения Рапалльского договора⁵. В итоге сложных споров по формулировке этого вопроса советская сторона пошла на некоторые уступки, приняла «берлинскую формулу», чтобы не срывать соглашение. В протоколе заключительного заседания советская делегация сделала оговорку, что оставляет за собой право сделать предметом переговоров устранение пре-

¹ J. Kuczyński, G. Wittkowski, op., cit., SS. 58—62.

² См. «Документы...», т. XI, стр. 572—573.

³ Там же, стр. 590—591.

⁴ См. Polit. Archiv. Abt. IV Ru. Akten betreffend: politische Beziehungen zu Deutschland (vom April 1928 bis März 1929), Bd. 12, Bl. 197166

⁵ См. «Документы...», т. XI, стр. 616.

пятствий, мешающих выполнению экономического соглашения¹.

Переговоры в Москве с ноября по декабрь 1928 года касались, таким образом, выполнения экономического соглашения от 12 октября 1925 г., в особенности обязательства сторон по взаимному расширению торговли. 21 декабря 1928 г. был подписан советско-германский протокол по экономическим вопросам: по порядку въезда и выезда граждан, таможенным формальностям, судоходству, подсудности по торговым делам и т. п.² Главное, что было зафиксировано вновь,— это то, что основой экономических отношений остается договор 1925 года и признание советской монополии внешней торговли. Несколько позже, 25 января 1929 г., в Москве было подписано еще одно соглашение — конвенция о третейском разбирательстве. Она предусматривала регулирование споров по толкованию двусторонних договоров, определяла порядок работы третейских комиссий.

Таким образом, хотя в 1928 году ряд неблагоприятных факторов оказал влияние на советско-германские отношения, возникшие в экономическом сотрудничестве проблемы получили частичное решение. В экономических отношениях имелись объективные трудности. К тому же германские деловые круги выдвигали ряд условий развития экономических отношений, однако в целом торговые отношения расширялись. В экономических и политических отношениях между СССР и Германией уже к началу 1929 года проявились взаимные претензии и противоречия, которые определялись различием классовых целей двух государств. Однако национальные интересы Советского Союза и Веймарской республики совпадали в ряде пунктов, и продолжение рапалльской политики было возможно.

¹ См. «Известия», 25 декабря 1928 г.; «Документы...», т. XI, стр. 751.

² См. «Документы...», т. XI, стр. 623—626.

ОТНОШЕНИЯ СССР И ГЕРМАНИИ В ГОДЫ МИРОВОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО КРИЗИСА

Кризис в Германии и рапалльский курс

Мировой экономический кризис 1929 — 1933 годов был огромным потрясением всей капиталистической системы, особенно таких крупных индустриальных держав, как США, Англия, Франция и Германия. Резко сократился общий объем мировой торговли. Кризис перепроизводства в Германии усугублялся тем, что германская индустрия не имела (подобно колониальным империям) своей сферы политического господства, источников сырья и сбыта продукции. На протяжении десятилетия германский народ находился под репарационным бременем. Платежеспособный спрос на товары внутри страны был ограниченным. Избыток промышленных товаров вел к свертыванию их производства и катастрофическому росту безработицы. К концу 1930 года число безработных в Германии достигло 4,6 млн. человек (что составляло $\frac{1}{3}$ всего рабочего класса)¹.

Осенью 1929 года разрушительное влияние кризиса на хозяйство Германии стало очевидным. Советское торговое представительство в информационном письме в начале 1930 года обстоятельно характеризовало последствия кризиса для отдельных отраслей уже за первые месяцы². Кризис поразили такие отрасли германской промышленности, как угледобывающая, металлургическая, машиностроительная, химическая, электротехническая и судостроительная. Промышленное производство в Германии в 1930 году сократилось³ в сравнении с 1929 годом до 89%, в 1931 — до 72% и в 1932 году до 60%.

¹ J. Kuczynski, G. Wittkowski, op. cit., S. 65.

² См. О. П. Муравьев, О политике германского империализма в отношении СССР в начале мирового экономического кризиса 1929—1930 гг., «Ученые записки МГПИ», М., 1964, № 205, стр. 37.

³ См. «Мировые экономические кризисы. 1848—1935», т. I, М., 1937, стр. 402—405.

Трудности экономического положения Германии к началу 30-х годов усугублялись усилением репарационного пресса. На совещаниях экспертов семи стран в Париже в феврале — июне 1929 года был выработан новый репарационный план, который должен был заменить действовавший в течение ряда лет «план Дауэса». Этот план был рассмотрен на конференциях в Гааге (август 1929 г. и январь 1930 г.), утвержден и получил название (снова по имени американского эксперта) «план Юнга»¹. Германские коммунисты, отвергая новый репарационный план, отмечали его антисоветскую направленность. Э. Тельман подчеркивал, что этот план не дает никаких облегчений германскому народу, еще более усиливает зависимость Германии от международного финансового капитала².

Тенденция германских монополистических кругов сводилась к тому, чтобы при урегулировании репарационных проблем в торге с Англией и Францией во все большей степени использовать свою готовность принести в жертву сложившиеся отношения с СССР и встать на путь военных угроз в адрес Советского Союза. На XII съезде КПП было отмечено: «В международном масштабе как германская, так и мировая буржуазия пришла к выводу, что решение репарационной проблемы следует искать в войне против Советского Союза, в капиталистическом освоении территории Советского Союза». Имея в виду наметившуюся тенденцию империалистических держав к единому фронту против СССР, Э. Тельман еще летом 1928 года говорил: «Конечно, все это не исключает возможности, что германское правительство временно предоставит Советскому Союзу кредиты, не исключает это также и того, что экономический договор между Советским Союзом и Германией останется в силе еще длительное время»³.

В исторической литературе отмечается определенное охлаждение в отношениях между Германией и СССР начиная с 1929 года. При этом буржуазные мемуаристы и историки связывают его с якобы имевшим место изменением курса советской внешней политики, в частности с выдвиганием «западника» М. Литвинова вместо «германиста» Г. В. Чичерина. Если в это время и имело место

¹ См. «План Юнга и Гаагская конференция 1929—1930 гг. Документы и материалы», М., 1931; «Документы...», т. XII, стр. 733.

² См. Э. Тельман, Избранные статьи и речи, т. II, М., 1958, стр. 50.

³ Там же, стр. 50—51.

заметное охлаждение отношений между двумя странами, то причины были, конечно, не персонального порядка. Смерть Брокдорфа-Ранцау и Г. Штреземана или болезни Г. В. Чичерина, выдвижение Ю. Курциуса, Г. Дирксепа или М. Литвинова могли способствовать активизации или торможению в проведении рапалльского курса. Однако причины ухудшения отношений были гораздо глубже: классовые интересы германской буржуазии и классовые интересы пролетариата продолжали обостряться. Реакционные правящие круги, при поощрении которых набирали силу националистические и нацистские силы в Германии, прогоняли откровенно антикоммунистическую политику внутри страны и все более скатывались на антисоветский курс во внешней политике. В этом была коренная причина ухудшения советско-германских отношений.

С другой стороны, успехи индустриализации и строительства социализма в СССР создавали условия не только для укрепления позиций первого в мире социалистического государства, но и для активной поддержки мирового революционного движения. Советский Союз никогда не скрывал своей солидарности с борьбой трудящихся против капитализма. По мере роста сил социализма, естественно, усиливалась солидарность Советской страны с рабочим классом капиталистических стран, в частности с германским пролетариатом. Это вызывало озлобление и враждебность значительной части германских крупных капиталистов.

Германия еще не решила своих внешнеполитических и внешнеэкономических проблем, связывавших ее со странами Запада: репарационное бремя продолжало тяготеть над Германией, «план Юнга» не освободил ее от репарационного пресса, широкого доступа к западным рынкам германская промышленность не получила, и советский рынок продолжал оставаться для нее жизненной необходимостью. Словом, классовые позиции германской буржуазии определяли ориентацию внешней политики на Запад, национальным же интересам отвечало сохранение добрых отношений с Советским Союзом. Национальные, в первую очередь экономические, интересы Германии не давали возможности полностью и окончательно порвать с рапалльским курсом и тем более с обязательствами по Берлинскому договору. Мировое сосуществование СССР и Германии начиная с 1929 года приобрело характер не столько добрососедского сотрудничества, как было преду-

смотрено буквой и духом Рапалльского договора, сколько открытой классовой конфронтации. Экономическое сотрудничество двух стран все более приобретало черты вынужденного компромисса, чем проявления доброй воли. Но поскольку мирное сосуществование и есть специфическая форма классовой борьбы, постольку Советский Союз продолжал предпринимать шаги для поддержания нормальных дипломатических отношений, не поступаясь ни национальными интересами социалистического государства, ни интернациональными интересами рабочего класса.

Почему же германские правящие круги не могли отказаться от продолжения экономического сотрудничества? Кроме отмеченных выше непосредственных соображений они имели в виду объективно обусловленную экономическую взаимосвязь двух крупнейших государств Европы. Правящие круги германской буржуазии питали надежды на реставрацию капитализма в СССР. Незадолго до смерти Г. Штресман писал 19 марта 1929 г. социал-демократу Паулю Лебе: «Я не очень высоко ценю наши отношения с Советской Россией, однако она остается все-таки козырем в нашей игре, и может прийти время, когда в связи с Германией, которой, к сожалению, для действий в одиночку не хватает капиталов, произойдет возрождение России, которая может приобрести для нас народнохозяйственное значение»¹.

В январе 1929 года в Москву приехал назначенный (после смерти графа Брокдорфа-Ранцау) послом в СССР Герберт фон Дирксен, возглавлявший до этого восточный отдел дипломатического ведомства. 8 января 1929 г. в Большом Кремлевском дворце посол вручил свои верительные грамоты Председателю ЦИК СССР М. И. Калинину. При вручении верительных грамот Дирксен заявил М. И. Калинину, что намерен действовать в духе своего предшественника на посту посла в Москве². «Общее впечатление от всей аудиенции было вполне хорошим. Обоюдное желание дружественных и сердечных отношений было выражено в ясных словах и было в известном смысле претворено на деле проведением Недели немецкой техники»³, — сообщал Дирксен свои первые наблюдения.

¹ Цит. по А. A n d e r l e, op. cit., S. 222.

² См. «Известия», 9 января 1929 г.; «Документы...», т. XII, стр. 693.

³ Polit. Archiv. Abt. IV. Ru/Po. 2. Akten betreffend: politische Beziehungen Russlands zu Deutschland, Bd 12 (vom April 1928 bis März 1929), Bl. 253256.

В дипломатическом ведомстве Германии в конце января 1929 года состоялось обсуждение вопроса о возобновлении переговоров с советскими представителями по тарифному соглашению. Было принято решение «поручить послу в Москве фон Дирксену выяснить у Советского правительства, каковы в деталях пожелания русских относительно таможенно-тарифного соглашения»¹. Германские дипломаты исходили из того, что соглашение по таможенным тарифам исключено, если не будут сделаны «встречные» уступки.

Новый германский посол в Москве рассматривал «дружественные отношения с Советским правительством» как необходимость. В одном из писем статс-секретарю Бернхарду фон Бюлову Дирксен, подобно Штреземану, свой подход к СССР ставил в зависимость от дипломатической игры с западными державами. «Я хотел бы,— писал Дирксен,— лишь еще раз подчеркнуть, что ценность этих отношений не исчерпывается регулированием политических отношений в Восточной Европе, особенно отношений к Польше. Дружественные отношения с Россией дают нам в руки и в отношении западных держав козырь, который не следует недооценивать»². Германский посол видел, что даже малейшее охлаждение отношений с СССР вызывало злорадство западных держав, точно так же как акты сближения вызывали неприкрытое недовольство западных правительств.

Первые шаги Дирксена в Москве были обнадеживающими. С 8 по 14 января 1929 г. в СССР была проведена Неделя германской техники, организованная советско-германским Обществом по культуре и технике, почетным председателем которого был Альберт Эйнштейн. На открытии Недели член коллегии НКВД СССР Б. С. Стомонов отметил значение сотрудничества в культурной, научной и технической областях в комплексе отношений Германии и СССР. «Заяв среди всех стран первое место в товарообмене с СССР, Германия занимает также первое место и в обмене культурными ценностями с нашей страной»³, — заявил оп. Посол фон Дирксен сказал, что индустриализация СССР вызывает живейший интерес в широ-

¹ Polit. Archiv. Abt. IV Ru/Po. 2. Akten betreffend: deutsch-russische Wirtschafts-und Zolltarifverhandlungen. Handel 13 (vom Februar 1929 bis Dezember 1931), Bd. 1, Bl. K428754.

² Цит. по A. Anderle, op. cit., S. 222.

³ «Документы...», т. XII, стр. 13.

ких общественных кругах Германии. Он попытался рассеять мнение, что «в Германии якобы еще существуют влиятельные круги, с недоброжелательством следящие за индустриализацией Советского Союза», «что индустриализация СССР противоречит экономическим интересам Германии»¹. Культурные связи СССР и Германии развивались в широких масштабах: в 1929 году на территории Германии было проведено девять советских выставок; Советский Союз принял участие в международной выставке кинематографии в Штутгарте; развивалось сотрудничество в области искусства².

25 января 1929 г. в Москве была заключена конвенция о согласительной процедуре между СССР и Германией. В преамбуле конвенции отмечалось желание сторон содействовать развитию существующих дружественных отношений, а также обусловленность этого соглашения обменом нот от 24 апреля 1926 г. Для разрешения всякого рода споров, особенно возникающих при толковании двусторонних договоров, если не удастся их урегулировать по дипломатическим каналам, принята была согласительная процедура — рассмотрение в согласительной комиссии. В конце марта 1929 года обе стороны ратифицировали конвенцию, 12 апреля 1929 г. в Берлине состоялся обмен ратификационными грамотами³.

Один из первых отчетов германского посольства после приезда Дирксена в Москву касался происходивших тогда переговоров Советского Союза с Польшей, Румынией, Эстонией и Латвией о заключении совместного протокола об отказе от войны. Известно, что СССР присоединился к Парижскому договору 1928 года, получившему название пакта Бриана — Келлога, и предложил соседним государствам подписать протокол о досрочном введении в действие пакта об отказе от войны. Это обеспокоило германскую дипломатию. В первой же беседе по прибытии в Москву 7 января 1929 г. Дирксен выразил Литвинову недовольство тем, что СССР сделал предложение Польше и другим соседям и тем самым усиливает их позиции⁴. Германское правительство было обеспокоено тем,

¹ «Документы...», т. XII, стр. 15.

² Там же, стр. 731.

³ См. «Внешняя политика СССР», т. III, М., 1945, стр. 290—292; «Документы...», т. XII, стр. 44—47.

⁴ См. Polit. Archiv. Büro Reichsminister. Akten betreffend: Russland, Bd. 21, Bl. D560113.

что Польша благодаря досрочному введению в действие пакта Бриана — Келлога получает от СССР тыловое прикрытие¹. Ситуация требовала немедленного вступления в силу пакта Бриана — Келлога и на Западе. Инициатива Советского Союза по досрочному введению в действие пакта являлась реально-политическим шагом, а не пропагандистским маневром. По существу, намечался переход к политике коллективной безопасности. Советское правительство делало реальные шаги для сближения с Польшей, однако правящие круги Польши шли на это лишь в силу крайней необходимости. Советские дипломаты учитывали, что Польша может и не принять предложение, но обстоятельства заставили ее сделать этот шаг: она согласилась присоединиться к протоколу. На упреки германских дипломатов в том, что о предложении польскому правительству они не были заранее извещены, с советской стороны резонно было замечено, что Советский Союз тоже не был своевременно оповещен о предложении Келлога².

Протокол о досрочном введении в действие Парижского договора от 27 августа 1928 г. об отказе от войны был подписан в Москве 9 февраля 1929 г. представителями СССР, Эстонии, Латвии, Польши и Румынии. Затем к протоколу присоединились Литва, Иран и Турция. Дипломатические документы свидетельствуют, что досрочный протокол оказался стимулом для Германии добиваться скорой ратификации и введения в силу пакта Бриана — Келлога.

Весной 1929 года отношения между СССР и Германией продолжали развиваться в нормальных сложившихся к этому времени рамках. В апреле в Советском Союзе находилась делегация деловых кругов Восточной Пруссии, которые проявляли повышенный интерес к экономическим связям с СССР, поскольку через Кёнигсберг шли транзитные потоки товаров³. 12 апреля делегация была принята наркомом внешней торговли СССР А. И. Микояном. В итоге поездки делегация представила прусскому правительству обстоятельный «Отчет о поездке в Россию», который позитивно оценивал прием, оказанный делегации в Москве. В отчете говорилось: «Одно следует признать: господству-

¹ См. Polit. Archiv. Büro Reichsminister. Akten betreffend: Russland, Bd. 21, Bl. D560116—D560117.

² См. «Документы...», т. XII, стр. 37—39.

³ См. «Известия», 7 апреля 1929 г.; «Документы...», т. XII стр. 694.

ющая в настоящее время система добилась того, что преодолела состояние самого ужасного хаоса, какого не знала ни одна страна в мировой истории нового времени, и установила в стране порядок. В России не только политизируют, но и несомненно также работают...»¹.

В германских правящих кругах ни одна партия не решалась открыто выступать против развития отношений с СССР, учитывая настроения и деловых кругов, и широких масс народа. Полпред Н. Крестинский в середине апреля 1929 года так оценивал состояние германского правительства: «Внутренний правительственный кризис в Германии разрешился наконец тем, что центровики согласились войти в правительство, и в настоящее время правительство, не являясь формально правительством большой коалиции, включает в свой состав представителей всех партий большой коалиции»². В состав правительства входили четыре социал-демократа (Г. Мюллер, Гильфердинг, Зеверинг, Виссель), три представителя Центра (Штегервальд, Вирт, Герард), два члена «народной партии» (Штреземан и Курциус), один от демократической партии (Дитрих), кроме того, один беспартийный (Гренер) и от «баварцев» (Шетцель). В оппозиции к правительству была правая «дойч-национале» во главе с Гугенбергом. «С точки зрения устойчивости нынешних советско-германских отношений кабинет от его реорганизации к худшему не изменился. Та позиция, которую сейчас занимают центровики, является оппозицией к Штреземану не за восточную половину его политики, а за излишний западный уклон. Поэтому приход центровиков скорее усилил, чем ослабил стабильность восточного уклона германской внешней политики»³, — резюмировал полпред свои суждения.

Между тем в политике германской буржуазии все более проявлялись враждебные Советскому Союзу тенденции. К 1929 году широкой общественности стало известно, что в Германии действует группа русских белоэмигрантов, занимавшихся изготовлением фальшивых «документов» с целью опорочить Советский Союз и нанести ущерб его связям с другими государствами. Возглавлял эту банду фальсификаторов сотрудник бывшей царской охраны Владимир Орлов. Преступники были арестованы в конце февраля

¹ Цит. по А. Anderle, op. cit., S. 221.

² «Документы...», т. XII, стр. 164.

³ Там же, стр. 165.

и преданы суду. На процессе, проходившем с 1 по 11 июля 1929 г., вина подсудимых была доказана, однако приговор был вынесен весьма мягкий: их обвиняли только в подлоге «важных частных документов, соединенном с мошенничеством»¹. Орлову и его сообщнику было зачтено предварительное заключение, и после суда они были освобождены.

Советская общественность была возмущена таким исходом процесса, необъективностью в оценке преступной деятельности врагов Советского государства. «Известия» 13 июля 1929 г. так характеризовали фактическое значение исхода процесса: «Приговором суда получили поощрение белогвардейцы, террористы, фальсификаторы, шпионы и вся эмигрантская свора. Этот факт не является ни частным делом, ни только делом германской государственности. Он глубоко затрагивает германо-советские отношения и имеет даже международно-политическое значение, поскольку работа этой банды неоднократно отравляла отношения к Советскому Союзу также и других государств»².

Советское правительство по дипломатическим каналам указало на серьезную опасность, которую таит в себе для советско-германских отношений исход процесса Орлова. Оно потребовало высылки из Германии замешанных в деле эмигрантов, осуждения германским правительством сотрудничества с эмигрантскими кругами. Посол Дирксен 22 июля 1929 г. сделал заявление Советскому правительству, что германское правительство приняло меры в духе пожеланий советской стороны. В связи с этим коллегия НКВД приняла 2 августа 1929 г. решение: «Признать удовлетворительными объяснения германского правительства по делу Орлова и считать конфликт исчерпанным»³.

Весной 1929 года по инициативе германских дипломатов начался обмен мнениями о возможности предоставления нового кредита Советскому Союзу. Посол Дирксен 12 апреля на приеме в германском посольстве предложил Б. С. Стомопякову и наркому А. И. Микояну приступить к переговорам по новому кредиту. В предварительной беседе с послом Б. С. Стомопяков отметил, что среди советских хозяйственников имеется тенденция отдать предпочтение американской технике, да и условия поставок США дают

¹ «Документы...», т. XII, стр. 742.

² «Известия», 13 июля 1929 г.; «Документы...», т. XII, стр. 742.

³ «Документы...», т. XII, т. XII, стр. 743.

более благоприятные. «Для нас на первом плане стоит сотрудничество с дружественной нам Германией. Само собой разумеется, что это сотрудничество возможно только при предоставлении нам со стороны Германии достаточно выгодных цен и кредитных, технических и иных условий»¹. А. И. Микоян подчеркнул, что сдержанность советской стороны в отношении кредитов объясняется враждебной пропагандой, имевшей место в германской прессе, относительно хозяйственного положения СССР, особенно относительно его платежеспособности. Германский посол заверил, что ни в правительстве, ни в хозяйственных кругах нет сомнений в платежеспособности СССР. «В Германии очень ценят ту осторожность, с которой составляются наши внешне-торговые планы, и знают, что наши платежи всегда обеспечены»², — записал Б. Стомоняков слова Г. Дирксена. Подробно охарактеризовав экономические возможности и планы СССР, А. И. Микоян заявил Дирксену, что Советский Союз будет стремиться покупать за наличный расчет и принимать только выгодные условия кредита. «Тяжелых и невыгодных кредитов мы больше брать не будем», — подчеркнул А. И. Микоян. В итоге беседы было согласовано, что Б. Стомоняков и приехавший в Москву Шлезингер приступят к обмену мнениями. После обмена мнениями в апреле 1929 года стороны вернулись к переговорам по новому кредиту или займу только лишь осенью, поскольку ряд событий вновь обострил отношения между двумя странами.

День 1 мая 1929 г. — традиционный праздник интернациональной солидарности рабочего класса — отмечался в Советском Союзе обычно. В Москве и других городах страны прошли демонстрации трудящихся. Готовились к первомайской демонстрации и рабочие Германии. Однако полицией-президент Берлина Цергигель издал приказ, запрещающий проведение демонстрации, и это усилило пакал классовой борьбы пролетариата. Немецкие рабочие вышли на улицы городов. В Берлине полиция расстреляла демонстрацию, имелись жертвы.

На параде, состоявшемся на Красной площади в Москве, К. Е. Ворошилов выступил с речью³, в которой сказал о международном движении солидарности рабочего класса

¹ «Документы...», т. XII, стр. 143.

² Там же, стр. 144.

³ См. «Известия», 2 мая 1929 г.

и о напряженной классовой борьбе в странах капитала. Речь К. Е. Ворошилова больше всего не понравилась германским официальным властям и реакционной прессе. «Дойче Цайтунг» 2 мая напечатала корреспонденцию под названием «Официальная травля в Москве», газета «Темпо» поместила статью «Пересмотр отношений с Россией». Германские газеты развернули широкую антисоветскую кампанию.

Под впечатлением расстрела германской полицией демонстрации рабочих в Берлине прошли собрания протеста в различных городах Советского Союза.

В ночь с 1 на 2 мая 1929 г. посол Дирксен отправил в Берлин донесение относительно речи К. Е. Ворошилова на Красной площади и карикатурного изображения в колоннах демонстрантов германских министров, полагая, что по этому поводу необходимо сделать официальные представления¹. Министр Штреземан в ответ на донесение Дирксена 2 мая 1929 г. подтвердил, что оценивает речь К. Е. Ворошилова как «вмешательство» во внутренние дела Германии. Майский инцидент вызвал в отношениях двух государств кризис, улаживание которого потребовало двух месяцев. Подводя итог газетной кампании и дипломатических демаршей, немецкие правительственные сферы вынуждены были констатировать полное отсутствие каких-либо доказательств влияния «руки Москвы» на майские события в Германии. В секретной записке 30 июня 1929 г. было отмечено: «К этому следует заметить, что ни одного доказательства участия советских органов в берлинских событиях, ни непосредственного побуждения к этому путем воздействия из России не могло быть приведено»². Только в конце июня 1929 года германские официальные инстанции уgomонились и сочли, что инциденты улажены и «временное омрачение» советско-германских отношений преодолено³. После преодоления майского инцидента дипломаты вновь вернулись к вопросам делового сотрудничества.

Германское правительство еще весной 1929 года уведомило Советское правительство, что до окончательного урегулирования репарационного вопроса оно не сможет возобновить переговоры по кредиту. В то же время германские

¹ См. Polit. Archiv. Abt. IV Ru/Po. 2. Akten betreffend: 'politische Beziehungen Russlands zu Deutschland, Bd. 13, Bl. 010—011.

² Ibid., Bl. 015.

³ Ibid., Bl. 029—032.

промышленники выражали недовольство тем, что советские хозяйственные органы размещают заказы в США¹.

Германские дипломаты понимали, что замораживание переговоров и связанное с этим «молчаливое и недоверчивое выжидание» Советского правительства могут означать «тяжелый ущерб» их политическим и экономическим интересам². Дирксеп считал необходимым возобновить переговоры не позже октября 1929 года, поскольку дальнейшая затяжка не будет понятна, тем более что замораживание переговоров с СССР было связано с переговорами на Западе и введением в действие «плана Юнга». Германское посольство 14 июня 1929 г. было оповещено из Берлина, что переговоры по кредиту могут возобновиться только тогда, когда выяснится судьба «плана Юнга», то есть не ранее сентября³.

Конфликт на КВЖД в Маньчжурии и обострение обстановки на Дальнем Востоке летом — осенью 1929 года также оказали определенное влияние на состояние советско-германских отношений⁴. 18 июля 1929 г. Б. Стомоняков информировал Дирксена о ситуации на Дальнем Востоке и просил принять на себя защиту советских интересов в Китае. В тот же день германские власти дали согласие на подобную же просьбу китайского правительства⁵.

Буржуазные круги Германии подчеркивали благожелательность к китайским интересам. Позиция Германии в ситуации, когда СССР оказался втянутым в конфликт на Дальнем Востоке, показала, что уже в это время германские правящие круги толковали определенный Берлинским договором нейтралитет отнюдь не как благожелательный к СССР. Холодная сдержанность и даже готовность оказать воздействие на позицию СССР пронизывают действия германских правящих кругов. Имперский союз германской промышленности, например, устроил прием в честь китайского посланника, где произносились речи об «общности судьбы» Германии и Китая и т. п. Представления советских дипломатов в этой связи были отклонены со ссылкой на нейтралитет. В дописаниях Дирксена о беседах с советскими представителями появилась (27 июля 1929 г.) симп-

¹ См. Polit. Archiv. Abt. IV Ru/Po. 2, Bd. 13, Bl. 331/197305—306.

² См. Polit. Archiv. Abt. IV Ru/Handel 13, Bd. 4, Bl. K428774.

³ См. Polit. Archiv. Büro Reichsminister, Bd. 21, Bl. D560325.

⁴ См. «Документы...», т. XII, стр. 380—386.

⁵ См. Polit. Archiv. Büro Reichsminister, Bd. 21, Bl. D560444.

томатическая фраза: «Беседа кончилась, как всегда в подобных случаях, без позитивного результата»¹.

В конце июля 1929 года Берлин информировал свои посольства в Лондоне, Париже, Риме и Москве, что государственный секретарь США Стимсон вручил 25 июля послам Англии, Франции, Италии, Японии и Германии доверительную памятную записку с предложением вмешаться в советско-китайский конфликт для «беспристрастного разбирательства»². Германское правительство не отклонило сразу инициативу США и оговорило возможность изучить это предложение³.

Посольство в Москве должно было сообщить в Берлин свое мнение, не вступая с советскими представителями по этому поводу в контакт. 5 августа Дирксен срочно и секретно информировал Берлин, что Советское правительство выразило свое недовольство тем, что германская дипломатия не информировала его о предложении Стимсона об «интернационализации» КВЖД, которое стало известно в Москве. Германские дипломаты не нашли что ответить, кроме как сослаться на «обет молчания» — секретность предложения США. Советский представитель заявил Дирксену, что «участие Германии в тайных переговорах против нас произвело в наших правительственных кругах исключительно неблагоприятное впечатление»⁴.

После статьи в «Известиях»⁵ германская дипломатия проявила готовность «строго доверительно» информировать Советское правительство. Дирксен информировал НКВД, что германское правительство уклонилось от принятия предложений Стимсона, так как оно считает целесообразными непосредственные переговоры СССР и Китая. 8 августа он официально подтвердил отклонение Германией инициативы Стимсона⁶.

В связи с репрессиями китайских властей в отношении советских граждан Советское правительство одновременно с заявлениями протеста 6 сентября и 28 сентября 1929 г. вынуждено было обратиться с нотой к германскому посольству в СССР, чтобы Германия как страна, взявшая на себя

¹ Polit. Archiv. Büro Reichsminister, Bd. 21, Bl. D560484.

² «Документы...», т. XII, стр. 449.

³ См. Polit. Archiv. Büro Reichsminister, Bd. 21, Bl. D560448—D560452.

⁴ «Документы...», т. XII, стр. 438—440.

⁵ См. «Известия», 6 августа 1929 г.

⁶ «Документы...», т. XII, стр. 444—446, 448—452, 694.

защиту советских интересов, приняла меры для защиты советских граждан в Китае¹.

Отношения между СССР и Германией с весны 1929 года в целом были довольно напряженными. Хотя в связи с конфликтом на КВЖД германская дипломатия взяла на себя защиту советских интересов в Китае, одновременно были предприняты попытки давления на Советский Союз².

В конце сентября 1929 года германская дипломатия пришла к выводу, что ее «техническое посредничество» в советско-китайском конфликте наносит ущерб отношениям с обеими странами, особенно отношениям с Советским Союзом. Германия осознала, что может пострадать ее престиж, и стала содействовать скорейшему окончанию конфликта³.

Дальнейшее ухудшение отношений между СССР и Германией усугублялось активностью антисоветских кругов в Германии. Советские представители 26 сентября 1929 г. потребовали объяснения по поводу деятельности и выступлений германского промышленника и публициста Рехберга, депутата Кетенне и генерала фон дер Липпе. Печать связывала эти имена с переговорами реакционных кругов Запада о создании антисоветского фронта. Германские дипломатические документы⁴ свидетельствуют, что представление советской дипломатии имело основания. Из записи беседы Штреземана с Брианом от 5 марта 1929 г. в Женеве следует, что Рехберг обращался к французским государственным деятелям Пуанкаре, Пенлеве и Бриану с планом антисоветского военного блока Франции, Англии и Германии. Пуанкаре и Пенлеве приняли Рехберга в сопровождении «одного германского генерала», выслушали план военного союза против СССР и, по словам Бриана, не отклонили его. Бриан посоветовал Пуанкаре сообщить об этом германскому послу в Париже Хешу, что тот и сделал. Рехберг в то же время встречался с английским послом Тюреллем. Штреземан подчеркнул в беседе с Брианом, что Рехберг не имел полномочий вести такие переговоры, что Германия не в состоянии участвовать в военном походе против СССР. Германский министр оценил план военного

¹ См. «Документы...», т. XII, стр. 485—486, 528—529.

² См. Polit. Archiv. Büro Reichsminister. Akten betreffend: Russland, Bd. 21, Bl. D560624.

³ См. Polit. Archiv. Büro Reichsminister, Bd. 22, Bl. D560746—D560749.

⁴ Ibid., Abt. IV. Ru/Po. 2, Bd. 14, Bl. K197326—K197328.

похода против СССР как план таскания из огня каштанов для русских эмигрантов¹. Штреземан информировал посольство в Москве телеграммой от 1 июня 1929 г., что Рехберг и граф Липпе были приняты в Париже Пуанкаре и Пенлеве, что Бриан уклонился от встречи. Официальные германские круги отмежевались в этот момент от инициативы А. Рехберга².

Для линии реакционных кругов германской буржуазии характерно в этот период стремление готовить антисоветский фронт, не вовлекая формально до поры до времени официальных представителей правительства. Германское же правительство, постоянно подчеркивая свою неподготовленность к войне, прикрывало фактическое усиление германского империализма. В одной из бесед с советским полпредом Г. Штреземан незадолго до смерти сетовал на то, что в советской печати пишут о германском империализме, в частности в связи с 1 августа, началом первой мировой войны. Н. Крестинский записал, как выразился Штреземан: «Он как-то жалобно посмотрел на меня и спросил: ну, какой у нас в самом деле империализм?»³.

В условиях углублявшегося экономического кризиса германские правящие круги хотели использовать возможности советского рынка, продолжая в то же время линию на охлаждение отношений и ослабление политических обязательств.

В конце октября 1929 года посол Дирксен, как бы подводя итог деятельности за год, представил статс-секретарю «Записку о нынешнем состоянии германо-русских отношений и возможностях их развития». Эта секретная записка примечательна как документ, в котором излагались мотивы германской политики в отношении СССР. Дирксен считал, что внутренняя необходимость дружественной к России политики Германии не нуждается в обосновании. Она основывается на общем интересе к вопросам восточно-европейской политики, общем интересе в международных вопросах, таких как разоружение, необходимости быть в нормальных отношениях с государством таких огромных масштабов, как Советский Союз. Установку, из которой исходил посол Раппау, — общность судьбы народов — его преемник считал «романтической концепцией» и полагал,

¹ См. Polit. Archiv. Büro Reichsminister, Bd. 21, Bl. D560224—D560228.

² Ibid., Bl. D560318.

³ «Документы...», т. XII, стр. 436.

что настало время строить отношения на «реальной основе». Этапами развития дружественных отношений были Рапалльский договор, торговый договор от 12 октября 1925 г., Берлинский договор и, наконец, соглашение о согласительной процедуре. «О расширении этих договорных основ в союз не может быть и речи», — заключал Дирксен. Политическую цель германский посол видел в том, чтобы противодействовать коммунизму и «революционным экспериментам» внутри страны, попытаться «сблизить» Россию с Западом¹.

Германская дипломатия была вынуждена считаться с международным авторитетом Советского Союза, который стал мощным фактором европейской и мировой политики. Сохранение добрососедских отношений между двумя странами отнюдь не было платой за экономические выгоды: оно стало жизненной потребностью для обеих стран. Германский посол понимал, что преимущества германской промышленности в освоении советского рынка относительны и временны. «Германия имеет еще в настоящее время — на короткий период — большое преимущество в России в сравнении с другими странами в хозяйственной и культурной областях. Это преимущество уменьшается ежедневно вместе с развитием отношений России с Англией и растущим интересом к ней Америки; реален также поворот Франции при левом кабинете». В целях поддержания экономической активности Дирксен считал целесообразным возобновление 300-миллионного кредита².

Вопрос о новом кредите или займе германская дипломатия хотела, видимо, использовать для того, чтобы поддерживать интерес советских хозяйственных органов к размещению заказов на промышленные изделия в Германии. Между тем советские внешнеторговые организации широко использовали возможности сотрудничества и с другими странами. В декабре 1929 года германская дипломатия вновь вернулась к вопросу о кредите. 11 декабря посол Дирксен в беседе с наркомом А. И. Микояном попытался дать объяснения, почему апрельские кредитные переговоры оказались нереализованными: во-первых, Германия испытывала затруднения в связи с переговорами по «пла-

¹ См. Polit. Archiv. Büro Reichsminister, Bd. 22, Bl. D560829—D560830; A. A n d e r l e, op. cit., S. 223.

² См. Polit. Archiv. Büro Reichsminister, Bd. 22, Bl. D560833—D560834.

ну Юнга», во-вторых, в связи с тяжелым финансовым положением хозяйства¹. «Германское правительство усугубило бы тяжесть своего положения, если бы в период обсуждения «плана Юнга» пошло па предоставление СССР займа», — заявил Дирксен. Германские хозяйственные круги были обеспокоены тем, что советское торгпредство требует больших кредитов и снижения закупочных цен, что советский экспорт якобы становится «опасным для германской промышленности», что советские внешнеторговые организации вытесняют германские страховые и транспортные фирмы из торговли с СССР. Раздражение германских промышленников вызывала передача советских заказов фирмам других стран. Для преодоления возникших затруднений германская сторона считала необходимой поездку хозяйственной делегации в Москву.

Нарком А. И. Микоян обстоятельно ответил на поставленные послом вопросы и выдвинул обоснованные контрпретензии. Прежде всего было резонно отмечено, что предложенные самими германскими дипломатами переговоры по кредиту были ими же заморожены и теперь, спустя 8 месяцев, даются ответы на вопросы, поставленные еще тогда. «В предоставлении кредитов не заинтересовано одно только Советское правительство: германское правительство, поскольку оно стремится увеличить свой экспорт, заинтересовано в кредитной акции не меньше, чем Советский Союз»², — подчеркнул А. И. Микоян. Причина сетований германских капиталистов на советские внешнеторговые организации заключалась в их враждебном отношении к самому принципу монополии внешней торговли. Передача советских заказов другим странам объяснялась не политическими, а чисто экономическими соображениями. Например, оказалось целесообразнее заказывать оборудование для автомобильных и тракторных заводов не в Германии, а в США. В то же время А. И. Микоян отметил взаимную заинтересованность в торговых отношениях, подчеркнув, что СССР не может давать гарантии активного сальдо всем странам, поскольку стране самой необходим активный торговый баланс. В связи с активностью баланса торговли с Германией по итогам года А. И. Микоян заявил: «Мы не жаловались, когда у нас был пассивный торговый баланс,

¹ См. «Документы...», т. XII, стр. 645—651.

² Там же, стр. 647.

й не склонны принимать жалоб на то, что у нас сейчас активный торговый баланс. Наш экспорт выгоден не только для нас, но и для Германии. Вообще мы вовсе не хотим построить торговлю с Германией так, чтобы она была выгодна только для нее, она должна быть выгодна для обеих стран»¹. А. И. Микоян отметил, что индустриализация СССР не означает ни конкуренцию с германской промышленностью, ни отказ от дальнейшего ввоза товаров. Однако Советское правительство, естественно, строит свои планы, исходя из интересов развития собственной экономики. Для дальнейшего улучшения торговых отношений между СССР и Германией он также считал целесообразным установление личного контакта хозяйственников и деловых кругов двух стран. Таким образом уже в конце 1929 года обе стороны считали полезным непосредственный обмен мнениями между представителями экономики, однако формы такого обмена пока не были определены.

Экономические отношения между Германией и СССР развивались и в иных формах кроме прямого товарообмена. В 1929 году из 59 концессионных предприятий на территории СССР 12 предприятий были с участием германских 11 — японских, 6 — английских, 5 — австрийских фирм. Из 207 концессионных предложений за 1928/29 бюджетный год 53 поступили из США 41 — из Германии, по 17 — из Франции и Англии. Предложения по технической помощи преобладали из Германии (31), из США — 15, из Франции — 5, Англии — 3. Таким образом, заинтересованность германских промышленников в экономическом сотрудничестве в самых разных формах проявлялась достаточно отчетливо².

Переплетение экономических и политических интересов в отношениях двух стран в этот период было столь тесным, что это, несомненно, ставило определенные задачи для дипломатических контактов, которые не могли ограничиваться протокольными визитами. Жизнь требовала каждодневного изучения и улаживания многих хозяйственных проблем для поддержания нормальных отношений.

В политическом отчете «Советская Россия в 1929 году» Г. Дирксен констатировал: «Германо-русские отношения в 1929 году остались стабильными как в экономическом, так

¹ «Документы...», т. XII, стр. 650.

² См. «СССР. Год работы правительства. Материалы к отчету за 1928/29 бюджетный год», М., 1930, стр. 255—256.

и в политическом смысле». Какую позицию должна занимать Германия с учетом экономического и внутривнутриполитического положения СССР? — ставил вопрос Г. Дирксен и отвечал: «Все новое и новое обдумывание ведет все время к одному и тому же ответу: необходимо продолжение проводившейся до сих пор политики. Предпосылки для политической дружбы, которые привели к Рапалло и Берлинскому договору, остались теми же. Хозяйственная необходимость остаться на российском рынке и обеспечить себе возможности развития также мало изменилась. Задача, которую надо решить, заключается в том, чтобы поддерживать эти отношения и наполнить жизнью, не идя на большие хозяйственные обязательства чем те, какие были до сих пор, прежде чем станет более ясным дальнейший ход развития Советского Союза»¹.

Советское правительство стремилось не дать повода реакционным кругам Германии для ухудшения отношений. На сессии ЦИК СССР 4 декабря 1929 г. исполнявший обязанности паркома иностранных дел М. Литвинов заявил: «Мы по-прежнему поддерживаем наиболее дружественные отношения с Германией. По-прежнему с большой симпатией следим мы за ее попытками освободиться от пут, которыми она связана благодаря Версальскому договору и от которых страдают больше всего трудящиеся классы»². Однако он отметил деятельность групп, организаций и даже партий, которые стремятся к изменению политики Германии в антисоветском духе. М. М. Литвинов подчеркнул, что Советский Союз отнюдь не связывает свободу действий германской дипломатии в мирном регулировании отношений с третьими государствами: «Наши интересы не задеваются стремлениями Германии к улажению отношений с другими странами, но, конечно, лишь в тех случаях, когда это улажение отношений не вовлекает Германию в антисоветские комбинации и не совлекает ее с почвы Рапалльского договора, имевшего столь благотворные результаты как для Германии, так и для нашего Союза»³.

Однако в германской политике все более явственно ощущались противоречивые устремления правящих кругов: с одной стороны, к экономическому сотрудничеству

¹ Polit. Archiv. Büro Reichsminister, Bd. 23, Bl. D561046—D561048.

² «Документы...», т. XII, стр. 628—629.

³ Там же, стр. 629

с Советским Союзом в духе Рапалло, с другой стороны, к откровенно антисоветскому фронту империалистических держав. Отход германского правительства от рапалльского курса еще не свершился, но под влиянием реакционных кругов оно стало проявлять не только сдержанность, но и тенденциозность. Главное противоречие германской политики в отношении СССР заключалось в том, что политические планы германского империализма предусматривали борьбу против коммунизма, в то же время экономическое положение в мире вынуждало продолжать деловое сотрудничество с оплотом социализма — Советским Союзом.

Экономические успехи СССР стали мощным фактором мировой политики. Советский пятилетний план получил реалистическую оценку в германском дипломатическом ведомстве: «Пятилетний план, несомненно, представляет собой одно из самых грандиозных предприятий хозяйственно-организационного порядка, к которым вообще кто-либо приступал». Оно поняло цель пятилетки как обеспечение полной экономической независимости СССР от капиталистического мира, включая военную независимость. Однако германское дипломатическое ведомство считало, что вывоз промышленного оборудования в СССР выгоден Германии: «Даже если пятилетний план будет выполнен не на 100, а лишь на 50%, для германского хозяйства открываются весьма значительные экспортные возможности»¹.

Многие германские фирмы проявили повышенный интерес к участию в поставках для строительства промышленных объектов. Особенно большой интерес вызвало строительство металлургического комбината в Магнитогорске. Готовность принять участие в проекте выразили такие фирмы, как «Сименс — Бау Унион», «АЭГ», «Сименс — Шуккерт», «Крупп», «Ферайнигте штальверке», «Бергбау — Тиссен». Строительные работы готово было взять на себя первое из названных предприятий, оборудование четырех доменных печей, четырех мартеновских, бессемеровской установки, прокатных станов и коксовых батарей брал на себя консорциум, состоявший из предприятий «Ферайнигте Штальверке», «Крупп», «Гутехофнунгсхютте», «ДЕМАГ», «Сименс — Шуккерт», которые вступили в переговоры с советскими представителями. Германские дипломаты активно содействовали деятельности германских

¹ Polit. Archiv. Büro Reichsminister, Bd. 23, Bl. D560993—D560994.

фирм по развитию экономических контактов, учитывали пожелания хозяйственных кругов. «Аусамт и посольство в Москве находятся в постоянном контакте с фирмами», — докладывали они правительству. Германские деловые круги сдерживали лишь собственные финансовые возможности в условиях депрессии. «Опасения какого-либо политического риска, то есть возможности крушения Советского правительства, по информации отдела IV — «Россия», до сих пор едва ли играли роль»¹.

Посол Дирксен 30 января 1930 г. представил министру записку относительно необходимости возобновить переговоры по кредитам, исходя из общеполитических соображений. Преимущества германской промышленности на советском рынке резонно объяснялись им тем, что Германия первой решилась на установление экономического сотрудничества с Советской Россией и лишь репарационные затруднения вызвали прекращение переговоров по кредитам. Однако дальнейшее уклонение могло повлечь за собой политические выводы, поэтому посол предложил вернуться к вопросу о кредите, хотя Советское правительство не ставило теперь этого вопроса. «Советское правительство, — писал Дирксен, — делает возобновление переговоров по кредиту пробным камнем отношения Германии к Советскому Союзу. Молчание советской прессы не должно давать повода для противоположных выводов по этому вопросу»². Наряду с политическими соображениями имели значение экономические интересы самой Германии: «Можно как угодно оценивать хозяйственное значение Советской России, но по причинам нашей общей хозяйственной политики мне кажется необходимым не отказываться от занятых к настоящему времени позиций в русской экономической жизни». Общая задолженность СССР определялась в этот момент в 300 млн. марок. Тактически и политически Дирксен считал выгодным в этот момент предложить возобновление переговоров по кредиту, особенно после принятия «плана Юнга». Дирксен считал, что нужно предложить новый долгосрочный кредит в 300 млн. марок и, кроме того, 100 млн. марок для закупки германской сельскохозяйственной продукции. Он предлагал исходить из стабильности советской системы, политического положения СССР: «На переворот или изменение системы в обозримое время не

¹ Polit. Archiv. Büro Reichsminister, Bd. 23, Bl D560995—D560996.

² Ibid., Bl D561076.

приходится надеяться. Хозяйственная политика этой системы будет в ближайшие годы находиться под знаком пятилетнего плана»¹. Германский посол считал вопрос о кредите ключевым вопросом, в зависимость от которого было поставлено дальнейшее развитие советско-германских отношений.

Проявлением враждебного отношения к Советскому Союзу в германских правящих кругах были антисоветские акции 1930 года при участии и попустительстве правых партий рейхстага и властей. В феврале мюнхенская полиция учинила провокационный обыск в помещении уполномоченного торгпредства; в марте фракция «демократической» партии сделала запрос в рейхстаге относительно форсирования Коминтерном революции в Германии и т. п.

В германской правой буржуазной прессе в течение длительного времени велась разпузданная аптисоветская кампания, выдвигались несостоятельные обвинения СССР в демпинге, вмешательстве во внутренние дела других государств и т. п. На деле озлобление реакционных кругов вызывало успешное начало индустриализации и коллективизации сельского хозяйства в СССР. Антисоветскую позицию занимали и правые круги германской социал-демократии.

Последовательно выступала в защиту Советского Союза Коммунистическая партия Германии. Весной 1930 года в различных городах Германии были проведены массовые митинги и манифестации. В Эссене состоялась конференция «Союза друзей СССР»². В феврале 1930 года группа общественных деятелей Германии обратилась с призывом остановить опасный поворот событий в сторону вражды к СССР. Особенно обеспокоили демократическую общественность голоса в прессе с целью порвать отношения с СССР. Авторы призыва заявили: «Молчать в этот момент значит взять на себя вину в развязывании новой мировой войны. Мы не хотим, чтобы на нас лежала ответственность за это. Мы считаем своим долгом перед всей общественностью выступить против односторонней обработки общественного мнения в русском вопросе и предупредить катастрофу, перед которой мы, по всей вероятности, стоим»³.

Коалиционное правительство во главе с правым социал-

¹ Polit. Archiv. Büro Reichsminister. Akten betreffend: Russland. Bd. 23, Bl. D561078.

² См. «Rote Fahne», 23. März 1930.

³ Polit. Archiv. Abt. IV Ru/Po. 2, Bd. 14, Bl. 309—310.

демократом Г. Мюллером в условиях экономического кризиса 27 марта 1930 г. подало в отставку. Новое правительство, которое 30 марта по поручению президента Гинденбурга сформировал лидер правого крыла католического Центра Г. Брюнинг, прибегло для сохранения господства крупного капитала к чрезвычайным мерам против трудящихся. Во внешней политике кабинет Г. Брюнинга, в котором портфель министра иностранных дел остался за членом «народной партии» Ю. Курциусом, стал искать пути для сговора с западными державами на антисоветской основе. Германская реакционная пресса включилась в кампанию против СССР, обвиняя его в демпинге, преследовании верующих и т. п. Она разжигала вражду к СССР пыталась опорочить индустриализацию страны и коллективизацию сельского хозяйства. В газетах замелькали выражения «кризис Рапалло», «конец Рапалло» и т. д. Германская дипломатия изложила свои претензии к СССР в виде «27 пунктов»¹. После смены кабинета, в конце марта, советский полпред Н. Крестинский поставил перед министром Ю. Курциусом вопрос о необходимости официального заявления об отношении Германии к СССР. «Если в декларации этого правительства не будет заявления о неизменном продолжении рапалльской политики, германское и мировое общественное мнение будет считать, что правительство в этом вопросе колеблется или даже меняет политику»², — заявил советский полпред Ю. Курциусу. Германский министр заверил, что при вхождении в кабинет Брюнинга он получил подтверждение неизменности прежней внешней политики, в частности отношений с СССР, однако публичное заявление считал нецелесообразным. Советская дипломатия настаивала на упоминании в правительственном заявлении о рапалльской линии. 11 апреля 1930 г. полпред Н. Крестинский вновь сделал заявление министру Ю. Курциусу о необходимости внести ясность в позицию германского правительства в его отношении к СССР. «Политика Советского Союза в отношении Германии в течение всего послеверсальского периода остается ясной и неизменной. С самого начала мы пожелали вступить с послевоенной Германией в нормальные дружественные отношения»³, — заявил полпред, подтверждая верность Со-

¹ См. Polit. Archiv. Büro Reichsminister. Akten betreffend: Russland, Bd. 24, Bl. D561357—D561361.

² «Документы...», т. XIII, стр. 183.

³ Там же, стр. 204.

ветского правительства припаятым обязательствам, независимо от партийно-политического состава германских правительств на протяжении всего истекшего периода.

Советская дипломатия потребовала от германского правительства публичного заявления об отношении к СССР, чтобы положить конец враждебной кампании и росту недоверия во взаимных отношениях. Однако германская дипломатия не пошла на немедленное заявление. Обмен мнениями по взаимным претензиям был продолжен в дипломатическом порядке. Созыв согласительной комиссии был оставлен на случай, если дипломатические средства будут исчерпаны.

Исполнявший обязанности наркома иностранных дел СССР М. Литвинов 16 мая 1930 г. заявил послу Дирксену, что исходным пунктом дипломатических бесед не могут быть вопросы внутренней политики государств. Главным в сложившейся ситуации была антисоветская травля со стороны германских политических партий и прессы. Советская дипломатия предлагала устранить это основное препятствие для улучшения отношений. Литвинов заявил: «Нам кажется целесообразным попытаться создать новые условия для оживления экономических взаимоотношений»¹. Из всех взаимных претензий наиболее серьезным советская сторона считала падение экспорта и импорта обеих стран.

После нескольких бесед с советскими представителями посол Дирксен отправил в Берлин секретное письмо, в котором рекомендовал, имея в виду общую международную обстановку, пойти на смягчение напряженности в отношениях с Советским Союзом: «Поддержание и развитие еще имеющихся экономических позиций Германии мыслимо только на пути скорого и решительного улучшения политических отношений»².

В итоге довольно напряженного обмена мнениями между Москвой и Берлином 14 июня 1930 г. было опубликовано совместное коммюнике, в котором отмечалось, что накопившиеся в течение определенного времени вопросы были предметом переговоров. Часть взаимных претензий была разрешена в дипломатических беседах, другая должна была рассматриваться в согласительной комиссии. Принци-

¹ «Документы...», т. XIII, стр. 262.

² Polit. Archiv. Büro Reichsmimster. Akten betreffend: Russland, Bd. 25, Bl. D561631.

пиальное значение имело заявление сторон в подтверждение рапалльского курса: «При обсуждении отдельных возникших вопросов оба Правительства единодушно исходят из желания преодолеть возникшие затруднения в духе Рапалльского договора и других действующих между ними договоров и тем самым также и в продолжающемся развитии международных отношений следовать политике, которую они вели на основе этих договоров в течение многих лет»¹. Было признано еще раз, что различие систем не должно быть препятствием для добрососедских отношений государств. Оба правительства подтвердили намерение «воздерживаться от всяких попыток активного влияния на внутренние дела другой страны».

Циркулярное письмо германским посольствам поясняло, что коммюнике имеет целью направить отношения с СССР в спокойное русло и создать основу для продолжения «старой политики». «Мы убеждены, что для отношения остального мира к России также важно, что мы продолжаем и соблюдаем наши отношения с Россией, которые не имеют никакой тенденции против какой-либо третьей державы»².

Летом 1930 года в рейхстаге развернулись прения по внешней политике в связи с бюджетом дипломатического ведомства. Министр иностранных дел Ю. Курциус признал, что отношения с СССР — важный фактор германской внешней политики. Причины ухудшения отношений между двумя странами он пытался свести к коммунистической деятельности, «религиозным преследованиям» в СССР и т. п. Однако он должен был признать, что решение взаимных проблем возможно путем переговоров в рамках согласительной процедуры. Депутаты правых партий (барон Фрайтаг-Лорингофен, Мумм) выступали с антисоветской платформы против «коммунистической пропаганды», против преследования церкви в СССР и т. д. Однако большинство депутатов понимали жизненную важность нормальных отношений с Советским Союзом и высказывались за поддержание экономических связей (Шрайбер — католический Центр и др.). Депутат «народной партии» Рейпбабен призывал подумать об экономических отношениях с СССР «ввиду нашего экономического и торгово-политического положения». Член «германской национальной пар-

¹ «Документы...», т. XIII, стр. 354.

² Polit. Archiv. Büro Reichsminister. Akten betreffend: Russland, Bd. 25, Az. 9, Bl. D561717.

тии» проф. О. Гетч заклинал немцев не вступать в антисоветский фронт, исходя из национальных интересов самой Германии. Депутаты КПП решительно выступали против антисоветских устремлений реакционных кругов¹.

Через два дня после опубликования советско-германского коммюнике, 16 июня 1930 г. в Москве началась работа согласительной комиссии, сессия которой продолжалась до 8 июля 1930 г.² Советская сторона была представлена Б. Стомопяковым, германская — Мольтке и Раумером. Последний был участником заключения Рапалльского договора. Советский делегат не преминул при открытии сессии упомянуть этот факт, на что Раумер тотчас ответил: «Смею вас уверить, что моя точка зрения не изменилась с момента заключения договора в Рапалло»³. В согласительной комиссии происходило обсуждение спорных проблем и претензий. Германская сторона ожидала признания своей точки зрения по правовым вопросам. В начале июля, за два дня до окончания сессии согласительной комиссии, посол Г. Дирксен пришел в Наркоминдел, чтобы выразить недовольство тем, что политический жест Германии — подтверждение рапалльского курса — не компенсирован уступками с советской стороны. Германия, заявил посол, сделала подарок, но СССР не ответил взаимностью. На это М. Литвинов весьма энергично возразил Г. Дирксену, что едва ли уместно слово «подарок», когда речь идет о Рапалло. М. Литвинов подчеркнул: «Если считать Рапалло немецким подарком, то мы его получили еще в 1922 г., а теперь Курциус лишь подтвердил, что рапалльская линия остается в силе. Поскольку немцы в течение восьми лет не денонсировали Рапалло, то можно так изложить дело, как будто нам немцы каждый год или чуть ли не каждый месяц преподносили рапалльский подарок. Мы, однако, не считали и не могли считать Рапалльский договор односторонним подарком, каковые вообще в политике не имеют места. Мы всегда считали, что Рапалло так же соответствовало интересам Германии, как и нашим. Равным образом, если теперь немцы решили сохранить рапалльскую линию, то они тоже руководствуются своими интересами, а не подарочным настроением»⁴.

¹ См. *Verhandlungen des Reichstags*, Bd. 428, SS. 5865, 5829, 5888, 5848—5849.

² «Документы...», т. XIII, стр. 390—391.

³ Там же, стр. 357—358.

⁴ Там же, стр. 380.

Как видно из этого острого обмена оценками Рапалло, далеко идущие претензии германской стороны затрагивали собственно основы отношений между двумя странами. Если и удалось сохранить отношения между ними на удовлетворительном уровне, то главная причина заключалась в объективной экономической заинтересованности сторон¹: Советский Союз нуждался в поставках германского промышленного оборудования и машин, германская экономика не могла отказаться от советского рынка. Политические и экономические отношения между двумя странами вопреки всем трудностям поддерживались еще на нормальном уровне и дух рапалльской политики продолжал влиять на состояние отношений.

Проблемы и итоги экономического сотрудничества СССР с Германией

В течение 1930 года веймарская Германия все более втягивалась в состояние глубокого экономического и политического кризиса. Буржуазные партии, вся политическая система буржуазного государства не могли править страной старыми конституционными методами. Парламентский кризис означал кризис системы. Вот как характеризовал Э. Тельман положение в Германии летом 1930 года: «Рейхстаг распущен. Правящая буржуазия, господствующий финансовый капитал через своих уполномоченных — рейхспрезидента Гинденбурга и канцлера буржуазного блока Брюнинга — распустили парламент. Господ «народных представителей» выпроводили пинком генеральского сапога рейхспрезидента и главы Стального шлема Гинденбурга»².

В предвыборной борьбе 1930 года КПП решительно выступила за прочный политический и экономический союз между Германией и Советским Союзом, за всестороннее сотрудничество, в частности за широкий обмен промышленными товарами и сырьем.

Торговые отношения с Советским Союзом приобрели для Германии особое значение в годы экономического кризиса, поскольку СССР не свертывал, а расширял закупки промышленной продукции, прежде всего машин и оборудования. Согласно отчетам советского торгпредства, храня-

¹ См. «КПСС в резолюциях...», т. 4, М., 1970, стр. 407—409.

² Э. Тельман, указ. соч., т. II, стр. 329.

щимся в архиве МВТ СССР, введенным в научный оборот советским историком Ю. П. Муравьевым, в 1929 году СССР покупал 25% экспортируемых Германией сельскохозяйственных машин, 12% судов, более 10% станков. Импорт машин из Германии в СССР возрастал. Если в советских заказах в Германии доля машин в 1928/29 году составляла 52%, то в 1929/30 году она увеличилась до 73%. По ряду статей Советский Союз был основным заказчиком. Советские заказы составляли до 50% оборота некоторых германских фирм. Особенно значительными были советские заказы машиностроительным, электротехническим и химическим предприятиям¹. Но советский экспорт сельскохозяйственных продуктов наталкивался на протекционизм германского правительства. В интересах Junkers оно ограничивало протекционистским тарифом ввоз хлеба, что отрицательно сказывалось прежде всего на положении рабочего класса.

В начале 1930 года к работе в Берлине приступил новый торгпред И. Е. Любимов. В заявлении 28 января 1930 г. представителям печати он отметил возможности расширения экономических отношений между двумя странами, особенно на основе торгового соглашения: «Германия занимает первое место в советском импорте». Развитие широких экономических отношений Германии и СССР объяснялось уже накопленным опытом и взаимной заинтересованностью хозяйственных органов в сотрудничестве. «Наличие торгового соглашения с Германией создает возможность нормального развития деловых взаимоотношений», — подчеркнул советский торгпред. Увеличение советских заказов германской промышленности было связано с успешной реализацией пятилетнего плана. «Германские хозяйственные круги имеют, таким образом, возможность технически и коммерчески приспособиться к нашему импортному плану, рассчитанному на ряд лет вперед, и этим путем способствовать соответственному росту германского экспорта в СССР»², — заявил И. Е. Любимов.

В годы мирового экономического кризиса торговля между СССР и Германией, вопреки общему спаду мировой торговли, продолжала увеличиваться. Сомнения скептиков среди германских деловых кругов и экономистов в целесообразности дальнейшего развития отношений с СССР опро-

¹ См. Ю. П. Муравьев, указ. соч., стр. 45—47.

² «Документы...», т. XIII, стр. 54.

вергались самой жизнью. Внешняя торговля СССР в 1928/29—1932/33 годах увеличилась в сравнении с предыдущим пятилетием в два раза: с 6540 млн. до 13 152 млн. рублей. В рамках этого возросшего объема увеличилась доля Германии¹. Сравнение данных за 1929—1932 годы по торговле Германии с разными странами показывает значение для нее торговли с СССР. Если торговый оборот, в частности экспорт Германии в такие страны, как Франция, Нидерланды и Великобритания, сократился в 1932 году по сравнению с 1929 годом соответственно до 51,6, 46,8 и 34,3%, то экспорт в СССР за эти же годы возрос на 176,8%.

Немецкие исследователи Ю. Кучински и Г. Виттковски отмечают: «В 1932 году Германия вновь достигла довоенного уровня в русском ввозе. Лишь вывоз в Германию сильно отставал от довоенного уровня»². Германские официальные органы, всячески обеспечивая экспорт в СССР, ограничивали импорт из СССР. Советская сторона не была удовлетворена состоянием экспорта в Германию в 1930 году. Размещая заказы в Германии, советские организации встречались с трудностями экспорта товаров на германский рынок, особенно из-за высокой таможенной пошлины на сельскохозяйственные продукты. Советское правительство исходило из того, что дальнейший рост советских заказов германским предприятиям возможен только в том случае, если будут предоставлены новые кредиты, причем в форме финансового кредита, и созданы благоприятные условия для советского экспорта в Германию³. На приеме 7 ноября 1930 г. М. И. Калинин говорил послу Дирксену, что Германии необходимо увеличить ввоз советских товаров (хлеба и сырья) на сумму до 1 млрд. рублей, и тогда можно довести до этого же уровня советские заказы в Германии⁴.

В конце 1930 года полпредом в Берлин был назначен Л. М. Хинчук. Советское правительство придавало большое значение развитию экономических отношений, рассматривало как главную задачу нового полпреда проведение в краткий срок экономических переговоров с германскими хозяйственными органами⁵.

Германское дипломатическое ведомство в информационной записке от 31 января 1931 г. так определило линию

¹ J. Kuczynski, G. Wittkowski, op. cit., S. 66.

² Ibid., S. 67.

³ См. «Документы...», т. XIII, стр. 642.

⁴ Там же, стр. 640—641.

⁵ Там же, стр. 695.

отношений с СССР: «Для измеппения проводимой до сих пор политики у Германии пет никакого повода. Как внешнеполитический партпеп Советский Союз сохранил свою ценность в трех аспектах: как противовес против Польши, как противник Версаля, как поле для маневра Германии в международных акциях (разоружение, противодействие французской гегемонии). И как экономический фактор Советский Союз по-прежнему обладает большими возможностями»¹.

Выход Советского Союза па широкое поприще не только европейской, по и мировой политики стал очевидным фактом однако германская дипломатия тешила себя иллюзиями, что без Германии СССР не сможет самостоятельно идти вперед. Но наиболее прозорливые политики видели, что западные державы не могут решать мировые проблемы без СССР, что в будущем придется в еще большей степени считаться с СССР как фактором мира и международной безопасности.

В начале 1931 года Советское правительство проявило новую конструктивную инициативу, пригласив представителей крупнейших германских промышленных концернов для непосредственных контактов с советскими хозяйственными органами с целью выяснения возможностей размещения новых крупных заказов. С советской стороны в качестве желательных партнеров были названы такие фирмы, как «Крупп», «ДЕМАГ», «Борзиг», «Отто Вольф», «Флик», «Феглер», «Клёкнер», «Гутехофнунгсхютте», «АЭГ», «Сименс — Шуккерт» и «Браун-Бовери»². Полпред Л. М. Хинчук посетил 13 января 1931 г. министра иностранных дел Ю. Курциуса и поставил перед ним вопрос о поездке руководителей германской промышленности в СССР³. Германские дипломаты попытались было уклониться от немедленной посылки группы промышленников, ссылаясь на необходимость длительной подготовки к поездке, занятость и т. п. НКВД СССР пояснил специальной телеграммой 15 января, что деловое предложение не терпит отлагательства: «Срочный приезд германских промышленников в Москву вызывается необходимостью для ВСНХ выяснить возможность разместить в Германии заказы на очень круп-

¹ Цит. по А. Anderle, op. cit., SS. 223—224.

² См. «Документы...», т. XIV, стр. 15—17; Polit. Archiv. Büro Reichsminister. Akten betreffend: Russland, Bd. 25, Az. 9, Bl. D561948—D561987.

³ См. «Документы...», т. XIV, стр. 20—22.

ную сумму и при этом не на один год, а на несколько лет. Составление плана не может быть отсрочено на месяцы. Поэтому неприезд немцев в самом близком будущем может привести к размещению значительной части заказов в других странах Европы и в Америке»¹.

Германский посол Дирксен 23 января посетил председателя ВСНХ Г. К. Орджоникидзе в связи с приглашением группы германских промышленников. Послу было сказано, что речь идет о необходимости договориться относительно заказов на сумму в 300 млн. марок².

Министр иностранных дел Ю. Курциус сразу после получения приглашения группы промышленников уведомил министерства хозяйства и финансов, а также «Имперский союз германской промышленности». Однако формирование делегации промышленников оказалось довольно сложным делом не столько по объективным, сколько по субъективным причинам³. В течение примерно месяца посольство и торгпредство выявили готовность приглашаемых капитанов германской индустрии поехать в СССР.

В середине февраля «Имперский союз германской промышленности» представил список участников поездки от фирм: «Клэкнер», «Рейникер», «Фридрих Крупп АГ» — Клотцбах, «Ферайнигте штальверке» — Пенсген, «Отто Вольф» — Краге, «ДЕМАГ» — Рейтер, «Борзиг» — Конрад фон Борзиг, «Сименс» — Кеттген, «АЭГ» — Пфефер, «Шихау» — Ноз, «Линке Хоффман-Буш» — Буш, «МАН» — Бутц, «Металлгезельшафт» — Пласс, «Гутехофнунгсхютте» — Майер-Эттшейд, металлопромышленность — Хагер, «ИГ Фарбен» — Арон Гирш.

Делегация германских промышленников во главе с известным монополистом Петером Клэкнером приехала в Москву 28 февраля 1931 г. и в тот же день была принята председателем ВСНХ Г. К. Орджоникидзе. Обращаясь к германским промышленникам, Г. К. Орджоникидзе выразил удовлетворение приездом делегации и существующими ряд лет добрососедскими отношениями сотрудничества между государствами. Цель встречи была определена как дальнейшее улучшение деловых взаимоотношений на основе накопившегося опыта. Г. К. Орджоникидзе сказал: «Поставлю вопрос прямо: многое в наших отношениях я

¹ «Документы...», т. XIV, стр. 30—31.

² Polit. Archiv. Büro Reichsminister. Akten betreffend: Russland, Bd. 26, Az. 9, Bl. D562002—D562003.

³ См. «Документы...», т. XIV, стр. 34—36.

считаю неудовлетворительным и требующим существенных изменений и улучшений. Не паступило ли время подумать об этих улучшениях и совместными усилиями их внести?»¹.

Предложение Советского правительства состояло в том, чтобы удвоить ежегодную сумму советских заказов германской промышленности. В 1930 году советские заказы на германских предприятиях были размещены на сумму в 400 млн. марок. Предлагалось увеличить эту сумму в 1931 году до 600 млн. марок, а в последующие годы наращивать до 800 млн. марок в год, чтобы за три года сумма составила 1,5—2,5 млрд. марок². Наиболее влиятельные члены делегации промышленников (Клэкнер, Рейтер, Кеттген, Клотцбах и Пенсген) 5 марта были приняты Г. К. Орджоникидзе еще раз для обсуждения главной проблемы переговоров: условий и сроков кредитования обычных и дополнительных заказов, причем по обоим категориям намечались суммы по 300 млн. марок³.

В итоговом коммюнике, опубликованном ТАСС 10 марта 1931 г., отмечалось: «Переговоры между председателем ВСНХ СССР и германскими промышленниками, касавшиеся устранения препятствий в экономических взаимоотношениях и обсуждения вопроса расширения и углубления взаимных хозяйственных отношений, привели к результату, удовлетворяющему обе стороны»⁴. В результате переговоров была в принципе достигнута договоренность относительно дополнительных поставок из Германии в СССР.

Отдельные вопросы экономических и правовых отношений были выяснены по инициативе германской делегации в форме обмена письмами между П. Клэкнером и Г. К. Орджоникидзе⁵. 9 марта П. Клэкнер отправил из Москвы на имя рейхсканцлера телеграмму, в которой сообщил о достигнутой договоренности по добавочным заказам: «Принимая во внимание значение этих поставок при нынешнем хозяйственном положении Германии, прошу Вас принять руководителей делегации тотчас после возвращения в присутствии заинтересованных ведомств и г-на рейхспрезидента»⁶.

¹ «Документы...», т. XIV, стр. 777.

² Там же, стр. 777—778.

³ Там же, стр. 118.

⁴ «Известия», 10 марта 1931 г.; «Документы...», т. XIV, стр. 172.

⁵ Там же, стр. 780—781.

⁶ Polit. Archiv. Büro Reichsminister. Akten betreffend: Russland. Bd. 27, Bl. 053—054.

Соглашение между ВСНХ и представителями германских промышленников было оформлено 14 апреля 1931 г. в Берлине. Советский Союз разместил на германских предприятиях с 15 апреля до 31 августа 1931 г. дополнительные заказы на сумму в 300 млн. марок на определенных условиях кредита и расчета ¹.

Полпредство в отчете за 1931 год так оценило поездку промышленников: «Самый факт поездки в Москву группы виднейших германских промышленников, благоприятные отзывы делегации о хозяйственном строительстве СССР, соглашение и, наконец, государственное кредитование наших заказов, на фоне обостряющегося мирового экономического кризиса, привлекли внимание широких кругов германской общественности и заграницы. Германская и иностранная буржуазная пресса при различиях в оценке этих событий сходилась в одном: поездка делегации и соглашение имели не только экономическое, но и большое политическое значение» ².

За полтора месяца после заключения соглашения, уже к 1 июня 1931 г., было размещено заказов на 150 млн. марок. Всего за 1931 год Советский Союз заказал в Германии главным образом машин и оборудования на рекордную сумму в 919,3 млн. марок, что было больше предыдущего года на 62,3%. Из общего объема заказов 26,5% составили горнорудное оборудование и транспортные средства, 21,1 — железо, сталь и другие металлы, 15,4% — станки. В 1931 году Советский Союз занял первое место среди импортеров машин. Более половины вывозимых Германией станков и металлов, одна треть алюминия, труб, проката, четверть листового металла, проволоки, котлов, деталей машин покупалась советскими организациями. «Берлинер Tageblatt» в январе 1932 года отметил: «Советский Союз был в 1931 году лучшим покупателем наших машин, в то время как другие европейские индустриальные страны показали пониженную способность покупки германских производственных средств» ³.

Советские представители настойчиво ставили перед германским правительством вопрос об устранении препятствий, мешавших экономическому сотрудничеству. При ре-

¹ «Документы...», т. XIV, стр. 246—248; J. Kuczyński, G. Wittkowski, op. cit., SS. 68—69.

² «Документы...», т. XIV, стр. 749.

³ «Berliner Tageblatt», 19. Jan. 1932.

ализации 300-миллионного кредита появились трудности размещения заказов из-за того, что мелкие и средние фирмы внезапно стали отказываться от принятия заказов. Дело в том, что банки чинили препятствия дисконтированию «русских векселей». Посол Дирксен в этой связи ставил вопрос: «Что должно быть предпринято, чтобы сделать возможным дисконтирование русских векселей? Нынешнее состояние, когда эти возможности полностью блокированы, невозможно поддерживать длительное время, иначе наше хозяйство понесет слишком тяжелый урон»¹. Дирксен полагал, что надо начать новые переговоры по экономическим проблемам. Посольство СССР в Берлине ставило несколько раз этот вопрос. В особой записке от 14 августа 1931 г. посольство привело данные, свидетельствовавшие о непрерывном росте советских заказов германской промышленности (в 1928 г. — 388 млн. марок, в 1929 г. — 447 млн., в 1930 г. — 569 млн., первое полугодие 1931 г. — 500 млн. марок; всего за год, по оценке, — 800 млн. марок). Если считать довоенный германский экспорт на территорию, вошедшую в состав СССР, за 600 млн. марок, то было ясно, что довоенный уровень не только достигнут, но и превзойден². Экспорт из СССР в Германию, однако, не возрастал в той же пропорции из-за ограничительных мер германских властей. Общий импорт Германии из России в 1913 году составлял примерно 1200 млн. марок и был равен 13% российского вывоза. В 1930 году советский экспорт в Германию составил 436 млн. марок, то есть $\frac{1}{3}$ довоенного (или 42% всего советского вывоза). Причина недостаточного роста советского экспорта в Германию заключалась в ограничительных мерах германских властей: повышении тарифов на сельскохозяйственную продукцию (пшеницу, ячмень, горох), лес; ветеринарных ограничений на ввоз скота и т. п. Для устранения препятствий торговому обмену советское посольство предложило начать предусмотренные соглашением переговоры по тарифам. Однако германская сторона затягивала начало переговоров, ссылаясь на необходимость статистических уточнений, конкретных предложений.

В начавшемся в августе 1931 года в Берлине обмене мнениями советские представители поставили вопрос о благоприствании советскому экспорту: снижении тамо-

¹ Polit. Archiv. Abt. IV Ru. Akten betreffend: Deutsch-Russische Wirtschafts- und Zolltarifverhandlungen, Bd. 1, Bl. L191456.

² Ibid., Bl. L191459

женных тарифов и контингентировании, закупке советских товаров германскими правительственными учреждениями и т. п. Однако германская сторона не шла на серьезное улучшение экспортных возможностей для СССР. Сложившееся к осени 1931 года положение свидетельствовало о том, что переплетение экономических интересов СССР и Германии достигло того уровня, когда новые заказы были возможны на основе благоприятных кредитов, а выплаты по кредитам — на основе увеличения ввоза товаров из СССР. Советские представители ясно ставили вопрос о том, что если не будут учтены экспортные интересы СССР, то он будет вынужден передать заказы в страны, которые покупают советские товары¹. Германские правительственные и деловые круги понимали, что дальнейшее развитие товарообмена с СССР возможно только на взаимной основе, однако были склонны использовать падение советского экспорта, явившееся следствием ограничительных мер с германской стороны, для нападков на советскую монополию внешней торговли. Собрание в Аусамте 5 ноября 1931 г. было посвящено обсуждению германо-советских экономических отношений и ведению переговоров. Представители министерств хозяйства, финансов, продовольствия не отрицали необходимость урегулирования товарообмена, однако не хотели снять преграды советскому ввозу. Было решено раздельно рассмотреть в отдельных комиссиях проблемы таможенных и железнодорожных тарифов, промышленного импорта (нефть, лес) и сельскохозяйственного импорта (зерно, продовольствие)². В ходе экономических и тарифных переговоров выявилось нежелание германского правительства снять ограничения советскому ввозу и тем самым способствовать развитию взаимного товарооборота. Интересы отдельных монополий учитывались в большей мере, чем потребности национальной экономики в целом, что ставило определенные рамки дальнейшему увеличению советских заказов в Германии. Германские финансисты рассчитывали на погашение долгов за счет активного торгового баланса СССР с другими странами и не допускали увеличения ввоза советского сырья и других товаров. Эта тактика, конечно, не соответствовала обязательствам по соглашениям в духе Рапалло.

¹ См. Polit. Archiv. Abt. IV Ru. Akten betreffend: Deutsch-Russische Wirtschafts- und Zolltarifverhandlungen, Bd. 1, Bl. L191459, L191481.

² Ibid., Bl. L191638—L191644.

Следует, однако, иметь в виду, что различные промышленно-финансовые группы по-разному относились к Советскому Союзу, в частности к продолжению экономического сотрудничества. Часть финансовых кругов, особенно связанная с западными державами, прежде всего с крупнейшими банками США, считала бесперспективным для себя упрочение экономических связей с СССР (Я. Шахт и др.). Другая часть промышленных кругов, в особенности в отраслях по производству средств производства, напротив, видела в советских заказах способ смягчения кризиса и безработицы, что имело и политическое значение. В итоге поездки в 1931 году группы германских промышленников в СССР и получения новых заказов существенно усилилась заинтересованность германских деловых кругов в поддержании сотрудничества с Советским Союзом. В этом отношении показательна позиция известного монополиста П. Клёкнера, возглавлявшего делегацию германских промышленников.

После поездки в Москву между П. Клёкнером и послом Дирксом завязалась переписка, последовали приглашения посла в гости и т. д. 30 августа 1931 г. Дирксен, отвечая на приглашение, между прочим, писал: «К радости своей я узнал, что дальнейшие переговоры с торговым представительством в Берлине прошли успешно и что Вы лично сохранили интерес к деловым связям с Советским Союзом»¹. В ответном письме 31 августа П. Клёкнер сетовал на интриги «западной державы», которая играет «золотыми шариками» и заняла неблагоприятную позицию. Главной заботой Клёкнера были, однако, восточные дела. Даже в частном письме он рассчитывал: заказы СССР потребуют 100—150 тыс. т чугуна, 150—200 тыс. т металлоизделий, 60 тыс. т рельсов. «Весьма жаль, что высшая верхушка в настоящее время неблагоприятно настроена к Востоку»², — заключал монополист П. Клёкнер. Он был недоволен тем, что в Берлине не понимали в полной мере значение советских заказов: «Нам безусловно необходимы эти заказы, и мы придерживаемся мнения, что имперское правительство, после того как оно взяло на себя гарантию 600 млн., не должно бояться новых 300 млн. в особенности потому, что русские до сих пор выкупали просроченные векселя»³.

¹ ИДА, ф. 330, д. 39, л. 252.

² Там же, л. 243—244.

³ Там же, лл. 244—245.

На советско-германских экономических переговорах, начавшихся в августе — сентябре 1931 года, полпред Л. М. Хинчук поставил вопрос о необходимости увеличения советского экспорта в Германию. Меморандум советской делегации от 28 октября 1931 г. требовал создания условий для ввоза советских товаров с целью обеспечения заказов на германские товары на сумму в 750 млн. марок и предстоящих платежей по кредитам¹. Германские власти дали секретное указание своим внешнеэкономическим органам способствовать только такому ввозу советских товаров, выручка от которого идет непосредственно на покрытие задолженности. Даже клиринговые поставки рекомендовано было использовать так, чтобы советские поставки шли в покрытие задолженности, а не встречно на германские поставки. Было предписано «при при каких обстоятельствах» не говорить об этом с советскими представителями².

В протокол заседания советско-германских переговоров 14 ноября 1931 г. был внесен согласованный пункт: «Обе стороны едины в том, что с учетом увеличения германского экспорта в Советский Союз желательно также способствовать повышению советского экспорта в Германию»³. Советская делегация поставила вопрос о снятии ограничений для советского экспорта и доведения в 1932 году ввоза из СССР до 750 млн. марок. Начались переговоры в комиссиях по намеченным проблемам экономических отношений.

В итоге переговоров в Берлине 22 декабря 1931 г. полпред Л. М. Хинчук и германский министр хозяйства Вармбольд подписали протокол, который фиксировал достигнутую договоренность по дальнейшему развитию взаимных экономических отношений, особенно по взаимному увеличению экспорта товаров⁴. Германская сторона обязалась содействовать дополнительному ввозу из СССР 100 тыс. т ржи⁵. В марте 1932 года полпред писал в Москву: «Клёкнер, ездивший председателем промышленной делегации в Москву, сообщил мне, что он беседовал в правительстве и с канцлером Брюнингом; все они считают необходимым в ближайшее время ратифицировать решения декабрьского

¹ «Документы...», т. XIV, стр. 821—822.

² См. Polit. Archiv. Abt. IV Ru. Akten betreffend: Deutsch-Russische Wirtschafts- und Zolltarifverhandlungen, Bd. 1, Bl. L191659—L191666.

³ Ibid., Bl. 191670—191672.

⁴ См. «Документы...», т. XIV, стр. 728—730.

⁵ J. Kuczyński, G. Wittkowski, op. cit., S. 73.

протокола и, кроме того, сочувственно отнеслись к финансированию новых советских заказов»¹.

По итогам торгового оборота за первую половину 1932 года выяснилось, что вывоз германских товаров в СССР увеличился с 262 млн. марок в первой половине 1931 года до 356 млн. марок в первой половине 1932 года; в германском экспорте СССР занял первое место. По отдельным видам продукции советские заказы охватывали 70—90% предназначенных для вывоза изделий (паровые и газовые турбины, прессы, краны, машины и т. п.). В то же время для советского экспорта в Германию не были созданы условия, даже предусмотренные декабрьским протоколом 1931 года и другими соглашениями (например, соглашением от 3 мая 1932 г. о поставках советского зерна).

Для урегулирования порядка расчетов и платежей по товарообороту в Берлине 2 мая 1932 г. был подписан протокол относительно соответствующего соглашения торгпредства СССР и Рейхсбанка. Затем 28 мая 1932 г. был заключен протокол по таможенно-тарифным вопросам сроком до 11 марта 1933 г. Вслед за этим торгпредство подготовило новое соглашение с представителями германской промышленности. «Генеральное соглашение», подписанное 15 июня 1932 г., предусматривало условия новых заказов и поставок из Германии в СССР на срок до 31 мая 1933 г.²

Советские торговые организации пошли на то, чтобы советские поставки оплачивались в Германии не девизами, а марками, что было благоприятно для германских финансов³. В то же время они добились снятия таможенных ограничений на ряд советских товаров.

Характерно, что таможенное соглашение с СССР подверглось нападкам в нацистской прессе. Не решаясь еще в то время нападать на «восточную политику», нацисты редко выступали открыто против СССР и предпочитали критиковать правительство за соглашения с СССР⁴.

Советские заказы для отдельных германских фирм и предприятий в годы кризиса были в полном смысле слова условием существования или банкротства. Германский генеральный консул в Данциге (Гданьске) сообщал в конце

¹ «Документы...», т. XV, стр. 153.

² Там же, стр. 293—294, 338.

³ См. «Frankfurter Zeitung», 18. Juni 1932.

⁴ См. «Документы...», т. XV, стр. 387—389.

октября 1931 года Дирксену: «Можно прямо сказать, что верфь «Шихау», оздоровление которой было проведено большими усилиями (на средства германского правительства. — А. А.), неизбежно в ближайшее время должна была бы закрыть свои ворота, если бы она не получила русских заказов»¹. Генконсульство просило посла в Москве содействовать новым заказам СССР для верфи «Шихау».

К 1932 году торговые отношения с Советским Союзом приобрели для германского хозяйства, особенно для ряда отраслей промышленности, жизненное значение. Советский Союз занимал важное место в общем германском экспорте. Примерно третья часть всего активного сальдо германского внешнеторгового баланса складывалась из поступлений от СССР.

Между тем советский экспорт, в частности экспорт леса и масла, наталкивался на искусственные препятствия, воздвигаемые германскими властями. Декабрьский протокол не получал воплощения из-за позиции Германии. В общей сложности за 1930—1932 годы пассивное сальдо СССР в обороте с Германией достигло суммы в 350 млн. марок².

В середине июня 1932 года «Берлинер Бёрзенкурир» писала: «Россия стала сегодня вторым по объему покупателем германских промышленных товаров, да и сельское хозяйство косвенно также получает выгоду от экспорта германских товаров в Россию: без этого экспорта безработица стала бы еще большей и сбыт сельскохозяйственных продуктов упал бы еще значительно»³.

15 июня 1932 г. удалось выработать и заключить соглашение о поставках, которое предусматривало более благоприятные сроки кредита Советскому Союзу. Благодаря новым соглашениям Советский Союз предоставил германским заводам заказ на прокатное оборудование объемом в 350 тыс. т. В июле 1932 года «Берлинер Бёрзенкурир» признала: «Металлопромышленность существует за счет русских заказов»⁴. Согласно советской оценке, в 1932 году примерно 300 тыс. германских промышленных рабочих были заняты выполнением советских заказов.

Уровень германского ввоза из СССР продолжал оставаться неудовлетворительным, так как, вопреки протоколу

¹ ИДА, ф. 330, д. 39, л. 540.

² J. Kuczynski, G. Wittkowski, op. cit., S. 78.

³ «Berliner Börsenkurier», 16 Juni 1932.

⁴ J. Kuczynski, G. Wittkowski, op. cit., SS. 74—76.

от 22 декабря 1931 г., германские власти приняли новые ограничительные меры. Общий итог экономических отношений СССР и Германии к концу 1932 года был таков, что дальнейшее расширение их натолкнулось на нежелание германской стороны компенсировать заказы в Германии ввозом советских товаров. Выявилось, что германское правительство не желает дальнейшего расширения торгового оборота и озабочено только погашением задолженности.

Советское посольство 21 декабря 1932 г. обратилось к рейхсканцлеру Шлейхеру со специальным меморандумом по экономическим отношениям. В меморандуме было подчеркнуто: «Невыполнение декабрьского протокола и неудача ведущихся ныне переговоров в условиях роста пассивного сальдо СССР в Германии создают серьезное положение»¹. Советский Союз расплачивался на сумму 300 млн. марок золотом и деvisaми. Для сравнения можно отметить, что золотой запас Рейхсбанка на конец 1932 года оценивался в 550 млн. марок². Было очевидно, что дальнейшее развитие торговых отношений требует сбалансирования советских платежей в Германии и стимулирования экспорта. В меморандуме предлагался ряд конкретных и реальных мер, однако германские представители оставались глухи к этим предложениям.

Экономические отношения, составлявшие важную основу поддержания отношений между СССР и Германией, к началу 30-х годов оказались в кризисном состоянии из-за позиции германских правящих кругов. В советском меморандуме канцлеру Шлейхеру были показаны итог и проблемы экономических отношений. Советский Союз в начале 30-х годов ввозил до $\frac{1}{3}$ всей машиностроительной продукции Германии ($\frac{1}{3}$ приходилась на все другие страны, $\frac{1}{3}$ оставалась в стране). В активном сальдо Германии поступления из СССР составляли $\frac{1}{3}$. Пассив СССР в торговле с Германией возрастал и составил в 1932 году более 300 млн. марок, и СССР вынужден был покрыть его ввозом золота и деvisa. Условием продолжения нормального товарооборота могло стать только решительное увеличение ввоза из СССР. Однако предложенные Советским Союзом меры по увеличению ввоза леса, нефти, масла не были приняты. Переговоры окончились, в сущности, безрезультатно.

¹ «Документы...», т. XV, стр. 692.

² Там же, стр. 818.

Невыполненным оказался и декабрьский протокол 1931 года. Советское правительство вновь предлагало комплекс мероприятий, однако германская сторона безмолвствовала. Попытки урегулировать проблемы не увенчались успехом. «Заключительный протокол германо-советских переговоров от 17 января 1933 г.» был предназначен для того, чтобы нормализовать условия торговли, однако приход нацистов к власти в конце января 1933 года поставил под угрозу не только экономические, но и всю совокупность отношений между двумя странами.

Отказ германских правящих кругов от рапальской политики

В условиях экономического и политического кризиса в Германии активизировали свою антисоветскую политику наиболее реакционные шовинистические круги. Антисоветские планы строили политики, близко стоявшие к национал-социалистической партии, — генерал Э. Людендорф, один из лидеров партий католического Центра Ф. Папен, банкир Я. Шахт и др. Характеризуя господство финансового капитала в Германии, Э. Тельман называл в качестве типичного представителя банковских кругов Яльмара Шахта. С трибуны рейхстага он гневно клеймил его: «Шахт, этот беззастенчивый представитель германского и иностранного капитала, германских и иностранных миллионеров, разбогатевший на нужде масс, определяет, какие будут взиматься налоги, какие таможенные сборы будут повышены, какие расходы на социальные нужды будут сокращены и какие реакционные законы должны быть изданы в Германии»¹.

В пользу поддержания нормальных отношений с СССР выступали не только коммунисты, но и некоторые буржуазные круги, а также представители военных кругов. Активно выступал за развитие отношений с Советским Союзом представитель национальной «народной партии» О. Гетч. В брошюре «Германия между Западом и Востоком», написанной в конце 1932 года, генерал Г. Сект советовал не ухудшать отношений с СССР, чтобы избежать войны на два фронта. Он считал, что война против СССР может иметь для Германии катастрофические последствия.

Настроения в политических кругах, близких к рейхстагу, были рельефно обрисованы в апреле 1931 года в пись-

¹ Э. Т е л ь м а н, указ. соч., т. II, стр. 194.

ме депутата рейхстага от социал-демократической партии Р. Брейтшейда послу Дирксену: «Что касается России, то в настоящее время заметен некоторый психоз страха перед успехом пятилетнего плана, и имеются люди, которые из этого настроения приходят к выводам относительно необходимости изменения позиции к Советской республике и новых европейских комбинаций. Все это мне кажется несколько сомнительным, прежде всего потому, что среди пришедших в нервное состояние находятся такие лица, которые до сих пор особенно сильно делали ставку на русскую карту и которые теперь склонны впасть из одной крайности в другую»¹. Политические и экономические отношения с Германией советская дипломатия рассматривала как единый комплекс проблем. Расширение экономических связей, естественно, должно было подкрепляться улучшением политической атмосферы. Одновременно с приглашением делегации промышленников Советское правительство по дипломатическому каналу поставило вопрос о возобновлении договора 1926 года. М. Литвинов записал 6 февраля 1931 г. содержание беседы с Г. Дирксеном: «Когда... зашла речь о советско-германских отношениях вообще, я сказал ему, что (мы) отнюдь не забываем, что в июне месяце истекает срок Берлинского договора. Если бы мы знали, что германское правительство сочло бы возможным, не дожидаясь последнего срока, уже теперь возобновить договор, по возможности усилив его, то мы, конечно, готовы были бы теперь же вступить в переговоры. Если же такой готовности нет, то я считал бы более целесообразным воздержаться пока от официальных переговоров и от обсуждения вопроса в печати»².

Посол Г. Дирксен 23 марта 1931 г. ответил М. Литвинову, что германское правительство согласно продлить Берлинский договор без изменений и указания срока, однако с предупреждением о денонсации за 6 или 12 месяцев. Одновременно германская дипломатия предложила продлить бессрочно действие согласительной комиссии. Уже через два дня Г. Дирксену было сообщено, что Советское правительство согласно продлить Берлинский договор без указания срока, но с возможностью денонсации по истечении пяти лет. Советская дипломатия предлагала немедлен-

¹ ИДА. ф. 330, д. 39, л. 38.

² «Документы...», т. XIV, стр. 72; Polit. Archiv. Büro Reichsminister. Akten betreffend: Russland, Bd. 27, Bl. D562018.

но провести переговоры и выработать протокол, чтобы не возникло бездоговорное состояние после истечения срока действия договора в июне, когда рейхстаг не будет заседать¹. Проект протокола обсуждался по дипломатическим каналам. Советская дипломатия считала, что серьезных препятствий продлению Берлинского договора не существует. Однако германское правительство проявило колебания и сомнения в подтверждении основ отношений с СССР. Правительство Брюнинга интенсивно искало сближения с западными державами, однако не решалось прямо отказаться от сложившихся отношений с СССР.

Вернувшись в Москву после отпуска, посол Г. Дирксен предложил заместителю наркома Н. Крестинскому 22 июня 1931 г. подписать протокол о продлении Берлинского договора. Протокол о продлении Берлинского договора на два года (до 30 июня 1933 г.) был подписан 24 июня 1931 г. в Москве Н. Крестинским и Г. Дирксом. Согласно условиям протокола, после этого срока договор должен был оставаться в силе, денонсация возможна была с предупреждением за один год. Действие конвенции о согласительной процедуре продлялось этим же протоколом². Таким образом, договор о ненападении и нейтралитете был продлен. Однако германское правительство затянуло ратификацию протокола, в результате чего с июня 1931 по май 1933 года Берлинский договор не действовал.

Подводя итог советско-германским отношениям к началу 1932 года, полпредство отметило: «1) стремление германского правительства под влиянием обостряющейся борьбы империалистов и в первую очередь борьбы с Францией сохранить в своих руках русский козырь; этой тенденции соответствовало продление Берлинского договора; 2) усиление антисоветских настроений среди влиятельных слоев германской буржуазии и форсирование попыток соглашения с Францией за счет СССР (переговоры Брюнинга с Лавалем и Брианом в Париже и Берлине), которые, однако, оказались безрезультатными»³. Углубление экономического и политического кризиса вызывало стремление германских правящих кругов преодолеть его прежде всего путем подавления рабочего движения внутри и перехода к антисоветской политике.

¹ См. «Документы...», т. XIV, стр. 218, 222, 386.

² См. «Сборник действующих договоров», вып. XIII, М., 1935, стр. 7—8; «Документы...», т. XIV, стр. 395—396.

³ «Документы...», т. XIV, стр. 753.

В середине июля 1931 года посол Р. Надольны отправил своему коллеге Г. Дирксену характерное письмо, в котором передал впечатления и суждения о кризисном состоянии Германии: «После шестинедельного отсутствия я вновь вернулся на родину и, к сожалению, нашел здесь ситуацию, которая, как Вы себе можете представить, меня крайне удивила и поразила. По поступавшей ко мне информации я, конечно, был подготовлен ко всякому, однако серьезность положения превзошла мои самые смелые ожидания»¹. Особенно близко к сердцу воспринял дипломат кризис, потому что закрыл свое окошко банк, в который он вложил деньги. Возлагая надежды на благоразумие банкиров Лондона и успешную миссию Брюнинга и Курциуса в Париже, Надольны писал: «Будем надеяться, что кризис утихнет, так что мы все-таки еще преодолеем полное крушение капиталистической системы хозяйства»².

В мае 1931 года советская и французская дипломатия информировали германских представителей относительно ведущихся в течение некоторого времени переговоров по пакту о ненападении. В августе им было сообщено о парафировании пакта. Примерно в этот период (с апреля по июнь) был выработан и советско-германский протокол продления Берлинского договора. Весной и летом 1931 года западные державы по разным каналам несколько раз давали понять германскому правительству о желательности включения Германии в антибольшевистский фронт. В апреле шведский король, пригласив в миссию в Берлине статс-секретаря Бюлова, поведал ему планы европейских реакционных кругов. Последний записал ход мыслей августейшего политика: «Он высказался весьма отрицательно о наших отношениях с Россией и защищал тезис, что мы рано или поздно должны будем присоединиться к совместной акции всех стран. Только так можно успешно подавить большевизм»³.

В июне английские политики Макдональд и министр торговли Грэхэм в беседе с Ю. Курциусом коснулись финансового положения Германии и предложили контакты с целью совместного противодействия стремлению СССР получить новые кредиты⁴. Наконец, в августе Муссолини

¹ ИДА, ф. 330, д. 39, л. 412.

² Там же, л. 413.

³ Polit. Archiv. Büro Reichsminister. Akten betreffend: Russland, Bd. 27, Bl. D562089.

⁴ Ibid., D562128.

и Гранди во время визита Ю. Курциуса в Рим рекомендовали вовлечь СССР в «европейский концерт», но так, чтобы не допустить игры советской дипломатии на противоречиях для получения долгосрочных кредитов¹. Дипломатические контакты Германии и СССР летом 1931 года касались отношений с Францией и Польшей, преференциальных договоров и пакта четырех.

В течение длительного времени группа германских промышленников во главе с Арнольдом Рехбергом активно выступала за сближение с Францией на антисоветской основе. Особенно рьяно действовали эти круги в 1928—1931 годах².

В то время как официальные круги Франции приступали к переговорам с СССР о выработке пакта о ненападении, неофициальные лица проводили зондаж позиции Германии с целью германо-французского сближения и даже военного союза против СССР. Парижский банкир, глава «Антибольшевистской Лиги» Хенш в начале 1931 года вел беседы на эту тему со статс-секретарем германского дипломатического ведомства Бюловом, причем если первый говорил от имени влиятельных лиц Франции (Пуанкаре, Тардьё), то последний выступал по поручению рейхсканцлера Брюнинга. Бюлов заявил французскому эмиссару: «Что касается России, то близость наших отношений с Россией, насколько я знаю, во Франции очень переоценивают. Наши экономические отношения, особенно во время кризиса, как сейчас, имеют большое значение, их разрыв принес бы нам, например, миллион безработных»³.

Германия, заверил Бюлов, не менее враждебно относится к большевизму, чем другие страны Запада. «Вопреки этому, мы не могли бы в нашем нынешнем положении думать о том, чтобы порвать наши отношения с Россией, в надежде, что в один прекрасный день сложатся лучшие отношения с Францией. Г-н рейхсканцлер выразился так: мы отпустим мизинец России, за который держимся сейчас, только тогда, когда будем твердо держать в своих руках руку Франции»⁴.

¹ См. Polit. Archiv. Büro Reichsminister. Akten betreffend: Russland, Bd. 27, Bl. D562167.

² См. подробнее Ю. В. Борисов, Советско-французские отношения (1924—1945 гг.), М., 1964, стр. 113—118.

³ Polit. Archiv. Büro Reichsminister. Akten betreffend: Russland, Bd. 27, Bl. D562025—D562026.

⁴ Ibid., Bl. D562026.

В течение 1931 года имели место и официальные контакты между Германией и Францией, в ходе которых французская дипломатия пыталась расстроить отношения Германии и Советского Союза. Примечательный разговор состоялся между Курциусом, с одной стороны, и Брианом, Бертело и Лавалем — с другой 28 сентября 1931 г. Лаваль запугивал германских политиков опасностью «большевизации»¹. В конце сентября 1931 года после бесед с Брианом, Бертело и Лавалем и в итоге анализа французских предложений министр Курциус сделал вывод: «Вновь, как это уже было в Париже и в некоторых других беседах в Женеве, у меня сложилось впечатление, что для французов прежде всего важно оттеснить нас от России»².

Тогдашний канцлер Генрих Брюнинг, пытавшийся найти общий язык с французскими правыми кругами на антисоветской основе, писал позже: «С весны 1931 года французы то и дело безрезультатно пытались отколоть от нас Россию. Это была излюбленная идея Эррио». Он рассказывает, что во время конференции по разоружению в Женеве фон Папен дал лишний козырь Эррио, когда тот готовил пакт с М. Литвиновым. Папен предложил французам «германо-франко-польский военный союз для захвата Украины»³. Когда Литвинову стало об этом известно, он немедленно потребовал объяснений у Эррио. Позже, во время работы Лозаннской конференции в июле 1932 года, рейхсканцлер фон Папен предложил Франции сотрудничество генеральных штабов двух стран, имея в виду образование антисоветского фронта⁴. Г. Брюнинг сожалел лишь об одном: «Основа для полного отхода от России была заложена без какой-либо выгоды для нас взамен».

Завязывание переговоров Довгалеvским в Париже относительно советско-французского пакта о ненападении беспокоило германскую дипломатию. Полпредство отметило в отчете за 1931 год: «Начавшиеся весной 1931 года переговоры СССР с Францией, а впоследствии с Польшей и лимитрофами о заключении пактов о ненападении привлекли особое внимание как германской общественности, так и дипломатии»⁵. Поверенный в делах Германии Твар-

¹ См. Polit. Archiv. Büro Reichsminister. Akten betreffend: Russland, Bd. 27, Bl. D562214—D562219.

² Ibid., Bl. 562218.

³ H. Brüning, Memoiren, Stuttgart, 1970, S. 616.

⁴ См. подробнее С. В. Никонова, Германия и Англия от Локарно до Лозанны, М., 1966, стр. 315.

⁵ «Документы...», т. XIV, стр. 751.

довски 5 июня 1931 г. по поручению из Берлина посетил НКИД и поставил вопрос о переговорах СССР с Францией. Он заявил, что «в германских политических кругах есть некоторое беспокойство по поводу советско-французских переговоров»¹. Имелись ли какие-либо основания для постановки такого вопроса?

В начале 30-х годов СССР имел двусторонние пакты о ненападении с рядом стран Европы и Азии: Германией, Турцией, Литвой, Ираном и Афганистаном — и вел переговоры об этом с Францией. Ранее советская дипломатия предлагала Польше заключение пакта о ненападении, однако переговоры 1926—1927 годов из-за неприемлемых условий, выдвинутых польскими представителями, не увенчались успехом². Возможное возобновление переговоров и заключение пакта СССР с Польшей беспокоило германскую дипломатию³, которая предпринимала шаги, чтобы воспрепятствовать договору двух стран, хотя Германия сама урегулировала ряд проблем с Польшей. Однако собственно переговоры советской дипломатии с Францией, Польшей и другими соседними государствами, направленные на обеспечение взаимной безопасности, вызывали настороженное внимание германского правительства, которое пыталось предотвратить сближение СССР и Франции, предлагая последней сговор против коммунизма. Германская буржуазная пресса истолковывала переговоры о пактах не только как ослабление Рапалло, но и как «взрыв» Рапалло.

Со второй половины 1931 и до конца 1932 года германские правящие круги подчеркнуто вели курс на полный отказ от рапальской политики. Реакционная политика внутри страны, подавление революционного рабочего движения при помощи чрезвычайных законов сопровождалась все большим усилением антисоветских тенденций во внешней политике. Реакционные круги ряда западноевропейских стран, проводя антисоветскую политику, стремились использовать в этих целях настроения и позицию наиболее шовинистических кругов правящих классов Германии.

Характерно, что в начале 1932 года заметное охлаждение в отношениях между СССР и Германией явно перерастало в напряженность. Экономические отношения раз-

¹ «Документы...», т. XIV, стр. 367—368.

² Там же, стр. 499—501.

³ Там же, стр. 658—659.

вивались в условиях, когда с германской стороны выдвигались разного рода препятствия советскому экспорту. Декабрьский протокол 1931 года не был своевременно ратифицирован и, по существу, не выполнялся.

В марте 1932 года террористы, связанные с контрреволюционными кругами в Польше, совершили покушение на германского дипломатического представителя в Москве с целью вызвать разрыв отношений между СССР и Германией. Некий И. Штерн, полагая, что стреляет в посла Дирксена, 5 марта стрелял и ранил советника германского посольства фон Твардовски. Официальные советские представители немедленно выразили сожаление в связи со случившимся. Советские следственные органы быстро установили личность террориста и его связи. В сообщении ТАСС 8 марта 1932 г. говорилось: «По признанию Штерна, покушение имело целью вызвать обострение отношений между СССР и Германией и тем способствовать ухудшению международного положения СССР»¹. Военная коллегия Верховного суда СССР в апреле 1932 года приговорила террориста и его сообщника к высшей мере наказания. В день покушения посол Дирксен сообщил в Берлин, что в посольство и ранее приходили письма с угрозами и складывается впечатление, что заранее подготовленный террористический акт имел целью вызвать внешнеполитические осложнения для Советского правительства².

Советская дипломатия делала все для того, чтобы поддерживать нормальные отношения с Веймарской республикой. Заместитель наркома Н. Крестинский информировал полпреда Л. Хинчука о намерении в Москве устроить по случаю 10-й годовщины Рапалльского договора обед для членов германского посольства. НКВД спрашивал: «Желательно выяснить, хотят ли немцы в этот день какого-либо обмена письмами или телеграммами»³.

3 апреля 1932 г. Дирксен запросил Берлин относительно того, как предполагается отметить 10-летие Рапалльского договора. Его мнение сводилось к тому, что инициативу проявлять не следует, но отметить все же надо, чтобы не давать повода третьим державам для нежелательных выво-

¹ «Известия», 8 марта 1932 г.; «Документы...», т. XV, стр. 173, 176—177.

² См. Polit. Archiv, Büro Reichsminister, Bd. 28, Bl. D562301—D562303.

³ «Документы...», т. XV, стр. 238.

дов. Как видно, для германской дипломатии важны были теперь не сами отношения с СССР, а их видимость и мнение третьих правительств по этому поводу¹.

Однако пожелание советской дипломатии отметить годовщину Рапалло не встретило, судя по всему, взаимной готовности. Правительство Брюнинга предпочитало отмалчиваться, не шло даже на обычные проявления вежливости. Находившийся в Женеве нарком М. Литвинов 16 апреля был приглашен «от имени Брюнинга» на завтрак «в память Рапалло». Однако германская дипломатия отвергла не только обмен письменными приветствиями, но даже речами, едва согласилась на коммюнике о завтраке. Статс-секретарь Бюлов объяснял отказ от обмена речами желанием германского правительства «не привлекать слишком много внимания в момент, когда предполагается поставить в рейхстаге ратификацию продления Берлинского договора при наличии противников ратификации, а кроме этого, ввиду отношений с третьими странами»².

Парадоксально и зловеще даже с точки зрения дипломатического протокола выглядел завтрак, устроенный в Женеве Брюнингом, который ни словом не обмолвился о поводе для встречи — о Рапалльском договоре. «Весьма симптоматический характер носило празднование 10-летнего юбилея Рапалло., — говорилось в отчете полпредства СССР в Германии. — «Молчаливый» завтрак Брюнинга в Женеве был раскритикован со всех сторон, и он был расценен как симптом отхода Германии от СССР и рапалльской линии, но в стиле брюнинговской нерешительности. С одной стороны, он (Брюнинг. — *Ред.*) не решился отказаться от празднования Рапалло, а с другой — старался провести его втихомолку, чтобы не раздражать французов»³.

В отличие от официальных властей, германская пресса отметила 10-летие Рапалльского договора, особо подчеркнув значение экономических отношений СССР и Германии. Нарком иностранных дел СССР М. Литвинов передал представителям печати в Женеве заявление по случаю 10-летия Рапалльского договора, в котором, обстоятельно изложив смысл этого дипломатического акта, подчеркнул его действительность на протяжении всего периода после 1922 года. «Советско-германские отношения, основанные на Рапалль-

¹ См. Polit. Archiv. Büro Reichsminister, Bd. 28, Bl. D562312.

² «Документы...», т. XV, стр. 239.

³ Там же, стр. 761.

ском договоре, являются до сих пор одним из устоев европейского мира»¹, — говорилось в советском заявлении.

В июне 1932 года правительство Г. Брюнинга сменил реакционный кабинет во главе с Ф. фон Папеном. В этом кабинете министром иностранных дел стал К. фон Нейрат (Ю. Курциус вышел в отставку 9 октября 1931 г., и место оставалось вакантным). В беседе с советским полпредом вскоре после назначения Нейрат заявил, что он — «один из участников Рапалло и свое отношение выявил на Генуэзской конференции». «Этим определяется его отношение к СССР»², — записал Л. Хинчук дипломатические заверения нового министра иностранных дел Германии.

В беседах с советским полпредом министры правительства Папена, в частности министр рейхсвера Шлейхер и министр иностранных дел Нейрат, заверяли в неизменности «дружественных» отношений с СССР. Однако на деле шла подготовка к полному разрыву добрых отношений с СССР. Это проявилось особенно отчетливо в мерах противодействия советскому экспорту сельскохозяйственных продуктов и леса, в окончательном отходе от дипломатического сотрудничества, в частности в вопросах разоружения на конференции в Женеве.

Советское правительство внимательно наблюдало за ростом нацистской угрозы в Германии, которая особенно усилилась в годы мирового кризиса. Стремление нацистов к власти сопровождалось публичными антисоветскими выступлениями главарей движения. Советский полпред в письме в НКВД от 28 апреля 1932 г. отметил, что нельзя оставлять без внимания заявление Гитлера о том, что он считает своей задачей борьбу против СССР³. В связи с образованием кабинета Ф. Папена посол Г. Дирксен сообщал в Берлин 2 июня 1932 г. настроения и оценки в Москве: озабоченность судьбой политики, проводившейся до того времени в отношении СССР, поскольку известны антисоветские настроения нового рейхсканцлера⁴.

В конце июня 1932 года, после очередной смены кабинета в Германии, советское посольство отметило: «Правительство Папена до сих пор не предприняло никаких шагов и не делало никаких официальных заявлений, свиде-

¹ «Документы...», т. XV, стр. 249.

² Там же, стр. 259.

³ Там же, стр. 287.

⁴ См. Polit, Archiv. Büro Reichsminister, Bd. 28, Bl. D562323.

тельствующих о том, что оно занимает по отношению к СССР более враждебную позицию, чем правительство Брюнинга.

Но со стороны национал-социалистов, на которых нынешнее правительство опирается и которые в той или иной форме будут в ближайшем будущем оказывать большое влияние на правительственную политику, антисоветские требования и высказывания уже имеются»¹.

Во внешнеполитическом ведомстве Германии подход к СССР периодически взвешивался на весах мировой политики, и каждый раз баланс был в пользу сохранения добрососедских отношений. Секретная записка от 10 июня 1932 г., составленная в МИД Германии, определяла официальную установку дипломатам так: «Германская политика в отношении России основывается на Рапалльском договоре, Берлинском договоре и договорном комплексе 1925 года»². Как бы подводя итоги действия Рапалльского договора, авторы записки отмечали политические выгоды, полученные Германией от этого договора: «Значение Рапалльского договора (16 апреля 1922 г.): ликвидация прошлого, отстранение России от межсоюзнического репарационного фронта, первый прорыв существовавшей тогда изоляции Германии и создание основы для позитивных германо-русских отношений»³.

Осенью 1932 года политическое положение в Германии продолжало обостряться. Правительство Папена подало в отставку. Президент Гинденбург начал переговоры с Гитлером с целью образовать кабинет «национальной концентрации». Уже в это время было совершенно ясно, что приход нацистов к власти будет означать кровавый террор против коммунистов, против демократических организаций и, возможно, разрыв отношений с Советским Союзом. Советский полпред сообщал 20 ноября 1932 г. в Москву: «Шлейхер ведет политику не только на привлечение «нации», — на возглавление кабинета самим Гитлером»⁴.

В связи с затягиванием ратификации Московского протокола о продлении договора о нейтралитете советская дипломатия поставила вопрос о возможности ратификации протокола без рейхстага на основе полномочий президента

¹ «Документы...», т. XV, стр. 387.

² Цит. по A. Anderle, op. cit., S. 224.

³ Ibid.

⁴ «Документы...», т. XV, стр. 620—621.

по § 45 и 48 конституции. Юридически это было вполне возможно, так как президент имел право заключать международные договоры без последующего утверждения рейхстагом, поскольку они не требуют изменения германских законов. Советская сторона мотивировала свое предложение так: «Прошлогодний Московский протокол не требует издания каких-либо новых актов. Дело сводится лишь к продлению существовавшего до тех пор в течение 5 лет договора»¹. Однако германские правительственные сферы не желали идти на такую ратификацию.

Договоры о ненападении между СССР, Польшей и Францией были заключены соответственно 25 июля 1932 г. в Москве и 29 ноября 1932 г. в Париже. В письме полпреду в Берлин 1 декабря 1932 г. заместитель наркома Н. Крестинский отмечал: «Ратификация советско-польского и подписание советско-французского пакта не могли не вызвать некоторого беспокойства в германских политических кругах»². Оценивая отклики германской прессы на эти события, советские дипломаты заметили, что такие органы буржуазных партий, как «Кёльнише Цайтунг» и «Германия», выражают убежденность в верности СССР рапалльской линии, близкие к милитаристским и националистическим кругам «Берлинер Бёрсенцайтунг» и «Теглихе Рундшау» выражают беспокойство отношениями СССР с Францией и Польшей. «Ни одна газета при этом не упоминает, конечно, о том, что Берлинский договор, на который они ссылаются, с 30 июня 1931 г. перестал действовать, так как подписанный за неделю до этого в Москве протокол о бессрочном продлении Берлинского договора остается до сих пор нератифицированным»³, — говорилось в том же письме НКВД.

Уже весной 1932 года в дипломатических кулуарах появились слухи, что Г. Дирксен получит назначение в Японию, а его место в Москве займет Р. Надольны. Однако официальные лица опровергали это как измышления журналистов. Находясь в Женеве летом 1932 года на конференции по разоружению, М. Литвинов сообщил в Москву о впечатлении от бесед с германским представителем Надольны: «Он говорит о Москве, как-будто он вот-вот там будет жить, хотя не теряет надежды быть министром при

¹ «Документы...», т. XV, стр. 661.

² Там же, стр. 660.

³ Там же.

переходе власти к наци. С Нейратом у него скверные отношения»¹.

С середины 1932 года участились провокационные выпады нацистской прессы, в частности газеты «Ангриф», против СССР; полицейские чины совершали незаконные вторжения в советские представительства, например имело место нападение на генконсульство в Кёнигсберге. Усиливалась антисоветская кампания. Советские представители ставили перед германским правительством вопрос о недопустимости оскорбительных действий нацистов, однако власти ссылались на свое бессилие против нацистов. На словах германские официальные лица продолжали заверять в неизменности внешней политики и даже приверженности кабинета Папена рапалльскому курсу, однако на деле все было направлено на поворот к враждебной в отношении СССР политике. В результате провокационных действий германских властей и нацистов отношения между Германией и Советским Союзом во второй половине 1932 года все более обострялись.

В беседе с послом Г. Дирксеном 3 декабря 1932 г. заместитель наркома Н. Крестинский еще раз поставил вопрос о ратификации Московского протокола, поскольку отказ от этого создает ненормальное положение: вступают в силу договоры ненападения СССР с соседними государствами, а договор с Германией не действует. Г. Дирксен заверил, что протокол, может быть, будет ратифицирован сессией рейхстага, начинающейся 6 декабря 1932 г. Иначе, говорил посол, «придется подумать о ратификации указом президента на основании 48-й статьи»². Министр иностранных дел К. Нейрат заверил М. Литвинова 19 декабря 1932 г., что на ближайшем заседании рейхстага Московский протокол будет ратифицирован. Однако на деле протокол о пролонгации Берлинского договора, подписанный 24 июня 1931 г., был ратифицирован только 13 апреля 1933 г., после прихода 30 января 1933 г. к власти нацистов и после роспуска рейхстага. В новых условиях такая ратификация имела скорее формальное, чем политическое значение. Нацисты, приступившие к жестокому террору против коммунистов внутри страны, утверждая протокол и продлевая договор, делали дипломатический жест, который должен был показать, что Германия не намерена нарушать кор-

¹ «Документы...», т. XV, стр. 383.

² Там же, стр. 809.

ректные дипломатические отношения с СССР. На деле, однако, происходило свертывание всех отношений, сложившихся за десять лет действия Рапалльского договора.

В соответствии с захватническими замыслами и провозглашенной доктриной экспансии Гитлер был намерен вступить на путь враждебной политики в отношении Советского Союза, однако это было невозможно осуществить тотчас после прихода в правительство. Первые дипломатические шаги должны были создать впечатление внешней корректности и лояльности в отношении имеющихся международных договоров. Уже 31 января 1933 г. Г. Дирксен посетил НКВД СССР и по указанию из Берлина сделал Н. Крестинскому заверение, что политика Германии в отношении СССР остается «прежней»¹.

После установления нацистской диктатуры Р. Надольны получил назначение в Москву. Гитлер направил Надольны послом в Москву на смену Г. Дирксену, однако концепция Надольны оказалась неприемлемой для гитлеровцев. «Фюрер и рейхсканцлер, — вспоминал Надольны, — послал меня в качестве посла в Москву для нормализации германо-советских отношений, однако позже не захотел иметь никаких дел с русскими. Я пробыл в России восемь месяцев»². После нескольких месяцев пребывания в Москве он написал памятную записку, в которой ставил вопрос о необходимости считаться с Советским Союзом как реальным фактором и заключить договор. Вскоре он был вызван в Берлин, был принят министром Нейратом, президентом Гинденбургом и самим Гитлером. Последний категорически заявил, что не желает иметь дела с СССР, что он намерен идти с Англией. Надольны предложили еще раз письменно изложить свои соображения, позволили вернуться в Москву и вскоре, отвергнув его предложения, заставили уйти в отставку. В Москве он сказал дипломатам, что уходит в отпуск, а Твардовски уже запросил агреман для Шуленбурга. Окончательный разрыв с рапалльской линией получил, таким образом, выражение не только в отзыве Дирксена, но и в кратковременной безрезультатной миссии Надольны.

Нацистское правительство вступило на путь антикоммунистического террора внутри страны и антисоветской линии во внешней политике.

¹ См. «Документы...», т. XVI, стр. 112—116.

² См. R. N adol ny, *Mein Beitrag*, Wiesbaden, 1955, S. 169.

За несколько дней до нацистского переворота в Германии на сессии ЦИК СССР отмечалось, что во взаимоотношениях СССР с иностранными государствами Германии принадлежит «особое место»: «Из всех стран, имеющих с нами дипломатические отношения, с Германией мы имели и имеем наиболее крепкие хозяйственные связи. И это не случайно. Это вытекает из интересов обеих стран»¹.

Состояние советско-германских отношений до 30 января 1933 г. и после этой даты принципиально различно. В течение более десяти лет Советское государство имело хорошие отношения с буржуазно-демократической Веймарской республикой. 30 января 1933 г. в Германии пришла к власти наиболее реакционная шовинистическая партия монополистического капитала, которая провозгласила борьбу против коммунизма и Советского Союза своей главной целью, поэтому сам факт прихода к власти такой партии при прямой поддержке крупных капиталистов означал вызов и разрыв с рапальской политикой.

Приход нацистов во главе с А. Гитлером к власти в Германии означал установление диктатуры наиболее реакционных шовинистических кругов крупного монополистического капитала. Кровавый террор гитлеровцев против прогрессивных, демократических сил, в первую очередь против Коммунистической партии Германии, предвещал переход нового «рейха» к политике экспансии вовне, к подготовке и развязыванию агрессивных войн против народов Европы.

Установление фашистской диктатуры в Германии привело к резкому нарушению добрососедских отношений с СССР, основанных на Рапальском договоре. Завершился подготовленный реакционными кругами Германии отход от добрых отношений с СССР, составлявших целую историческую полосу сосуществования и доброго сотрудничества. Прервалась рапальская политика — линия мирного сосуществования и взаимовыгодного сотрудничества.

¹ «Документы...», т. XVI, стр. 50.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ. ИСТОРИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНИЕ РАПАЛЛЬСКОЙ ПОЛИТИКИ

Рапалльская политика — это первое в истории международных отношений и дипломатии новейшего времени практическое воплощение в жизнь ленинского принципа мирного сосуществования государств различных социальных систем — Советского государства и Веймарской республики. Если после подписания Брестского мира 1918 года отношения между Советской Россией и Германией поддёрживались на основе признания молодой Советской республикой насильственно навязанных ей условий, то после заключения Рапалльского договора 1922 года отношения между двумя странами были поставлены на прочную основу взаимного отказа от всяких претензий, признания равноправия государств. Брест был опытом использования глубоких империалистических противоречий, прежде всего противоречий Германии и Антанты, в интересах становления и укрепления первого социалистического государства. Рапалльская политика означала нечто значительно большее: она строилась на долговременных факторах, таких как совпадение жизненных интересов народов двух государств различных социально-экономических систем.

Ленинская внешняя политика учитывала, что германский народ, совершивший буржуазно-демократическую революцию, поставлен западными державами в условия «невозможности существования» по Версальскому миру. Он нуждался в поддержке и добрососедских отношениях с европейской державой, строившей свою политику на добром сотрудничестве. Такой державой было только Советское государство. Путь из Бреста в Рапалло был сложным и противоречивым. Основной причиной этого были непоследовательность социал-демократической партии и возглавлявшихся ее лидерами правительств, незавершенность

буржуазно-демократической революции в Германии. Классовые интересы германских капиталистов и юнкеров предопределяли враждебную Советскому государству линию в германской политике. Хотя германское правительство не пошло на расширение своего участия в интервенции против Советской России и формально не присоединилось к ее экономической блокаде, тем не менее вплоть до 1920 года оно не шло на торговые контакты и на восстановление официальных отношений, учитывая политику западных держав, прежде всего Великобритании.

Советское правительство сразу после начала Ноябрьской революции в Германии, поражения германского империализма в мировой войне и аннулирования брестского диктата предложило германскому народу и правительству установление добрососедских отношений, взаимную поддержку в противодействии западным империалистическим державам. Советская дипломатия исходила из совпадения государственных интересов двух стран в совместном противодействии империализму.

Исследование предыстории рапалльской политики дает основание для вывода, что заключение Рапалльского договора не было результатом случайного стечения обстоятельств, субъективных дипломатических комбинаций или исключительно делом рук умелых дипломатов. Это был исподволь подготовленный, до конца продуманный и, можно сказать, точно сбалансированный шаг с обеих сторон. Дипломатическое сближение и договорное оформление межгосударственных отношений были подготовлены длительным развитием событий в период с ноября 1918 по апрель 1922 года. Политика германских правящих кругов в этот период отличалась особой противоречивостью: объективное положение Германии толкало ее на путь поиска добрососедских отношений, в особенности с Советской Россией, субъективные же устремления и классовые интересы крупных капиталистов и юнкеров определяли склонность к участию в интервенционистской политике западных держав. Особенно щепетильно учитывали германские правящие круги антисоветские тенденции в политике британского империализма, пытаясь использовать выявившиеся разногласия среди победителей, в частности между Англией и Францией. Однако межимпериалистические противоречия победителей и побежденных оказались столь сильными и непримиримыми, что объективный ход событий вынудил германские правящие круги вступить на путь пере-

говоров с Советским правительством и пойти на заключение договора.

Рапалльский договор 1922 года вошел в историю международных отношений и дипломатии новейшего времени как первый пример равноправного урегулирования отношений государств противоположных систем. Отношения, установленные на основе Рапалльского договора между Советским социалистическим государством и Веймарской буржуазной республикой, отвечали интересам обеих стран и не наносили никакого ущерба жизненным интересам третьих государств. Главным смыслом рапалльской политики было дипломатическое и экономическое сотрудничество. Договор не содержал никаких тайных статей или военных условий, направленных против какого-либо народа или страны. Если имелась возможность и военно-политического сотрудничества двух стран (в принципе не отвергавшаяся Советским государством), то Рапалльский договор никоим образом не определял военно-политических обязательств. Ограниченные по времени и по масштабам военно-технические контакты в рамках создания отдельных оборонных предприятий на территории СССР отнюдь не означали установления союзных отношений или военно-стратегического сотрудничества между двумя правительствами. Развитие дипломатических отношений в духе Рапалло было направлено в первую очередь на расширение торгово-экономического обмена, научно-технических и культурных контактов. Важным элементом рапалльской политики были дипломатические контакты и согласование позиций по ряду проблем европейской и мировой политики, особенно в 1923—1926 годах, в частности в период Рурского кризиса 1923 года, в подходе к проблеме разоружения и т. п. 4

Ленинская оценка Рапалльского договора как единственного образца¹ урегулирования отношений Советского государства с капиталистическими державами предопределила установку советской внешней политики и дипломатии: расширять международное сотрудничество, отношения с другими государствами исключительно на основе равноправия и добрососедства. Согласно ленинским оценкам, признавалось нормальным для отношений Советского государства с капиталистическими государствами заключение лишь договоров «рапалльского типа»².

¹ См. В. И. Ленин, ПСС, т. 45, стр. 185.

² Там же, стр. 192—193.

Для Веймарской республики заключение Рапалльского договора также было выходом из дипломатической изоляции и утверждением самостоятельного внешнеполитического курса.

Отмечая историческое значение Рапалльского договора, В. Брандт говорил: «Когда имперский министр иностранных дел Вальтер Ратенау в 1922 г. возвратился из Рапалло в Геную, он мог сказать себе, что он вернул Германию в круг тех великих держав своего времени, которые, несмотря на различного рода естественные или искусственные преграды, имели возможность определять собственное развитие и принимать суверенные решения»¹.

Рапалльская политика отнюдь не снимала противоречия классовых интересов двух государств, однако возникшие конфликтные ситуации успешно преодолевались сторонами в духе Рапалло.

Перспективность рапалльской политики основывалась на взаимной заинтересованности двух стран в политических и экономических отношениях. Предусмотренный Рапалльским договором принцип наибольшего взаимного благоприятствования был несомненно выгоден обеим сторонам. Торговый оборот двух стран в 1922—1932 годах неуклонно возрастал, причем баланс торгового оборота складывался преимущественно в пользу германской стороны. В период рапалльского сотрудничества получил развитие институт кредитования крупных советских заказов, был создан не только прецедент для кредитных отношений СССР с другими капиталистическими странами, но и накоплен большой опыт стыковки кредитов и промышленных заказов. Краткосрочные и долгосрочные кредиты, хотя и под довольно высокий процент, стали действенным средством поощрения заказов германским фирмам. Советский Союз получил из Германии значительное количество машин и оборудования для создававшихся отраслей индустрии. Германские фирмы благодаря планомерно возрастающим советским заказам получили свою долю прибыли и могли преодолеть кризисные ситуации и безработицу.

Экономическое сотрудничество в духе Рапалло с 1922 по 1932 год имело несомненно положительное значение для каждой из стран. За десятилетие обе страны стали одна для другой важнейшими партнерами как по объему

¹ Цит. по «За рубежом», 14—20 апреля 1972 г., № 16 (617), стр. 24.

оборота, так и по номенклатуре товаров. Германская промышленность нашла в СССР емкий платежеспособный рынок сбыта готовых изделий и источник получения сырья и продовольствия. Советские заказы машин и оборудования создали основу для широкого экономического сотрудничества. Германские промышленники активно стремились обеспечить рынок для готовых изделий, особенно потребительского назначения, советская экономика была заинтересована в поставках промышленного оборудования. Значительными были поставки в СССР средств производства в период мирового экономического кризиса. По мере создания собственной индустрии и упрочения экономической самостоятельности СССР интересы германских промышленников и советской индустрии приходили в известное противоречие, однако Советское правительство изыскивало возможности для новых заказов в интересах быстро растущей социалистической промышленности. Уже в конце 20-х годов германские фирмы стали усматривать потенциальных конкурентов в советских организациях, особенно на восточноевропейском и азиатском рынках, стремились удерживать инициативу в транзитной торговле и ставить искусственные препятствия советскому экспорту в Германию. Рапалльский договор и заключенные в рапалльском духе соглашения давали возможность путем переговоров регулировать проблемы экономических отношений. Этой цели служил ряд соглашений 1925—1931 годов. Общий итог экономического сотрудничества, как показывает статистика, был положительным для обеих сторон.

Германские ученые Ю. Кучински и Г. Виттковски, исследовавшие экономические отношения СССР и Германии, пришли к выводу, который сохраняет свое значение для оценки отношений между первым в истории социалистическим государством и капиталистическим германским государством: «Если когда-либо требовались весомые доказательства возможности хозяйственного сотрудничества между капиталистической и социалистической странами, то оно имело место в отношениях между Германией и Советским Союзом в 1924—1932 годах. И если когда-либо был дан действительный, разительный пример возможности торгово-экономического сотрудничества между двумя странами с разным общественным строем, то именно в развитии германо-советских внешнеторговых отношений в 1924—1932 годах. Ибо если мы оставим в стороне отклонения и рассмотрим только основные направления развития

внешней торговли, то сможем наблюдать мощный подъем, который продолжался с момента возобновления торговых отношений до 1932 года»¹. Основа успешного экономического сотрудничества двух стран коренилась во взаимной заинтересованности и экономических потребностях, которые были обусловлены историческими и географическими факторами.

В итоге десятилетнего экономического сотрудничества Германия заняла первое место во ввозе товаров в Советский Союз. В то же время доступ советских товаров в Германию оказался ограниченным, что привело к возникновению проблемы сбалансирования экспорта и импорта. Германские финансисты рассчитывали, что Советский Союз будет покрывать пассив за счет активной торговли с третьими странами. Советский Союз оплачивал значительную часть поставок золотом и деvisaми. Однако нормальное развитие взаимной торговли предполагает одновременное увеличение взаимного ввоза и вывоза. Вот почему советские представители ставили вопрос о регулировании взаимных экономических отношений. Жизненные интересы обеих стран диктовали поиски путей для сбалансирования взаимного ввоза и вывоза товаров. Но уже в 1931—1932 годах выявилось нежелание германской стороны учитывать интересы Советского Союза. В течение некоторого времени удавалось регулировать проблемы товарооборота и взаимных расчетов путем переговоров и выработки приемлемых соглашений.

В 1931—1932 годах германские правительственные круги встали на путь искусственного ограничения ввоза советских товаров на германский рынок и тем самым поставили определенные рамки дальнейшему расширению экономического сотрудничества. Нам представляется, что причины такой позиции были политического, по не экономического порядка. Дальнейшее развитие отношений в духе рапалльской политики продолжало отвечать национальным интересам германского народа, однако реакционные круги германского монополистического капитала на пути антисоветской политики видели возможность обеспечить сохранение своего классового господства. Они усматривали в дальнейшем усилении мощи и влияния Советского Союза угрозу своему экономическому и политическому господству и преграду на пути к экспансии.

¹ J. Kiczynski, G. Wittkowski, op. cit., S. 81.

Попытки переориентации внешней политики на Запад, предпринятые по инициативе Г. Штреземана начиная с 1924 года, не означали полного отказа от рапалльской политики. Активные действия советской дипломатии способствовали закреплению рапалльского курса и широкому развитию экономического сотрудничества. В связи с кризисными явлениями и конфликтными ситуациями в отношениях между двумя странами некоторые западные историки склонны датировать конец рапалльской политики тем или иным инцидентом (майский инцидент 1924 г., дело студентов 1925 г., арест немецких инженеров 1928 г., майский эпизод 1929 г.). Однако изучение дипломатических документов убеждает в том, что отношения, определенные Рапалльским договором 1922 года, продолжались, вопреки всем осложнениям. Рапалльский договор оказывал свое влияние на общее направление отношений между двумя странами до 1932 года. В этом смысле можно считать, что рапалльский период советско-германских отношений продолжался вплоть до 1933 года.

Поворот германской политики на Запад и попытка примирения интересов победителей и побежденных в Локарнском пакте вызвали необходимость нового оформления политических обязательств Германии перед СССР. Берлинский договор 1926 года определил взаимный нейтралитет и обязательства ненападения двух государств. В условиях подписания Локарнского пакта и вступления Германии в Лигу наций Берлинский договор означал сохранение и подтверждение рапалльского курса. После заключения Берлинского договора в политической и дипломатической практике чаще говорили не о букве, а о духе Рапалло, понимая под этим приверженность линии взаимовыгодных равноправных отношений.

Отход германских правящих кругов от рапалльского курса, совершившийся в начале 30-х годов, несколько замедлился вследствие мирового экономического кризиса и сложного внутреннего положения в Германии. Отказ германского правительства от проведения рапалльской политики определялся классовыми интересами крупных капиталистов и юнкеров, которые усматривали в поддержании нормальных добрососедских отношений с СССР фактор его усиления и влияния на рабочий класс Германии. Реакционные правительства Брюнинга, Папена и Шлейхера, проложившие путь нацистам к власти, подготовили полный и окончательный разрыв Германии с рапалльской политикой.

Разрыв с рапалльским курсом совершили реакционные шовинистические круги германского крупного капитала. Историческая ответственность за отход от рапалльской политики лежит на правых буржуазных партиях Веймарской республики и их правительствах 1931—1932 годов, однако полный разрыв добрососедских отношений с СССР был совершен наиболее реакционными шовинистическими кругами, ставленниками крупнейших монополий — нацистами, вступившими на путь подготовки и развязывания агрессивной войны.

Опыт проведения рапалльской политики дал советской дипломатии подтверждение ленинского вывода о возможности и необходимости мирного сосуществования с государствами, имеющими иной социально-экономический строй. Рапалльский опыт недвусмысленно доказал не только реальную возможность поддержания нормальных отношений государств, имеющих разный социальный строй, без какого-либо ущерба для других стран, но и необходимость добрососедских отношений между государствами, независимо от их систем, с точки зрения интересов всеобщего мира и безопасности.

Отношения, основанные на взаимном учете интересов и уважении жизненных потребностей в духе Рапалло, были грубо отброшены и растоптаны не по вине советской стороны. Не принесла позитивных плодов и локарнская переориентация германской внешней политики. Подводя итоги своей деятельности, германские политики и дипломаты были вынуждены высказать свое разочарование тем, что локарнская попытка примирения Германии с Западом оказалась безуспешной. Посол Г. фон Дирксен, например, писал: «Окупила ли себя в отдаленной перспективе локарнская политика? Над этим вопросом я думал в течение ряда лет, особенно в связи с германо-советскими отношениями. Из убежденного приверженца Локарно я стал скептиком»¹.

Разрыв с рапалльским курсом и переход к подготовке захватнических войн привели Германию на путь агрессии против СССР. Историческая и политическая ответственность за аннулирование рапалльской политики легла на правящие круги буржуазного германского государства, на партии германского крупного капитала.

¹ Н. v. Dirksen, *op. cit.*, S. 75.

После второй мировой войны первое германское государство рабочих и крестьян — Германская Демократическая Республика — призвало всех немцев сделать выводы из уроков истории, уяснить положительный опыт сотрудничества с Советским Союзом. ГДР с момента своего возникновения получила от СССР братскую поддержку в духе интернациональной солидарности. Отношения между СССР и ГДР с самого начала основываются на принципах социалистического интернационализма, взаимной помощи и братского сотрудничества. Сотрудничество ГДР и СССР стало примером международных отношений нового типа.

Советский Союз и ГДР как социалистические страны и союзники связаны узами искренней и бескорыстной дружбы, развивают между собой всесторонние отношения братского сотрудничества, играют важную роль в социалистической экономической интеграции, согласовании и координации внешней политики, укреплении политического и идеологического единства стран социалистического содружества.

В современных условиях, когда в Европе существуют два равноправных германских государства — ГДР и ФРГ, которые установили договорные отношения между собой и с другими государствами и приняты в Организацию Объединенных Наций, речь отнюдь не идет о каком-либо буквальном повторении рапальского опыта. Главное, что можно извлечь из исторического опыта, — это вывод о возможности и необходимости добрососедских экономических и культурных отношений даже между государствами, имеющими различные социально-экономические системы.

Советский Союз последовательно проводит в жизнь ленинские принципы внешней политики: мирное сосуществование в отношениях с капиталистическими странами. В результате конструктивной политики СССР и ГДР, а также реалистического подхода правительства ФРГ к современному положению в Европе создается с участием СССР и обоих германских государств система договоров, призванная обеспечить мирное сотрудничество и безопасность в Европе. Особенно важно, что теперь, когда сложились тесные братские отношения искренней и бескорыстной дружбы между СССР и ГДР, открывается новая страница и в отношениях СССР и ФРГ.

Московский договор 1970 года между СССР и ФРГ, встреча Генерального секретаря ЦК КПСС Л. И. Брежнева с канцлером ФРГ В. Брандтом в Ореанде (Крым) в

сентябре 1971 года положили начало процессу улучшения отношений между двумя государствами. Историческое значение имели состоявшаяся в мае 1973 года поездка Л. И. Брежнева в ФРГ, проведенные там переговоры и достигнутые соглашения. Выступая по западногерманскому телевидению, Л. И. Брежнев сказал: «Поставив свою подпись под документом, содержащим реалистическое признание нынешнего положения в Европе, приняв торжественное обязательство не прибегать в отношении друг друга к силе или угрозе силой, Советский Союз и Федеративная Республика Германии вышли в своих взаимоотношениях на новый путь»¹.

В период визита Л. И. Брежнева между СССР и ФРГ были подписаны соглашение о развитии экономического, промышленного и технического сотрудничества, соглашение о культурном сотрудничестве и другие документы, направленные на всестороннее развитие отношений между государствами двух систем в интересах европейского и всеобщего мира.

Генеральный секретарь ЦК КПСС Л. И. Брежнев, отвечая на вопросы главного редактора журнала «Штерн» в мае 1973 года, отмечал связь политических и экономических факторов во взаимоотношениях государств, влияние политических факторов на перспективы сотрудничества между СССР и ФРГ в области экономики, торговли, науки и техники. Л. И. Брежнев положительно оценивает возможности существенного расширения сотрудничества между СССР и ФРГ в экономической и научно-технической областях, учитывая имеющийся опыт.

«Многие западногерманские фирмы хорошо известны в нашей стране как солидные торговые партнеры, — подчеркнул Л. И. Брежнев. — Мы знаем, что есть определенные объективные сложности, обусловленные разным характером социально-экономических систем двух наших государств. Однако опыт показывает, что деловые круги вашей страны и наши торговые организации могут довольно успешно сочетать свои усилия на основе взаимной выгоды»².

Характерно, что в новых исторических условиях интерес к экономическим отношениям с Советским Союзом проявляют многие из тех фирм и обществ, которые в рапаль-

¹ Л. И. Брежнев, О внешней политике КПСС и Советского государства, стр. 503.

² «Визит Л. И. Брежнева в ФРГ», М., 1973, стр. 7—8.

ский период имели плодотворные и выгодные контакты с советскими организациями. Среди фирм и концернов ФРГ, участвующих ныне в налаживании делового сотрудничества с СССР, такие известные по сотрудничеству с советскими организациями в прошлом, как «Крупп», «Отто Вольф», «Сименс», «Маннесман», «Зальцгиттер» и др.

Опыт истории говорит, что интересы народов требуют искать решения проблем в мирных соглашениях, в налаживании экономического и культурного сотрудничества, а не в обострении противоречий и усилении напряженности. Опыт советско-германских дипломатических отношений в 1922—1932 годах убеждает, что долговременные дружественные отношения, экономическое и культурное сотрудничество между государствами даже с различным социальным строем не только возможны, но и повелительно необходимы в интересах европейской и всеобщей безопасности.

Советское государство придает большое значение двусторонним отношениям с государствами Европы, Азии и иных континентов. Отношения между Советским Союзом и ФРГ — важное звено в системе международных отношений, в особенности в Европе. На обеде во дворце Шаумбург в Бонне 18 мая 1973 г. Л. И. Брежнев говорил: «Развитие широкого сотрудничества с ФРГ занимает важное место в европейской политике Советского Союза, которая направлена на осуществление решительного поворота к разрядке и миру на континенте. Такую большую задачу, разумеется, можно решить лишь усилиями многих государств, при взаимопонимании с соседями и друзьями соответственно как Советского Союза, так и ФРГ. Мы надеемся, что в этих коллективных усилиях ФРГ сыграет роль, отвечающую ее весу и положению в современном мире»¹.

В современных условиях разрядки напряженности и перехода от конфронтации к переговорам и соглашениям между государствами социалистической и капиталистической систем теория и практика политики мирного сосуществования, развития двусторонних и многосторонних отношений между государствами двух систем имеют особую актуальность. Генеральный секретарь ЦК КПСС Л. И. Брежнев в речи на Всемирном конгрессе миролюбивых сил в Москве говорил: «Все более широкое признание получают принципы мирного сосуществования государств с различным социальным строем. Эти принципы

¹ «Визит Л. И. Брежнева в ФРГ», стр. 17.

насыщаются все более конкретным содержанием, постепенно превращаются в общепринятую норму международной жизни»¹.

Богатый опыт КПСС и Советского государства в проведении политики мирного сосуществования явился реальной основой для заключения на новом этапе договоров и соглашений с капиталистическими державами. В этом плодотворном опыте советской внешней политики и дипломатии определенное место занимают выводы из исторического прошлого, в том числе из рапалльской политики. Поэтому можно сказать, что Рапалло — это отнюдь не отдаленное прошлое. Это — политическая практика современных международных отношений, в которой советская внешняя политика черпает позитивный опыт сотрудничества государств с разными социальными системами.

¹ Л. И. Брежнев, За справедливый, демократический мир, за безопасность народов и международное сотрудничество. Речь на Всемирном конгрессе миролюбивых сил, М., 1973, стр. 7.

ИССЛЕДОВАННЫЕ АРХИВНЫЕ ИСТОЧНИКИ

Историко-дипломатический архив МИД СССР (Москва) (в тексте — ссылка: ИДА). Микрофильмы.

Фонд 634. Опись 18. Дело № 41. «Reichswirtschaftsministerium. Wirtschaftsbeziehungen zu Russland (vom 3. Dezember 1921 bis 31. Mai 1924)», Bd. 1.

Фонд. 634. Опись 18. Дело 42. «Wirtschaftsministerium. Wirtschaftsbeziehungen mit Russland (Zeit: 19. Dezember 1921 bis 18. November 1922)», Bd. 1.

Фонд 634. Опись 18. Дело № 43. «Reichswirtschaftsministerium. Referat 11 — II Wirtschaftsabkommen mit Russland (vom 13. Januar 1922 bis 14. Juli 1923)», Bd. 2.

Фонд 634. Опись 18. Дело № 44. «Reichswirtschaftsministerium. Wirtschaftsabkommen und Austauschangelegenheiten mit Russland (vom 13. Januar 1922 bis 14. Juli 1923)», Bd. 2.

Das Politische Archiv des Auswärtigen Amtes (BRD, Bonn)

Auswärtiges Amt. Abteilung IV A Russland.

Akten betreffend: den deutsch-russischen Vertrag vom 16. April 1922 (Rapallovertrag), Bd. 1. April 1922).

Akten betreffend: den deutsch-russischen Vertrag vom 16. April 1922 (Rapallovertrag), Bd. 2 (vom 1. Mai 1922 bis 31. Mai 1922).

Akten betreffend: den deutsch-russischen Vertrag vom 16. April 1922 (Rapallovertrag), Bd. 3 (vom 1. Juni 1922 bis 30. September 1922).

Deutsche Delegation in Genua. Akten betreffend: Druckschriften von 1922, Bd. 1—2. Deutsche Delegation in Genua: Rapallo. Akten betreffend Vertrag mit Russland, Bd. 1—2.

Deutsche Delegation in Genua: Rapallo. Akten betreffend: Vertrag von Rapallo (vom April 1922 bis Mai 1922).

Auswärtiges Amt. Abteilung IV A Politik 2. Russland.

Akten betreffend: Ausdehnung des Rapallovertrages auf die russischen Föderativstaaten (Ausdehnung), Bd. 1 (vom Juni 1922 bis Dezember 1922), Bd. 2 (vom Januar 1923...).

Nachlass Brockdorff-Rantzau. Akten betreffend: Korrespondenz mit Tschitscherin von 1923 bis 1928. Az. 43.

Nachlass Brockdorff-Rantzau. Akten betreffend: Nachlass 15.2.

Akten betreffend: Politische Beziehungen Russlands zu Deutschland:

Bd. 6 (vom 1. November 1921 bis 31. Juli 1922).

Bd. 7 (vom 1. August 1922 bis 31. März 1923).

Bd. 8 (vom 1. April 1923 bis November 1923).

Bd. 9 (vom Dezember 1923 bis Dezember 1924).

Bd. 10 (vom Januar 1925 bis März 1926).

Bd. 11 (vom 1. April 1926 bis März 1928).

Bd. 12 (vom April 1928 bis März 1929).

Bd. 13 (vom April 1929 bis August 1929).

Bd. 14 (vom September 1929 bis Februar 1930).

Bd. 15 (vom März 1930 bis August 1930).

Bd. 16 (vom September 1930 bis Oktober 1931).

Bd. 17 (vom November 1931 bis Oktober 1932).

Bd. 18 (vom November 1932 bis April 1933).

Auswärtiges Amt. Abteilung IV A. Politik I. Russland.

Akten betreffend: Allgemeine auswärtige Politik Russlands, Bd. 1 (vom März 1920 bis August 1921).

Akten betreffend: Allgemeine auswärtige Politik:

Bd. 1 (vom März 1920 bis Juni 1927).

Bd. 2 (vom Juni 1927 bis November 1934).

Akten betreffend: den deutsch-russischen Vertrag vom 24. April 1926:

Bd. 1 Politik 2 (vom 1. April 1926 bis 30. April 1926).

Bd. 2 Politik 2 (vom 1. Mai 1926 bis 31. Mai 1926).

Auswärtiges Amt. Büro Reichminister. Akten betreffend: Russland.

Bd. 12. Material zu den Vertragsverhandlungen zwischen dem Deutschen Reiche und der Union der Sozialistischen Sowjet-Republiken.

Auswärtiges Amt. Abteilung IV Russland. Handel 13.
Akten betreffend: Handelsvertragsverhältnis zu Deutschland:

Bd. 1 (vom Mai 1921 bis Dezember 1927).

Bd. 2 (vom Januar 1928 bis Februar 1928).

Bd. 3. (vom März 1928 bis September 1928).

Auswärtiges Amt. Abteilung IV Russland A. Handel 13.

Akten betreffend: Deutsch-Russische Wirtschaft- und
Zolltarifverhandlungen:

Bd. 1 (vom Februar 1929 bis 21. Dezember 1931).

Bd. 2 (vom 22. Dezember 1931 bis 30. Juni 1932).

Bd. 4 (vom Dezember 1932 bis Februar 1933).

*Auswärtiges Amt. Büro Reichsminister. Akten betreffend:
Russland.*

Bd. 5 (vom 6. Januar 1923 bis 19. Juli 1923) (Az. 9).

Bd. 6 (vom 20. Juli 1923 bis 2. Februar 1924) (Az. 9).

Bd. 7 (vom 3. Februar 1924 bis 26. Mai 1926) (Az. 9).

Bd. 8 (vom 27. Mai 1924 bis 30. Oktober 1924).

Bd. 9 (vom 31. Oktober 1924 bis 15. März 1925).

Bd. 10 (vom 16. März 1925 bis 26. Juni 1925).

Bd. 11 (vom 27. Juni 1925 bis 5. September 1925).

Bd. 12 (vom 7. September 1925 bis 10. Dezember 1925).

Bd. 13 (vom 11. Dezember 1925 bis 31. März 1926).

Bd. 14 (vom 1. April 1926 bis 30. April 1926).

Bd. 16 (vom 11. Juni 1926 bis 28. Januar 1927).

Bd. 17 (vom 31. Januar 1927 bis 21. Mai 1927).

Bd. 18 (vom 23. Mai 1927 bis 26. September 1927).

Bd. 19 (vom 24. September 1927 bis 31. Dezember 1927).

Bd. 20 (vom 2. Januar 1928 bis 22. Dezember 1928).

Bd. 21 (vom 7. Januar 1929 bis 3. August 1929).

Bd. 22 (vom 5. August 1929 bis 31. Oktober 1929).

Bd. 23 (vom 2. November 1929 bis 5. Februar 1930).

Bd. 24 (vom 7. Februar 1930 bis 17. März 1930).

Bd. 25 (vom 23. März 1930 bis 30. Juni 1930).

Bd. 26 (vom 1. Juli 1930 bis 31. Januar 1931).

Bd. 27 (vom 2. Februar 1931 bis 30. Dezember 1931).

Bd. 28 (vom 15. Januar 1932 bis 14. August 1933).

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	3
<i>Глава I.</i> Советская Россия и Германия в 1918—1921 годах: от Бреста до Рапалло	13
<i>Глава II.</i> Рапалльский договор 1922 года (подготовка и заключение)	30
Экономические и политические причины поворота Германии к сотрудничеству с Советской Россией. Генуэзская конференция и заключение Рапалльского договора	30
<i>Глава III.</i> Рапалльская политика. Советско-германское сотрудничество в 1922—1924 годах	81
Налаживание дипломатического и экономического сотрудничества	81
Рурский кризис и позиция Советского Союза. Майский инцидент 1924 года	106
<i>Глава IV.</i> Локарнский сговор и позиция СССР	127
Экономические и политические переговоры 1924—1925 годов	127
Заключение Московского экономического договора	153
Локарнская конференция и позиция СССР	174
<i>Глава V.</i> Проблемы отношений СССР и Германии в 1926—1928 годах	186
Подготовка и заключение Берлинского договора 1926 года	186
Проблемы экономического сотрудничества	209
<i>Глава VI.</i> Отношения СССР и Германии в годы мирового экономического кризиса	233
Кризис в Германии и рапалльский курс	233
Проблемы и итоги экономического сотрудничества СССР с Германией	259
Отказ германских правящих кругов от рапалльской политики	273
Заключение. Историческое значение рапалльской политики	288
Исследованные архивные источники	300

Ахтамзян А. А.

А 95 Рапалльская политика. Советско-германские дипломатические отношения в 1922—1932 годах, М., «Междунар. отношения», 1974 г.

304 с.

В монографии исследуются межгосударственные отношения Советского Союза и Веймарской республики в рапалльский период, получивший название по месту (Рапалло) подписания первого равноправного советско-германского договора в апреле 1922 года. Автор по-новому освещает рапалльскую политику на основе новейших советских и зарубежных публикаций, а также изученных в Политическом архиве ФРГ (Бонн) германских дипломатических документов.

А. А. Ахтамзян — специалист по истории международных отношений и внешней политики СССР, автор книг «От Бреста до Килия» (1963 г.), «В. И. Ленин и советская дипломатия», а также ряда других работ.

A $\frac{11101-044}{003(01)-74}$ 2-74

327+9(M) 71

Абдулхан Абдурахманович Ахтамзян

**Рапалльская политика.
Советско-германские дипломатические отношения
в 1922—1932 годах**

Редактор Г. М. Крылова
Оформление художника А. А. Горячкина
Художественный редактор Р. А. Казаков
Технический редактор Т. С. Ковалева
Корректор Е. В. Архипова

А09409 Сдано в набор 25/III-1974 г. Подписано в печать 27/V 1974 г. Формат 84×108 $\frac{1}{32}$. Бумага тип № 2 Усл. печ. л. 15,96. Уч.-изд. л. 16,94. Тираж 9000 экз. Изд. № 30—И. Издательство «Международные отношения» 103031, Москва, К-31, Кузнецкий мост, 24. Зак. № 223. Ярославский полиграфкомбинат «Союзполиграфпрома» при Государственном комитете Совета Министров СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. Ярославль, ул. Свободы, 97. Цена 1 руб. 23 коп.

11. 98. 15.

Рапальская политика * А. АХТАМЗЯН